

СЛѢДЫ КОРНЕЙ-ОСНОВЪ
—≡ ВЪ ≡—
СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

А. Л. ПОГОДИНЪ

ПРОФЕССОРЪ ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Краковское Предмѣстье, № 3.

—
1903.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ виду нѣкоторой сложности плана этой книги я считаю нелишнимъ изложить въ нѣсколькихъ словахъ процессъ мысли, приведшій меня къ его выработкѣ. Встрѣчая въ спеціальной литературѣ указанія на корневья основы (*Wurzelnomina*, *Wurzelstämme*) и споры относительно того, что такое корень и основа, и можно-ли приписывать корнямъ нѣкогда самостоятельное существованіе, я считалъ необходимымъ исходить въ разрѣшеніи указанныхъ вопросовъ изъ общихъ положеній, а такими я считалъ принципы формообразованія какъ въ индоевропейскихъ языкахъ, гдѣ и указывались корневья основы, такъ и въ финно-угорскихъ, которыя, принадлежа къ числу т. наз. агглютинирующихъ языковъ, могли представить ясный матеріалъ для выясненія отношеній основы къ корню. При изученіи этихъ принциповъ въ указанныхъ лингвистическихъ семьяхъ я пришелъ къ убѣжденію, что установленіе т. наз. агглютинирующей группы языковъ вызывается не столько наблюденіемъ надъ дѣйствительностью, сколько общими соображеніями метафизическаго характера; другими словами, что это вопросъ литературной исторіи языкознанія. Какъ таковой, онъ требовалъ разсмотрѣнія его въ отдѣльной главѣ, посвященной исторіи вопроса и необходимой для обзора тѣхъ психологическихъ принциповъ, которые дѣйствуютъ въ образованіи формъ различ-

ныхъ языковъ. По моему убѣжденію, эти принципы вездѣ одинаковы и дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же языкѣ во всѣ періоды его развитія, при чемъ только измѣняется по звуковымъ законамъ матеріальный составъ языка. Вообще говоря, основа слова все разрастается по мѣрѣ развитія языка, благодаря нарощенію суффиксовъ, присоединенію префиксовъ и т. д., пока не начинается обратное движеніе въ пользу сокращенія словъ, которое подчиняется собственнымъ законамъ и мало считается съ морфологическимъ составомъ словъ. На основаніи перваго принципа мы въ правѣ исходить въ языкахъ т. наз. синтетическихъ изъ того зерна, того неразложимаго далѣе атома слова, который называемъ корнемъ. Наука находитъ довольно большое число корневыхъ основъ какъ въ отдѣльныхъ (старыхъ) индо-европейскихъ языкахъ, такъ и въ возстановляемомъ языке; судьба этихъ элементовъ въ славянскихъ языкахъ меня уже давно интересовала, и въ предлагаемой на судъ читателей книгѣ я сдѣлалъ попытку освятить этотъ темный и въ сущности еще никѣмъ почти не затронутый вопросъ, для чего пришлось привлечь къ разсмотрѣнію не мало матеріала изъ славянскихъ діалектовъ и литературныхъ языковъ. Одинаковое вниманіе я обратилъ и на балтійскіе языки, по преимуществу литовскій и латышскій.

Читателя, нѣсколько знакомаго съ моими прежними работами, можетъ быть, удивить, что я говорю теперь нерѣдко о славяно-литовской эпохѣ, которую прежде считалъ, какъ и проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, „ученой фикціей“ (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903. № 4. Отд. 2, стр. 330). Однако внимательное изученіе морфологическихъ явленій славянскихъ языковъ, которое я началъ въ прошломъ году, убѣдило меня въ томъ, что значительное сходство ихъ, ограниченное притомъ балтійскими и славянскими языками (иногда еще и германскими), указываетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на

эпоху, когда славянскіе и балтійскіе языки еще не выдѣлились изъ одного общаго имъ праязыка. Сюда относятся напр. образованіе сравнительной степени съ суф. -ēs, которое находимъ въ литовскомъ языкѣ, а изъ славянскихъ въ русскомъ, сербскомъ, словинскомъ, моравскомъ (Bartoš. Dial. II. 237: hlubočéši, dobřéši), польскомъ (scedressy въ Kaz. Święt. Prace Fil. III. 713, pawerneszemu, pūnieszūm, narowisesszy въ Риторикѣ 1428 г. Prace Fil. I. 483. 489 и др.) и лужицкихъ. Далѣе, окончаніе Gen. Sing. основъ на -o, восходящее къ *ā; Dat. Sing., воспользовавшійся старой формой Instr. Sing., и т. под. принадлежатъ также славяно-литовской эпохѣ. Если, съ другой стороны, литовскій языкъ представляетъ явленія, сходныя съ особенностями иныхъ индоевропейскихъ языковъ (напр., въ области законовъ ударенія проф. Явнисъ отмѣчаетъ сходство съ греческимъ), то и это еще не говоритъ противъ предположенія указаннаго праязыка. Изученіе судьбы корневыхъ основъ и сложныхъ словъ точно также постоянно переноситъ насъ на славяно-литовскую почву.

Заканчивая и выпуская въ свѣтъ свою работу, считаю долгомъ выразить искреннюю признательность Совѣту Императорскаго Варшавскаго Университета, назначившему средства на напечатаніе этой книги, а также всѣмъ лицамъ, помогшимъ мнѣ доставать нужныя мнѣ книги, что при условіяхъ работы въ провинціальномъ городѣ особенно цѣнно, а именно: профессорамъ Е. Ѳ. Карскому, В. А. Погорѣлову, А. И. Смирнову, И. П. Филевичу и В. А. Францеву въ Варшавѣ, Ч. Зибрту, К. Зубатому и І. Поливкѣ въ Прагѣ, А. И. Соболевскому въ С.-Петербургѣ, а также К. Кадлецу въ Прагѣ за сообщеніе мнѣ библіографическихъ свѣдѣній о чешской жупѣ. Тѣмъ не менѣе, кое-что изъ тѣхъ книгъ, которыя мнѣ были очень нужны, я все-таки не могъ достать. Въ заключеніе я долженъ извиниться въ томъ, что при всемъ моемъ стараніи избѣгнуть опечатокъ ихъ вкралось въ

книгу довольно много: въ этомъ повинно мое слабое зрѣніе, не позволяющее мнѣ разбирать въ слѣпой корректурѣ сходныхъ буквъ. Списокъ замѣченныхъ опечатокъ приложенъ въ концѣ.

Что касается указателей, то я счелъ нужнымъ приложить указатели индоевропейскихъ словъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ, и фамилій авторовъ цитируемыхъ сочиненій. Предметный же указатель я постарался замѣнить подробнымъ оглавленіемъ, такъ какъ очень трудно составить подобный указатель къ книгѣ такого содержанія, какъ эта. На бытовое содержаніе разсматриваемыхъ словъ я обращалъ большое вниманіе, и я думаю, что историкъ нраславянской культуры найдетъ здѣсь кое-что по части быта (напр., о погребеніи—стр. 223, объ одеждѣ, о скотоводческомъ бытѣ, о молотѣбѣ, о жуцѣ и др.; ср. также подъ словомъ берлога). Вопросамъ культурныхъ связей славянства съ сосѣдями я старался также, поскольку это было возможно, удѣлить соответствующее мѣсто (ср. полъ словами: гуна, куца и т. д.).

Въ концѣ книги приложенъ небольшой списокъ дополненій тѣмъ матеріаломъ, который случайно не попалъ на свое мѣсто въ изложеніи.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>стр.</i>
ГЛАВА I. Агглютинація	1—71
Теорія В. ф. Гумбольдта	1—11
Взгляды Штейнталя	12—22
Взгляды Шлейхера и его послѣдователей	22—34
Точка зрѣнія неограмматиковъ	34—36
Взгляды Байрна	36—42
Выраженіе сложной мысли въ агглютиниру- ющихъ и флексирующихъ языкахъ	42—43
Взгляды Габелентца	44—50
Изоляція въ новыхъ индоевропейскихъ языкахъ	46—47
Взгляды Есперсена	50—58
Возраженія Есперсену со стороны Ленца	58—61
Взгляды Вундта	62—65
Полемика Вундта съ Б. Дельбрюкомъ	65—68
Три типа образованія формъ	68—70
Взгляды Маутнера и Свита	70—71
 ГЛАВА II. Образованія формъ въ финноугорскихъ и ин- доевропейскихъ языкахъ	 72—74
Корень и основа	72—74
Флексивныя формы въ финноугорскихъ языкахъ	74—76
Имя и глаголь въ финноугорскихъ языкахъ	76—82
Глагольные суффиксы въ финноугорскихъ яз.	82—90
Исторія суффиксовъ въ финноугорскихъ язык.	91—98
Формы спряженія въ финноугорскихъ языкахъ	98—100
Формы основъ въ финноугорскихъ языкахъ	100—102
Корни-основы въ финноугорскихъ языкахъ	102—105

	<i>стр.</i>
Окончанія въ склоненіи финноугорскихъ язык.	105—110
Корни въ индоевропейскихъ языкахъ	110—112
Корни-основы въ индоевропейскихъ языкахъ	112—114
ГЛАВА III. Корни-основы въ сложныхъ словахъ	116—191
§ 1. <i>Собственные сложенія</i>	116—167
Основной типъ сложныхъ словъ въ индоевропейскихъ языкахъ	116—119
Самостоятельность частей сложенія	119—123
Психологическое значеніе сложныхъ словъ	123—124
Основы безъ окончаній въ индоевропейскомъ праязыкѣ	124—127
Глагольная основа въ сложныхъ словахъ	127—131
Глагольная основа въ образованіяхъ глаголь- ныхъ формъ	131—132
Собственные сложенія въ славянскихъ языкахъ	132—133
Собственные сложенія (съ соединительнымъ гласнымъ и безъ него) въ балтійскихъ язы- кахъ, особенно въ литовскомъ языкѣ.	133—142
Сложенія въ латышскомъ языкѣ	142—144
Сложенія въ русскомъ языкѣ.	144
Сложенія безъ соединительнаго гласнаго въ славянскихъ языкахъ	144—167
1. Сложенія со словомъ *v o g n - ѣ	144—148
2. Сложенія со словомъ - р а б ѣ	148—155
Славянскія формы типа <i>язеро : озеро</i>	152—154
3. Ясколка, соколь	155—157
4. Лоскуть,дохмотья	157—159
5. Человѣкъ, Скорлупа	159—166
6. Паздеръ и другія сложенія того же типа	166—167
§ 2. <i>Сложныя слова изъ срощеній</i>	167—194
Отличіе сложеній отъ срощеній	167—170
Отношеніе словорасположенія къ образованію срощеній	170—173
Срощеніе въ литовскомъ и латышскомъ язык.	173—179
Условія срощеній въ славянскихъ языкахъ	179—184
Срощенія съ Gen. Sing. o k a -	180—181
Срощенія съ Gen. Sing. o g n i -	181—183
Срощенія съ Gen. Sing. k r v e -	183
Срощенія съ Gen. Sing. *p o d s -	185—188

	<i>стр.</i>
Срощенія въ собственныхъ именахъ	188—190
Выводы изъ главы	190—191
ГЛАВА IV. Корни-основы	192—279
1. Zem — земля	192—195
2. Zima	195—197
3. Dont — зубъ	197—200
4. Rod — нога	200—204
5. Dem, dom — домъ	204—214
Названіе серебра	205—206
Предлогъ до	208—213
Займствованіе формальныхъ элементовъ языка	209—210
Законы слав. Sandhi	211—213
6. Nekt, nokt — ночь	214—217
7. Неводъ, невѣста, навъ	217—224
Этимологіи слова невѣста	217—220
Слѣды старыхъ погребальныхъ обычаевъ въ славянскомъ словарѣ	223
8. *Gōu — корова	224—247
Скотоводство у южныхъ славянъ	224—225
Значеніе слова рубъ	225
Значеніе словъ рус. гача и гачи	228—230
Господь	230—231
Значеніе словъ гуна, гунн	231—234
Славянское происхожденіе лат. guppa, греч. γούφα	233—234
Гумно	234—235
Жупа въ юридическомъ и этимологическомъ значеніи	237—243
9. Sū, sūv — свиньи	247—252
Международное распространеніе названій сви- ньи и собаки	249—252
10. Nerot — племянникъ, внукъ	252—255
11. Dru — дерево	255—258
12. ġhu — рыба	258—261
13. Ver — мелкій рогатый скотъ	261—266
Баранъ, боровъ	261—263
Берлога	263—266
14. Бузина	266—270
Слав. *хъ-бъ-зъ и др., латин. Sambucus	269—270

	<i>стр.</i>
15. Еіп- оловъ и другія корневья основы	270—277
Основы съ чередованіемъ гласнаго въ склоненіи	270—271
Носъ и ноздри	271—274
Сложенія съ *с ж (= лит. основѣ ѣи п—собака)	274—275
Латыш. аяпіа	275—276
Основа *gī	276—277
Заключеніе	277—279
Дополненія	280
Списокъ главныхъ словарныхъ источниковъ	281—285
Указатель авторовъ	286—288
Указатель словъ.	
Списокъ замѣченныхъ опечатокъ.	

ГЛАВА I.

АГГЛЮТИНАЦІЯ.

Ученіе объ агглютинаціи, какъ объ особой ступени эволюціи языковъ, было установлено въ началѣ 19 вѣка; родоначальникомъ его надо считать, кажется, Вильгельма фонъ Гумбольдта ¹⁾, который въ 1822 году въ своей знаменитой статьѣ ²⁾ о происхожденіи грамматическихъ формъ намѣтилъ основныя черты развитія языковъ. Съ удивительной проницательностью и на основаніи очень широкаго знакомства съ языками культурныхъ и дикихъ народовъ Гумбольдтъ старался опредѣлить мѣсто агглютивныхъ образованій среди другихъ грамматическихъ и указать на связь между агглютиваціей и флексіей. Какъ исходный пунктъ при классификаціи языковъ по „физиологическому различію въ ихъ строѣ“, основателемъ которой Поттъ ³⁾, по моему, вполне справедливо, признавалъ В. Гумбольдта, названная статья послѣдняго заслуживаетъ ближай-

---

¹⁾ Классификація братьевъ Шлегелей носила слишкомъ общій характеръ. См. Steintal. Charakteristik. Стр. 4—7.

²⁾ „Ueber das Entstehen der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung (Abhandlungen der hist.-philol. Klasse der Königl. Akad. d. Wissenschaften zu Berlin. Aus den Jahren 1822 und 1823. Berlin 1825, стр. 401—430). Ср. изложеніе и разборъ этой статьи у Потта въ книгѣ „Wilhelm von Humboldt und die Sprachwissenschaft“. Berlin 1876, стр. 297—365.

³⁾ „Введеніе въ общее языкознание“ (рус. перев.). С.-Петербург. 1885, стр. 76. Ср. также „Wilh. von Humboldt und die Sprachwiss.“ Стр. 320—322.

шаго разсмотрѣнія. Если, какъ я постараюсь показать, самъ Гумбольдтъ первоначально и не думалъ о классификаціи, приписанной ему, то все-же эта классификація была извлечена изъ его пониманія происхожденія грамматическихъ формъ, и потому косвеннымъ образомъ должна быть связана съ его именемъ.

Основнымъ тезисомъ, на которомъ построено все теоретическое зданіе романтической философіи языка, служить для Гумбольдта убѣжденіе въ тѣсной связи между мышленіемъ и развитіемъ грамматическихъ формъ. „Преобладающая сила мышленія сообщаетъ языку формальность (Formalität), а преобладающая въ немъ формальность возвышаетъ силу мышленія” — таковъ былъ принципъ Гумбольдта, который утверждалъ, что „острота мышленія возрастаетъ, когда логическимъ отношеніямъ точно соотвѣтствуютъ и грамматическія, и умъ (der Geist) все сильнѣе втягивается въ формальное и вмѣстѣ съ тѣмъ чистое мышленіе, когда языкъ привыкаетъ проводить рѣзкую грань между грамматическими формами”. Но такъ какъ и языки дикарей, особенно американскихъ, обладаютъ значительнымъ разнообразіемъ чрезвычайно сложныхъ грамматическихъ образованийъ, то Гумбольдту приходится, для устраненія противорѣчія между его положеніемъ и этимъ фактомъ, признать, что эти образования не настоящія грамматическія формы. Послѣднія могутъ принадлежать только „высокообразованнымъ языкамъ” (die hochgebildeten Sprachen), хотя „всѣ грамматическія отношенія можно передать въ выраженіяхъ почти каждаго языка”, и Гумбольдтъ замѣчаетъ между этими понятіями тонкую, но весьма существенную разницу. „Слова и грамматическія отношенія двѣ вещи, совершенно различныя въ представленіи. Первыя являются настоящими предметами въ языкѣ, вторыя лишь соединеніями ихъ, но языкъ становится возможнымъ лишь благодаря ихъ совокупности. Грамматическія отношенія могутъ быть присоединены мысленно (hinzugedacht), если даже они не всегда имѣютъ въ языкѣ знаки, и строй языка можетъ быть такого рода, что неясность и недоразумѣнія избѣгаются при этомъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. Поскольку однако грамматическія отношенія имѣютъ опре-

дѣленное выраженіе, въ употребленіи такого языка существовать грамматика собственно безъ грамматическихъ формъ". Между тѣмъ послѣднія совершенно необходимы для развитія стройной рѣчи, безъ которой Гумбольдтъ не представляетъ себѣ развитой культуры. Языки китайцевъ и египтянъ лишены грамматическихъ образованій, и „въ срединномъ царствѣ или на черныхъ берегахъ Нила было бы тщетно искать благороднаго и тонкаго благоуханія истинной культуры" (слова Потта).

Въ чемъ же, однако, заключается разница между грамматическими формами нашихъ флексивныхъ языковъ и ихъ „аналогами", живущими въ языкахъ болѣе грубыхъ (die roheren Sprachen)? По мнѣнію Гумбольдта, она заключается въ томъ, что первыя какъ будто отлиты въ одну форму, тогда какъ въ послѣднихъ элементы лишь прицѣплены другъ къ другу. „Тѣсное сращеніе цѣлаго приводитъ въ забвеніе значеніе частей, а крѣпкое соединеніе ихъ подъ однимъ акцентомъ измѣняетъ ихъ самостоятельное удареніе, зачастую и ихъ звуковой составъ; такимъ образомъ, достигается единство всей формы, которую часто уже не можетъ разложить и кропотливый грамматикъ, достигается обозначеніе опредѣленнаго грамматическаго отношенія". И съ точки зрѣнія говорящаго лица между настоящими (ächt) грамматическими формами и ихъ „аналогами" чувствуется живое различіе: пока послѣдніе состоятъ изъ болѣе или менѣе раздѣлимыхъ элементовъ, „говорящій не столько пользуется уже существующими формами, сколько всякій разъ образуетъ для себя новую". Однако — и это очень важно для выясненія точки зрѣнія Гумбольдта на классификацію языковъ — „выше стоящіе языки съ болѣе искусственной организаціей начали также съ грубаго и простаго строя, и еще носятъ на себѣ явственныя слѣды его"; „въ большинствѣ самыхъ развитыхъ языковъ еще и теперь можно распознать соединеніе элементовъ, которые связаны здѣсь ничуть не иначе, чѣмъ въ болѣе грубыхъ языкахъ; и такой способъ возникновенія и настоящихъ грамматическихъ формъ путемъ присоединенія значущихъ слоговъ (путемъ агглютинаціи) долженъ считаться почти всеобщимъ" (стр. 411). Къ этимъ зна-

менательнымъ выраженіямъ, показывающимъ, какъ вѣрно понималъ Гумбольдтъ отношеніе агглютинаціи въ флексіи, присоединяю еще слѣдующее: „чѣмъ дальше языкъ удаляется отъ своего начала, тѣмъ болѣе онъ при прочихъ равныхъ условіяхъ приобрѣтаетъ въ области формы. Уже одно долгое употребленіе крѣпко сплавляетъ элементы словосочетаній (Wortstellungen), стираетъ у нихъ отдѣльные звуки и дѣлаетъ ихъ прежнюю самостоятельную форму неузнаваемой. Я не могу отдѣлаться отъ убѣжденія, что *въ концѣ концовъ всѣ языки исходили, главнымъ образомъ, изъ агглютинаціи*” (418).

Я думаю, что изъ вышеприведенныхъ извлеченій изъ статьи Гумбольдта совершенно ясно, что въ его представленіяхъ вовсе не существовало разъ на всегда опредѣленное раздѣленіе языковъ по ихъ неизмѣннымъ „фізіологическимъ” свойствамъ, и если этотъ замѣчательный мыслитель говоритъ, что съ точки зрѣнія грамматической эволюціи различія языковъ оказываются лишь ея ступенями (401 стр.), что по отношенію къ ней всѣ языки дѣлятся на два класса (427 стр.), то онъ имѣетъ въ виду прежде всего психическое развитіе народовъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, и рѣшительно чуждъ взгляду, по которому языкъ одного типа не можетъ перейти въ другой. Особенно отчетливо это связывается въ его выводахъ относительно возникновенія грамматическихъ формъ. Они сведены къ слѣдующему ряду положеній:

„Языкъ обозначаетъ первоначально предметы и предоставляетъ пониманію слушателя мысленное присоединеніе формъ, связующихъ рѣчь.

Однако онъ пытается облегчить такое мысленное присоединеніе съ помощью сопоставленія словъ и съ помощью названій предметовъ и вещей, названій, указывающихъ на отношеніе и форму.

Такимъ образомъ на низшей ступени грамматическое обозначеніе совершается путемъ формулъ (Redensarten), фразъ, предложеній.

Это средство подвергается извѣстному упорядоченію, словосопоставленіе ставовится постояннымъ, упомянутыя слова те-

ряютъ мало по малу свое независимое употребленіе, свое вещественное значеніе, свой первоначальный звуковой составъ.

Такимъ образомъ на второй ступени грамматическое обозначеніе совершается при помощи постоянныхъ словосопоставленій и словъ, колеблющихся между формальнымъ и вещественнымъ значеніемъ.

Словосопоставленія приобрѣтаютъ единство, слова съ формальнымъ значеніемъ присоединяются къ нимъ и становятся аффиксами. Но соединеніе еще не постоянно, скрѣпы еще видны, цѣлое является агрегатомъ, а не единицей.

Такъ на третьей ступени грамматическое обозначеніе совершается при помощи аналоговъ формъ.

Наконецъ формальность вступаетъ въ свои права. Слово становится единицей, модифицированной въ своихъ грамматическихъ отношеніяхъ лишь измѣняющимися звуками флексіи; каждое слово принадлежитъ извѣстной части рѣчи и обладаетъ не только лексикальной, но и формальной индивидуальностью; слова съ формальнымъ значеніемъ уже не имѣютъ никакого лишняго, побочнаго значенія, но служатъ только выраженіями отношеній.

Такимъ образомъ, на высшей ступени грамматическое обозначеніе совершается при помощи настоящихъ формъ, при помощи флексіи и чисто грамматическихъ словъ”.

Отсюда видно, что, создавая свою теорію развитія грамматическихъ формъ, Гумбольдтъ говорилъ вовсе не о языкахъ изолирующихъ, агглютинирующихъ или флексирующихъ и совершенно обособленныхъ другъ отъ друга своимъ строемъ, но лишь о стадіяхъ грамматической эволюціи. „Такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о постепенномъ возникновеніи грамматики”, замѣчаетъ онъ въ началѣ своей статьи: „то различія языковъ, разсматриваемыя съ этой стороны, являются ступенями въ этой эволюціи”. Дальнѣйшее замѣчаніе Гумбольдта еще яснѣе показываетъ, какъ нужно смотрѣть на указанный процессъ. „Языкъ, взятый во всемъ своемъ объемѣ, сводится, какъ къ своему окончателъному центру, къ человѣчеству вообще, и если мы спросимъ: до какой степени совершенства человѣкъ въ

дѣйствительности довелъ языкъ, то у насъ будетъ прочный пунктъ, который позволитъ намъ опредѣлить другіе, настолько же прочные пункты. Такимъ образомъ связывается непрерывное развитіе языковой способности (Sprachvermögen), и притомъ оно проявляется въ вѣрныхъ признакахъ, и въ этомъ смыслѣ можно съ полнымъ правомъ говорить о томъ, что языки въ своихъ различіяхъ образуютъ ступени (von stufenartiger Verschiedenheit unter den Sprachen)".

Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ многочисленныхъ извлеченій изъ статьи Гумбольдта можно сдѣлать тотъ выводъ, что въ его пониманіи языкъ, какъ одно цѣлое, стремится въ своемъ развитіи къ идеальному совершенству грамматическихъ формъ; одни языки ближе къ нему, другіе дальше, но точной границы между языками провести нельзя. Въ языкахъ, гдѣ мѣсто „настоящихъ" грамматическихъ формъ занимаютъ по большей части ихъ „аналоги", есть однако образованія, которыхъ никакъ не отличишь отъ флексивныхъ, и съ другой стороны въ нашихъ „высокообразованныхъ" языкахъ не мало слѣдовъ первобытнаго словосочетанія. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ лишь объ образованіяхъ, которыя уживаются рядомъ въ одномъ языкѣ, но одни представляютъ прогрессивный, а другіе консервативный элементъ. Конечно, влеченіе къ схематизму не могло удержать Гумбольдта отъ перенесенія особенностей грамматическаго строя на самые языки, но все же его пониманіе классификаціи языковъ гораздо болѣе тонко, чѣмъ ему приписываетъ Поттъ.

Особенно нерѣшительно Гумбольдтъ отзывается объ агглютинаціи въ ея отношеніи къ флексіи. По его мнѣнію, въ языкахъ перваго типа каждый самъ для себя образуетъ форму изъ раздѣлимыхъ элементовъ, въ языкахъ флексирующихъ говорящій пользуется уже готовой формой. Однако врядъ-ли подъ этимъ положеніемъ могъ бы подписаться самъ Поттъ! Въдѣ всѣ формальныя новообразованія въ области суффиксовъ, склоненія и спряженія основаны именно на томъ, что элементы формы чувствуются нами, какъ раздѣльные, и мы ихъ переносимъ со слова на слово. Вообще, агглютивный элементъ всег-

да присутствуетъ въ языкѣ, при самомъ высшемъ развитіи флексіи онъ живетъ рядомъ съ нею, нисколько не противорѣча флексивнымъ образованіямъ. Агглютинирующіе языки въ чистомъ видѣ совершенно фикція, потому что раздѣльность элементовъ, составляющихъ слово, пеминуемое условіе всякой флексіи (рыб-а, рыб-ѣ, рыб-ою), а отсутствіе всякаго сращения между этими элементами, которое считается такимъ характернымъ явленіемъ въ языкахъ этого типа, опять—таки едва-ли не теоретическое построеніе, никогда не встрѣчающееся на практикѣ. Во всякомъ случаѣ, если флексирующие языки вышли изъ агглютивнаго состоянія, то всѣ формальныя новообразованія въ нихъ совершаются первоначально опять-таки по способу агглютинаціи. Вотъ почему дѣленіе языковъ на флексирующие и агглютинирующие, какъ мнѣ кажется, совершенно не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія реального пониманія лингвистическихъ фактовъ.

Да и самъ Гумбольдтъ чувствовалъ, что въ его разсужденіяхъ объ агглютинаціи кое-что построено довольно шатко, и въ своей послѣдней книгѣ „Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts“ (Berlin, 1836, какъ 1-ый томъ сочиненія о языкѣ Кави) онъ посвятилъ цѣлый параграфъ (§ 14, стр. 132—144) выясненію взаимныхъ отношеній между флексіей и агглютинаціей. Однако здѣсь гораздо болѣе искусственнаго и страннаго съ точки зрѣнія современной лингвистики, чѣмъ въ вышеразобранномъ разсужденіи. Такъ какъ между агглютивными и флексивными образованіями границы то и дѣло стираются, то Гумбольдту приходится искать принципиальной противоположности между ними. Кажется, я не ошибусь въ своемъ пониманіи его взгляда на этотъ вопросъ, если скажу, что въ концѣ концовъ дѣло сводится къ тому, что флексирующие языки обладаютъ влеченіемъ въ флексіи, котораго не испытываютъ агглютинирующие ¹⁾. Въ суффик-

---

¹⁾ Вотъ одно изъ характерныхъ мѣстъ (стр. 141—142): „Первоначальная самостоятельность значенія суффиксовъ никоимъ образомъ не препятствуетъ чистотѣ настоящей флексіи. Образованія

сахъ индо-европейскихъ языковъ Гумбольдтъ констатируетъ сильную струю символики (примѣрами ея служатъ для него *s* въ мѣстоименіи 3 лица, *m* въ среднемъ родѣ и т. д.). Однако „не только само по себѣ символическое и лишь указывающее, но и дѣйствительно значущее теряетъ эту послѣднюю природу свою тамъ, гдѣ этого требуетъ нужда языка, благодаря своей роли въ цѣломъ (образованіи)” (стр. 140). Иначе говоря: тамъ, гдѣ языкъ „требуетъ” превращенія агглютивного элемента во флексивный, это превращеніе и происходитъ, или еще другими словами языкъ съ „духомъ флексіи”, покоряясь „внутреннему чувству флексіи”, и создаетъ для себя эту послѣднюю.

Какъ ни пытался однако Гумбольдтъ низвести агглютинацію на то положеніе, какое она должна была занимать въ системѣ его теоретическихъ построеній, она все продолжала смущать философа своимъ упорнымъ нежеланіемъ улечься въ отведенныя ей рамки, и Гумбольдтъ съ нѣсколькими комическимъ негодованіемъ обзываетъ ее двуполымъ существомъ. „Между отсутствіемъ всякаго указанія на категоріи словъ, которое обнаруживается въ китайскомъ языкѣ”, замѣчаетъ онъ: „и настоящей флексіей не можетъ быть никакого третьяго звена, согласимаго съ истинной организаціей языка. Единственнымъ мыслимымъ является здѣсь сложеніе, употребляющееся въ каче-

---

такими флексивными слогами (*Beugungssyllben*) слова являются такими же опредѣленными, какъ и тамъ, гдѣ существуетъ внутреннее измѣненіе, но только простыми, въ различныя формы отлитымы понятіями, и потому хорошо выполняютъ цѣль флексіи. Однако это значеніе требуетъ, во всякомъ случаѣ, весьма значительной силы внутренняго чувства флексіи (*des inneren Flexionsinnes*) и рѣшительнаго господства духа надъ звуками (*Lautherrshafft des Geistes*), которое должно одолѣть это значеніе, превративъ грамматическое образованіе во флексію (*die bei ihr die Ausartung der grammatischen Bildung in Zusammensetzung zu überwinden hat*). Языкъ, который, подобно санскриту, пользуется такими первоначально значущими флексивными слогами, обнаруживаетъ этимъ самымъ увѣренность, которую онъ полагаетъ на мощи оживляющаго его духа”. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 143) Гумбольдтъ говоритъ о „*das flectirende Bestreben des inneren Sinnes*”.

ствѣ флексіи, иначе говоря — задуманная, но не довершенная флексіи, болѣе или менѣе механическое сдѣяніе, а не чисто органическое нарощеніе (Anbildung). Это не всегда легко распознаваемое двуполюе существо (Zwitterwesen) въ послѣднее время называли агглютинаціей. Такой видъ сдѣянія побочныхъ опредѣляющихъ понятій (von bestimmenden Nebenbegriffen) возникаетъ, съ одной стороны, изъ слабости внутренняго организующаго чувства рѣчи (Sprachsinn) или изъ пренебреженія истиннымъ направленіемъ его, а съ другой стороны все-таки обнаруживаетъ стремленіе какъ создать для категорій понятій и фонетическое соотвѣтствіе, такъ и поступать при этомъ не совершенно тождественно съ дѣйствительнымъ обозначеніемъ понятій. Такимъ образомъ, подобный языкъ не отказывается вовсе отъ грамматическихъ указаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ не доканчиваетъ своей работы въ этомъ направленіи, а искажаетъ (verfälscht) ее въ самомъ ея существѣ.

Поэтому наружно, а *до известной степени и дѣйствительно*, онъ можетъ обладать множествомъ грамматическихъ формъ и все-таки никогда не достигнуть, въ дѣйствительности, выраженія истиннаго понятія такой формы. Впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ можетъ содержать и дѣйствительную флексію, состоящую во внутреннемъ измѣненіи словъ, и *время можетъ превратить его первоначально настоящій составный образованія кажущимся образомъ во флексію*, такъ что становится трудно, отчасти и невозможно, дать всякому отдѣльному случаю правильную оцѣнку. Но, что позволяетъ дать правильное сужденіе о цѣломъ, заключается въ совокупности всѣхъ относящихся сюда случаевъ. Изъ общаго изученія ихъ сейчасъ же обнаруживается, насколько сильно или слабо флексивное стремленіе внутренняго чувства господствуетъ надъ строеніемъ языковъ. Въ этомъ только и можетъ заключаться различіе. Ибо такъ наз. агглютивирующие языки отличаются отъ флексирующихъ *не по своему роду (der Gattung nach)*, какъ языки, отрицающіе всякія (грамматическія) указанія при помощи флексіи, *но только по степени, въ какой ихъ*

неясное стремление къ послѣдней болѣе или менѣе приводитъ къ неудачѣ" (стр. 142—143).

Я думаю, что въ приведенномъ отрывкѣ, гдѣ Гумбольдтъ суммировалъ свои взгляды на флексію и агглютинацію, мы натываемся на основное противорѣчіе. Агглютинирующие языки (здѣсь они уже появляются, тогда какъ въ 1822 году объ этомъ не было еще и рѣчи) могутъ имѣть *дѣйствительную* флексію, а между тѣмъ ихъ неясное стремление (*ihr dunkles Bestreben*) къ ней всегда приводитъ къ неудачѣ (*misslingt*). Какъ же образуются такіа дѣйствительныя флексивныя образованія, разъ время бесильно превратитъ въ нихъ составныя формы агглютинаціи, которыя лишь наружнымъ образомъ принимаютъ видъ флексивныхъ? И наконецъ если между агглютивными и флексивными языками лежитъ непроходимая пропасть, которую время не въ силахъ стереть, то не значить-ли это, что языкамъ флексивнымъ *предопредѣлено* самымъ „духомъ языка“ быть флексивными? Тогда ни о какой языковой эволюціи не можетъ быть и рѣчи, и наукѣ приходится сложить оружіе и преклониться передъ предопредѣленіемъ, раздѣлившимъ языки *разъ на всегда* на изолирующіе, агглютинирующие и флексирующие. Тѣмъ болѣе поражаетъ слѣдующее замѣчаніе Гумбольдта: „по моимъ изслѣдованіямъ нѣтъ ни одного вполне агглютинирующаго языка, и въ отдѣльныхъ случаяхъ часто нельзя рѣшить, какое участіе въ кажущемся суффиксѣ принимаетъ духъ флексіи (*der Flexionssinn*)“ (стр. 144).

Изъ вышеизложеннаго, мнѣ кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что яснаго понятія объ агглютинирующихъ и флексирующихъ языкахъ Гумбольдтъ не достигъ, да и не могъ достигнуть, потому что онъ хотѣлъ доказать несуществующее въ природѣ; всѣ его указанія на то, что во флексирующихъ языкахъ замѣтны слѣды агглютинаціи, а въ агглютинирующихъ попадаются часто флексивныя образованія, приводятъ къ убѣжденію, что разница между первыми и вторыми чисто кажущаяся, что всякое морфологическое образованіе состоитъ изъ элементовъ, которые этимологически правильно или неправильно чувствуются раздѣльными, и что только въ языкахъ, гдѣ

звуковой состав отличается подвижностью, эти элементы могут болѣе сливаться другъ съ другомъ, чѣмъ въ другихъ языкахъ. Еще въ 1822 году Гумбольдтъ утверждалъ, что флексирующие языки вышли изъ агглютивного состоянія, а въ 1836 году онъ уже призналъ время безсильнымъ въ этомъ процессѣ, а отъ этого запутался въ противорѣчійхъ, которыя сдѣлали невозможнымъ изученіе языковой эволюціи.

Какъ бы то ни было, классификація языковъ по физиологическому различію въ ихъ строѣ была достигнута, и Поттъ формулировалъ взгляды Гумбольдта слѣдующимъ образомъ ¹⁾: „агглютинирующие, связующіе языки, въ которыхъ вещество и форма прилѣпляются другъ къ другу *почти всегда* ²⁾ внѣшнимъ образомъ. Таковы, напр., такъ наз. татарскіе или урало-алтайскіе языки. Собственно флексивные, въ которыхъ происходитъ тѣсное соединеніе вещества и формы, такъ что оба соединяются въ одно неразрывное цѣлое. Сюда относится не болѣе двухъ семействъ, заключающихъ, однако, въ себѣ образованные (культурные) народы земли, самымъ счастливымъ образомъ одаренные”. Схема Гумбольдта-Потта легла въ основаніе очень многихъ трудовъ послѣдующаго времени; въ нѣсколько измѣненномъ, утонченномъ видѣ она стала достояніемъ и современной науки. Поэтому, я думаю, будетъ нелишнимъ и не безинтереснымъ сдѣлать вкратцѣ обзоръ этого вопроса въ современной ученой литературѣ. Работъ стараго времени я касаться почти не буду, за исключеніемъ трудовъ Штейнтала и Шлейхера, составившихъ эпоху въ разработкѣ теоретическихъ основъ языковѣдѣнія. Эти сочиненія перечислены Поттомъ въ его книгѣ о Гумбольдтѣ (стр. 320—322 и 402—421),

---

¹⁾ Введеніе въ общее языковѣдѣніе (рус. пер.) стр. 77. Раньше въ 1848 году въ *Jahrbücher der freien deutschen Akademie*.

²⁾ Это „почти всегда” совершенно разрушаетъ всю схему. Дѣленіе логически неясно, если признакъ дѣленія допускаетъ исключенія въ одной изъ группъ. Ср. напр. такое дѣленіе: человѣчество раздѣляется на чернокожихъ, желтыхъ, бѣлыхъ и т. д. людей; среди чернокожихъ большинство чернокожихъ (но попадаются и бѣлые, и желтые) и т. п.

въ его „Введеніи въ общее языкознаніе” и въ другихъ работахъ общаго характера. Только мимоходомъ я коснусь классификаціи Макса Мюллера и Овелака, какъ ученыхъ, значительно содѣйствовавшихъ популяризаціи языкознанія въ Германіи, Англии и Франціи, и затѣмъ перейду къ ученымъ новѣйшаго времени. Итакъ, останавливаюсь сначала на Штейнталѣ. Прежде всего, мнѣ приходится съ сожалѣніемъ отмѣтить, что первое изданіе его книги „Die Classification der Sprachen, dargestellt, als die Entwicklung der Sprachidee” (Berlin. 1850) было мнѣ недоступно. Я могъ воспользоваться только вторымъ переработаннымъ изданіемъ этого сочиненія, вышедшимъ подъ названіемъ „Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues” въ 1860 году. Эта переработка, какъ замѣчаетъ самъ Штейнталь, коснулась многихъ существенныхъ сторонъ классификаціи языковъ; Поттъ, сильно полемизировавшій съ Штейнталемъ по вопросу о пониманіи Гумбольдта, называетъ эту книгу гораздо болѣе зрѣлой, чѣмъ первое изъ указанныхъ сочиненій.

Книга Штейнтала начинается съ критическаго разбора классификаціи Потта и умозрѣній Гумбольдта на природу языка. Въ первой онъ отмѣчаетъ полную несостоятельность принципа и справедливо задаетъ рядъ вопросовъ, на которые отвѣтить Поттъ былъ, повидимому, не въ состояніи, потому что его возраженія въ указанной книгѣ о Гумбольдтѣ и въ Введеніи въ языкознаніе далеко не убѣдительны. Что такое „внутреннее проникновеніе вещества и формы”, спрашиваетъ Штейнталь. Какъ такъ въ τί-θη-μι, въ λόγος-форма проникаетъ вещество? Какъ „слились здѣсь воедино” вещество и форма? Не „сдѣвлены” ли они, наоборотъ, „почти только ввѣшнимъ образомъ другъ съ другомъ”? Задаетъ Штейнталь и еще болѣе существенные вопросы: напр., почему это, разъ флексивныя формы возникли тоже изъ агглютивныхъ, въ такъ наз. агглютинирующихъ языкахъ не совершилось болѣе тѣсное соединеніе элементовъ? Минуя еще рядъ недоумѣній, которыя возбуждаютъ въ каждомъ мыслящемъ читателѣ классификаціи братьевъ Шлегелей и Потта-Гумбольдта, перейдемъ къ очень важному

замѣчанію Штейнтала, которое подрываетъ самыя корни этой знаменитой классификаціи. „Это дѣленіе на три или четыре группы”, замѣчаетъ онъ (стр. 12): „покоится на основаніи, которое не допускаетъ никакого точнаго измѣренія, и цѣнность котораго остается совершенно неопредѣленной. Что въ томъ, тѣсно или свободно совершается соединеніе грамматическихъ слоговъ съ корнями? и что такое эти тѣсно или свободно? Безъ дальнихъ словъ предполагается, что тѣсное соединеніе стоитъ выше. Но нѣкоторымъ кажется, что у свободныхъ агглютинирующихъ языковъ есть именно то преимущество, что въ нихъ все отчетливѣе, понятнѣе, аналитичнѣе; и все въ высшей степени правильно, такъ что нѣтъ никакихъ исключеній!” И далѣе Штейнталь въ полупутливомъ тонѣ начинаетъ перечислять всѣ преимущества агглютинирующихъ языковъ. Этому отношенію между „веществомъ” и „формой” онъ посвящаетъ нѣсколько блестящихъ страницъ и кончаетъ вопросомъ: „когда нѣмецъ говоритъ: *ich werde lieben*, чтоже, онъ меньше, чѣмъ римлянинъ съ его *a ша bo* связываетъ субъектъ съ дѣятельностью и эту послѣднюю съ будущимъ? Если смотрѣть на языкъ въ себѣ, какъ на извѣстный духовный продуктъ, то онъ всегда будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ полнѣе и опредѣленнѣе все обозначаетъ. Но не только средства, которыми онъ пользуется, будутъ совершенно равноправными, но и самъ онъ постоянно, совершенный или несовершенный, будетъ имѣть одинъ и тотъ же результатъ” (стр. 19).

Очеркъ, посвященный В. Гумбольдту (стр. 20—70), очень интересенъ. Штейнталь подвергаетъ критической оцѣнкѣ теоретическія построенія философа-языковѣда, чрезвычайно мѣтко обнаруживаетъ въ нихъ тьму противорѣчій, неясностей, мистицизма. Основнымъ выводомъ изъ этого обзора является заключеніе, что Гумбольдтъ, крайне спутанно представлявшій себѣ отношеніе между рѣчью и мыслью, не могъ потому самому понять и сущность, объемъ и значеніе различія языковъ; главнымъ заблужденіемъ его было исканіе *степеней* въ разнообразіи языковъ (*die Gradunterschiede der Sprachen*. 68 стр.). Вслѣдъ затѣмъ Штейнталь характеризуетъ свою собственную

точку зрѣнія. Гумбольдтъ, по его мнѣнію, разрушилъ всѣ опоры прежняго языкознанія, показавъ, что особенности каждаго изъ языковъ настолько велики, что ни одна изъ теоретически предположенныхъ общихъ формъ рѣчи не выдерживаетъ критики. Но самъ онъ не понималъ того, что сдѣлалъ, и онъ не выпутался изъ противорѣчія между теоретическими соображеніями и тѣми фактами, которые ему давало тонкое пониманіе отдѣльныхъ языковъ. Такимъ образомъ, Штейнталь, рѣшивъ покончить съ тѣми противорѣчіями, которыя помѣшали Гумбольдту придти къ ясности взглядовъ, считаетъ продолженіемъ его пути индивидуальное изслѣдованіе языковъ. „А это станетъ возможнымъ лишь въ томъ случаѣ”, замѣчаетъ онъ (стр. 74): „если въ существѣ языка, которое Гумбольдтъ понималъ въ формѣ субстанціи, мы будемъ видѣть просто психическій процессъ”.

Эта точка зрѣнія опредѣлила и остальные выводы Штейнтала, прежде всего его взгляды на формальные и безформенные (если такъ можно перевести нѣм. *formlose*) языки. Если, какъ мы увидимъ ниже, Штейнталь въ концѣ концовъ пришелъ, въ сущности, къ тому же пониманію агглютинаціи, какое мы отмѣтили уже у его знаменитаго предшественника, то путь къ этой конечной цѣли имъ былъ выбранъ иной. Попробуемъ изложить принципы Штейнтала, поскольку они касаются интересующаго насъ вопроса.

Языкъ не тождественъ съ мышленіемъ, по есть лишь извѣстная форма этого послѣдняго; другими словами, языкъ — это мышленіе въ опредѣленіи самосозерцанія, представленія (*Denken in der Bestimmung der Selbstanschauung*, стр. 103). Именно, вслѣдствіе этого, онъ служитъ одновременно и формой, и выраженіемъ мышленія; но какъ всякая дѣятельность совершается въ извѣстныхъ формахъ, которыя и составляютъ жизнь ея, такъ въ формахъ нуждается и языкъ, дѣятельность способности представленій (*die Thätigkeit des Vorstellens*). Но между формами другихъ видовъ духовной дѣятельности и этими существуетъ принципиальная разница: при размышленіи, фантазированіи, созерцаніи и не нужно, и иногда не возможно со-

знавать тѣ формы, въ которыхъ совершается эта дѣятельность".
Иное дѣло—рѣчь, которая является субъективной дѣятельностью духа, обращенной имъ на самого себя, чистымъ духовнымъ созданиемъ формъ (Formen). Отсюда дѣлаются самые существенные выводы: „если народъ представляетъ себѣ свои умозрѣнія неясно, т. е. безформенно (formlos), то и въ процессѣ его самопредставленія, въ его рѣчи, будетъ мало или вовсе не будетъ формъ. Въ этихъ умозрѣніяхъ, взятыхъ въ логико-метафизическомъ смыслѣ, могутъ быть любыя формы; но если тѣ или другія формы не входятъ въ представленія, то онѣ не существуютъ и въ языкѣ. Языкъ лишь постольку и лишь въ такомъ видѣ формированъ, какъ и поскольку онъ формируетъ себя самъ, т. е. представляетъ формы или содержаніе въ формахъ" (стр. 103). На чемъ же основано различіе языковъ, спрашиваетъ Штейнталь. Въ концѣ концовъ оно сводится къ различію тѣхъ формъ, въ которыхъ народы представляютъ свои умозрѣнія, къ различію между сознаниями различныхъ духовъ народовъ (das Bewusstsein der verschiedenen Volksgeister).

Установленная точка зрѣнія позволяетъ освѣтить и задачи дѣленія языковъ, которое должно быть основано на степени, въ какой различныя лингвистическія семьи осуществили идею языка (die Sprachidee); однако та лѣстница, которую придумалъ Гумбольдтъ, совершенно не мыслима, потому что въ природѣ никогда эволюція не принимаетъ направленія прямой линіи; „духъ обращается во всѣ стороны, идетъ впередъ, назадъ, въ сторону". Языковая идея—бесконечный организмъ, который живетъ цѣликомъ въ каждомъ членѣ, и его расчлененіе нельзя представить въ видѣ поднимающейся или опускающейся линіи; это дерево съ множествомъ вѣтвей, изъ которыхъ инья всячески переплелись, но дерево, у котораго въ концѣ концовъ все-таки одна вершина. Такъ и въ дѣленіи языковъ Штейнталь (стр. 106) отчетливо различаетъ лѣстницу ихъ развитія, но точное разграниченіе ступеней въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ считаетъ невозможнымъ. Поэтому въ послѣдующихъ главахъ своей книги онъ представилъ рядъ типовъ языковаго строенія, признаваемыхъ имъ за основные,

Однако вопросы классификаціи языковъ настолько занимали Штейнтала, что онъ вернулся къ нимъ въ послѣдней главѣ своей книги (стр. 312 и дал.). Здѣсь многое, едва затронутое въ предшествующихъ разсужденіяхъ, получило болѣе детальное развитіе и опредѣленіе. Впрочемъ, я долженъ признаться, что и здѣсь разсужденія Штейнтала мнѣ представляются порядочной метафизикой, неуступающей по своей неясности той, въ которой онъ самъ упрекалъ Гумбольдта; и здѣсь языкъ оказывается воплощеніемъ извѣстнаго „понятія“; греческій языкъ воплощаетъ одно, бирманскій другое и т. д. Но всякое дѣленіе языковъ по степенямъ совершенства воплощенія понятія будетъ произвольнымъ, субъективнымъ, ибо каждая изъ степеней вполнѣ воплощаетъ свое понятіе; поэтому за объективный критерій дѣленія нужно принять другой принципъ, именно это самое „понятіе“ (313 — 314). Но теперь возникаетъ другой вопросъ: какъ же опредѣлять относительную высоту этихъ „понятій“? „Понятіе есть цѣль, а цѣль нужна, а нужна продуктъ способности или, лучше, не что иное, какъ еще внутренняя, еще невыраженная способность, одаренность или сила. Но чѣмъ выше способность, чѣмъ больше или чѣмъ болѣе мощны и цѣнны силы, тѣмъ значительнѣе потребность, тѣмъ выше цѣль, тѣмъ совершеннѣе созданіе. Поэтому, тѣ вещи, въ производствѣ которыхъ мы открываемъ больше силъ или силы болѣе могучія и благородныя, чьи формы разнообразнѣе или искусственинѣе, чьи движенія вслѣдствіе этого болѣе живы, а дѣятельность выше и напряженнѣе, чья непосредственная работа стоитъ въ болѣе близкомъ отношеніи къ высшему существу, — эти вещи мы считаемъ болѣе высокими. Намъ кажется, что здѣсь мы пользуемся критеріемъ объективнымъ“ (314). Насколько этотъ критерій примѣнимъ къ классификаціи языковъ, что въ нихъ считать „болѣе разнообразными или искусствениными формами“ и т. д., это такіе вопросы, отъ правильной постановки которыхъ зависитъ трезвость и ясность всей теоріи. Къ сожалѣнію, и здѣсь Штейнталь плаваетъ въ морѣ самыхъ отвлеченныхъ представленій, которыя совсѣмъ оторваны отъ почвы живой дѣйствительности языковъ. Установивъ въ пред-

шествующемъ, что относительная высота языка состоитъ въ относительномъ развитіи его формальной стороны, при чемъ— не совсѣмъ ясно, почему—подъ формой рѣчи подразумѣваются лишь грамматическія формы, онъ принимаетъ за критерій классификаціи (316 стр.) „внутреннюю форму рѣчи“ (die innere Sprachform), а эту послѣднюю признаетъ „своеобразной системой грамматическихъ категорій языка“, какъ будто лишь въ нихъ связывается форма, въ которой выражается дѣятельность рѣчи (живость и образность рѣчи обойдены вниманіемъ). Между тѣмъ принципы, изложенные Штейнталемъ, примѣняются прежде всего въ дѣленію въ предѣлахъ одного и того же языка: такъ, мы можемъ сказать, что языкъ Пушкина выше языка необразованнаго и неталантливаго человѣка потому, что у перваго „формы“ разнообразнѣе и искусственнѣе, психическая дѣятельность, выражающаяся въ нихъ, живѣе и т. д., но подъ формами здѣсь, конечно, нельзя подразумѣвать грамматическихъ формъ, которыя, наоборотъ, пожалуй, богаче у послѣдняго; онъ скажетъ и иш ъ л ѣ , и м ѣ ст ъ о в ѣ , тогда какъ Пушкинъ связанъ традиціей литературной рѣчи. Поэтому, мнѣ представляется, что Штейнталь, перейдя отъ своего перваго критерія ко второму, сдѣлалъ логически неправильное уравненіе ихъ. Во всякомъ случаѣ онъ не привелъ никакихъ доказательствъ въ пользу возможности отождествить ихъ. Однако послѣдуемъ за нимъ далѣе.

„Чѣмъ выше и чище духъ народа схватилъ сущность формы“, говоритъ онъ: „тѣмъ высшую ступень займетъ его языкъ, ибо тѣмъ болѣе онъ приближается къ категоріямъ понятія. Формальное въ содержаніи не ускользаетъ совершенно ни отъ одного народа (formelles andem Inhalte kann keinem Volke gänzlich entgangen sein); но различная, противоположная природа формы и содержанія и ихъ взаимоотношеніе воспринимаются не вездѣ. Формальное представляется, какъ вещество, рядомъ съ содержаніемъ, такъ что это послѣднее представляется безформеннымъ, а потому и самое представленіе, языкъ, становится безформеннымъ. Здѣсь формальное и содержаніе представляются одинаково равноправнымъ, стоя-

щимъ рядомъ, означающимъ нѣчто изъ языка (von der Sprache zu bezeichnender) веществомъ,—и потому оба элемента во многихъ языкахъ выражаются одинаково. какъ вещество языка, при чемъ формальный моментъ отъ матеріальнаго не отличается особенностями въ разработкѣ. Слѣдовательно, подобные языки имѣютъ только вещественные элементы. Они выражаютъ формальныя опредѣленія содержанія, какъ вещество, т. е. выражаютъ форму съ помощью вещественныхъ словъ, а потому они—безформенны“. (стр. 37). Все это высказано очень замысловато, но, если распутать хитрое сплетеніе словъ, то едва-ли въ концѣ концовъ передъ нами не старая мысль Гумбольдта: языки безъ флексіи и съ суффиксами, происшедшими изъ конкретныхъ словъ, не имѣютъ настоящихъ грамматическихъ формъ. Но почему же выше тѣ языки, въ которыхъ онѣ есть? Развѣ процессъ привнесенія грамматическихъ отношеній въ рѣчь безъ внѣшняго ихъ выраженія даетъ въ психологическомъ смыслѣ не то же самое, что самое точное выраженіе этихъ отношеній съ помощью различныхъ предлоговъ, префиксовъ и окончаній. Приходится ли современному англичанину или нѣмцу употреблять какое-нибудь усиліе для созданія и пониманія длинныхъ сложныхъ словъ или цѣлыхъ предложеній, лишенныхъ всякой флексіи? Я думаю, что въ разсужденіяхъ Штейнтала присутствіе чисто „діалектическихъ“ приемовъ даетъ себя чувствовать весьма сильно.

Такимъ образомъ, и Штейнталь приходитъ неизбѣжнымъ образомъ къ дѣленію грамматическихъ формъ на настоящія и ненастоящія; къ числу послѣднихъ относятся всѣ формы безформенныхъ языковъ; другими словами: такъ какъ въ безформенныхъ (formlose) языкахъ грамматическихъ формъ нѣтъ, то всѣ грамматическія формы ихъ оказываются не настоящими, а только кажущимися. Выводъ, какъ видно, не особенно содержательный, и разсужденіе не особенно доказательное. А между тѣмъ, какъ иначе понять слова Штейнтала: „если ограничиться отдѣльной формой языка, то никакъ не рѣшишь, имѣешь-ли передъ собой настоящую форму или аггломерать.

Ръшающимъ моментомъ въ опредѣленіи каждаго отдѣльнаго случая является общій принципъ языка. Если языкъ принципиально безформенъ, то онъ не обладаетъ ни одной настоящей формой. Ибо если бы въ душѣ народа, говорящаго на безформенномъ языкѣ, представилась хоть одна единственная настоящая форма, то она не сверкнула бы, подобно молніи въ темную ночь, и не оставила бы позади себя тотъ же мракъ; нѣтъ, она вызвала бы цѣлый пожаръ, въ которомъ расплавилось бы все мышленіе (Denkweise) народа“ (стр. 319).

Такъ какъ т. наз. агглютинирующие языки принадлежатъ къ числу безформенныхъ, то остается только доказать, почему агглютинація не способна вызывать въ жизни настоящія грамматическія формы. Однако теоретическія соображенія у Штейнталя такъ же, какъ у Гумбольдта, настолько расходятся съ практикой, что имъ обоимъ приходится опровергать на слѣдующей страницѣ то, что было категорически установлено на предыдущей. Для вопроса, разсматриваемаго мною теперь, не лишено значенія, что именно опредѣленіе агглютинаціи является камнемъ преткновенія для обоихъ лингвистовъ. Въ то что мы читаемъ на стр. 319. „Здѣсь (т. е. въ безформенныхъ языкахъ) нужно, какъ на ближайшій внѣшній признакъ, обратить вниманіе на самый видъ словъ. Ибо здѣсь конкретное слово, долженствующее выразить грамматическую форму, имѣетъ слишкомъ большой вѣсъ благодаря своему собственному значенію, чтобы духъ, перебравшись черезъ него, могъ позволить языку слить его съ конкретнымъ словомъ, которое должно опредѣлить. Значенія обоихъ словъ стоятъ одинаково живо передъ нимъ, такъ какъ они возбуждаются въ немъ съ помощью одинаковыхъ средствъ и кажутся ему явленіями одинаковой природы и сущности. Поэтому духъ не можетъ слить ихъ энергично въ единство, въ которомъ къ вещественному элементу присоединяется относящійся къ нему формальный, но лишь слабо связываетъ ихъ другъ съ другомъ, какъ два одинаково важные элемента. Поэтому, и въ звуковомъ отношеніи эти два слова не славляются въ неразрывное цѣлое, но стоятъ въ отношеніи сопоставленія, часто даже самостоя-

тельно, другъ около друга. Того, что раздѣляетъ духъ, не соединять уста. А это сопоставленіе, основанное на слабой духовной связи обоихъ элементовъ, есть сущность того формообразованія, которое я вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ называю агглютинаціей или присоединеніемъ. Языкамъ, которые даже и не сопоставляютъ, я приписываю приставленіе (*Beisetzung*) или съ Гумбольдтомъ изоляцію“. Рядомъ съ этимъ какимъ-то диссонансомъ звучитъ то, что Штейнталь говоритъ на стр. 323: „мы должны признать, что, если даже истинное значеніе и собственная сущность формы основывается на психологической природѣ ея, однако какъ нарощеніе (*Anbildung*) можетъ встрѣчаться даже въ языкахъ, которымъ чужды настоящія формы, напр. въ финскихъ; такъ и въ языкахъ съ чистымъ принципомъ можетъ жить простое присоединеніе, какъ въ египетскомъ. Поэтому совершенно правильно, когда говорятъ: приставленіе, соединеніе и нарощеніе отличаются другъ отъ друга болѣе слабой и тѣсной связью звуковыхъ элементовъ“.

Итакъ, агглютивные языки относятся къ числу безформенныхъ потому, что въ нихъ нѣтъ настоящихъ формъ. Однако, настоящія формы встрѣчаются въ нихъ, т. е. въ безформенныхъ языкахъ встрѣчаются формы, а слѣдовательно безформенные языки не безформенны, какъ съ другой стороны форменные языки бываютъ безформенными. Изъ всѣхъ этихъ хитрыхъ „силлогизмовъ“ вытекаетъ едва-ли не одинъ выводъ, именно: что дѣленіе языковъ на форменные и безформенные чисто теоретическое построеніе, которое разлетается, какъ мыльный пузырь, едва къ нему прикоснется вѣяніе жизни. И въ этомъ смыслѣ интересно взглянуть, какъ трудно Штейнталю раздѣлаться съ финскими языками, которые никакъ не подчиняются установленной схемѣ. Именно, схема заявляетъ, что принципы строенія языковъ не измѣняются въ историческое время жизни народовъ: агглютинація не переходитъ во флексію, изоляція въ агглютинацію. Но въ финскомъ языкѣ, повидимому, совершилось нѣчто именно въ этомъ родѣ, и Штейнталю приходится недоумѣвать, не могутъ—ли указанные переходы происходить въ доисторическую эпоху жизни языка и

народа (стр. 324). При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что вообще финскіе языки не укладываются на прокрустово ложе теоріи: морфологически они приближаются къ высокообразованнымъ языкамъ, а „физиологически“ лишь немного возвышаются надъ другими языками того же класса: такъ по мнѣнію Штейнтала, у нихъ нѣтъ настоящаго *Nominativus* и *Accusativus* (стр. 329). Тѣмъ не менѣе, морфологическая сторона этихъ агглютинаціонныхъ, т. е. безформенныхъ языковъ оказывается такъ высоко развитой, что Штейнталь высказываетъ предположеніе, будто на грамматику финскихъ языковъ оказали вліяніе индоевропейскіе (стр. 329). Это мнѣніе, однако, ровно ничѣмъ здѣсь не подтверждается, и даже не поднимается вопросъ о самой возможности подобнаго вліянія.

Изученіе классификаціи Штейнтала привело меня къ убѣжденію, что, ратуя противъ теорій Гумбольдта, этотъ ученый, весьма мало освободился отъ его вліянія; онъ остался ему вѣренъ даже въ терминологіи (ср. терминъ: „физиологическій“ по отношенію къ строю языка), и хотя „психологическая“ классификація выдвинула впередъ нѣкоторые языки, которымъ Гумбольдтъ отвелъ самыя послѣднія мѣста (этой чести удостоился, напримѣръ, китайскій языкъ), однако по существу пониманіе изоляціи, агглютинаціи, флексіи нисколько не сдѣлалось глубже или тоньше; не удалось Штейнталу избѣгнуть и внутреннихъ противорѣчій, такъ что въ результатѣ все опредѣленіе агглютинаціи свелось къ тому, что въ языкахъ этого типа нѣтъ различенія между „веществомъ“ и „формой“, что чисто формальные элементы въ нихъ отсутствуютъ, что сдѣленіе конкретныхъ словъ остается внѣшнимъ. Это пониманіе не находитъ себѣ подтвержденія ни въ томъ образцѣ урало-алтайскихъ языковъ, который Штейнталь подвергъ подробному разсмотрѣнію (якутскій языкъ), ни въ финскихъ языкахъ, которые ему же пришлось искусственнымъ способомъ выдѣлать въ отдѣльную группу. Прибавлю еще, что, если я не ошибаюсь, этотъ лингвистъ первый пустилъ въ оборотъ ученіе, что въ агглютинаціонныхъ языкахъ глагольная основа не отличается отъ именной (стр. 324—326). Это мнѣніе,

ошибочность котораго я постараюсь показать дальше, до сихъ поръ курсируетъ въ наукѣ и находить себѣ горячихъ приверженцевъ (напр., Винклера).

Послѣ всего вышензложеннаго, я думаю, я имѣю право сказать, что теорія агглютинаціонныхъ образованій, какъ она была выставлена Гумбольдтомъ, Поттомъ и Штейнталемъ, строилась на предвзятыхъ основахъ, не выдерживаетъ критики и не можетъ имѣть обязательнаго значенія для современной науки. Посмотримъ, какъ разработали ее послѣдующіе и, особенно, современные ученые.

Переходимъ къ Шлейхеру. Какъ уже мною разъ было указано ¹⁾, Шлейхеръ былъ и знаткомъ, и большимъ любителемъ одной изъ естественныхъ наукъ, ботаники. Естественно, что и методъ естествознанія отражался на его пониманіи того процесса эволюціи, который онъ наблюдалъ въ области развитія языковъ. Не введя ничего существенно новаго въ теоретическія построенія В. Гумбольдта, онъ внесъ въ нихъ больше опредѣленности, а главное сдѣлалъ ихъ удобопонятнѣе. При разсмотрѣніи этой стороны ученой дѣятельности Шлейхера, сила котораго заключалась, конечно, не въ теоретическомъ изученіи языка вообще, но въ систематизаціи явленій индоевропейскихъ языковъ, я останавлиюсь прежде всего на его книгѣ: „Sprachvergleichende Untersuchungen“, первая часть которой „Zur vergleichenden Sprachengeschichte“ вышла въ 1848 году, а вторая „Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht“ въ 1850. Въ началѣ первой части (стр. 1—33) Шлейхеръ подробно формулируетъ свои воззрѣнія на языкъ и процессъ его развитія.

Исходнымъ пунктомъ для всѣхъ его послѣдующихъ рассужденій въ этой области является убѣжденіе, что по существу человѣкъ вездѣ остается тѣмъ же самымъ, что тѣ принципы, которые находятъ себѣ примѣненіе въ его исторіи, должны регулировать и исторію человѣческой рѣчи. „То, что

---

¹⁾ Ср. напр. Дельбрюка „Einleitung in das Sprachstudium“ 3 изд. 1893, стр. 44.

сказывается во всякой исторіи, именно потому, что составляет сущность исторіи, есть послѣдовательное выступленіе моментовъ, которые вмѣстѣ взятые составляютъ понятіе того, что имѣетъ исторически развиться. То, что при систематическомъ разсмотрѣніи является рядомъ другъ съ другомъ, въ исторіи выступаетъ одно за другимъ; что тамъ оказывается моментомъ, здѣсь періодъ. Отсюда, естественно, система служить изображеніемъ существующаго, исторія возникающаго, но бытіе предполагаетъ возникновеніе; то, что есть, возникло, и въ понятіи возникновенія лежитъ непосредственно понятіе преемственности. Ни одинъ періодъ въ историческомъ развитіи не уничтожается послѣдующимъ, ибо послѣдующій привноситъ только нѣчто новое къ уже существующему, отчего прежнее, разумѣется, болѣе или менѣе измѣняется: во всякой высшей ступени развитія заключаются, какъ уже пройденные, всѣ прежніе моменты. Но, если наступающіе одинъ за другимъ моменты продолжаютъ существовать, то они сейчасъ вступаютъ въ сношеніе существованія рядомъ: тождество исторіи и системы получается само собой“. (стр. 4—5). Эти принципы подтверждаются систематическимъ изученіемъ жизни, главными явленіями которой служатъ минеральные, растительные и животные организмы, и „если мы превратимъ сосуществованіе системы въ послѣдовательность исторіи, то мы получимъ три главные отдѣла, изъ которыхъ каждый характеризуется однимъ изъ вышеназванныхъ моментовъ. Если мы спросимъ, въ какомъ порядкѣ выступаютъ эти моменты, эти части системы въ историческомъ развитіи, то мы можемъ только изслѣдовать, какимъ образомъ одинъ изъ моментовъ даже заключаетъ въ себѣ, предполагаетъ другой, чтобы найти правильную послѣдовательность. Мы видимъ,—чтобы не оставлять выбраннаго примѣра,—какъ растеніе предполагаетъ въ качествѣ пройденнаго момента минераль, а животное растеніе, и потому въ историческомъ развитіи мы съ полнымъ правомъ поставимъ минеральный организмъ, кристаллизацію, на первую ступень, растеніе на вторую, а животное на третью; предположеніе, которое только подтверждается ископаемыми

остатками прежнихъ періодовъ развитія нашей планеты. Совершенно то же отношеніе системы и исторіи обнаруживается и въ чисто духовной области“ (5). Примѣняя этотъ взглядъ къ систематизаціи языковъ, Шлейхеръ задаетъ вопросъ, въ чемъ заключаются главныя части системы языковъ, иначе говоря: главные моменты понятія языка?

Такъ, Шлейхеръ переходитъ къ дѣленію языковъ, которое онъ, по собственному признацію, заимствуетъ изъ разсмотрѣннаго нами выше введенія В. Гумбольдта въ грамматику языка Кави. Сущность языка заключается въ томъ, замѣчаетъ прежде всего Шлейхеръ, какъ относятся другъ къ другу значеніе и отношеніе (*Beziehung*), потому что языкъ характеризуется способомъ, которымъ онъ выражаетъ въ звукахъ значеніе и отношеніе. При этомъ, какъ совершенно справедливо подчеркиваетъ этотъ ученый, „звуковое выраженіе отношенія,—но никогда не самое отношеніе—можетъ совершенно мыслимымъ образомъ отсутствовать, и звукъ можетъ быть поставленъ въ соотношеніе при помощи опредѣленнаго мѣста въ предложеніи, ударенія (въ смыслѣ односложныхъ языковъ) и т. д.“ (7).

На первомъ мѣстѣ стоятъ т. наз. изолирующіе языки, которые Шлейхеръ приравниваетъ къ кристаллу; агглютинирующіе языки онъ уподобляетъ растенію. Переходы отъ одной стадіи развитія къ другой очень постепенны: такъ, „между сопоставленіемъ двухъ значущихъ звуковыхъ элементовъ и агглютинаціей первоначально значившаго звукового элемента, низведеннаго на уровень элемента, указывающаго лишь на отношеніе, большой разницы нѣтъ, и тѣмъ не менѣе эти два вида образованія находятся въ рѣзкомъ противорѣчій другъ другу. Агглютинирующихъ языковъ существуетъ множество, и между ними легко установить подотдѣлы. Во всѣхъ этихъ языкахъ слово раздѣляется на части, которыя отличны между собой, но это расчлененіе первоначально является только соединеніемъ нѣсколькихъ индивидуальныхъ словъ (значущихъ звуковыхъ элементовъ), „для которыхъ цѣлый индивидуумъ служитъ скорѣе только почвой, нежели субъектив-

вымъ единствомъ членовъ“ (Гегель); и эти слова примѣнимы къ подобнымъ языковымъ образованіямъ такъ же, какъ къ организму растенія, которое философъ характеризуетъ вышеприведенными словами (9—10). Въ указанномъ классѣ языковъ встрѣчаются однако явленія, принадлежащія по своему типу къ высшей, флексивной стадіи развитія языка и составляющія переходныя звенья между агглютивной и флексивной его ступенями. На послѣдней „оба элемента (значеніе и отношеніе) находятъ себѣ звуковое выраженіе, однако они такъ тѣсно связаны, что образуютъ единое слово, причемъ и духовно (geistig) значеніе и отношеніе проникаютъ другъ друга“ (10). Переходовъ къ этой высшей стадіи не мало. „Таковыми переходными формами являются языки, въ которыхъ рядомъ съ однимъ принципомъ тамъ и самъ выступаетъ другой: напр., въ нѣкоторыхъ агглютинирующихъ языкахъ попадаются флексивныя (flexionsartige) образованія“ (11).

Все дальнѣйшее изложеніе Шлейхера является развитіемъ тѣхъ же идей, не внося въ нихъ ничего новаго. Нѣсколько разъ подчеркивается, что „языки съ высшей организаціей показываютъ весьма ясно самымъ своимъ строеніемъ, что они заключаютъ въ себѣ пройденные моменты“ (23); при этомъ оказывается однако, что между языками лежитъ непроходимая пропасть: „односложные языки могутъ еще дѣлныя тысячелѣтія продолжать свое развитіе, они все-таки никогда не будутъ настоящими флексивными языками, а эти послѣдніе, какъ бы ни старались, никогда не достигнутъ настоящей односложности, именно потому, что творческій духъ вылетѣлъ изъ языка (eben weil der schaffende Geist aus der Sprache heraus ist)“ (19). Такъ мы переходимъ въ область мистики. Современное языковеденіе учитъ, что творческій духъ никогда не повинетъ языка; изслѣдованіе искусственныхъ языковъ, развитія естественныхъ показываетъ, что образованія по аналогіи, превращенія значущихъ элементовъ въ незначущіе и т. д., составляютъ живые признаки постоянного присутствія творческаго начала въ языкѣ.

Точка зрѣнія Шлейхера легко проникла въ ученый оби-

ходъ благодаря прежде всего тому, что развитіе языковъ было подведено подъ общую схему эволюціи, и что между эволюціей языковъ и природы была проведена послѣдовательная параллель. Но мнѣ кажется, не трудно показать, что основанія таковой параллели положены ошибочно, что съ точки зрѣнія естествознанія, будемъ-ли мы стоять на почвѣ механическаго толкованія явленій природы, или взглянемъ на нихъ глазами неовитализма, взгляды Шлейхера не выдерживаютъ критики. Прежде всего въ нихъ поражаетъ внутреннее противорѣчіе: подобно Гумбольдту, Шлейхеръ раздѣляетъ грамматическія формы на настоящія и кажущіяся, хотя прямо этого онъ не говоритъ¹⁾. Но такъ какъ это непосредственно вытекаетъ изъ всѣхъ его разсужденій, то, я думаю, мы въ правѣ и ему приписать Гумбольдтовское дѣленіе языковъ на формальные и безформенные. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести агглютинирующій и изолирующій типы языковъ, въ первымъ флексирующій. Такимъ образомъ—и это, повторяю, вовсе ненавязанный Шлейхеру выводъ—языки первыхъ двухъ типовъ должны быть помѣщены въ одну группу, флексивные языки въ другую. Но Шлейхеръ сравниваетъ языки перваго типа (изолирующіе) съ минералами, т. е. съ природою неорганической, а языки двухъ другихъ типовъ (агглютинирующіе и флексирующіе) съ растеніями и животными, т. е. съ природою органической. Но такъ какъ принципъ, заставляющій Шлейхера уподобить изолирующіе языки продуктамъ неорганической природы, заключается въ отсутствіи у нихъ настоящихъ грамматическихъ формъ, то онъ долженъ быть распространенъ и на агглютинирующіе языки, а значитъ, и они должны быть уподоблены продуктамъ неорганической природы, а вовсе не растеніямъ, какъ это дѣлаетъ Шлейхеръ. Это первое возраженіе, которое напрашивается при ближай-

---

¹⁾ Но вотъ типическое мѣсто: „Zusammensetzung ist die Verbindung von zwei fertigen Worten zu einer Worteinheit, Flexion aber ausser der Veränderung der Wurzelselbst, das Verschmelzen von Bedeutungs—und Beziehungslauten“ (стр. 24).

шемъ разсмотрѣніи его пресловутой теоріи естественной классификаціи языковъ. Второе находится въ тѣснѣйшей связи съ первымъ и сводится къ тому, что Шлейхеръ ужь слишкомъ просто понималъ эволюцію природы. Шлейхеръ говоритъ, что растеніе подразумѣваетъ въ качествѣ пройденнаго (aufgehobenes) момента минераль, а животное—растеніе. Правда-ли это? Если я не ошибаюсь, естествоиспытатель не признаётъ ни перваго, ни втораго положенія. Уже въ 1848 году, когда появилась книга Фехнера: „Nanna oder über das Seelenleben der Pflanzen“, было провозглашено положеніе, которое акад. Фаминцынъ¹⁾ признаётъ вполне обоснованнымъ и новѣйшими научными данными. Оно утверждаетъ, что животные и растительные организмы произошли путемъ эволюціи изъ одной и той же группы простѣйшихъ, которымъ какъ Фехнеръ, такъ и Фаминцынъ и др. приписываютъ зачатки психической жизни. Въ этомъ смыслѣ говорить, что животное представляетъ дальнѣйшую стадію въ эволюціи органической природы сравнительно съ растеніемъ, конечно, нельзя, но такъ же невозможно, повидимому, минераль признавать низшей стадіей въ этой эволюціи, невозможно именно потому, что въ системѣ минераловъ найти звенья, приближающія неорганическую природу къ органической, или минераль вообще къ простѣйшимъ органическимъ тѣламъ, изъ которыхъ (согласно предыдущему) развились животные и растительные организмы, нѣтъ возможности. Самая схема эволюціи, предложенная Шлейхеромъ, грѣшитъ и неясностью, и неполнотой: отъ неорганическаго тѣла возможнымъ переходомъ была бы только живая клѣтка.

Я думаю, что не требуется обстоятельно доказывать всю произвольность Шлейхеровыхъ уподобленій различныхъ типовъ языковъ явленіямъ неорганической природы. Дѣйствительно, что общаго между минераломъ и изолирующимъ языкомъ? Что считать въ языкѣ живой клѣткой? Подъ изолирующимъ типомъ языка Шлейхеръ подразумѣваетъ механическое соединеніе

---

¹⁾ А. Фаминцынъ. „Современное естествознаніе и психологія“. С.-Пб. 1898, стр. 198.

отдѣльныхъ словъ; изъ нихъ, какъ изъ отдѣльныхъ кирпичей строится зданіе, слагается предложеніе. Минераль¹⁾ обладаетъ, какъ своимъ основнымъ признакомъ, гомогенностью, которая заключается въ томъ, что на всемъ своемъ протяженіи тѣло обладаетъ одинаковыми физическими и химическими свойствами. Отъ камней минераль, представляющій собой элементъ или химическое соединеніе, отличается тѣмъ, что первые состоятъ изъ соединенія (механическаго) различныхъ минеральныхъ породъ и гомогенностью не обладаютъ. Отсюда ясно, что сравненіе Шлейхера изолирующихъ языковъ съ минералами было, по меньшей мѣрѣ, произвольнымъ, ибо между ними коренное различіе (изолирующее образованіе—соединеніе механическое, минераль—химическое); ужь лучше было бы говорить о сходствѣ этого типа съ камнями. Такъ же мало, если не меньше еще, говорятъ другія сравненія Шлейхера: агглютинація и растеніе не похожи другъ на друга рѣшительно ничѣмъ хотя бы уже потому, что въ растеніи постоянно совершаются сложные химическіе процессы, тогда какъ агглютивнымъ образованіямъ приписывается простота механическаго соединенія элементовъ.

Невѣрна параллель между эволюціями естественноисторической и лингвистической и въ другихъ отношеніяхъ. Во флексирующихъ языкахъ, говоритъ Шлейхеръ, можно явственно различить слѣды прежнихъ стадій развитія ихъ, агглютинаціи и даже изоляціи. Но можно-ли сказать, что въ животномъ организмѣ заключаются слѣды растительнаго (по схемѣ этого ученаго), а въ растеніи слѣды „минеральной“ стадій развитія природы? Далѣе, мы видимъ, какъ на глазахъ исторіи отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ агглютинація переходитъ во флексію: частицы, служащія лишь для указанія отношеній или усиленія значенія (напр., мѣстоименія), входятъ въ середину слова или сами начинаютъ склоняться; получаютъ такія формы, какъ *τοῦδεσσι* (у Гомера), *τῶυδεσῶυ*

---

¹⁾ Meyers Konversations-Lexikon. 5 изд. т. XII, стр. 343.

(у Алкея), серб. тѣзѣх, тѣзијем, тѣзѣма, инд.-евр. *to-i-mi (Instr-Sing. отъ мѣстоим. to-, откуда слав. тѣмъ, др.-сѣв. †reim, др.-англ. †(o)m)¹⁾; наконецъ, общеизвѣстна исторія суффиксовъ изъ значущихъ словъ, обычная въ индо-европейскихъ языкахъ. Однимъ словомъ, на глазахъ исторіи словообразованія одного типа переходятъ въ отдѣльныхъ, индивидуальныхъ случаяхъ въ образованія другого типа. Отрицать это невозможно, а допустивъ это положеніе, мы тѣмъ самымъ должны опять и еще разъ отказаться отъ аналогій Шлейхера. Дѣйствительно, въ мірѣ органической жизни (не говоря уже о противоположности между живой клѣткой и мертвымъ тѣломъ) «всѣ доводы, приводимые въ пользу теоріи эволюціи, косвеннаго характера; между тѣмъ не имѣется ни изъ животнаго, ни изъ растительнаго царства ни *одного* непосредственнаго наблюденія надъ превращеніемъ низшей формы въ высшую. Даже у простѣйшихъ организмовъ ничего подобнаго наблюдать не удалось. Неопровержимо, напротивъ того, что всѣ имѣющіяся на лицо надежнѣйшія изслѣдованія и касательно простѣйшихъ организмовъ приводятъ къ отрицательному результату: всѣ организмы, безъ исключенія, представляются замкнутыми въ опредѣленномъ цѣлѣ развитія. Всѣ усилія заставить организмъ выйти изъ этого круга и перейти въ форму болѣе высокой организаціи пока остаются тщетными. Однимъ словомъ, процессъ эволюціи является въ высшей степени вѣроятнымъ; способъ же эволюціи остается и до настоящаго времени не выясненнымъ, и поэтому всякія высказываемыя относительно хода эволюціи предположенія являются

---

¹⁾ i между основой и окончаніемъ здѣсь то же, что въ гот. saī, лит. saī (въ tasaī, a passaī); въ сравненіи съ формой *sou (sou для муж. рода, откуда др.-перс. ha uv, гр. οὐτος) и sā-u (для женск., откуда авст. hāu, санскр. asāu, гр. αἴτη) мы видимъ, что -i- и -u- частицы со значеніемъ здѣсь и тамъ. Ср. у латинскихъ и христіанскихъ писателей обычныя сочетанія hic ipse, is ipse, iste ille для усиленія значенія, къ чему восходитъ и итал. desso (изъ id ipsum) См. Meyer Lübke. Einführung. стр. 93.

проблематичными“¹⁾. Какъ далеко это отъ спокойной увѣренности Шлейхера.

Почти въ томъ же смыслѣ высказывается и знаменитый естествоиспытатель, сотрудникъ и отчасти предшественникъ Ч. Дарвина, Уоллесъ. «Нѣтъ сомнѣнія, „говоритъ онъ“: что на болѣе раннихъ стадіяхъ органическаго развитія числовыя варіаціи были болѣе часты и значительны, чѣмъ это мы видимъ теперь среди низшихъ формъ жизни, но въ очень ранній періодъ геологической исторіи главныя числовыя отношенія существенныхъ частей высшихъ организмовъ сдѣлались болѣе или менѣе постоянными и неподвижными, и во многихъ случаяхъ остались неизмѣненными во все значительное продолженіе геологическихъ періодовъ. Четыре члена позвоночныхъ уже установились (were already established) у рыбъ Девонскаго періода, какъ четыре крыла и шесть ногъ настоящихъ насѣкомыхъ у таракановъ и архаическихъ прямокрылыхъ Каменноугольнаго, и почти всѣ послѣдующія измѣненія исходили изъ модификацій этихъ первыхъ типовъ“²⁾.

До сихъ поръ, я старался показать, что въ томъ сравненіи естественноисторической и лингвистической эволюцій, которое на первый взглядъ представляется такимъ блестящимъ и убѣдительнымъ, на самомъ дѣлѣ, пробѣловъ очень много: Шлейхеръ не избѣгъ внутреннихъ противорѣчій въ классификаціи языковъ, онъ неправильно взглянулъ на эволюцію природы, онъ произвольно сравнилъ типы языковъ съ типами органической и неорганической природы. Теперь мнѣ хотѣлось бы показать, что даже, признавъ аналогію Шлейхера основательной, мы должны придти не къ тѣмъ выводамъ, какіе сдѣлалъ онъ.

Съ точки зрѣнія витализма, т. е. „такого воззрѣнія на жизненные процессы, по которому послѣдніе происходятъ по

---

¹⁾ *Фаминцынъ*. Совр. естествозн. и психол. стр. 91—92.

²⁾ *Wallace*. Studies scientific and social. London 1900. т. I, 361—362 (въ статьѣ: „The Method of Organic Evolution“, написанной въ 1895 году).

своеобразнымъ, лишь имъ однимъ свойственнымъ законамъ“¹⁾, между живой и мертвой матеріей лежитъ непроходимая пропасть. Другой представитель неовитализма, ботаникъ Рейнке сводитъ эту разницу къ различію между органической природой, въ созданіи которой участвовали разумныя силы, одаренныя стремленіемъ къ цѣлесообразности, и неорганической, созданной изъ слѣпой и безцѣльной матеріи по закону энергии²⁾. Какъ бы представители названнаго направленія ни формулировали свои взгляды, ясно, что растительныя и животныя организмы будутъ отнесены ими къ одной группѣ, которой противопоставляется въ качествѣ субстанціи, отдѣленной отъ органическаго міра пропастью ничѣмъ неизгладимой, мертвая матерія (или неорганическій міръ). Таковой противоположности между языками Шлейхеръ, конечно, не признаетъ.

Но онъ, безъ всякаго сомнѣнія, не былъ виталистомъ, а потому я остановлюсь на матеріалистическомъ пониманіи природы, которое видитъ въ ней единство. Прибѣгну и здѣсь къ словамъ компетентныхъ судей. „Анализъ органическаго міра“, говоритъ Гексли³⁾: „какъ животныхъ, такъ и растений показываетъ, что и тѣ, и другія состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, къ которымъ возможно ихъ свести. Мы видѣли, что растеніе пріобрѣтаетъ образующіе его субстанцію матеріалы съ помощью особой комбинаціи веществъ, которыя всѣ сплошь принадлежатъ неорганическому міру; что, далѣе, животное постоянно пользуется для своего питанія содержащими азотъ частями растенія и возвращаетъ ихъ неорганическому міру съ помощью того, что мы называемъ его смертью; что, наконецъ, когда животное умираетъ, составныя части его тѣла разлагаются и возвращаются въ неорганическій міръ, откуда они были взяты въ началѣ. Такимъ образомъ мы

---

¹⁾ По опредѣленію д-ра Дриша. Ср. *Отвѣтъ*. Витализмъ въ современномъ естествознаніи. Москва. 1900, стр. 44.

²⁾ См. *E. Haeckel*. Die Welträthsel. 9 изд. 1899, стр. 274—275.

³⁾ *Huxley*. Ueber unsere Kenntniss von den Ursachen der Erscheinungen in der organischen Natur. 1896, стр. 24—25.

видѣли въ травинкѣ и въ лошади тѣ же самые элементы, на различный ладь скомбинированные и распредѣленные. Мы открыли постоянный кругооборотъ, въ которомъ растеніе принимаетъ въ себя элементы неорганической природы и обрабатываетъ ихъ на кормъ животному міру, въ то время какъ животное заимствуетъ изъ растенія матеріалъ для своего сохраненія и въ продолженіе своей жизни отдаетъ продукты, которые непосредственно возвращаются въ неорганической міръ“ и т. д. Чрезвычайно наглядно иллюстрируется эта мысль рисункомъ, который Гексли прилагаетъ на стр. 11 своей книги, и который показываетъ, какъ элементы неорганическаго міра входятъ въ органической и изъ него возвращаются обратно.

Итакъ, единство элементовъ міра—вотъ принципъ, на которомъ можетъ быть построена та эволюція органическаго и неорганическаго міровъ, которую предлагаетъ Шлейхеръ. Минералъ, растеніе и животное состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, только въ разныхъ химическихъ соединеніяхъ; между языкомъ изолирующимъ (китайскимъ) и флексирующимъ (латинскимъ) различіе не только въ строеніи (т. е. *механической* соединеніи элементовъ), но и въ самыхъ элементахъ (разность звукового состава языковъ). Шлейхеръ своей аналогіей изъ естественноисторической эволюціи могъ сдѣлать нагляднѣе процессъ развитія *только того же самаго языка*, а не языковъ вообще. Если бы въ исторіи развитія того же самаго языка одни и тѣ же элементы (корни) вступали въ различныя соединенія (изоляция, агглютинація, флексія), то параллель эволюціи природы еще съ грѣхомъ пополамъ годилась бы въ качествѣ примѣра; но передъ нами совсѣмъ разные языки, состоящіе изъ совсѣмъ разныхъ элементовъ, и сравненіе Шлейхера *логически* невѣрно. При этомъ предположеніе, которое могло бы оправдать до извѣстной степени это сравненіе, именно что въ каждомъ изъ языковъ вслѣдъ за эпохой изоляціи должны наступить эпохи агглютинаціи и флексіи, устраняется категорическимъ заявленіемъ этого ученаго, что „одпосложные языки могутъ развиваться еще тысячелѣтіями

и все-таки никогда не сдѣлаются настоящими флексивными языками“¹⁾).

Предыдущее изложеніе, надѣюсь, показало съ достаточной убѣдительностью, что вся теорія лингвистической эволюціи, которую Шлейхеръ думалъ прикрѣпить къ землѣ сравненіемъ съ развитіемъ природы, висить въ воздухѣ; она ровно ничѣмъ не доказана, кромѣ внутренней необходимости и аналогіи флексивныхъ языковъ, въ которыхъ попадаются агглютивные образования, и я полагаю, что единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ всѣхъ сопоставленій Шлейхера, заключается въ томъ, что есть различные морфологическіе типы, которые преобладаютъ въ отдѣльныхъ языкахъ, и что въ индоевропейской семьѣ языковъ наблюдается сосуществованіе нѣсколькихъ типовъ, при чемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ агглютивное образование можетъ превратиться во флексивное. Въ концѣ концовъ, Шлейхеръ, какъ и его предшественники, вовсе не даетъ яснаго представленія о томъ, что же именно такое агглютинація и флексія, и гдѣ во флексирующихъ языкахъ кончается одинъ типъ и начинается другой²⁾). Игра словами досталась Шлейхеру отъ его предшественниковъ, и онъ, къ

---

¹⁾ Болѣе опредѣленности во 2-омъ томѣ „Лингвистическихъ изслѣдованій“, вышедшемъ въ 1850 году. Здѣсь Шлейхеръ рѣшительно утверждаетъ, что флексирующие языки прошли черезъ три стадіи развитія, которыя наука можетъ выяснить. Тѣмъ не менѣе, аналогія естественной эволюціи является и въ этомъ случаѣ только притянутой. Выходило бы, что всякій отдѣльный животный видъ развился изъ растительнаго (корова изъ травы) и т. д.

²⁾ Ср. напр. характеристику трехъ типовъ во 2-омъ томѣ „Linguistische Untersuchungen“ 1850 г. (стр. 9): „Begegneten wir in der ersten Sprachklasse der differenzlosen Identität von Bedeutung und Beziehung, dem reinen Ansich der Beziehung, war das zweite die Differenzierung in Beziehungs und Bedeutungs-laute, das Heraustreten der Beziehung in ein gesondertes lautliches Dasein für sich, so schliesst sich in der dritten Sprachklasse jene Differenz wieder zur Einheit zusammen aber zu einer unendlich höheren Einheit, weil sie, aus der Differenz erwachsen, diese zu ihrer Voraussetzung hat und als aufgehoben in sich befasst“.

сожалѣнію, не устранилъ ее изъ языкознанія, оставаясь и впоследствии вѣренъ убѣжденію, что языки проходятъ черезъ стадіи развитія, и что „о древнѣйшихъ періодахъ жизни, о образованіи языка свидѣтельствуемъ намъ его *строение*, разсматриваніе котораго въ языкахъ высшей организаціи значительно уясняется сравненіемъ съ простѣйшими организмами языковъ“¹⁾.

Морфологическая классификація Гумбольдта, Шлейхера, Штейнтала и другихъ нѣмецкихъ филологовъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ сдѣлалась догматомъ языкознанія и переходила изъ учебника въ учебникъ, почти не измѣняясь даже въ мелочахъ, не говоря уже о принципиальномъ различіи языковъ. Ее мы находимъ и у такихъ авторитетныхъ писателей, какъ Максъ Мюллеръ²⁾ и Овелякъ³⁾. Поэтому, думаю, я имѣю право, оставивъ въ сторонѣ промежуточную литературу, прямо обратиться къ тому, какъ стоитъ въ современной наукѣ вопросъ, поставленный прежними поколѣніями лингвистовъ. Если я не ошибаюсь, эру въ литературѣ разсматриваемаго вопроса составило появленіе извѣстной книги Г. Пауля⁴⁾, гдѣ объ изолирующихъ и агглютинирующихъ

---

¹⁾ „Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ“. (Приложеніе къ VIII-му тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ. № 2). С.-Петербург. 1865.

²⁾ *Max Müller*. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Leipzig, 1863, т. I, стр. 241.

³⁾ *Ab. Hovelacque*. La linguistique. 4 изд. Paris, 1888 (первое изданіе 1875 г.). До чего мало и Овелякъ отдаетъ себѣ отчетъ въ отношеніи агглютинаціи къ флексіи, показываетъ хотя бы слѣд. мѣсто изъ его книги (стр. 206, курсивъ мой): „dans tous les mots d'une langue à flexion, la racine n'est pas nécessairement modifiée; elle demeure parfois telle quelle comme dans la période d'agglutination, mais elle peut être modifiée“.

⁴⁾ *Hermann Paul*. Principien der sprachgeschichte. 1883 (2 изд. 1886, 3 изд. 1901 г.). Замѣчательные „Очерки науки о языкѣ“ *Kruschewskago* не могли оказать значительнаго вліянія на разработку вопросовъ языкознанія на Западѣ уже вслѣдствіе того, что были написаны по-русски хотя потомъ и появился ихъ нѣмецкій переводъ.

языкахъ не было и рѣчи. Напротивъ, за точку отправленія во всѣхъ разсужденіяхъ о развитіи языка и основныхъ законахъ, управляющихъ его жизнью, здѣсь были приняты тѣ процессы, которые совершаются на нашихъ глазахъ, отчасти познаются самонаблюденіемъ. Вслѣдствіе этого многіе взгляды на образованіе грамматическихъ формъ, которые по традиціи предавались однимъ ученымъ за другимъ, оказались устарѣлыми, и самое различіе между „настоящими“ и „кажущимися“ формами стало непонятнымъ. Г. Пауль установилъ, что нормальный способъ возникновенія всей формальной стороны языка—сложеніе (Composition, стр. 274, изд. 2), что производные суффиксы и префиксы постоянно возникаютъ по одному способу, который заключается въ томъ, что „одинъ членъ сложенія теряетъ оцутительную связь съ первоначально тождественнымъ простымъ словомъ“ (стр. 294). Наконецъ, видная роль въ развитіи грамматики была отведена и аналогія. „Хотя основы словообразованія и флексіи“, замѣчаетъ Пауль (297 стр.): „полагаются всегда срощеніемъ первоначально самостоятельныхъ элементовъ, однако, разъ эти основы уже существуютъ, онѣ сейчасъ же должны служить образцомъ для аналогичныхъ образованій“.

Эта точка зрѣнія, которая раздѣляется и учениками Пауля, т. наз. неограмматиками, въ сущности, совершенно устраняетъ морфологическую классификацію языковъ. Такъ, одинъ изъ представителей этого направленія, Дельбрюкъ¹⁾ послѣ продолжительнаго изслѣдованія индоевропейскихъ грамматическихъ формъ пришелъ къ выводу, что „принципъ агглютинаціи есть единственный, который позволяетъ намъ понятнымъ образомъ объяснить формы“ (стр. 111 изд. 3). Въ томъ же смыслѣ высказывался въ 1885 году и другой неограмматикъ, Бругманъ, который принципиально считалъ возможнымъ ото-

---

¹⁾ В. Delbrück. Einleitung in das Sprachstudium (1 изд. 1880, 2 изд. 1884, 3 изд. 1893, 4 изд. 1902). Ср. его же брошюру „Die neueste sprachforschung“ Leipzig, 1885, стр. 48—49.

жествлять личныя окончанія глаголовъ съ основами личныхъ мѣстоименій ¹⁾).

Въ томъ же 1885 году, когда представители нѣмецкаго языковѣдѣнія окончательно порывали съ прежними понятіями объ отношеніяхъ агглютинаціи къ флексіи, въ Англии вышелъ двухтомный трудъ Байрна ²⁾, одно изъ тѣхъ довольно обычныхъ въ англійской наукѣ сочиненій, которыя, остановившись на одной идеѣ, доводятъ ея развитіе до крайностей. Названный ученый исходитъ изъ предположенія, что между живостью мышленія народа и структурой его языка существуетъ неразрывная связь, и такимъ образомъ каждое явленіе каждаго изъ языковъ ему удастся объяснить, возведя его къ связи представленій въ сознаніи говорящаго лица. При этомъ однако факты языка разсматриваются не въ исторіи его и толкуются почти всегда такъ произвольно, что для болѣе объективнаго читателя метафизическія разсужденія Байрна не имѣютъ никакого значенія обязательныхъ логическихъ выводовъ. Но, чтобы мое утвержденіе не казалось голословнымъ, я считаю необходимымъ посвятить нѣсколько страницъ его „Общимъ принципамъ строенія языка“, тѣмъ болѣе, что у Байрна оказались горячіе единомышленники, распространяющіе его ученіе въ рефератахъ и т. п.

Первыя главы I книги посвящены общимъ психологическимъ законамъ, которые важно знать для пониманія структуры языка. Въ 1-ой главѣ идетъ рѣчь о возбудимости умственной дѣятельности, во 2-ой о суммѣ умственной силы (Amount of mental power). Такъ какъ говоря объ агглютилирующихъ и флексирующихъ языкъ, Байръ (т. II, стр. 278—279, 2 изд.) ссылается на одинъ изъ параграфовъ этой главы, то я приведу его въ дословномъ переводѣ. „Чѣмъ выше умственная сила, тѣмъ болѣе мысли будутъ содержать

---

¹⁾ *K. Brugmann. Zum heutigen Stand der Sprachwissenschaft. Strassburg. 1885, стр. 119.*

²⁾ *James Byrne. General principles of the structure of language. 2 тома. London (1 изд. 1885, 2 изд. 1892).*

каждый умственный акт“, замѣчаетъ Байрънъ (I. 24—25): „И тѣ умственные акты, которые бываютъ тусклыми (obscure), когда умственная сила мала, входятъ въ сознание болѣе, когда она значительнѣе. Ибо во всякой мысли, выраженной въ языкѣ, заключаются, кромѣ мысли сейчасъ выраженной, такія мысли, которыя были выражены раньше, и такія, которыя еще будутъ выражены, и такія, которыя дополняются, не будучи выраженными. Всѣ онѣ въ сознаниі остаются менѣе ясными, чѣмъ та мысль, которая только что нашла себѣ выраженіе; но, когда умственная сила больше, онѣ становятся яснѣе и оказываютъ болѣе значительное вліяніе на мысль, которая сейчасъ была выражена. Прибавочная (additional) умственная энергія усиливаетъ мысль о цѣломъ, которое говорящій старается выразить, и о части, какъ о составномъ элементѣ его, такъ что часть, которая сейчасъ была выражена, будетъ мыслиться болѣе энергично въ отношеніи къ цѣлому, въ которомъ у нея есть свое собственное мѣсто и функція. Въ отношеніи каждой части къ цѣлому умъ созерцаетъ часть и цѣлое, какъ простые объекты, и вслѣдствіе этого придаетъ больше единства каждой части и цѣлому. А такъ какъ это умственный актъ, прибавочный къ мысли о части самой по себѣ, то это даетъ единство этой мысли, какъ бы она ни была образована. Мыслятся ли ея элементы всѣ вмѣстѣ или въ послѣдовательности и, въ послѣднемъ случаѣ, останавливается ли умъ или переходитъ отъ первыхъ элементовъ, прибавляя послѣдующіе,—во всякомъ случаѣ, мысль о части, какъ о составномъ элементѣ цѣлаго, сплавить его элементы, соединивъ ихъ болѣе тѣсно, чѣмъ это случилось бы иначе. Такое объединеніе элементовъ въ одной идеѣ является само по себѣ разложеніемъ умственной энергіи въ отношеніи къ полнотѣ отдѣльной мысли. И благодаря (being due) представленію о цѣломъ въ отношеніи къ части, оно обнаруживаетъ изобиліе энергіи въ мысли о цѣломъ вмѣстѣ съ частью: такъ что въ объединеніи элементовъ умственная сила найдетъ себѣ выраженіе въ языкѣ“. Это головоломное разсужденіе весьма мало примѣнимо къ флексіи; такимъ же образомъ и на основаніи того

же самаго психическаго процесса совершается объединеніе агглютивныхъ образованій или такихъ сложныхъ словъ, какъ китайскія названія добродѣтели или счастья¹⁾. Умственная энергія—первоисточникъ *всѣхъ* грамматическихъ образованій, по мнѣнію Байрна, и между жизнью и характеромъ народа и его языкомъ существуетъ самая тѣсная связь. Исходя изъ этого принципа, Байрнъ съ крайней тщательностью прослѣживаетъ самыя разнообразныя языковыя явленія. Приведу нѣсколько образчиковъ его разсужденій. „Если самообладаніе (selfdirection) расы не имѣетъ особеннаго значенія въ его жизни, потому ли, что воля, хотя бы сильная и дѣятельная, не можетъ контролировать его внѣшнія условія, или потому, что дѣйствіе, хотя бы порожденное волей, мало руководится въ своемъ совершеніи волевыми актами, а болѣе руководствуется привычкою или подражаніемъ, или потому, что дѣйствіе порождается не столько волей, сколько удовольствіемъ или желаніемъ, или внушеніемъ традиціи или давленіемъ обстоятельствъ; во всякомъ случаѣ, мысль о лицѣ (of self), какъ управителѣ и осуществителѣ жизни, будетъ обозначена мало, а мысль о субъектѣ, отличномъ отъ глагола, какъ объ исполнителѣ дѣйствія, будетъ соразмѣрно съ этимъ слаба, и именительный надежъ, какъ таковой, т. е. его отличительный элементъ, получить слабое выраженіе въ языкѣ“ (27). Для объясненія послѣдовательности частей рѣчи въ предложеніи Байрнъ прибѣгаетъ къ тому же методу. Такъ, оказывается, что „мало вдумчивая раса имѣетъ склонность мыслить субъектъ, если и отлично отъ глагола, не въ общей идеѣ его, то все же ограниченнымъ и опредѣленнымъ комбинаціей съ глаголомъ. Мысль о субъектѣ въ его естественномъ

¹⁾ Добродѣтель (šūn hiab tsiet ní)—вѣрность (къ государю)+почтеніе (къ родителямъ и родственникамъ)+умѣренность+законная дѣятельность. Такой же процессъ объединенія частей и въ словѣ счастье е. См. Misteli. 180—181. Сюда же должны быть отнесены и образованія по типу инкорпорациі, каковы, напр., литов. ramigodik (покажи мнѣ) у Ширвида. Punkty казаñ 73, 33 или латыш. ģvašandoma jāš (подумалось мнѣ). Latwju dainas. № 1085, var. 5.

положеніи передъ глаголомъ, и потому не ограниченномъ имъ, находится въ опасности; а мысль о субъектѣ, заключающемся въ глаголѣ, уже вмѣстѣ съ нимъ представляющемся уму и предшествующемъ субъекту въ рѣчи, будетъ стремиться найти себѣ выраженіе вмѣстѣ этого; такимъ, образомъ, въ языкѣ такой расы именительный падежъ будетъ стремиться слѣдовать за глаголомъ“. (28).

Подобныя разсужденія составляютъ теоретическое вступленіе въ изученіе принциповъ строенія языковъ. Далѣе идетъ изслѣдованіе психики разныхъ племенъ со стороны ихъ умственной возбудимости или живости ихъ мысли, которая, какъ доказывалъ Байрнъ раньше, имѣетъ непосредственное отношеніе къ созданію формъ ихъ рѣчи. На основаніи нѣсколькихъ словъ какого-нибудь путешественника опредѣляется умственная энергія того или другого народа: такъ напр., финскимъ племенамъ вообще приписывается слабая умственная возбудимость на основаніи словъ Причарда объ эстонцахъ и финляндцахъ, при чемъ о послѣднихъ сказано только то, что они серьезны, на видъ мрачны и медлительны, и что между ними происходитъ мало ссоръ. Весь этотъ непродуманный и непровѣренный матеріалъ, собранный какъ попало, имѣетъ, конечно, весьма малую доказательную силу.

Какъ ни громадна на видъ книга Байрна, она не такъ мудрена, какъ это кажется. Большая часть ея (т. I, стр. 87—510 и т. II, стр. 1—278) занята очерками грамматикъ различныхъ языковъ, не представляющими ничего оригинальнаго. Послѣдняя часть книги (II. 278—386) посвящена синтезу и выводамъ. Не трудно показать на основаніи этихъ обобщеній, что каждый изъ языковъ представляетъ массу явленій, изъ которыхъ одни указываютъ на сильную интензивность его мышленія, другія на слабую, такъ что въ области одного и того же языка рядъ противорѣчивыхъ явленій. При этомъ Байрнъ, конечно, ни мало не задумывается надъ исторіей языковъ, надъ процессами исключительно лингвистическаго характера, не вытекающими изъ психики народа и т. п. Далѣе кардинальный вопросъ, который ему неминуемо слѣдовало

разрѣшить, остается даже не поднятымъ: именно, если близко родственные индоевропейскіе языки (напр., литовскій и славянскій) представляютъ явленія различныя, то находятъ-ли этотъ фактъ отраженіе себѣ въ умственной возбудимости соотвѣтствующихъ народовъ; скажу болѣе, какъ согласить съ теоріей Байрна, по которой между мышленіемъ и языкомъ неразрывная связь, расчлененіе языка на діалекты. Неужели у москвича и новгородца разнича въ психиѣ такъ громадна, чтобы она могла создать столь значительныя діалектическія измѣненія, какія мы находимъ между акающимъ и окающимъ говорами великорусскаго языка? Далѣе, какъ объяснить существованіе разныхъ способовъ выраженія въ рѣчи даже одного и того же лица?

Не выяснивъ этихъ и множества еще болѣе сложныхъ вопросовъ, Байрънъ наполнилъ свою книгу положеніями, которыя вызываютъ большое недоумѣніе. Такъ, онъ смѣло сопоставляетъ языкъ готтентотскій со славянскимъ и литовскимъ на основаніи того, что въ образованіи прошедшаго времени въ этихъ языкахъ находятъ какое-то сходство, указывающее на „номадическій характеръ“ ихъ (II. 304). „Такъ какъ индоевропейцы обладаютъ болѣе развитымъ, чѣмъ сиронабы, чувствомъ личной силы въ направленіи своей жизни, то и въ личномъ мѣстоименіи у нихъ больше чувства внутренней личности“ (II. 361). Оставляя въ сторонѣ грамматическое обозначеніе рода, независимое отъ психическаго, Байрънъ приходитъ къ выводу, что „родъ тѣмъ болѣе имѣетъ тенденцію различаться на мужской и женскій, чѣмъ болѣе управляется силами природы раса“ (II. 365), и въ видѣ иллюстраціи этого весьма спорнаго положенія онъ приводитъ самыя неожиданныя комбинаціи племенъ, дѣлая рѣшительно ничѣмъ не подтверждаемыя допущенія. Было бы скучно приводить здѣсь всѣ выкладки автора, но вотъ, напр., оказывается, что сильная тевтонская раса болѣе подчинила себѣ природу, чѣмъ греки и римляне, и потому имѣетъ склонность къ среднему роду, а новокельтскій, литовскій и романскіе языки совсѣмъ потеряли его, какъ и соотвѣтствующіе народы стараются приспособить

собиться и приладиться къ окружающему міру, „но славянскій языкъ, подобно тевтонскому, стремится къ употребленію средняго рода“.

Подобныхъ категорическихъ, совсѣмъ необоснованныхъ, неясныхъ и неотчетливыхъ заявленій въ книгѣ Байрна сотни: на каждой страницѣ послѣдней части мы находимъ ихъ рассыпанными какъ бы изъ рога изобилія; но такъ какъ и приведенныя замѣчанія, я надѣюсь, достаточно показали полную неподготовленность названнаго ученаго къ рѣшенію лингвистическихъ вопросовъ, и такъ какъ, далѣе, онъ не далъ себѣ труда ближе остановиться на опредѣленіи агглютинаціи въ ея отношеніи къ флексіи, повторивъ только слова Макса Мюллера, и приведя вышеуказанныя психологическія основанія флексивныхъ образованій,—то, я думаю, читатель позволитъ мнѣ покинуть трудъ Байрна, какъ вещь совсѣмъ ненаучную, и перейти къ обзору послѣдующей литературы, посвященной вопросу о грамматическихъ типахъ языковъ.

Я останавлиюсь немного только на брошюрѣ горячаго поклонника Байрна, графа Шуленбурга¹⁾, который повторяетъ давно извѣстныя старыя истины о бѣльшей культурности народностей, говорящихъ флексивными языками, сравнительно съ народами, языки которыхъ представляютъ другіе морфологическіе типы. „Культурный процессъ народовъ“, говоритъ онъ (стр. 8): „основывается на ихъ душевной силѣ (Geisteskraft). Чѣмъ она выше, тѣмъ больше мысли будетъ заключать въ себѣ каждый психическій актъ, и тѣмъ яснѣе эти акты проявятся въ сознаніе. Всякая мысль, которую выражаетъ рѣчь, содержитъ *implicite* прежде высказанныя, имѣющія быть высказанными послѣ и невысказанныя, но дополняющія мысли. Чѣмъ больше душевная сила, тѣмъ яснѣе доходятъ до сознанія эти побочныя мысли, и тѣмъ большее вліяніе онѣ оказываютъ на мысли, которыя сейчасъ должны быть высказаны;

---

¹⁾ *Alb. Graf von der Schulenburg. Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues. Eine studie über das werk des James Byrne "Principles of the Structure of Language". Leipzig. 1895.*

въ цѣломъ рѣчи присутствуетъ часть, въ каждой части цѣлое; оба суть органическія единицы, но взаимно обуславливаютъ другъ друга; вещественные и формальные элементы органически сплавляются въ словѣ, — строеніе языка оказывается не изолирующимъ или агглютинирующимъ, но флексирующимъ“.

Изъ приведенной цитаты видно, что гр. Шуленбергъ въ сущности не пошелъ дальше Байрна, но я посвящаю нѣсколько словъ предубѣжденію этого и другихъ ученыхъ того же направленія, будто бы въ такъ наз. агглютинирующихъ языкахъ мысль выражается менѣе отчетливо, чѣмъ въ флексирующихъ. Всякому, кому приходилось читать тексты на какомъ-нибудь финскомъ языкѣ, вѣроятно, бросалось въ глаза, съ какой легкостью этотъ языкъ передаетъ сложныя идеи, и съ другой стороны кому не помнятся тѣ трудности, съ которыми выражаетъ свои мысли какой-нибудь древній флексирующій языкъ. Такъ какъ все указанное предубѣжденіе покоится на слишкомъ очевидно фальшивыхъ основахъ, то я приведу всего нѣсколько примѣровъ перваго и втораго рода. Въ своемъ описаніи путешествія къ остякамъ финскій писатель Карьялайненъ употребляетъ, напр., такой оборотъ: *gannasta räästyämme alkoï taivas valjeta*, что значитъ: „когда мы отчалили отъ берега, небо начало проясняться“. Здѣсь выраженіе: „когда мы отчалили“ передано черезъ одно слово *räästyämme*, которое разлагается на *räästyä* и *mme* (мы, нашъ, вообще частица, указывающая на 1 лицо мѣстоим. множ. числа); въ томъ же сочиненіи мы находимъ черезъ двѣ страницы фразу: *tervehdyslaukaus ilmoitli, että olimme kylään saarumaisillamme*¹⁾ (привѣтственный выстрѣлъ показалъ, что *мы приближаемся въ деревнѣ*); здѣсь *saarumaisillamme* съ той же частицей *-mme*, о которой мы сейчасъ говорили, разлагается на слѣдующія части: *saarumaisillamme* (при нашемъ приближеніи). Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ однимъ словомъ (отглагольнымъ существительнымъ, причастной формой) передается мысль, которую на нашемъ языкѣ прихо-

¹⁾ Journal de la société Finno-Ougrienne. XVII. 7. 9.

дится выразить цѣлой фразой. Образованія мордовскаго (какъ и другихъ финскихъ языковъ) такъ же просты: напр., въ сказкѣ мы находимъ оборотъ *sin tet af muvïht*¹⁾ (ихъ тебѣ не найти; буквально: они тебѣ не будутъ найдены); здѣсь: *muvïht* отъ корня *mu* (*мууан*)—находить представляетъ страд. залогъ съ признакомъ *f*, который между двумя гласными переходитъ въ *v*; окончаніе *-iht* то же, что и въ дѣйств. степени. Выраженіе *sembä lomañ kälhnendi* (*ibid.* 97), т. е. языкамъ всѣхъ людей, буквально значить: *весь человѣкъ языкамъ*²⁾.

Рядомъ съ этой простотой и ясностью передачи мыслей въ агглютинирующихъ языкахъ будетъ нелишнимъ привести два примѣра того, какъ путается иной разъ и флексирующій языкъ, когда ему приходится выражать отвлеченную мысль. Беру образчикъ изъ исторической книги Авесты (*Vendidad.* II. 11)³⁾: *aēva r̥gišva ahmāt masuēhim uarā para ahmāt as*, что значить: *на одну треть больше, чѣмъ прежде*. Если попытаться передать это предложеніе дословно, то получится слѣдующее: „*одною третью отъ того (Abl. ahmāt) больше, какъ прежде отъ того было*“. Или еще (*Vendidad.* III. 32): *icta mīrñāt daēva aipijaiñti umāne aiñhāi gundayāi* (здѣсь да останется въ домѣ, изъ котораго выгнаны даэвы, для этого колоса). Выраженіе: *изъ котораго выгнаны даэвы* буквально слѣдовало бы перевести: *выгнанномъ даэвы*, гдѣ *daēva* Nom. Pl.

Приведенные мною примѣры вовсе не имѣютъ въ виду показать превосходство одного типа образованій надъ другимъ въ смыслѣ точности передачи мыслей: напротивъ, я убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи всѣ языки міра стоятъ на совершенно той же степени. То, что не выражено грамматически, при-

1) *Ahlquist.* Versuch einer Mokscha - Mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis. Spb. 1861, стр. 131.

2) Есть не мало поклонниковъ агглютинаціи. См. о нихъ *Iesper- sen.* Progress in language. 16.

3) По изданію Гельднера.

вносится мыслью, какъ это справедливо указывали еще лингвисты сороковыхъ годовъ, и, какъ подчеркиваетъ Габелентцъ ¹⁾, чистѣйшій типъ изолирующаго языка, китайскій, принадлежитъ къ совершеннѣйшимъ носителямъ мысли, которую онъ умѣетъ удивительно тонко расчленять, отдѣлять и сочетать.

Вообще, замѣчанія этого ученаго о морфологическихъ типахъ языковъ заслуживаютъ особеннаго вниманія, хотя, какъ я постараюсь показать, онъ не сдѣлалъ послѣднихъ выводовъ изъ своихъ разсужденій. Прежде всего объ *изолирующихъ* языкахъ. Принципъ изоляціи принадлежитъ вовсе не только этимъ языкамъ: ею пользуются и дѣти, прибѣгая къ соединенію въ предложеніи отдѣльныхъ словъ (Mädel Tuhl, kletter; bum! Mama rusch rusch, bissen!—дѣвочка на стуль лѣзла, упала, мама неможко нашлепала), и новѣйшіе языки въ образованіи сложныхъ словъ въ родѣ Schleifstein, Dickkopf, schwarzbraun и т. д. Какъ бы то ни было, говоритъ Габелентцъ (329): уже изолирующій языкъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ вспомогательныхъ словъ, которыя онъ чувствуетъ формальными элементами, ибо употребляетъ въ качествѣ средствъ для образованія формъ. При этомъ „грамматика ничего не теряетъ въ своей организующей дѣятельности (formende Leistungskraft) оттого, что она оказывается чисто синтаксической, пользуясь лишь средствами расположенія словъ и формальными словами“. Габелентцъ идетъ даже такъ далеко, что утверждаетъ, что „во всѣхъ языкахъ этого класса изоляція является, повидимому, не первоначальнымъ, но третичнымъ и даже четвертичнымъ явленіемъ. Во всѣхъ, пожалуй, изъ нихъ проявляется тенденція сдѣлать часть слова по звуковому составу и по содержанію менѣе солидной и самостоятельной, чѣмъ остальные элементы рѣчи. Слѣды этого можно указать уже въ древне-китайскомъ языкѣ, а ново-китайскіе діалекты пошли въ этомъ отношеніи такъ далеко, что врядь-ли ихъ можно уже называть односложно-изолирующими.

---

¹⁾ G. von der Gabelentz. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1891, стр. 328.

То, что лишено своей самостоятельности, должно связаться съ другимъ, искать опоры въ немъ. То, что прежде было изолировано, является теперь въ извѣстной части сложнымъ, и такъ сложное образование (Compositum) представляется съ внѣшней стороны изолированной частью рѣчи высшаго порядка. Однако и до сихъ поръ сложеніе (Zusammensetzung) продолжаетъ быть главнымъ условіемъ развитія изолирующаго типа языка“. (328).

Изъ вышеприведенныхъ словъ Габелентца, я думаю, можно сдѣлать два вывода: 1) намъ неизвѣстно ни одного языка безъ элементовъ, имѣющихъ только грамматическое значеніе, и 2) принципъ, который служилъ для развитія мысли, заключался искони наравнѣ съ синтаксическимъ сопоставленіемъ словъ въ сложеніи двухъ словъ, при которомъ одно изъ нихъ получало лишь формальное значеніе. Или, сводя оба положенія къ одному, скажу такъ: въ древнѣйшую эпоху китайскаго (и другого изолирующаго) языка было уже два принципа словообразованія, изоляція корней (т. е. ихъ сопоставленіе) и ихъ сложеніе, агглютинація.

Эти принципы являются опредѣляющими развитіе всѣхъ языковъ, въ томъ числѣ и индоевропейскихъ. Благодаря тому, что до насъ не дошли корни въ чистомъ видѣ, ихъ сопоставленіе не возможно, но сопоставленіе словъ (китайцы вѣдь тоже сопоставляютъ не корни, а слова) безъ измѣненія въ грамматическомъ отношеніи явленіе обычное въ сложныхъ словахъ не только такихъ языковъ, какъ французскій, англійскій или нѣмецкій, но и въ славянскихъ, сохранившихъ живое чувство флексіи. Въ одной изъ послѣдующихъ главъ я постараюсь показать, что для индоевропейскаго праязыка необходимо предположить употребленіе въ живой рѣчи тѣхъ основъ слова, которыя мы называемъ корнями, теперь же отмѣчу синтаксическое сопоставленіе словъ (въ китайскомъ смыслѣ — корней) въ такихъ сложныхъ словахъ, какъ франц. *chien-loup*, *pierre-ponce* (пемза)¹⁾, нѣм. *Vierwaldstätterseeschrauben-*

---

1) Сюда же, я думаю, надо отнести такіа сложныя слова, гдѣ

dampfschiffgesellschaft, Postdampfersubventionsvorlage, das einjährigfreiwillige Berechtigungswesen, Präsidenschaftswahlkampf¹⁾ и т. д.

Въ англійскомъ языкѣ, благодаря вымиранію флексіи, возможны цѣлыя фразы, построенныя по типу изоляціи. Такъ, Свить²⁾ приводитъ въ своей книгѣ (стр. 61) слѣдующія предложенія: you know many people; do you know it; a ten round note. Какъ въ латинскомъ и греческомъ, такъ и въ литовскомъ языкѣ уже съ начала его письменности мы находимъ стремленіе къ сопоставленію въ сложныхъ словахъ такихъ частей ихъ, которыя чувствуются носителями значенія слова, его корнями. Подобно тому, какъ *ferōx*, *ātrōx* распадаются на *fer(us)+ōs+s*, *āt(er)+ōs+s* или греч. *γλαυχῶπις* на *γλαυχ(ος)+ῶπις*³⁾, такъ и литовскія сложныя слова распадаются на двѣ части, изъ которыхъ первая чувствуется только, какъ корень. При этомъ иногда оказывается, что, въ сущности, обѣ части сложнаго образованія ощущаются корнями и могутъ стоять поочереды на первомъ мѣстѣ: такъ, рядомъ со старо-литов. *medwinia* (1589) стоятъ со-

---

первая часть какая-то глагольная основа (не форма): напр. *abatjour*, *teint-vin*, *rompt-pierre*, *boit-tout* etc. *Körting*. *Encyklopedie und Methodenlehre der Romanischen Philologie*. III. (1886), стр. 159—160.

¹⁾ *M. Bréal*. *Essai de sémantique*. Paris, 1897, стр. 181 (прим.). Ср. также весьма важныя слова Габелентца (стр. 331): „Wenn das Französische und Englische viele Suffixformen des Lateinischen und Angelsächsischen durch vorgefügte Formenzeichen ersetzt haben, so sind sie damit noch nicht zu einer präfigirenden Agglutination, sondern nur zu einer theilweisen Isolation gelangt“.

Чисто синтаксическія (изоляціонныя) соединенія, которыя приобрѣтаютъ видъ глагольныхъ основъ, отмѣчены Э. Сетэлэ въ образованіи нѣкоторыхъ финноугорскихъ глагольныхъ формъ. См. его книгу *Zur Geschichte der Tempus- und Modusstambildung in den finnisch-ugrischen Sprachen*. 1886, стр. 80—82.

²⁾ *H. Sweet*. *The history of language*. London, 1901.

³⁾ *Fr. Stolz*. *Historische Grammatik der lateinischen Sprache*. Leipzig, 1895, стр. 432.

временное *wynmedis* (*weinstock*) или рядомъ со старымъ *gyszgalwis* (головная повязка) стоитъ теперь *galwa gysz-tis*¹⁾. Образованія такого типа появляются въ балтійскихъ языкахъ съ древнѣйшей поры ихъ историческаго существованія; они обычны и теперь.

Переходя къ славянскимъ языкамъ, я отмѣчу въ нихъ *изоляціонныя* образованія сложныхъ словъ двухъ типовъ: къ первому принадлежатъ такіа слова, въ которыхъ языкъ пытается отдѣлить корни и ихъ въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ сдѣлать первой частью образованія (къ этому типу относятся напр. серб. *čistikuća*, *gàziblato*, *peznàbožac*²⁾ и т. п. и сходныя сложные слова въ другихъ славянскихъ языкахъ); ко второму типу относятся довольно обычныя пѣсенныя сопоставленія двухъ существительныхъ (приложенія съ опредѣляемымъ словомъ), при чемъ первое стоитъ неизмѣнно въ имен. падежѣ, который въ данномъ случаѣ ощущается, какъ корень слова. Изъ множества примѣровъ, приведенныхъ Мильошичемъ³⁾, ограничусь нѣсколькими: серб. *ja sam seja Zmaj—Ogњena Vuca*, до Острог—планине, рус. *мать—сырой землѣ*, *казну младѣ Соловья*, ко тому камню бѣлѣ—горючему, изъ трость—дерева и т. д.

Изъ стар.-пол. приведу форму въ молитвахъ 1375 г.: *WerzŃ w bog otcza* (*Hamusz. Spraw. kom. Ięz. I. 321*). Очень интересныя образованія отмѣчены Бартошемъ въ моравскихъ говорахъ; укажу, напр., на слово „*jak se ratřĩ*“ = *pořádný*, которое склоняется: „*mám jak se ratřĩho raschořka*“ (*Dial. morav. I. 151—152*).

Опредѣливъ сущность изоляціи, Габелентцъ переходитъ къ агглютинаціи, при чемъ и здѣсь въ отличіе отъ своихъ

¹⁾ *Ad. Bezenberger. Litauische und Lettische Drucke des XVI Jahrhunderts. Göttingen. 1875, стр. XXVII. Ср. его же Beiträge zur Geschichte d. litauischen Sprache. 1877, стр. 104—107.*

²⁾ *T. Maretić. Grammatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899, стр. 364—365.*

³⁾ *Vergleich. Gram. IV. 342—344.*

предшественниковъ онъ придаетъ этому явленію прежде всего психологическое значеніе! „Когда формальныя слова, какъ таковыя, ощущаются противоположностью вещественнымъ словамъ, то бываетъ естественно выразить эту противоположность и съ помощью артикуляціи. Прежде всего удареніе, при чемъ или формальный элементъ остается не отмѣченнымъ удареніемъ (*das Formale leichthin behandelt*) или, наоборотъ, логико-психологическія отношенія рѣзко отмѣняются имъ. Въ нашей свободной рѣчи, какъ извѣстно, встрѣчается и то, и другое; но во многихъ языкахъ обычай и правила становятся рѣшительно на ту или на другую сторону. Но въ обоихъ случаяхъ послѣдствіемъ оказывается то, что вещественныя и формальныя элементы рѣчи соединяются въ акустическія единицы; это какъ бы волны, которыя считаются по вершинамъ. Такимъ образомъ мы опять таки имѣемъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова сопоставленія, но уже не равноцѣнныхъ, вещественныхъ элементовъ, но соединенія вещества и формы. И этотъ видъ сопоставленія мы называемъ соединеніемъ или агглютинаціей“ (330). Повидимому, Габелентцъ не склоненъ однако проводить и въ этой области рѣзкой границы между индоевропейскими и другими языками: такъ, указавъ, что формальными элементами агглютинаціи являются *аффиксы*, которыя по мѣсту положенія дѣлятся на *пре-, су- и инфиксы*, онъ приводитъ въ качествѣ образца послѣднихъ одинъ примѣръ изъ флексивной группы языковъ (*findo, bhidnamī*), а другіе изъ малайскихъ, каларскихъ и т. п. языковъ.

Такъ какъ между изоляціей и агглютинаціей какихъ-нибудь постоянныхъ, непреложныхъ граней нѣтъ, и вся разница между ними сводится къ тому, насколько живо помнится конкретное значеніе элемента, получившаго лишь формальное употребленіе, то и въ языкахъ нашей группы могутъ быть изоляціонныя и агглютинаціонныя образованія. Послѣдними Габелентцъ справедливо признаетъ формы *je-dir-ai*, образованія съ суффиксами *-ment, -heit, -lich* и др., „конкретное происхожденіе которыхъ извѣстно языковѣдному, но уже забыто языковымъ сознаніемъ народа“ (331).

При такомъ психологическомъ пониманіи различія въ словообразованіяхъ Габелентцъ справедливо относится со сценицизмомъ къ термину „агглютинирующие языки“, который признаетъ въ лучшемъ случаѣ своего рода *sache-dévo-g-dge*, кладовой, куда свалены самые разнообразныя языки. „Возбуждаетъ недоумѣніе лишь то, что на сей разъ кладовая занимаетъ большую часть постройки“. На слѣдующихъ страницахъ Габелентцъ пытается раздѣлить т. наз. агглютинирующие языки на группы и въ концѣ концовъ задаетъ весьма существенный вопросъ: какія категоріи словъ образуются по способу агглютинаціи, и въ какихъ грамматическихъ категоріяхъ образующимъ элементомъ служитъ система аффиксовъ? „Здѣсь“, по его мнѣнію, „внѣшняя форма входитъ въ соприкосновеніе съ внутренней и вопросъ о грамматическихъ категоріяхъ стоитъ независимо отъ морфологического класса“ (333).

Съ точки зрѣнія внѣшней формы никакъ не опредѣлишь, какая разница между глагольными формами какого-нибудь лапландскаго языка съ измѣненіями гласнаго въ основѣ и такими греческими образованиями, какъ $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$, $\epsilon\lambda\iota\pi\omega$, $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota\pi\alpha$, ибо „флексія въ индогерманскомъ смыслѣ этого слова является лишь далеко зашедшей впередъ агглютинаціей“. Напирая на то, что внутреннее соединеніе формы и вещества сказывается въ множественности индоевропейскаго склоненія (*Caesaris, Pompei*) и спряженія (*amari, legi, scripsi*), а еще лучше въ такихъ дефективныхъ системахъ, какъ *sum-fui, λέγω-εἶπεν* и др., Габелентцъ однако признается, что совершенно сходныя явленія наблюдаются и въ другихъ языкахъ, американскихъ, африканскихъ, кавказскихъ и проч. И далѣе, мы постоянно встрѣчаемся у него съ языками флексивными рядомъ съ агглютинирующими (обѣимъ группамъ приписывается известная символика гласныхъ; агглютинація окончаній).

Очень вѣрны замѣчанія Габелентца и относительно той неопредѣленности, которая связывается съ понятіемъ о флексирующихъ языкахъ. Принципу формулированія словъ (*Wortformung*) приписывается здѣсь большое значеніе: онъ образуетъ основу, слово и всякое вещественное слово по своему, въ

видѣ формы. „Однако къ нашему классу языковъ это не имѣетъ полного примѣненія. Мы имѣемъ мѣстоименія *me, te, ěr.ε, се* и т. д., которыя не обладаютъ никакимъ знакомъ формы и, повидимому, никогда и не обладали имъ. Далѣе, мы имѣемъ безформенные имен. падежи у существ. женскаго рода на *ā*, въ основахъ, какъ санскр. *माता*, лат. *arbor* и т. д. А если мы прослѣдимъ дальнѣйшее развитіе нашихъ языковъ, то мы увидимъ все увеличивающееся разрушеніе падежныхъ формъ, особенно того пресловутаго двуполаго существа, падежа не то субъекта, не то предиката, который называется именительнымъ“ и т. д. (335—336 стр.).

Наконецъ, къ числу образованій, стоящихъ по срединѣ между изоляціей и агглютинаціей и представляющихъ типъ *синтаксическаго сложенія*, Габелентцъ относитъ такія сложные слова, какъ санскр. *putradāgau* (Dual.) дитя и жена, лат. *suovetaurilia* и т. д. (341).

Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ своей книги, гдѣ рѣчь заходитъ объ агглютинаціи (напр., стр. 383—384), Габелентцъ обнаруживаетъ тонкое пониманіе строя т. наз. агглютинирующихъ языковъ; онъ отмѣчаетъ, напр., что ясность ихъ строенія можетъ быть только кажущейся, что конкретное значеніе формальныхъ элементовъ часто тоже кажется намъ такимъ лишь по недоразумѣнію и т. п. Однимъ словомъ, этотъ ученый, повидимому, склоняется къ мысли, что классификація языковъ, построенная на морфологическомъ критеріи, вещь, заключающая сама въ себѣ противорѣчіе, и что въ языкѣ каждой группы можно отмѣтить образованія типа синтаксическаго сопоставленія словъ (изоляціи), довольно мало сплоченныя соединенія формальныхъ элементовъ съ основой (агглютинаціи) и наконецъ тѣсныя, неразрывныя соединенія ихъ (флексія). По крайней мѣрѣ, въ индоевропейскихъ языкахъ всѣ три типа отмѣчаются Габелентцемъ.

То же самое оказывается вполне примѣнимымъ и къ финноугорской группѣ языковъ: и здѣсь я постараюсь въ слѣдующей главѣ отмѣтить рядъ чисто флексивныхъ образо-

ваній, изолирующія были указаны (пока на одномъ примѣрѣ) въ мордовскомъ *sem bā lo maí kálhpendi*.

Теперь я перейду къ книгѣ, которая ставитъ вопросъ о морфологическомъ развитіи языковъ очень оригинально и интересно. Я имѣю въ виду сочиненіе Есперсена „Прогрессъ въ языкѣ“, вышедшее въ 1894 году на англійскомъ языкѣ¹⁾. Выводъ автора совершенно противоположенъ всѣмъ взглядамъ Шлейхера и его послѣдователей, которые предполагаютъ, что отъ изоляціи языкъ переходитъ черезъ промежуточную ступень агглютинаціи къ флексіи. Есперсенъ, наоборотъ, утверждаетъ, что „эволюція языка проявляетъ прогрессивную тенденцію отъ нераздѣльныхъ неправильныхъ конгломераций къ свободно и правильно комбинирующимся краткимъ элементамъ“ (стр. 127). Иначе говоря, отъ полисинтетической флексіи языкъ переходитъ къ агглютинаціи, а отъ нея къ безфлексійной (*flexionless*) изоляціи.

Не смотря на то, что названный остроумный лингвистъ приходитъ къ выводамъ, противоположнымъ Шлейхеровскимъ, однако же я думаю, что онъ въ основѣ настолько же неправъ, какъ и его противники, потому что мнѣ представляется ошибочнымъ тотъ или другой принципъ формообразованія переносить на опредѣленную эпоху языковаго развитія. Вслѣдствіе этого несогласія съ книгой Есперсена я считаю себя обязаннымъ посвятить ей внимательное разсмотрѣніе.

Вводная глава „Прогресса въ языкѣ“ начинается съ весьма остроумнаго указанія, что англійскій языкъ, представляющій своей тысячелѣтней исторіей особенно пригодный матеріалъ для изученія принциповъ языковаго развитія, не обладаетъ ни однимъ изъ тѣхъ признаковъ, которые лингвистика (въ лицѣ Фр. Мюллера) считаетъ типическими чертами индогерманской семьи языковъ: онъ не различаетъ ворня, основы и цѣлаго слова (въ словахъ *man*, *wish* такого раздѣленія

---

¹⁾ *Otto Jespersen. Progress in language with special reference to english. London. 1894.*

никакъ не сдѣлаешь); въ немъ нѣтъ яснаго различія между именемъ и глаголомъ (I wish и my wish), между родами и между грамматическими категоріями. Отсюда возникаетъ вопросъ: выше или ниже ново-англійскій языкъ первобытнаго арійскаго?

Разрѣшеніе на этотъ вопросъ уже давно дано школой Шлейхера—и не въ пользу англійскаго языка, и это обстоятельство заставляетъ Есперсена изложить сущность взглядовъ Шлейхера, котораго онъ упрекаетъ въ слѣпой послѣдовательности Гегелю. Такъ, изложивъ свою теорію о лѣстницѣ языкового развитія, Шлейхеръ однако не могъ привести историческихъ доказательствъ для подтвержденія ея, да и не старался сдѣлать это, имѣя отличную отговорку въ Гегелевскомъ смыслѣ, что исторія начинается лишь тогда, когда человѣчскій духъ „сознаетъ свою свободу“ (стр. 7). Когда же начинается исторія народа, развитіе языка, по ученію Шлейхера, прекращается; изъ этой крѣпости шлейхеровцы никогда и не выходятъ.

Представители этой школы вообще ставили старыя индоевропейскіе языки выше новыхъ, удивляясь сложности первыхъ и сравнивая ихъ формы со статуями; Есперсенъ держится иного мнѣнія: онъ утверждаетъ что краткія образованія новыхъ языковъ, какъ болѣе экономныя въ смыслѣ мускульномъ и мозговой работы, сопряженной съ ихъ заповинаніемъ, значительно превосходятъ старыя формы, и разсмотрѣнію этого вопроса онъ посвящаетъ вторую главу. Здѣсь онъ отмѣчаетъ общее стремленіе новыхъ языковъ (англійскаго) къ развитію общихъ формъ вмѣсто спеціальныхъ (стр. 32); на этомъ основывается употребленіе глагола had вмѣсто цѣлой дюжины готскихъ (habaida, habaidês, habaidêdu, habaidêduts, habaidêdeima и др.), вымирание согласованія именъ прилагательныхъ и вообще согласованія (лат. *opera virorum omnium bonorum veterum* рядомъ съ англ. *all good old men's works*), отчего языкъ приобретаетъ болѣе абстрактный характеръ, облегчающій выраженіе мыслей (39 стр.).

Такимъ образомъ, Есперсену предстоитъ разсмотрѣть

сложный типъ языка, чтобы показать его существенныя отличія отъ той стадіи языкового развитія, какую онъ констатируетъ въ новыхъ западно-европейскихъ языкахъ. При этомъ съ его точки зрѣнія сложный типъ и будетъ первобытнымъ, и потому въ третьей главѣ, названной имъ „Первобытной грамматикой“, Есперсенъ начинаетъ изложеніе съ разсмотрѣнія языка южноафриканскихъ племенъ Банту. Какъ извѣстно, особенною этой группы языковъ является нѣкотораго рода аллитерація, состоящая въ повтореніи перваго слога перваго слова во всѣхъ другихъ словахъ этого предложенія, отчего получаются самыя разнообразныя (до 16) формы одного и того же слова: такъ, мѣстоименіе твое въ молитвѣ „Отче нашъ“ передается черезъ *lako*, *ba ko* и *ya ko* или слово *inkosi*, *царь* въ зависимости отъ предложенія выступаетъ въ формахъ: *wen kosi*, *ben kosi*, *zen kosi*, *len kosi*, *en kosi*, *kwen kosi*. Такъ какъ на одномъ изъ языковъ этой группы была уже двѣсти лѣтъ тому назадъ составлена грамматика, то до извѣстной степени проясняется исторія его формъ, и Есперсенъ полагаетъ, что въ прежнее время было болѣе, чѣмъ 16 классовъ, такихъ повторяющихся въ фразѣ элементовъ, и что они болѣе походили на дѣляя слова (51—52 стр.). Самое происхожденіе ихъ кажется Есперсену понятнымъ: первоначально, это и были слова, которыя нужно было постоянно повторять, чтобы быть понятнымъ.

Довольно неожиданно заключеніе Есперсена, сдѣланное изъ изученія такой группы языковыхъ явленій Банту: по его мнѣнію, предложеніе *umuntu wetu uyabonakala simtanda* (нашъ человѣкъ появляется, мы любимъ его) распадалось первоначально на:

umuntu = человѣкъ = я говорю о человѣкѣ;

umuntu etu = человѣкъ наши = человѣкъ есть нашъ, это нашъ человѣкъ;

umuntu yabonakala = человѣкъ появляется = человѣкъ появляется;

si umuntu tanda = мы человѣкъ любить = мы любимъ человека.

Для Есперсена представляется яснымъ, что мы присутствуемъ въ языкѣ Банту при образованіи *мѣстоименій* изъ полныхъ именъ, при происхожденіи другихъ *грамматическихъ формъ* и въ частности глагольныхъ окончаній, даже чего-то въ родѣ члена. Вообще говоря, по мнѣнію Есперсена, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, грамматическія обозначенія развились изъ сокращенія болѣе длинныхъ словъ, а не изъ расширенія короткихъ словъ помощью формальныхъ элементовъ (59). Этотъ выводъ, по его мнѣнію, имѣетъ примѣненіе и къ объясненію арійскихъ языковъ, и Есперсенъ ополчается противъ теоріи „неограмматиковъ“, которые, какъ мы уже видѣли, объясняютъ флексію сложеніемъ первоначально самостоятельныхъ частей; такъ какъ за это говоритъ много неподлежащихъ сомнѣнію фактовъ, то названный ученый чувствуетъ себя вынужденнымъ сдѣлать нѣкоторую уступку въ своихъ взглядахъ и признать хоть за нѣкоторыми флексивными образованиями сложное происхожденіе, но, во первыхъ, по его мнѣнію, такихъ формъ весьма не много; во вторыхъ, онѣ указываютъ только парониміе новыхъ флексивныхъ образований на старой флексивной почвѣ (ит. *á me gó*, *a me gaí*, др.-сѣв. *finnask* и т. д.), и въ третьихъ будь эта теорія примѣнима ко всѣмъ грамматическимъ формамъ арійскихъ языковъ, онѣ были бы гораздо правильнѣе, чѣмъ мы ихъ находимъ теперь; въ доказательство этого Есперсенъ ссылается на образованіе страдательнаго залога въ скандинавскихъ языкахъ и будущаго времени въ романскихъ (66—67). Наконецъ, указанная теорія забываетъ, что въ окончаніяхъ новыхъ формъ (*gender*, англ. *o xen* и др.) нѣтъ ничего специфическаго (68).

Мнѣ кажется, что въ тѣхъ возраженіяхъ, которыя Есперсенъ дѣлаетъ Паулю, Бругману и др. представителямъ этой школы, есть основной промахъ, заключающійся въ пренебреженіи отдаленнымъ прошлымъ индоевропейскихъ языковъ; дѣйствительно, формы *finnask*, *á me gaí* и т. под. указываютъ на новѣйшій складъ ихъ, но развѣ принципъ формообразованія, положенный въ основу ихъ, не можетъ быть примѣнимъ и къ прежнимъ временамъ; вѣдь для человѣка, складывавшаго

inf. a i n e g съ глаголомъ ai(habeo), оба элемента сложенія представлялись самостоятельными единицами, для него въ ту минуту, когда habeo онъ крѣпко связывалъ съ a ma g-, или когда сербъ соединялъ h y(хочу) съ ходити въ неразрывное цѣлое ходи h y, флексивное состояніе языка какъ бы не существовало, и онъ такъ же въ h y, ai чувствовалъ отгѣнокъ будущаго времени, который связывалъ съ дѣйствіемъ, служившимъ предметомъ его сужденія, какъ отдаленный предокъ его соединялъ, положимъ, съ частицей s представление о множественномъ числѣ и т. п. Есперсенъ замѣчаетъ, что образованія индоевропейскихъ языковъ гораздо менѣе правильны, чѣмъ можно было бы ожидать при предположеніи ихъ сложнаго образованія, но, я думаю, что и это возраженіе не вполне основательно: не забываетъ-ли Есперсенъ, что въ созданіи языка постоянно дѣйствуютъ силы, разрушающія эту правильность, т. е. всевозможныя ассоціаціи однихъ формъ съ другими. И тѣмъ не менѣе, древнѣйшія формы индоевропейскаго языка, который намъ извѣстенъ, во всякомъ случаѣ, уже сравнительно поздно, когда въ немъ развились говоры, настолько правильны, что и все ихъ позднѣйшее развитіе не стерло слѣдовъ ихъ происхожденія изъ агглютинативныхъ соединеній.

Встанемъ однако на точку зрѣнія самого автора цитируемой книги. Онъ думаетъ, что изъ тѣхъ образованій, которыя представляютъ языки Бавту, развились обозначенія грамматическихъ категорій. Пусть такъ, хотя меня лично примѣры Есперсена убѣдили мало; впрочемъ, это мое субъективное впечатлѣніе, и я на немъ не имѣю права настаивать. Пусть Есперсенъ даже правъ, но что можно заключить отсюда? Въ настоящее время уже не всякое слово повторяется въ предложеніи передъ каждымъ другимъ словомъ (почему повторяется только первое слово, не ясно; если бы уже говорить о повтореніи, то нужно бы создать не такую схему: $a + b + c + d$ даютъ $a + ab + ac + ad$, но такую $a + b + c + d$ даютъ $a + ab + abc + abcd$). Нѣтъ, теперь изъ всей массы словъ характеръ „напоминателей“ (reminders) получило

всего 16 словъ; образовалась, стало быть, известная правильность, и уже послѣ того какъ возникла *условная* почва для развитія грамматическихъ частицъ, изъ *полныхъ* словъ сократились тѣ элементы, которые приобрѣли функцію грамматическихъ обозначеній. Слѣдовательно, грамматическія формы возникли не изъ хаоса длинныхъ словъ, которыя потомъ, сократившись, положили начало грамматической системѣ, но изъ известнаго установленнаго *usus'*омъ языка разряда словъ, которыя создали группу частицъ, получившихъ лишь формальное значеніе и вслѣдствіе этого присоединявшихся для обозначенія грамматическихъ категорій къ полнымъ словамъ; при этомъ, конечно, совершенно безразлично съ принципиальной точки зрѣнія, къ началу или концу слова совершалось присоединеніе, пишутся частицы отдѣльно или вмѣстѣ со словомъ и т. п. Нисколько не мѣняется дѣло и отъ того, происходятъ ли внутри слова фонетическія измѣненія, оказываются ли формы подъ вліяніемъ аналогіи въ двухъ или болѣе схемахъ склоненія и спряженія. Важенъ лишь принципъ возникновенія флексіи изъ агглютинаціи частицъ, получившихъ постоянное формальное значеніе, а дальнѣйшая исторія такъ образовавшихся формъ — дѣло второстепенное. Всѣ же разсужденія Есперсена, повторяю, сводятся въ концѣ концовъ къ тому, что и въ „первоначальной грамматикѣ“, въ языкѣ Банту наблюдается та же закономерность. Въ этомъ отношеніи языкъ Банту настолько же далекъ отъ первобытности, какъ и китайскій или другой представитель изолирующей группы; нельзя, кажется, не согласиться съ Есперсеномъ, что послѣдніе представляютъ высшій типъ языковой эволюціи (89—90), въ которому стремятся всѣ языки, замѣняющіе мало-по-малу флексію синтаксическимъ расположеніемъ словъ (110—111). Этому вопросу посвящена IV глава, а V, озаглавленная „Развитіемъ языка“, заключается въ изслѣдованіи историческаго развитія индоевропейскаго языка.

Такъ какъ, по моему мнѣнію, заключеніе, къ которому приходитъ здѣсь Есперсенъ, вовсе не вытекаетъ изъ его основоположеній, то я долженъ остановиться подробнѣе на послѣд-

нихъ. По теоріи Шлейхера, говоритъ Есперсенъ, „первоначально изолирующій языкъ, состоявшій изъ безформенныхъ корней, прошелъ черезъ агглютинирующую стадію, когда развились формальные элементы, при чемъ они и корни были по отношенію другъ къ другу независимы, въ третьей и наивысшей стадіи, которую мы находимъ во флексивныхъ языкахъ; здѣсь формальные элементы прониikli корни и образовали съ ними неразрывныя единицы“ (113). Критика этихъ положеній сводится у Есперсена въ слѣдующему: корни самостоятельно никогда не существовали, это не болѣе, какъ абстракціи того общаго, что заключается въ группѣ этимологически родственныхъ словъ (114); агглютинація терминъ крайне неопредѣленный, вслѣдствіе чего къ агглютинирующей группѣ отнесены самыя разнообразныя типы языковъ, и вслѣдствіе чего ученые (Шлейхеръ, Фр. Мюллеръ) часто оказываются не въ состояніи опредѣлить, въ чемъ заключается различіе между грамматическими формами этихъ языковъ и какими-нибудь латинскими или греческими (115—118). Не менѣе шатко опредѣленіе и флексіи, которая означаетъ въ концѣ концовъ только неразрывность формальнаго и кореннаго элементовъ слова; но дѣленіе языковъ на аналитическіе и синтетическіе можетъ имѣть лишь относительный характеръ: латинскій языкъ синтетическій въ сравненіи съ французскимъ, а послѣдній аналитическій въ сравненіи съ латинскимъ; но если бы мы узнали непосредственнаго предка латинскаго языка, тысячи за двѣ лѣты до появленія первыхъ надписей, то мы, несомнѣнно, увидѣли бы настолько синтетическій языкъ, что въ сравненіи съ нимъ латынь Цидерона показалась бы въ высшей степени аналитической (121).

Итакъ, корни-абстракція, агглютинація терминъ неопредѣленный, флексія также. Сомнѣваюсь, чтобы отсюда вытекалъ такой выводъ: „доисторическое развитіе арійскаго языка отъ корней черезъ агглютинацію къ флексіи не выдерживаетъ критики“ (121). Почему? Если корни признаются не существующими, то ихъ, конечно, нужно исключить, но существованіе агглютинаціи вѣдь вовсе не отрицается Есперсеномъ. Онъ рѣ-

шительно рекомендуетъ обратиться къ изученію историческихъ эпохъ языковъ и изъ нихъ дѣлать заключенія о законахъ, управляющихъ лингвистической эволюціей. Заключение намъ уже извѣстно: изъ сложныхъ неправильныхъ (флективныхъ, инкорпоративныхъ) образованій языкъ переходитъ къ агглютинативнымъ, а отъ нихъ къ свободно комбинирующимся краткимъ элементамъ (126—127). Но этотъ выводъ, какъ я старался показать выше (при разборѣ теоріи Есперсена о языкѣ Банту), совершенно голословенъ; онъ доказанъ лишь въ послѣдней своей части. Кромѣ того, указывать на агглютинацію, какъ на стадію въ развитіи языка въ Шлейхеровскомъ или противоположномъ направленіи, Есперсенъ, казалось бы, не долженъ былъ, разъ онъ (см. выше) съ такимъ скепсисомъ отнесся къ агглютинаціи. Наконецъ, изученіе языковъ скорѣе доказываетъ, какъ я постараюсь отмѣтить въ дальнѣйшемъ изложеніи, существованіе въ каждомъ изъ языковъ и въ каждую эпоху трехъ типовъ образованія формъ: изоляцію, агглютинацію и флексію, при чемъ подъ изоляціей я разумью употребленіе корней въ сложныхъ словахъ, въ образованіяхъ новаго типа и т. д. Конечно, корень, установленный языкованіемъ, очень часто не совпадаетъ съ тѣмъ, что чувствуетъ корнемъ человѣкъ, не получившій грамматической выучки. Такъ, въ образованіи спáтенъки мы видимъ агглютинативную форму отъ корня *спать*, серб. *čègović* образовано отъ корня *čeg* или даже *čegov* и т. д. Чисто агглютинативное образованіе въ духѣ венгерскаго языка мы находимъ въ стар.-литов. сравнит. степени на *ėłasnis* (*Universitas linguarum Lituaniae 1737* г. по изд. Розвадовскаго 1896 г. стр. 18: *Sunt comparativa anomalia ab aliquibus desinentibus in as, desinentia in ėłasnis, v. g. auksztiełasnis przywyższy, paulo altior*).

Въ VIII томѣ журнала „Die neueren Sprachen“ (за 1900—1901 годъ) помѣщена статья южно-американскаго ученаго Рудольфа Ленца ¹⁾, посвящена обстоятельному разбору книги

---

¹⁾ „Ueber Ursprung und Entwicklung der Sprache“. Mit besonderer berücksichtigung von Iespersens Progress in Language. Von Rudolf

Есперсена. По своимъ размѣрамъ и самостоятельности точки зрѣнія эта статья должна быть разсмотрѣна отдѣльно при изученіи литературы вопроса о морфологическихъ типахъ строенія языковъ. Во многихъ случаяхъ критика Ленца, съ которой я познакомился памѣренно лишь послѣ того, какъ высказалъ свое сужденіе объ основныхъ взглядахъ Есперсена, сходится съ моимъ пониманіемъ вопроса: такъ, Ленць видитъ въ формахъ языка Банту тоже по существу своему агглютинативныя образованія (468—469); онъ возстаетъ противъ положенія Есперсена, что противъ возникновенія флексивныхъ языковъ изъ агглютинирующихъ говорятъ неправильности въ ихъ формообразованіяхъ, замѣчая справедливо, что „флексирующие языки могутъ возникнуть изъ готовыхъ агглютинирующихъ лишь потому, что ихъ принципъ мало-по-малу измѣняется вслѣдствіе психологическаго развитія“ (471). На стр. 517—531 названнаго журнала Ленць шагъ за шагомъ разбираетъ пятую главу книги Есперсена, посвященную, какъ мы уже видѣли, синтетическому изложенію общей языковой эволюціи.

Онъ соглашается съ датскимъ ученымъ, что корни нашихъ языковъ представляютъ лишь отвлеченіе изъ группы родственныхъ словъ, но вноситъ въ это положеніе весьма важную поправку. „Понятіе корня слова, какъ первоначальнаго элемента человѣческой рѣчи, вовсе не исчерпывается китайскими словами и корнями санскритскаго типа. Представьте себѣ языкъ, простой и прозрачный въ морфологическомъ отношеніи, не знающій въ имени существительномъ никакихъ флексивныхъ и агглютинативныхъ окончаній, даже никогда ихъ не знавшій“, поскольку можно судить объ этомъ. Поищите въ такомъ языкѣ самыя конкретныя слова, которыя мало годятся въ производные элементы и, на самомъ дѣлѣ, не имѣютъ никакихъ производствъ: — чѣмъ такія слова будутъ отличаться отъ корней? Правда, мы никогда не можемъ доказать, что то или другое слово служило первичнымъ словомъ (Urwort) языка

Lenz in Santiago de Chile. „Die neueren Sprachen“ VIII. 449—472, 513—534, 577—589.

въ его современной формѣ, и что оно сохранило ее въ неизмѣнномъ видѣ со времени созданія языка, однако я полагаю, что иногда мы имѣемъ право сдѣлать такое предположеніе“. Далѣе Ленцъ приводитъ примѣры изъ языка тарисхе, на которомъ говорятъ чилийскіе индѣйцы. Такія слова, какъ *ко* (вода), *уи* (носъ), *ге* (глаза), являются корнями и словами заразь; то же можно сказать про рядъ глагольныхъ корней, которые въ продолженіе 300 лѣтъ, какъ извѣстенъ этотъ языкъ, остаются безъ измѣненія.

Какъ же представить себѣ изолирующую стадію языка, спрашиваетъ Ленцъ. По его мнѣнію, наглядной иллюстраціей этого состоянія служить языкъ тарисхе. „Нужно вспомнить въ этомъ нарѣчій комбинаціи съ подчиненными мѣстоименными окончаніями и вставленными подчиненными вспомогательными глаголами, которые оказываются единственными словами съ урегулированнымъ положеніемъ“ (521). Для выраженія мыслей такой языкъ представлялъ весьма скудные средства, но это—то и важно. По глубоко вѣрному замѣчанію Ленца, „нѣтъ никакой возможности предъявлять первой формѣ рѣчи человѣческаго рода тѣ требованія, какія мы, обыкновенно, видимъ выполненными существующими языками. Это часто упускаютъ изъ виду. Языкъ или, вѣрнѣе, языки человечества (потому что я думаю, что созданіе языка произошло независимо въ различныхъ мѣстахъ земли) развились вмѣстѣ съ мышленіемъ его; сначала и, навѣрное, очень долго они находились въ зачаточномъ состояніи и были очень фрагментарны“ (522). Далѣе Ленцъ рассматриваетъ, какіе типы изоляціи могли бы существовать, при чемъ исходнымъ пунктомъ для него служатъ американскіе языки; къ книгѣ Есперсена онъ возвращается справедливымъ замѣчаніемъ, что тотъ заходитъ слишкомъ далеко, утверждая, будто всѣ корни арійскихъ языковъ возникли путемъ позднѣйшаго отвлеченія ихъ изъ группы родственныхъ словъ. По мнѣнію Ленца, напротивъ, корни такого происхожденія являются лишь исключеніемъ (526).

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ переходитъ къ агглютинаціи, ко-

тору характеризуетъ слѣдующими словами: „какъ Есперсенъ говоритъ, что флексія есть неразрывность конкретнаго слова (Sinnwort) съ формальнымъ элементомъ, такъ мы можемъ сказать: агглютинація есть разлучимость (die Trennbarkeit) обоихъ элементовъ“ (527). Рядомъ съ агглютинаціей существуютъ изоляція (какъ этотъ терминъ обычно примѣняютъ къ китайскому языку) и инкорпорація. „Всѣ эти формы постепенно переходятъ другъ въ друга... Ни въ одномъ инкорпорирующемъ или вообще агглютинирующемъ языкѣ мы не бываемъ въ состояніи проанализовать всѣ формальные элементы, и порою они оказываются по группамъ до того перепутанными, что окончаніе совершенно неправильно переходитъ то сюда, то туда, при чемъ однако соотвѣтствуетъ правильнымъ логическимъ группамъ, такъ что нашъ анализъ разбивается о нихъ такъ же, какъ и о самую выраженную флексію“ (528). На основаніи такого перехода одного типа языкового строя въ другой Ленцъ считаетъ, что Есперсеномъ заходить слишкомъ далеко со своимъ положеніемъ, будто языкъ отъ флексивныхъ формъ переходитъ черезъ агглютинацію къ изоляціи. Это примѣнимо въ флексирующимъ языкамъ, спеціально къ индоевропейскимъ, но это нельзя утверждать относительно другихъ группъ (531).

Самъ Ленцъ склоняется въ пользу нѣвогда самостоятельнаго существованія тѣхъ элементовъ, которые входятъ во слѣдствіи въ синтезъ флексивныхъ формъ (582). Его разумная критика увлеченій Есперсена показываетъ, что въ типахъ строенія языковъ онъ видитъ не что-то неизмѣнно присущее тому или другому языку, но только различные виды образованія формъ; при этомъ онъ не видитъ рѣзкой разницы между агглютинаціей и флексіей. Кажется, можно думать, что въ настоящее время наука отказалась отъ дѣленія языковъ на формальные и безформенные, въ которыхъ слова являются лишь *кажущимися* словами, и что Мистелли¹⁾, повторяя ста-

---

¹⁾ *Franz Mistelli*. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1893, стр. 99—100.

рую шлейхеровскую морфологическую классификацію, стоит на устарѣлой точкѣ зрѣнія.

Взглядъ Есперсена, что первоначальныя формы языка представляли собою цѣлыя предложія, „sentence-words“, какъ выражается этотъ ученый (348 стр.), этотъ оригинальный и смѣлый взглядъ оказался довольно близокъ къ точкѣ зрѣнія Вундта ¹⁾ на происхожденіе словъ. Онъ также исходитъ изъ предложія, какъ первоначальнаго вида выраженія мыслей, и сильно возстаетъ противъ гипотезы „періода корней“. Психологическія соображенія разрушаютъ ее. „Если слово болѣе равнаго происхожденія, чѣмъ предложіе, если это послѣднее, которое мы въ настоящее время составляемъ изъ словъ, съ самаго начала было соединеніемъ словъ, то врядъ-ли можно уйти отъ предположенія, что „корни“ всякаго рода, тѣ-ли, какіе теперь раскрываетъ анализъ словъ, или другіе, имъ предшествовавшіе, были пра—словами (Urwörter). Ибо на основаніи анализа словъ нельзя сомнѣваться, что, вообще говоря, слово есть сложное образованіе, и что его составныя части должны были существовать когда-нибудь и раньше, самостоятельно-ли или въ другихъ соединеніяхъ. Итакъ, если слово представляетъ первоначально *изолированное* образованіе, которое лишь впоследствии соединяется съ другими словами для построенія предложія, то приходится сдѣлать выводъ, что и составныя части слова нѣкогда существовали отдѣльно. Но если предложіе предшествуетъ по времени слову, если, стало быть, это послѣднее произошло лишь по разложеніи предложія на его составныя части, то и элементы слова ни въ коемъ случаѣ не являются первоначально изолированными образованіями, и можно представить себѣ различныя пути, на которыхъ вслѣдствіе взаимодѣйствія различныхъ частей предложія и вліянія разныхъ предложій другъ на друга выдѣлилось слово, какъ относительно самостоятельная часть рѣчи. Такимъ образомъ, вопросъ о реальномъ значеніи корня стоитъ въ ближайшей

---

¹⁾ *W. Wundt. Völkerpsychologie. I Band. Die Sprache. I Theil. Leipzig, 1900.*

связи съ вопросомъ объ отношеніи между словомъ и предложениемъ“ (стр. 557—558).

Самъ Вундтъ на сторонѣ такого предположенія: „если мы сравнимъ, съ одной стороны, языки съ на видъ болѣе первобытной формой развитія¹⁾ съ языками болѣе развитыми, и если, съ другой стороны, сопоставимъ прежнія стadiи одного и того же языка съ позднѣйшими²⁾, то повсюду *выдѣленіе частей рѣчи* окажется такимъ явленіемъ, при которомъ слово понемногу отрѣшается отъ цѣлаго, къ которому оно принадлежитъ, отъ предложенія, явленіемъ, которое предоставляетъ слову относительно большую самостоятельность и его самостоятельнымъ значеніемъ фиксируетъ его грамматическую форму“ (561).

Въ другой своей работѣ „*Sprachgeschichte und Sprachpsychologie*“ (1901), стр. 85—86 Вундтъ возстаётъ противъ теоріи Есперсена, допуская возможность языка, состоящаго изъ односложныхъ эквивалентовъ предложенія, хотя историческими фактами такой языкъ незасвидѣтельствованъ, но отрицая происхожденіе языка вообще изъ недифференцированныхъ предложений (*Satzcontinua*): это стоитъ въ противорѣчii со всѣми извѣстными намъ фактами развитія языка. Какъ согласить этотъ взглядъ съ мнѣніемъ Вундта, что предложеніе предшествуетъ слову (см. и въ названной книгѣ стр. 87), я недоумѣваю.

Далѣе Вундтъ дѣлаетъ рядъ важныхъ заключеній относительно происхожденія тѣхъ элементовъ слова, которые лингвистика называетъ корнями. Всякія рѣчи о „периодѣ корней“ представляются ему фантазіями, которыя ни мало не находятъ опоры ни въ явленіяхъ дѣйствительнаго языка, ни въ естественномъ психологическомъ развитіи человѣка (559).

Изъ предложений выдѣлились слова; вслѣдствіе различ-

---

¹⁾ Къ числу такихъ Вундтъ причисляетъ агглютинирующіе и инкорпорирующіе языки.

²⁾ „Лат. *amari* слово и предложеніе вмѣстѣ. Романаецъ разлагаетъ эту мысль на три слова: *ego habeo amatum = j'ai aimé*“ (561).

ныхъ ассоціацій, звуковыхъ и семасіологическихъ, вокругъ каждаго слова образовалась цѣлая группа родственныхъ, изъ которыхъ и стали выдѣляться элементы, названные корнями. „Но такъ какъ есть два вида ассоціацій (eine doppelte Art begrifflicher Verwandtschaft), которыми могутъ быть связаны два слова, одно—касающееся собственнаго содержанія понятія, и другое, которое выдвигаетъ на первый планъ отношенія къ понятіямъ, встрѣчающимся въ рѣчи и иначе, то становятся естественно возможны два вида элементовъ слова: *основныя элементы* (Grund elemente) и элементы отношенія (Beziehungselemente)“ (559).

При такой точкѣ зрѣнія Вундта на происхожденіе корней ему, конечно, совершенно чужда кабая-либо морфологическая классификація языковъ, какое-либо дѣленіе ихъ на формальные и безформенные ¹⁾; характернымъ признакомъ различія формъ языковъ онъ признаетъ способъ построенія предложенія (548—554).

Возставая противъ корней, Вундтъ исходитъ изъ „дѣйствительнаго“ состоянія языка и ссылается на агглютинирующіе и инкорпорирующіе языки, въ которыхъ слова, отдѣльно взятая, не существуютъ. Врядъ-ли это справедливо: для того, чтобы получить любое предложеніе на языкѣ такого типа, американскому индѣйцу или турку приходится извѣстнымъ образомъ сочетать элементы, которые онъ считаетъ *самостоятельными*, въ качествѣ-ли корней, или словъ, или относительныхъ элементовъ. Далѣе, если даже изъ предложенія въ смыслѣ Есперсена (фразы не произносившіяся, но пѣвшіяся) или Вундта возникли отдѣльныя слова, то почему эти послѣднія не могли быть такъ коротки, чтобы послужить базисомъ для дальнѣйшихъ образованій. Если изъ фразы выдѣлились слова *gir, gou, dom* въ значеніи хвалы, коровы, дома и т. д., то развѣ они не служили одновременно и словами, и корнями, какъ и теперь въ словахъ *домовой, домашній, домовничать* и др. мы чувствуемъ корень *дом*, который употребляется и въ качествѣ самостоятельнаго слова (*домъ*).

---

¹⁾ Ср. *ibd.* Часть II, стр. 3.

Если „періодъ корней“, надъ которымъ издѣвается Вундтъ, сравнивающій его съ золотымъ вѣкомъ классическихъ мифологій, не констатируется современнымъ состояніемъ языковъ міра, то, во всякомъ случаѣ, его возможность и не опровергается ими, ибо эмпирической фактъ не можетъ говорить за или противъ теоретической возможности явленія; тѣмъ болѣе, что и Вундтъ, говоря о происхожденіи относительныхъ и основныхъ элементовъ слова, опирается вовсе не на факты, засвидѣтельствованные какимъ-либо языкомъ, а только на свои домыслы, при томъ весьма субъективнаго характера. Поэтому возраженія такого знатока дѣла, какимъ является Дельбрюкъ, представляются мнѣ чрезвычайно серьезными; правда, Вундтъ не только не согласился съ ними, но даже еще болѣе утвердился въ своихъ взглядахъ на происхожденіе словъ изъ предложеній, но я позволяю себѣ думать, что научная истина на сторонѣ не его, но его противника, Дельбрюка¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ такія возраженія его, которыя не касаются существа разсматриваемаго вопроса, я оставляюсь на заключеніи Дельбрюка, которое гласитъ слѣдующее: „Мы имѣемъ право предположить, что въ эпоху, лежащую передъ флексіей, корни имѣли реальное существованіе, но въ то же время мы должны признаться, что не можемъ возстановлять съ увѣренностью отдѣльныхъ корней“ (119).

Логическій путь, которымъ Дельбрюкъ пришелъ къ указанному выводу, заключается въ послѣдовательномъ опроверженіи возраженій Вундта противъ существованія корней. Вундтъ указываетъ на то, что есть корни, которые встрѣчаются лишь въ отдѣльныхъ языкахъ, такъ что приходится допустить возникновеніе корней и въ послѣдующую эпоху, что невозможно, такъ какъ отдѣльные языки (индоевропейской

---

¹⁾ *B. Delbrück. Grundfragen der Sprachforschung, mit Rücksicht auf W. Wundts Sprachpsychologie erörtert. Strassburg, 1901* (вопросу о корняхъ посвящены стр. 113—120). *Вундтъ* отвѣчалъ на это книжкой „*Sprachgeschichte und Sprachpsychologie, mit Rücksicht auf B. Delbrücks Grundfragen der Sprachforschung*“. Leipzig, 1901 (о корняхъ стр. 82—91).

семьи) знают только слова. Дельбрюкк опровергает это возражение указаніемъ на то, что слова, которыя встрѣчаются только въ отдѣльныхъ языкахъ, позволяютъ заключать не о корняхъ этихъ языковъ, но о корняхъ праязыка, потомки которыхъ въ другихъ языкахъ утерялись. Этотъ взглядъ, который все болѣе подтверждается изысканіями современныхъ этимологовъ, конечно, не находитъ сочувствія у Вундта. Правда, благодаря изслѣдованіямъ лингвистовъ мы можемъ сказать, что такихъ корней древностей, которые сохранились бы лишь въ одномъ — двухъ изъ индоевропейскихъ языковъ, очень немного: напротивъ, все болѣе увеличивается число не только корней, но цѣлыхъ *словъ*, которыя позволительно занести въ словарь основного языка, и это увеличеніе идетъ очень быстро (стоитъ сравнить 4 изд. словаря Фика съ „Фонетикой“ Бругмана во 2-омъ изд.), — все это специальное научное движеніе не принимается во вниманіе Вундтомъ, да, вѣроятно, и неизвѣстно ему. Онъ авторитетно заявляетъ (*Sprachgesch. u. Sprachpsych.* 88—89), что возраженіе Дельбрюка не выдерживаетъ критики ни съ исторической, ни съ психологической точки зрѣнія. Первая учитъ признавать составными элементами праязыка лишь такіе факты, которые встрѣчаются если не во всѣхъ, то во всякомъ случаѣ въ достаточномъ числѣ отдѣльныхъ языковъ¹⁾; вторая приводитъ къ удивительному предположенію, будто бы богатство праязыка въ основныхъ понятіяхъ, опредѣлившихъ развитіе его мышленія на будущее время, было больше, чѣмъ такой же запасъ отдѣльныхъ языковъ.

Относительно этого врядъ-ли приходится согласиться съ Вундтомъ: онъ забываетъ обильный приливъ заимствованныхъ словъ въ разныхъ языкахъ, многообразное развитіе основныхъ

---

¹⁾ Это ошибочное утвержденіе: слово по своей формѣ можетъ быть настолько архаичнымъ, что его *нельзя* не возводить къ праязыку. Напомню разсужденія I. Шмидта о индоевроп. формѣ слова *соль*, которое въ арійскихъ языкахъ не встрѣчается, но смѣло возводится къ праязыку (*Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra*, 1889, стр. 182—183). Ср. *Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*. 1896, стр. 67—68.

понятій съ помощью *новыхъ* суффиксовъ и *новыхъ* средствъ соединенія корней.

Возвратимся къ Дельбрюку. Вундтъ указывалъ (стр. 556) на глагольный характеръ первичныхъ индоевропейскихъ корней, откуда выясняется позднѣйшее происхождение грамматической абстракціи. Дельбрюкъ справедливо видитъ въ этомъ ошибку современныхъ этимологовъ, которые по традиціи еще индѣйскихъ грамматиковъ возстановляютъ корни словъ въ глагольномъ значеніи. „Стоитъ только предположить, что среди корней были обозначенія какъ предметовъ, такъ и дѣйствій, и мы можемъ спокойно остаться на точкѣ зрѣнія агглютинаціонной теоріи“, замѣчаетъ Дельбрюкъ (116). А что это такъ, мы уже видѣли изъ примѣра арауканскаго языка, изъ котораго Ленцъ привелъ корни и въ то же время „полныя слова“ съ существительнымъ и глагольнымъ значеніемъ: напр., ко(вода), уц(носъ), ѳе(глаза), сhасhа(жена), сhесhe(дѣдъ)¹ кичи(бабка), ка ккаи(чайка), коліколі(насъкомое), ра(приходить), ре(видѣть), рі(сказать), ма(идти) и т. д. (Lenz. Die neuperen Sprachen. VIII. 519—520)¹.

Дальнѣйшій путь, который приводитъ Дельбрюка къ вышеуказанному выводу, заключается въ слѣдующемъ: какъ замѣчаетъ Бругманъ (Grundriss. I. 232), „словопроизводство и флексіи созданы сращеніемъ самостоятельныхъ элементовъ“, при чемъ однако важная роль въ этомъ процессѣ принадлежитъ и аналогіи; далѣе, если даже предположить въ качествѣ первичнаго выраженія мыслей не слово, а цѣлое предложеніе, какъ велѣдъ за Сэйсомъ полагаетъ Вундтъ, то все-же при разложеніи его на меньшія „звуковыя единицы“ должны были выдѣлиться не „слова съ суффиксами, но слова безъ таковыхъ; т. е. онѣ были корнями, и лишь въ третій періодъ раз-

¹) Въ своемъ отвѣтѣ Вундтъ (88) ссылается на „фактъ“, что древнѣйшіе корни все-таки имѣютъ глагольное значеніе. Возраженіе Дельбрюка остается однако въ силѣ: значеніе глагольное только *принесано* корнямъ. Впрочемъ, и самый „фактъ“, на который Вундтъ ссылается, сомнителенъ.

вились путем сложенія словопроизводство и флексивныя формы” (119). Такова принципиальная точка зрѣнія Дельбрюка, противъ которой Вундтъ выставилъ въ своемъ отвѣтѣ (86) слѣдующее возраженіе: предложеніе (Continuum) не разложилось сейчасъ же на малѣйшіе мыслимыя кусочки, но только распалось сначала на меньшія составныя части, которыя лишь впоследствии испытали дальнѣйшія расчлененія; а ихъ послѣднія, болѣе не разложимыя части, т. е. корни, предоставляется разыскивать уже однимъ филологамъ.

На дѣлѣ, это сводится къ тому же, о чемъ говорилъ Дельбрюкъ: къ образованію коренныхъ словъ въ одинъ, два, три слога (врядъ-ли больше, потому что какой же длины могло быть предложеніе). Однако самое предположеніе Вундта и Есперсена о первоначальныхъ предложеніяхъ, изъ которыхъ развился языкъ, врядъ-ли является не болѣе, какъ блестящимъ парадоксомъ. Я примываю къ Дельбрюку и думаю, что для индоевропейскаго праязыка необходимо допустить существованіе коренныхъ словъ; мнѣ только кажется на основаніи того, что даетъ сравнительное языковѣдѣ, что тѣ немногія коренныя слова, которыя сохранились лишь въ именительномъ падежѣ един. числа въ праязыкѣ, означали имена существительныя или прилагательныя, — коренныхъ глаголовъ мы не знаемъ такъ же, какъ не знаемъ нефлексивныхъ образованій; рядомъ съ этими послѣдними въ праязыкѣ и въ отдѣльныхъ языкахъ употреблялись чисто агглютинативныя образованія. Однимъ словомъ, для праязыка, равно какъ и для всѣхъ отдѣльныхъ языковъ индоевропейской и финноугорской семей, нужно принять три типа образованія формъ: *изоляция*, при которой корни въ неизмѣнномъ видѣ стоятъ въ предложеніи, опредѣляясь ближе синтаксическими отношеніями, при чемъ корнями могутъ служить и цѣлыя слова (какъ въ выраженіи: *изъ трость-дерева*); *агглютинація*, гдѣ еще чувствуется, что грамматическая форма результатъ сложенія, и *флексія*, гдѣ форма чувствуется, какъ нѣчто не разложимое на части, гдѣ по отнятіи окончанія получается нѣчто, не имѣющее смысла. Отношеніе агглютинаціи къ флексіи можетъ обнаружить та-

вой примѣръ: въ церк.-слав. добраго чувствуется агглютинативное соединеніе формъ добра и юго, но въ церк.-слав. твор. ед. добрыньмъ основа добры- сама по себѣ неясна.

Подобнымъ образомъ, ст.-рус. бы (2 и 3 лицо ед. чис. отъ глагола быхъ) въ выраженіи: аже бы ты у своемъ слове стоялъ и др. подобныхъ ему начало съ 13 в. превращаться въ неизмѣняемую частицу бы, которая присоединялась къ прошедшему времени разныхъ чиселъ и лицъ для обозначенія сослагательнаго наклоненія; выраженія: любили бы мя бысте, слушали бы есте, знали бы бысте и отца и т. д. чисто агглютинативныя образованія, но бы приобрѣло здѣсь уже только значеніе частицы сослагательнаго наклоненія, которая легко можетъ превратиться въ настоящее флексивное окончаніе. Вѣроятно, къ этому и идетъ дѣло, какъ показываетъ сокращеніе этой частицы въ бѣ изъ бы (хотѣла бѣ, но хотѣлъ бы, но чисто фонетическимъ причинамъ); превращеніе же ея въ простое окончаніе замедляется тѣмъ, что эта частица свободно прицѣпляется чуть не къ любому слову предложенія (я бы хотѣлъ ѣсть, я хотѣлъ бы ѣсть, поѣсть бы я хотѣлъ и т. п.). То же можно сказать о мѣстоименіи са, которое, утеравъ свое самостоятельное значеніе, стало употребляться въ агглютинативныхъ образованіяхъ (бояться, двигаться, мыться) и уже почти перешло въ разрядъ окончаній (страд. залога, какъ въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ).

Что касается западно-европейскихъ, т. наз. аналитическихъ языковъ, то я совершенно согласенъ съ Маутнеромъ, въ книгѣ котораго сейчасъ перейду, что они стремятся къ агглютинаціи, хотя въ примѣрахъ, имъ приведенныхъ, я нахожу скорѣе образованія въ типѣ изолирующихъ языковъ (Herr Oberappellationsgerichtsath имѣетъ однако чисто агглютинативныя частицы: это s, какъ признакъ род. пад.). Личныя мѣстоименія, безъ которыхъ спряженіе этихъ языковъ невозможно, потому что въ произношеніи формы parle, parles, parle(t), parlent, совпадаютъ, а различаются только по мѣстоименіямъ je, tu, il, elle, ils, elles, эти мѣсто-

именія представляютъ въ соединеніи съ глаголами чисто агглютивныя образованія: *je parles, il parle*; вѣроятно, отличаются отъ первоначальныхъ **bherō-mi, *bhere-ti* только тѣмъ, что мѣстоименія стоятъ въ послѣднихъ формахъ послѣ глагольной основы, тогда какъ во французскихъ передъ ней; еще раньше, уже при самомъ выступленіи французскаго языка на историческое поприще, въ немъ были новыя образованія будущаго времени и условнаго наклоненія агглютинативнаго характера: *j'a t'ega i(a m-ég + ai *habeo)* и *j'a t'egie(=amer + aveie)*. Возраженія Есперсена и Лепца, что эти формы не могутъ считаться агглютинативными образованіями потому, что вторая часть ихъ происхожденія флексивнаго, не существенны, потому что дѣло въ типѣ сложенія основы съ окончаніемъ, а не въ происхожденіи послѣдняго.

Разсужденія, приведенныя выше, въ отдѣльныхъ мѣстахъ этой главы, имѣли цѣлью показать, что принципы морфологическихъ образованій, характеризуемые терминами изоляціи, агглютинаціи и флексіи, функционируютъ въ каждомъ изъ языковъ, по крайней мѣрѣ индоевропейской и финноугорской группъ. Полное отрицаніе ихъ, которое мы находимъ въ книгѣ Маутнера ¹⁾, мнѣ представляется неосновательнымъ прежде всего потому, что при изученіи типовъ образованія формъ рѣчь идетъ не о „языковомъ чутьѣ“ (*Sprachgefühl*) говорящихъ на языкѣ людей, но объ отношеніи формальнаго элемента слова къ конкретному (стр. 303). Но съ другимъ выводомъ Маутнера, что „агглютинація, какъ чисто историческое явленіе, не можетъ служить достаточнымъ признакомъ дѣленія“ (308), я совершенно согласенъ, хотя разсужденіями Маутнера этотъ выводъ неподготовленъ. Впрочемъ, въ этомъ выводѣ нѣтъ ничего новаго: агглютинація признается въ настоящее время

¹⁾ *Fr. Mauthner. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. 2 томъ 1901 г., гл. VIII „Klassifikation der Sprache“ (стр. 288—351).* Вся эта глава, въ сущности, памфлетъ, написанный хлестко, но безъ достаточнаго знакомства съ предметомъ: поэтому, я не буду останавливаться на ней.

многими учеными (ср. Бругманъ, Дельбрюкъ, Пауль и др.) за основной типъ образованія формъ, который лежитъ въ основаніи всѣхъ морфологическихъ образованій и флексивныхъ языковъ. По мнѣнію Свита ¹⁾, изъ нея развились какъ флексія, такъ и изоляція, при чемъ въ послѣдней формальные элементы агглютинативныхъ формъ приобрѣли независимость и самостоятельность.

Такимъ образомъ, я ставлю своей задачей рассмотретьъ различныя образованія формъ въ двухъ вышеназванныхъ семьяхъ языковъ.

---

¹⁾ *H. Sweet. The history of language. London, 1901, стр. 70-71.*

ГЛАВА II.

ОБРАЗОВАНІЯ ФОРМЪ ВЪ ФИННОУГОРСКИХЪ И ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Какъ справедливо замѣчаетъ г. Шимони въ своей грамматикѣ венгерскаго языка ¹⁾, основа слова вовсе не есть лингвистическая абстракція, какой онъ признаетъ корень; по мнѣнію этого ученаго, основа всегда присутствуетъ въ сознаниі говорящаго лица, который, исходя изъ нея, образуетъ грамматическія формы. Говоря въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія о корняхъ, и я имѣлъ въ виду, въ сущности, то, что Шимони называетъ основой; если же я прибѣгъ къ названію ея корнемъ, то сдѣлалъ это потому, что древнѣйшія возстановляемыя основы совпадаютъ съ тѣмъ, что лингвисты абстрахируютъ въ словѣ въ качествѣ корня. Въ психологическомъ смыслѣ всякая основа можетъ быть названа корнемъ слова, потому что для человѣка, не получившаго грамматическаго образованія (какъ это легко провѣрить даже на ученикахъ средней школы младшаго возраста), но уже имѣющаго нѣкоторое представленіе о корняхъ и основахъ, въ словахъ мужикъ, вѣтеръ и т. д. корнемъ будутъ казаться слоги мужик-, вѣтер- и т. д., какъ для нашихъ предковъ въ словѣ земля служилъ корнемъ слогъ зем-, употреблявшійся и въ качествѣ основы (зем-ной и др.), и въ качествѣ отдѣльнаго слова.

---

¹⁾ *Balassa és Simonyi. Magyar hangtan és alaktan. 1895, стр. 213.*

На первых порахъ развитія индоевропейскихъ языковъ корень и основа (въ ихъ современномъ значеніи) совпадали, но впоследствии основа и корень стали чувствоваться, какъ разныя величины: именно, основа, какъ субстратъ флексивныхъ образованій (рыба, рыбы, возить съ основами рыба-, вози-), а корень, какъ субстратъ для образованія новыхъ словъ, частей рѣчи (рыб-, откуда рыбникъ; рыбник-, откуда рыбничать, при чемъ сознание аналогичныхъ образованій не мѣшаетъ чувствовать этимологическую связь между рыбник- и рыбнич-). Такимъ образомъ, опредѣленіе Шимони ¹⁾ скорѣе подходит къ тому, что я назвалъ корнемъ.

Я полагаю, что въ своей основѣ какъ индоевропейскіе, такъ и финноугорскіе языки исходятъ отъ корней, имѣвшихъ нѣкогда самостоятельное значеніе, и по существу ихъ морфологія не различается. Въ обѣихъ семьяхъ языковъ употребленіе корней въ смыслѣ основъ относится къ числу архаистическихъ образованій или даже совсѣмъ оставлено, въ обѣихъ корни развились въ основы съ помощью агглютинативныхъ присоединеній суффиксовъ и внутреннихъ перемѣнъ, которыя въ семьѣ индоевропейскихъ языковъ получили названіе законовъ чередованія гласныхъ. Открытіе послѣднихъ и въ финноугорскихъ языкахъ представляетъ одно изъ крупнѣйшихъ завоеваній филологической науки конца 19 вѣка, которое должно измѣнить традиціонныя взгляды на характеръ этихъ языковъ ²⁾. Удивительное сходство многихъ простѣйшихъ кор-

---

¹⁾ „Основой является та часть слова, которая сохраняется во всѣхъ флексивныхъ и словообразовательныхъ формахъ соответствующаго слова, какимъ бы перемѣнамъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ звуковыхъ законовъ она ни подвергалась“. *ibid.* 213.

²⁾ *E. N. Setälä. Ueber Quantitätswechsel im Finnisch-Ugrischen Journal de la Société Finno-Ougrienne. XIV. 3. (1896), стр. 49—51. Yrjö Wichmann. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. 1897, стр. 73, 85, 93. Simonyi. Magyar Nyelvör. XXIX (1900), стр. 241—245 (Ср. Finnisch-Ugrische Forschungen. I. Anzeiger. 79—80).*

ней въ значеніи дѣлать, идти и т. д., а также названій различныхъ предметовъ, равно какъ и сходство въ морфологическомъ и фонетическомъ развитіи двухъ семей языковъ, говорятъ самымъ положительнымъ образомъ въ пользу ихъ первоначальнаго родства. Однако, не чувствуя себя компетентнымъ для разрѣшенія этого сложнаго вопроса, я коснусь только морфологической стороны развитія финноугорскихъ и индоевропейскихъ языковъ, чтобы показать, что обѣ семьи языковъ нѣкогда знали въ смыслѣ основъ то, что языковедіе абстрахируетъ въ нихъ, какъ корни ¹⁾.

Основатели морфологической классификаціи языковъ были проникнуты убѣжденіемъ, что финноугорскіе языки, какъ агглютинативные, не имѣютъ *настоящихъ* грамматическихъ формъ, подъ чѣмъ они подразумѣвали такое тѣсное соединеніе суффикса съ корнемъ, при которомъ отдѣльное существованіе обоихъ элементовъ невозможно; по ихъ мнѣнію, въ агглютинативныхъ языкахъ соединеніе корня съ окончаніемъ чисто механическое, внѣшнее. Однако уже Штейнталь долженъ былъ признать, что среди грамматическихъ формъ финскихъ языковъ есть не мало такихъ, которыя по образованію ничѣмъ не отличаются отъ грамматическихъ формъ индоевропейскихъ языковъ. И одновременно съ этимъ со стороны ученыхъ, которымъ строеніе финскихъ языковъ было хорошо знакомо, мы видимъ весьма настойчивый протестъ противъ вышеуказаннаго положенія морфологической классификаціи. Если я не ошибаюсь, первый выступилъ на защиту флексивныхъ образованій (пока только въ финскомъ Suomi и въ венгерскомъ языкахъ)

---

¹⁾ Нѣкоторыя весьма важныя точки соприкосновенія двухъ группъ языковъ отмѣчены Доннеромъ; особенно интересно первоначальное образованіе Pluralis съ удлиненіемъ гласной Singularis (Fin.-Ugr. Forschungen. I. 141—142). Ср. такія же образованія Plur. Neutr. въ индоевроп. яз. I. Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. 1889, стр. 82—226 (гл. III. Zweite Pluralbildung).

Кельгрень ¹⁾, къ которому примкнули Ридль ²⁾ и менѣе рѣшительно Боллеръ ³⁾. Изъ новыхъ финскихъ ученыхъ, которые очень основательно доказываютъ, что между образованіями финноугорскихъ и индоевропейскихъ языковъ нѣтъ, по существу, никакого различія, я назову покойнаго Веске ⁴⁾ и проф. Э. Н. Сетälä ⁵⁾. Такого же взгляда держатся В. Томсенъ ⁶⁾ и Г. Свить ⁷⁾, причисляющій современный финскій языкъ къ языкамъ съ вполне развитой флексіей. Для того, чтобы объяснить это явленіе, не разъ прибѣгали къ предположенію, будто бы грамматическая сторона финскаго языка развилась подъ иноземнымъ вліяніемъ индоевропейскихъ языковъ, которые оставили столько слѣдовъ въ его словарѣ. Этотъ взглядъ, высказанный вскользь уже Шлейхеромъ, былъ подробнѣе развитъ Эліотомъ ⁸⁾, который указываетъ, что система склоненія финскаго языка мало чѣмъ отличается, по существу, отъ греческой или латинской, что имя въ немъ рѣзко различается отъ глагола, и что многія формы послѣдняго образуются съ помощью вспомогательныхъ глаголовъ, какъ въ нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ. Съ другой стороны, по мнѣнію Эліота, финскій утерялъ много образованій, которыя встрѣчаются въ родственныхъ языкахъ, но чужды арійскимъ. Однако, трудности

---

¹⁾ *H. Kellgren*. Die Grundzüge der finnischen Sprache mit Rücksicht auf den Ural-altaischen Sprachstamm. Berlin. 1847, стр. 43—49.

²⁾ *A. M. Riedl*. Magyarische Grammatik. Wien. 1858, стр. 12—18.

³⁾ *Prof. Boller*. Die Declination in den finnischen Sprachen (Sitzungsber. Вѣн. Ак. 1854, т. XI, 3—5).

⁴⁾ *Weske*. Ueber die historische Entwicklung der finnischen Sprachen im Vergleich mit der indogermanischen und über die Methode der estnischen Grammatik (Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. VIII. 1877, стр. 13—26).

⁵⁾ *E. N. Setälä*. Om de finsk-ugriska språken. Uppsala. 1888, стр. 22—23.

⁶⁾ *Vilh. Thomsen*. Tidsk. f. Philologisk Pedagog. VII. 1867, 162 стр. (цитир. Iespersen. Progress. 118).

⁷⁾ *H. Sweet*. The History of language. 1901, стр. 63.

⁸⁾ *C. N. E. Eliot*. A Finnish Grammar. 1890. XXIV—XXVI.

финскихъ и венгерскихъ ученыхъ (Буденца, Шимони, Сетэла, Беске, Синней и др.) въ достаточной мѣрѣ обнаружили, что никакой принципиальной разницы въ образованіяхъ финскаго (Suomi) и другихъ финноугорскихъ языковъ не оказывается, что, наоборотъ, вопреки Винклеру ¹⁾, позволительно возстановлять основныя формы финноугорскихъ падежныхъ образованій (и формъ спряженія) и т. д. Кромѣ того, между заимствованіями словарными и формальными весьма существенная разница; „въ каковой мѣрѣ ни будетъ перемѣшанъ иноземными элементами словарь какого-нибудь языка, его грамматика останется прежней; вліаніе иностранныхъ языковъ не въ силахъ измѣнить ее“, какъ справедливо замѣчаетъ Синней ²⁾.

Одной изъ характерныхъ особенностей финноугорскихъ языковъ, находящейся въ связи съ отсутствіемъ въ нихъ настоящихъ грамматическихъ формъ, издавна признается тотъ фактъ, будто бы они не различаютъ имени отъ глагола. Это мнѣніе, ошибочность котораго я попытаюсь доказать, было высказано уже Ридлемъ; мы его находимъ далѣе подробно развитымъ у Винклера ³⁾, его держатся также Грунцель ⁴⁾ и Мистелли ⁵⁾. Оно основывается главнымъ образомъ на томъ, что при образованіи формъ спряженія финскіе языки (въ частности венгерскій, изъ котораго по преимуществу и исходятъ Винклеръ и за нимъ Мистелли) прибѣгаютъ къ тѣмъ же са-

---

¹⁾ *H. Winkler*. Das Uralaltaische und seine Gruppen. Berlin. 1885, стр. 99.

²⁾ *I. Szinnyi*. Suomen kielen heimolaiset. Porvoossa. 1883 (гл. IV. Muoto-oppi), стр. 14—15.

³⁾ *H. Winkler*. Das Uralaltaische und seine Gruppen. Berlin. 1885, стр. 31—33. Weiteres zur Sprachgeschichte. 1889, стр. 101—103. *W. Bang*. Uralaltaische Forschungen 1890 (стр. 14—25 Bemerkungen von H. Winkler). *H. Winkler*. Die uralaltaische Sprachen. Keleti Szemle. 1900. I. 132—140.

⁴⁾ *I. Grunzel*. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaiischen Sprachen. Leipzig. 1895, стр. 38.

⁵⁾ *F. Mistelli*. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin. 1893, стр. 374—384.

ными суффиксамъ, которые употребляются и въ качествѣ притяжательныхъ. Такимъ образомъ, съ морфологической точки зрѣнія *váru*k(мы ждемъ) и *par*u*k*(нашъ день) представляютъ тождественныя образования, и первое означаетъ собственно наше ожиданіе; подобнымъ образомъ, форму *várgju*k (мы ожидаемъ—опредѣленный объектъ) Винклеръ разлагаетъ совсѣмъ уже фантастически на *várg-i-m(u)*k со значеніемъ *warten-er-unser*(наше ожиданіе его?). Стоя на той же почвѣ, Мистелли однако вынужденъ признать, что въ финскомъ языкѣ далеко не всѣ глагольные суффиксы покрываются притяжательными, и что въ самомъ венгерскомъ есть такія глагольныя окончанія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ притяжательными суффиксами, и по существу своему могли бы быть сопоставлены съ индоевропейскими (стр. 381—382). Не называя Винклера, но, вѣроятно, имѣя въ виду именно его Свить дѣлаетъ слѣдующія любопытныя замѣчанія о развитіи глагола (loc. cit. 51): „Изученіе первобытныхъ языковъ ясно показываетъ, что такіе глаголы, какъ *hath* или *has* первоначально означали не что иное, какъ *his having* или или *his holding*. Дѣйствительно, есть языки, не различающіе между личнымъ элементомъ въ *he has* и притяжательнымъ въ *his house*, такъ какъ оба выражаются съ помощью присоединенія того же личнаго мѣстоименія или мѣстоименнаго суффикса къ имени или эквиваленту имени; такъ было въ древне-египетскомъ языкѣ, гдѣ *me ha*(я наполняю), буквально: „наполненіе меня(мос)“ (*filling of me*), имѣетъ ту же форму, что *rega*(мой домъ).

Слѣдующей стадіей въ эволюціи глагола является развитіе специальной формы для выраженія сказуемаго, отличной отъ possessивной формы, при чемъ это развитіе совершается такъ, что послѣдняя въ своей суффиксальной формѣ становится неупотребительной, или одна изъ нихъ либо даже обѣ подвергаются различнымъ звуковымъ переменамъ, или является на помощь какой-либо другой процессъ дифференціаціи. Такъ, въ финскомъ *käte-ni*(моя рука), *kätesi*(твоя рука)

окончанія имѣють иную форму, хотя, несомнѣнно, родственную съ окончаніями въ *sa no p* (я говорю), *sa no t* (ты говоришь).

Эти послѣднія формы оказываются глаголами въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова. Но очевидно, что прежде всего единственнымъ результатомъ дифференціаціи „я говорю“ отъ „мое говореніе“ является созданіе специальной формы для выраженія сказуемаго. Глаголь въ строгомъ грамматическомъ смыслѣ представляетъ противоположность имени. Финскій, арійскій и семитскій глаголь оказывается настоящимъ глаголомъ, потому что его личные окончанія не присоединяются ко всякому слову безразлично, но только къ извѣстнымъ опредѣленнымъ словамъ, которыя, взятая въ цѣломъ, принадлежать къ классу словъ, означающихъ явленіе. Когда эта стадія достигнута, слова *speak* и *speech* чувствуются двумя противными полюсами, поскольку рѣчь идетъ объ ихъ грамматическихъ функціяхъ“.

Съ этой точки зрѣнія венгерскій языкъ нѣсколько ближе къ др.-египетскому, чѣмъ финскій: въ немъ притяжательные суффиксы имѣють еще очень широкое употребленіе, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: суф. *-ik* служитъ окончаніемъ 3 Plur. Praes. (*kérik* — они просятъ, *török* — они ломають) и въ нѣсколько измѣненной формѣ окончаніемъ вообще 3 Plur.; онъ же употребляется въ такихъ оборотахъ, какъ *kisebbik* (наименьшій, собств. наименьшій среди нихъ), *nagyobbik* (наибольшій „среди нихъ“) и т. д. Съ окончаніемъ (здѣсь оно стоитъ въ началѣ) *-nek* образуются формы *nekem* (мнѣ), *neked* (тебѣ), *nekі* (ему), *nekünk* (намъ), *nektek* (вамъ), *nekik* (имъ), гдѣ *-em*, *-ed* и т. д. могутъ служить и глагольными окончаніями и притяжательными суффиксами (*szem-em* — мой глазъ, *szemünk* — нашъ глазъ, какъ *pörleked-em* — я борюсь, *pörlekedünk* — мы боремся).

Тѣмъ не менѣе, указанные примѣры вовсе не говорятъ за то, что въ венгерскомъ языкѣ яснаго различія между именемъ и глаголомъ не существуетъ. Напротивъ, словообразованіе показываетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ, равно

какъ и другихъ финноугорскихъ языкахъ, началось развитіе корней — основъ при помощи суффиксовъ, уже чувствовалось различіе грамматической функціи глагола и имени, и это чутье выразилось прежде всего въ томъ, что глагольныя основы были развиты иными суффиксами, чѣмъ именными. Въ виду важности этого вопроса для пониманія характера морфологическихъ образованій финноугорскихъ языковъ я посвящу ему нѣсколько страницъ.

Начнемъ съ венгерскаго языка, опираясь на книги Шимони (см. стр. 72, прим. 1) и Буденца¹⁾. Послѣдній тоже полагаетъ (стр. 9—10), что въ эпоху угорскаго праязыка раздѣленіе словъ на имена и глаголы еще не завершилось. Слѣды таковаго первоначальнаго состоянія угорскаго пра-языка можно видѣть, по его мнѣнію, въ томъ фактѣ, что одно и то же слово (вѣрнѣе, основа) оказывается иногда и именемъ, и глаголомъ (такъ, напр. „отъ фин. слова *joge[jokí]* рѣка нельзя указать ни одного образованія, которое отличалось бы отъ угорскаго глагола *jəgv*²⁾ течь; подобнымъ образомъ, фин. *kuu*, венг. *hó[hava] luna, mensis* = уг. *kvgzlucere, splendere* и *lux, splendor*; фин. *väge[väki] vis, robur* и *väge — valere*“). Другой слѣдъ стараго порядка вещей Буденць видитъ въ томъ, что отглагольное имя (особенно, употребляющееся въ качествѣ сказуемаго) можетъ принимать глагольныя суффиксы (такъ, суф. *-m, -n* въ деноминальныхъ глаголахъ и въ глаголахъ означающихъ мгновенное дѣйствіе и т. д.). Въ настоящее время, какъ признаетъ Буденць, процессъ раздѣленія двухъ частей рѣчи уже вполне закончился, и въ образованіи каждой именной и глагольной формы проявляется категорическое различіе ихъ. Въ разныхъ финно-

¹⁾ *I. Budenz. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. Budapest 1884 — 1894, стр. 1 — 175.* (Сравнительная морфология угорскихъ языковъ).

²⁾ *v* передаетъ звукъ гласный, характеръ котораго однако нельзя опредѣлить. Этотъ знакъ принятъ въ финноугорскомъ языковѣннн (*Setälä* и др.).

угорскихъ языкахъ отмѣчено сходство глагольныхъ основъ съ именными: такъ, Ридль указываетъ (loc. cit. 126), что въ венгерскомъ языкѣ слово fog означаетъ и „онъ хватаетъ“, и „зубъ“; слово les („онъ разставляетъ силки“ и „силки“), puos (онъ давить, слѣдъ), csal (онъ обманываетъ, обманъ) и т. д. Къ этимъ примѣрамъ надо относиться однако съ осторожностью, потому что тождество основъ въ данномъ случаѣ можетъ быть позднѣйшимъ явленіемъ: fog могло возникнуть изъ *foga и т. д., какъ это мы обычно видимъ въ венгерскомъ языкѣ.

Въ эстонскомъ языкѣ есть глаголы „кратчайшей формы“, которые отличаются отъ именъ только флексіей. Видеманъ ¹⁾ приводитъ рядъ примѣровъ этого явленія: напр. wõit(побѣда), Gen. wõidu, Infinit. wõitu; tänu Nom. Inf. (благодарить, благодарность), ligu Nom. Inf. (мягкость), pidu Nom. Inf. (держаніе, Halten) и т. д. Эти примѣры въ сущности, доказываютъ только, что въ эстонскомъ языкѣ неопредѣленное наклоненіе есть отглагольное существительное, какъ и въ индоевропейскихъ языкахъ.

Въ мордовскомъ языкѣ, насколько мнѣ извѣстно, глагольныхъ основъ, совпадающихъ съ именными нѣтъ: ни Гунфальви, ни Альевистъ, ни Видеманъ на нихъ не указываютъ. Въ пермяцкомъ языкѣ 2 лицо повелит. наклоненія можетъ совпадать съ имен. пад. имени существ.: такъ, гөр можетъ означать и „паша“, и „соха“; пөт(насытиться, сытый), вөз(синѣй, синій) и т. д. ²⁾ То же отмѣчено, конечно, и въ зырянскомъ языкѣ ³⁾.

Подобное явленіе можно найти и въ литературномъ финскомъ языкѣ. Но что же это доказываетъ? Лишь то, что бы-

¹⁾ *F. I. Wiedemann. Grammatik der ehstnischen Sprache. S.-Petersbourg. 1875, стр. 222—225.*

²⁾ *Н. Роговъ. Опытъ грамматики пермяцкаго языка. С.-Петербургъ. 1860, стр. 90.*

³⁾ *F. I. Wiedemann. Grammatik der syrjänischen Sprache. S.-Pet. 1884, стр. 74—75.*

ло время, когда въ корняхъ еще не выдѣлилось глагольное или именное значеніе; въ эпоху, когда это раздѣленіе уже давно произошло, корень въ нѣкоторыхъ образованіяхъ (безъ суффикса, какъ исключеніе, и безъ окончанія) могъ съ точки зрѣнія говорящаго лица этой эпохи *случайно* явиться въ своемъ чистомъ видѣ и въ глагольной, и въ именной грамматической формѣ, при чемъ лица, употребляющія эту форму, весьма отчетливо сознаютъ, что имѣютъ дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ именемъ или глаголомъ, а не съ глаголомъ-именемъ: иначе они сейчасъ же отличили бы ихъ и съ помощью внѣшнихъ грамматическихъ средствъ. Такимъ образомъ, если и можно говорить о томъ, что въ финно-угорскомъ языкѣ имя и глаголъ не различались, то лишь въ той мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ объ эпохѣ употребленія корней въ смыслѣ самостоятельныхъ словъ, и съ такимъ же правомъ, какъ о языкахъ индоевропейскихъ ¹⁾. Дѣйствительно, въ послѣднихъ есть не мало основъ, которыя имѣли и глагольное, и именное значеніе: такъ напр., *age/o* имѣетъ глагольное значеніе въ образованіяхъ лат. *agō*, гр. ἄγω, санскр. *ajāmi* и др., но именное въ словахъ: вед. *ajás*(вождь), гр. λοχαγός, дор. στρατ-αγός (Fick. Vergl. Wörterb. I⁴, стр. 2); ср. *give/o*(жить: лат. *vivo*, гр. βίωμα, санскр. *jīvati*; живой: лат. *vivus*, сл. живъ, санскр. *jivá*. Fick. I⁴, 37—38), *pede/o*(идти: др.-сѣв. *feta*—находить путь; земля: гр. πέδον, умбр. *regum* почва. Fick. I⁴, 79), *bhage/o*(получать: гр. φαγεῖν, санскр. *bhájati*; получатель: санскр. *bhága*, слав. богъ. *ibid.* 87), *megh*—(большой; дѣлаться большимъ. *ibid.* 104—105) и т. д. Въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ еще больше такихъ основъ. Указанное сходство двухъ лингвистическихъ семействъ приводитъ къ убѣжденію, что оба

---

¹⁾ Интересныя соображенія по этому поводу и старую литературу мы находимъ въ началѣ статьи г. Калины: „Przyczynek do historyi konjugacyi słowiańskiej“ (Prace Filologiczne. t. II. 1887, стр. 1—10).

они исходятъ изъ того состоянія языка, когда въ нѣкоторыхъ корняхъ еще не дифференцировалось глагольное и именное значеніе; но уже очень рано, еще до раздѣленія семействъ на отдѣльныя вѣтви, такая дифференціація совершилась, и съ помощью суффиксовъ корни были развиты въ направленіи глагольномъ или именномъ. Развитіе же это въ качествѣ предшествующей стадіи предполагаетъ эпоху, когда въ живомъ языкѣ въ смыслѣ отдѣльныхъ словъ (напр. Nom. или Voc. Sing. въ именахъ, Imperativus въ глаголахъ) были въ употребленіи корни, представлявшіе уже и въ эту пору архаизмы, такъ какъ большинство корней съ помощью специальныхъ именныхъ и глагольныхъ суффиксовъ и въ силу своего первоначальнаго значенія уже превратилось изъ корней въ т. наз. основы. Что этотъ процессъ совершился въ очень раннюю эпоху жизни финно-угорскихъ языковъ, равно какъ и индоевропейскихъ, это показываетъ разсмотрѣніе словообразующихъ суффиксовъ въ этихъ языкахъ.

Въ венгерскомъ языкѣ такихъ суффиксовъ великое множество, и изъ нихъ большинство оказывается сложными. Обратимся къ простымъ. Для образованія глагольныхъ основъ венгерскій языкъ знаетъ рядъ суффиксовъ (простыхъ и еще болѣе сложныхъ), которыхъ онъ не употребляетъ для образованія именныхъ основъ. Разсмотримъ одинъ изъ нихъ. Передъ нами венгерскій суффиксъ *-g* (Simonyi, 412—414), служащій для образованія отъ глагольныхъ основъ фреквентативныхъ глаголовъ; чаще всего этотъ суффиксъ присоединяется къ корню (съ помощью соединительной гласной въ современномъ языкѣ), отъ чего получаются двусложныя основы; при этомъ рядомъ съ такими формами весьма обычны отъ тѣхъ же корней образованія глаголовъ однократнаго вида съ суффиксомъ *-an*, *-en* и начинательныхъ съ суффиксомъ *-dul*, *-dul*. Изъ примѣровъ Шимони приведу нѣсколько:

csattog (öfter krachen)	csattan (knallen, schmalzen)
rezeg (трепетать)	rezzen (вздвогнуть)
mozog (двигаться)	mozzan (пошевелиться)
zögög (шумѣть)	zögged (стукнуть)

rezdül (задрожать)
 mozdul (задвигаться)
 zördul (зашумѣть).

Рядомъ съ этимъ суффиксомъ иногда безъ всякаго различія въ значеніи употребляется суффиксъ -ng, какъ показываютъ примѣры (Simonyi, 415. Budenz, 42—43): bolyong, bolyog—(блуждать); dölöng, döllög(шататься); tátong, tátog(зіять) и т. д. Происхождение этого суффикса Шимони объясняетъ контаминаціей формъ въ родѣ lappa—(скрываться) и lappaг(спрятаться), откуда возникаетъ lappaг—(по значенію lappaг). Всѣ три указаннныя формы встрѣчаются въ современномъ венгерскомъ языкѣ, и этимъ подтверждаютъ правильность взгляда названнаго ученаго.

Суф. -ng, сдѣлавшись эквивалентомъ -g и мѣняясь съ нимъ въ образованіяхъ, занялъ мѣсто и въ такихъ соединеніяхъ суффиксовъ, какъ -gal и -gat (откуда -ngal, -ngat): напр. szalangál и szaladgál(бѣгать, обѣгать); meringél, meringet и merítget(черпать); feszenget и feszeget(копаться) и др. Объ этомъ сложномъ суффиксѣ -gat Шимони говоритъ слѣдующее (416—417). „Это самый обычный, типичный суффиксъ многократныхъ глаголовъ, который принимаетъ большая часть нашихъ активныхъ глаголовъ, но который встрѣчается чаще всего у глаголовъ переходныхъ. Первая часть его, несомнѣнно, тождественна съ -g многократныхъ глаголовъ. Окончаніе объясняли прежде съ помощью -t мгновенныхъ глаголовъ; новѣйшее же объясненіе этихъ интересныхъ глаголовъ предложилъ М. Силаши; по его мнѣнію, полный суффиксъ -gat могъ возникнуть изъ фактитивныхъ формъ mozgat(двигать), csattogat(заставлять бить), образованныхъ отъ многократныхъ глаголовъ mozog(двигаться), csattog(бить). Специальное значеніе фактитивнаго суффикса въ нихъ нѣсколько затемнилось, образовалось со значеніемъ многократно-фактитивнымъ единство суффикса, который въ многократно-объективныхъ глаголахъ сталъ играть роль и въ такихъ новыхъ образованіяхъ, какъ hall-gat(молчать), hív-o-

gat(призывать)¹. Возникший такимъ образомъ суффиксъ -gat послужилъ исходнымъ пунктомъ для образования новыхъ комплексовъ суффиксовъ: именно, рядомъ съ глаголами съ суффиксомъ -ít (изъ *ht¹), существовали глаголы на -gat отъ тѣхъ же основъ (напр. borít—покрывать и borogat—обивать, tisztít—чистить и tisztogat—очищать и т. д.); отсюда новыя формы на -ítgat- (igazítgat-, takarítgat-). Въ свою очередь формы на -ogat- весьма сложнаго образования: формы tanogat- (nach und nach einstudieren), tisztogat—(чистить) возникли изъ *tan-ojtgat-, *tiszt-ojtgat (т. е. *tan-o-ít-gat); на раннее время такого слиянiя указываетъ засвидѣтельствованная уже въ 1256 году форма ereget (nacheinander fortlassen) изъ *eresztget- (ср. eresztfortlassen)²). Какъ мы видимъ, этотъ процессъ чрезвычайно напоминаетъ тѣ измѣненiя и соединенiя суффиксовъ, которыя мы находимъ въ индоевропейскихъ языкахъ; здѣсь нѣтъ и рѣчи о той неизмѣнности и вѣшнемъ соединенiи составныхъ частей, которыя приписываются агглютинирующимъ языкамъ.

Для полноты анализа обратимся въ суффиксу -gál, въ основѣ котораго лежитъ рассмотрѣнный суффиксъ -g. Для образования глаголовъ многократнаго вида венгерскiй языкъ прибѣгаетъ къ суффиксамъ -l; ál, él; -dál, -dél; -gál, -gél и др. (Simonyi, 394—395), при чемъ долготу гласнаго въ сложныхъ суффиксахъ -ál и т. д. Шимони согласно съ Буденцомъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь скрывается древнiй угорскiй многократный суффиксъ -j, который въ соединенiи съ гласнымъ основы даетъ долготу: такимъ образомъ, форма metél — (разбивать) возникла, по ихъ мнѣнiю (ibid. 398), изъ *mete-j-l; при сложенiи этого суффикса съ -g образуются формы на -gál, -gél, которыя такимъ об-

¹) Обо всемъ этомъ см. Simonyi. 416—420.

²) См. Szinyeyi. Az í-t képző történetéhez. Nyelvtudományi Közlemények. т. XXXI (1901), стр. 470—472.

разомъ при всей ихъ видимой простотѣ состоятъ изъ четырехъ элементовъ: $g+a+j+l$, $g+el+j+l$. Возникшій такимъ путемъ суффиксъ $-g\acute{a}l$ вошелъ въ новое суффиксальное образование $-dog\acute{a}l$ (въ прежнее время и $-dogal$): напр. $b\acute{u}jdogal$ (бродить), $\acute{e}rdegel$ (maturescit) и т. д.

Итакъ, суф. $-g$, не встрѣчающійся въ именныхъ основахъ, послужилъ исходной точкой для образования цѣлаго ряда суффиксовъ для глаголовъ многократнаго вида; уже этотъ фактъ свидѣтельствуетъ въ пользу его глубокой древности. Но есть полная вѣроятность, что его должно относить уже къ древнѣйшей эпохѣ существованія венгерскаго языка, когда суффиксы $-g$ и $-k$ (въ финноугорскую эпоху одинъ еще суффиксъ $-g/k$, принимавшій тотъ или другой видъ подъ вліяніемъ характера основы) стали чувствоваться, какъ два различные суффиксы, а это доказываетъ раннее разграниченіе глагольныхъ и именныхъ основъ въ эту пору. Корни, т. е. неразвитыя суффиксомъ односложныя основы, заключали или иногда могли заключать въ себѣ какъ именное, такъ и глагольное значеніе, но, когда явилась потребность грамматически различить эти значенія, языкъ прибѣгъ къ суффиксамъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались спеціально именными, а нѣкоторые спеціально-глагольными (конечно, часть суффиксовъ могла первоначально не имѣть спеціального значенія глагола или имени; оно развилось лишь впоследствии, по мѣрѣ того какъ и сами суффиксы подверглись развитію; вмѣстѣ съ послѣднимъ наступила и дифференціація ихъ въ значеніи).

Тотъ же суффиксъ, вѣроятно, встрѣчается въ довольно многочисленныхъ образованіяхъ финскаго языка. Сюда относятся, прежде всего, лив. глаголы съ производнымъ суффиксомъ $-g$ ¹⁾: напр. *inf. ädä'gə* (тревожиться, быть въ затруднительномъ положеніи), *inf. vie'gə* (быть раздраженнымъ, недовольнымъ), *vü'gəgəb* (становиться чужимъ), *õvagəb* (блуж-

¹⁾ E. N. Setälä. Yhteissuomalainen Äännehistoria. Helsingissä, 1891, стр. 99—100.

дать). „Несомнѣнно, это *g* относится въ тому же суффиксу, который встрѣчается въ вепсскомъ нарѣчии въ соединеніи съ суффиксомъ *nde* въ начинательныхъ глаголахъ: напр. *virigandeb* (онъ воспламеняется), *elégandeb* (начинаетъ жить), *varegandeb* (начинаетъ бояться); а также въ соединеніи съ суффиксомъ *jtta* въ переходныхъ: напр. *virigojtan*(зажигаю), *vilugoitan*(охлаждаю); срав. вотское *sejzagojtan*(останавливаюсь). Возможно, что этотъ словообразовательный элементъ былъ и въ финскомъ (*Suomi*) языкѣ, хотя, послѣ исчезновенія его согласнаго по звуковымъ законамъ, онъ сталъ уже неразличимымъ и слился съ окончаніемъ *u* (*bu, *du). Могло бы быть, что такая основа, какъ напр. *hätänty*—(быть въ бѣдѣ; во времена Агриколы *hätänte*-) возникло именно этимъ путемъ изъ *hätägänte-, *hätägäntü- такъ же, какъ *viluntu*—(забнуть) изъ *vilugantu-; *seisanta*—(останавливаться) возникшее также съ помощью смѣшенія изъ основной формы *seisagoitta (ср. вепс. *ahdistojtan* = фин. *ahdistutan*, сужаюсь“). (*Setälä*. 109—110).

Основной суффиксъ *-g* Буденць находитъ и въ другихъ финноугорскихъ языкахъ, но онъ говоритъ безразлично о суффиксахъ *-g* и *-ng*, какъ будто это одно и то же, а потому изъ всѣхъ его многочисленныхъ примѣровъ я остановлюсь лишь на тѣхъ, которые несомнѣнно относятся къ разбираемому нами явленію. Въ зырянскомъ и вотяцкомъ языкахъ суф. *g* является въ слѣдующихъ образованіяхъ: *gunu* (иначе *-junu*; *-kunu*) въ словахъ *dulgunu* (= *duljalnu*, зять), *jurgunu* (= *jurjalnu*, звучать), *šylgunu* (= *šyuljalnu*, летать) и др. ¹⁾ При сравненіи этихъ формъ съ венгерскими мы находимъ здѣсь много сходства: фреквентативный суффиксъ *-g* въ обоихъ языкахъ встрѣчается рядомъ съ фреквентативнымъ же суффиксомъ *-j-a*; для довершенія сходства этотъ суффиксъ и въ зыр.-вот. языкѣ выступаетъ въ соединеніяхъ *-gal* и *-gat* (вот. *bergal-sich drehen, sich wenden, causat*.

¹⁾ *Wiedemann*. Gram. d. syrjän. Sprache. 78—79.

bergat; зыр. bergal-¹⁾). Въ вогульскихъ формахъ съ -g (lärrg- sich drehen, caus. lärrñelt- drehen; šärrg-schreien, caus. šärrñelt- и т. д.) и въ лапландскихъ -lg- (-lg, ср. венг. -log) (напр. jabme — умирать, jama lge — лишиться чувствъ) -ng- (n'alsa или n'alsage — висѣть, свѣшиваться) можно, вѣжета, также видѣть этотъ суффиксъ. Принадлежность его только глагольнымъ основамъ подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что съ суффиксомъ -g изъ именныхъ основъ образуются имена отглагольныя²⁾. Такова многочисленная группа финскихъ именъ на -ege- (*elege, откуда e lé и др.) (Setälä. ÄH. 62—65), мордовскихъ на -eg, ög (kogoög — прошение отъ kog — просить, rišjeg — бѣгъ rišji — бѣжать и др.) (Budenz. 46—47).

Такимъ образомъ, суффиксъ -g, служившій для образованія отъ первоначальныхъ корней глагольныхъ основъ, долженъ быть отнесенъ уже къ финноугорскому языку. Въ связи съ этимъ стоитъ его специальное употребленіе въ образованіи основы настоящаго времени, которое надо также отнести уже къ финно-угорской эпохѣ. Этотъ суффиксъ въ формѣ -k в, -g в встрѣчается во всѣхъ языкахъ этой лингвистической группы (черемис. ok, og, vot. ug, зыр. og и др.). По мнѣнію проф. Сетälä (ibid. 167), онъ встрѣчается и въ отглагольныхъ nomina agentis въ сочетаніяхъ съ -se (фин. puhelikas болтливый)³⁾, -i (ингр. pettelikkoі обманчи-

¹⁾ Budenz. Ugor alaktan. 47—49.

²⁾ Нѣсколько именъ на -*ga (каjava чайка, маjava бобръ, ваjava нуждающійся, jalava вязъ, рihlaja бузина, ретäjä сосна), которыя приводитъ Сетälä (ÄH. 59—60), слишкомъ единичны, чтобы на нихъ можно было что-нибудь строить. Возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ заимствованія, какъ ваjпаја (покойникъ), hupaја (медь).

³⁾ E. N. Setälä. Zur Geschichte der Tempus-und Modusstambildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. Helsingfors. 1886, стр. 28—77. Впрочемъ, происхожденіе этого суффикса -k а s не совсемъ ясно. Ср. то, что говорить о немъ Аляквистъ „Suomen kielen rakennus“ 1877.

вый) или бѣзъ нихъ (лив. kartlig трусливый; вогул. tol-тах — воръ).

Другимъ суффиксомъ, служащимъ для образованія глагольныхъ основъ и отглагольныхъ именъ, является, по транскрипции проф. Сетэлэ, -рв, -bv, съ помощью котораго въ различныхъ финно-угорскихъ языкахъ образуются основы настоящаго времени (ibid. стр. 4—28). Насколько тѣсно этотъ суффиксъ сливается съ корнемъ (при чемъ совершенно теряется сознание ихъ раздѣльности, которую навязываютъ агглютинирующимъ языкамъ), показываетъ уже тотъ фактъ, что къ образованной такимъ способомъ основѣ настоящаго вре-

I, стр. 72—73. „К а в возникло изъ к а с а (к а п с а, к а п с а), которое встрѣчается въ различныхъ сочетаніяхъ. Такъ напр., изъ соединенія г а н а к к а п с а возникло г а н а к а в (geldreich) и эст. г а н а г а (mees); далѣе, это слово встрѣчается въ эст. а в і к ä в (=о. а в і о к а с а, супругъ). Въ самостоятельномъ видѣ это слово, столь обычное въ сложныхъ словахъ, совершенно выпло изъ употребленія въ нашемъ языкѣ, и его превращеніе въ суффиксъ (послѣднее наилучшимъ образомъ обнаруживается тѣмъ, что его гласный приспособляется къ гласному первой части: напр., г а н а к а в, к і в е к ä с) показываетъ до нѣкоторой степени, какъ возникаютъ суффиксы въ агглютинирующихъ языкахъ. Съ помощью этого суффикса (если мы станемъ такъ называть это присоединяемое слово) финскій языкъ образуетъ и имена прилагательныя: напр. г а н а к а с, к а л а к а с, в о і м а к а с и имена сущ. з о г м і к а с, j о u h і k a s. Послѣднія образованы отъ основъ множ. числа; такими же являются и прилаг. m u t k i k a s, р о l o i k a s, о k s i k a s. Родственные языки въ широкой степени пользуются этимъ суффиксомъ. Эстон. к а г в а к а с, н а б е к а с (бородатый); к а л а к а с и др.; восток. d e n g g a k a s (богатый), u m a l i k a s (хмѣльный), в ѳ r e m i k a s; вепск. b a r d a k a s (бородатый), h ä n d i k ä s (хвостатый, волкъ), k o l o k a s и др.; лапланд. а г т о г а с (милостивый), s u d d o g a s' (грѣшный)⁴. Объ этомъ суффиксѣ *k a a s, *k e z (*g e z), потомъ вслѣдствіе контаминаціи суффиксовъ k s и *k e s (*k a u s s a, какъ думаетъ и Альквистъ) новомъ суф. k e k s см. Setälä. ÄН. 364. Суффиксъ -k a s (изъ *k a u s s a), который отъ значенія *снабженный, обильный члвкъ*, перешелъ и къ другимъ основамъ и значеніямъ, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ отглагольнымъ суф. -g финно-угорскаго происхожденія.

мени присоединяется новый суффиксъ настоящего времени: такъ, въ лапландскомъ Сегэлэ (стр. 56) указываетъ образованіа на -bœ-kke (*pв + kv) въ формахъ lodno-bœkket (вы разрѣшаете), gavve-bœ-kket (вы приказываете) и др.

Въ другихъ финноугорскихъ языкахъ (вогульскомъ, остяцкомъ, венгерскомъ) Буденць находитъ суф. -p(b), служащій для образованія глаголовъ однократныхъ (momentánigeképzö). Въ венгерскомъ языкѣ мы находимъ слѣдующее (Simonyi. 393): „изъ вполне ясныхъ основъ мы можемъ привести только два устарѣлые глагола, образованные съ помощью суффикса -a p: ha гуар—(плюнуть) отъ глагола ha гу-, который первоначально означаетъ бросать, кидать, и állap-ik (subsistere, sistere), отъ котораго сохранились формы állapot—(status, conditio), állapít—(caus. stabilire, collocare). По мнѣнію Буденца, сюда относится и глаголь ha гар—(mordere)“.

Вышедшій изъ употребленія простой суффиксъ сохранился въ соединеніи съ другими суффиксами: такъ, изъ *pв + dз возникъ суффиксъ -rod-, изъ *pв + lz -rol-, изъ *pв + zв -roz-: такъ напр., отъ ül(sedere) возникаетъ ülërpëdik (subsidere), ср. csillapod—(conquiescere, sedari), гуагарод (augescere, crescere), csillámpoz—(сверкать), hörpöl (sorbere), csörömpöl—(rasseln) (Budenz. U. A. 66—67). вмѣстѣ съ развитіемъ суффикса измѣняется и его значеніе: такъ, глаголы на -arodik имѣютъ уже не однократное, а начинательное значеніе, которое выражаетъ присоединеніе фреквентативнаго суффикса (такъ же отъ однократн. -am-ik, -em-ik образуется начинат. -amodik, emëdik. Simonyi. 393).

Въ связь съ суф. -p Буденць ставитъ суф. -bol и -bal въ глаголахъ zurbol—(stören), rombol (diffringere, disseccare), nyirbal—(scheren, zu stutzen), tombol—(mit den füssen stampfen). Въ зырянскомъ языкѣ суф. -ör или -öb служить для образованія именъ существительныхъ и прилагательныхъ, которыя сохраняютъ связь съ глагольной основой, отъ которой они произведены: таковы, напр., слова vizlöb (strom, strömung отъ vizyl—schnell strömend), yzöb (schnell,

plötzlich отъ yzjödny anregen), yrsköb (eilig, plötzlich отъ yrsálny eilen) и мн. др. (Wiedemann. 57). Въ мордовскомъ языкѣ обширная область отглагольныхъ именъ образуется при помощи относящагося къ этой же группѣ суффикса: морш.-морд. *-f*, эрз.-морд. *-v* (*-ра). По преимуществу, это *nomina acti*, но отчасти также *nomina actionis*¹⁾: напр., м.-м. *kantf* (тяжесть, ноша) отъ *kandan*(нести), *kotf* (грубое полотно) отъ *kodan*(ткать), *porf* (снѣжный сугробъ) отъ *poran*(наметать), *eräf*(жизнь) отъ *erän*(жить) и др. или *tev*(дѣло) отъ *teyan*(дѣлать); э.-м. *teve*(дѣло) отъ *tejem*s (дѣлать), *kajant*(пóдать) отъ *kajams*(откидывать) и др. Изъ финскихъ формъ причастіе на *-va*, окончаніе 3 л. *praes. -vat*, суф. *-ri* принадлежатъ къ области распространенія того же суффикса (Setälä. Zur Gesch. 166—167), глагольный характеръ и финно-угорское происхожденіе котораго, повидимому, не подлежатъ сомнѣнію²⁾.

Суффиксы *-g(-k)* и *-b(-p)* искони присоединялись къ корнямъ для образованія глагольной основы; они были развиты съ помощью новыхъ суффиксовъ, отъ чего получились весьма сложные конгломераты. Если мы обратимся къ любому финно-угорскому языку, мы найдемъ въ каждомъ множество суффиксовъ, которые служатъ для образованія только глагольныхъ или именныхъ основъ. Такъ напр., въ мордовскомъ языкѣ *Verbum frequentativum, continuativum* образуетъ съ суффиксами *-nde-*, *-le-*, *-se-*, *-še-* (и *-še-nde-*, а также *-kšne-*), *-je-* (Budenz. Mordv. Nyelvt. 64—66), въ венгерскомъ такими суффиксами Шимони признаетъ до 20 образованій въ родѣ *-l*, *-al*, *dol*, *csol*, *gál*, *-dogál*, *-kol*, *-kod*, *-dok*, *-dokol*, *-z*, *-sz*, *-rog* и др.

¹⁾ Budenz. Mokscha-és erza-mordvin nyelvtan. 1876, стр. 28—29. Ср. также Ahlquist. Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik. 1861, стр. 12—13. Wiedemann. Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache. 1865, стр. 20.

²⁾ Вог. -р и -рt въ глаголахъ однократныхъ и такой же остяцкій суффиксъ разсмотрѣны Буденцомъ въ Ug. Alaktan. 65—66.

Такимъ образомъ, въ настоящее время глагольныя и именныя основы и по значенію, и по грамматическому образованію различаются весьма отчетливо во всѣхъ финскихъ языкахъ. Начало этого процесса надо возводить еще къ тому времени, когда въ языкѣ были въ употребленіи въ качествѣ самостоятельныхъ словъ односложные (по большей части, по крайней мѣрѣ) корни—основы.

Прежде чѣмъ обратиться къ вопросу объ образованіи глагольныхъ и именныхъ грамматическихъ формъ, которое въ своихъ основахъ также должно относиться къ финноугорской эпохѣ, я разсмотрю тѣсно связанный съ этимъ вопросъ о происхожденіи и слияніи суффиксовъ въ этой группѣ языковъ. Какъ въ индоевропейскихъ языкахъ, такъ и въ нихъ первоначальное значеніе свое суффиксы сохранили въ самыхъ рѣдкихъ, единичныхъ случаяхъ. Такъ, зыр. *lun*, морд. *či* (оба со значеніемъ *день*) употребляются въ качествѣ суффиксовъ въ словахъ *tomlun* (молодость, букв. новый день), *szirlun* (господство), морд. *šura v či* (id.)¹⁾; подобнымъ образомъ, лив. *rāva* (день) имѣетъ характеръ суффикса въ словѣ *tiera-rāva* (здоровье, т. е. здоровый день); въ лапландскихъ *puogavuotta* (молодость), *buörrevuotta* (добро) скрывается слово *vuotta*, употребляющееся и самостоятельно и соотвѣтствующее фин. *vuote*—(ном. *vuosi*, годъ)²⁾. И обратно, можно отмѣтить нѣсколько случаевъ, когда суффиксъ приобретаетъ значеніе вполне или полу-самостоятельнаго слова. Таковъ, напр., заимствованный суф. *-niekka*, о которомъ у Альвиста (*Suom. Kiel. Rakenn.* стр. 73—74) мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: „Этотъ суффиксъ занимаетъ въ сложныхъ словахъ настолько самостоятельное значеніе, что его гласный *-a* не примѣняется къ вокализму

1) *Budenz. Ug. Al.* 7.

2) *Setälä. Yhteissuom. Äännehist.* 71. Альквистъ производитъ суф. *-mainen* отъ *maa* (земля), *-moinen* отъ *muo* (= *muoto*, видъ, форма), *-lainen* отъ *lai* (родъ) и т. д. См. *Suom. Kiel. Rakennus.* § 132—136. Венг. *-sag* сопоставляется съ морд. *ši. Simonyi.* 586. Зыр. *in, nog, toi* и др. *Wiedemann.* 71—74.

перваго слога, и что оно сохраняет собственное удареніе, отъ чего въ глазахъ финновъ является вполне самостоятельнымъ словомъ. Тѣмъ не менѣе — и это весьма любопытно — оно оказывается не чѣмъ инымъ, какъ русскимъ суффиксомъ, который черезъ заимствованныя слова проникъ въ финскій языкъ и такъ акклиматизировался здѣсь, что встрѣчается какъ въ именахъ существительныхъ (gironiekka, aruniekka, vihasniekka, viuluniekka), такъ и въ прилагательныхъ (oksaniekka, haaganiekka, huolainniekka). Въ русскомъ языкѣ съ помощью этого суффикса образуются имена лицъ мужескаго пола (работникъ, чиновникъ, мясникъ), и по образцу этихъ словъ ближайшіе родственные намъ языки, подчиненные вліанію русскаго, начали употреблять этотъ иностранный суффиксъ и въ своихъ собственныхъ образованіяхъ, откуда, напр., вост. töönikka (работникъ), лив. amatnika (чиновникъ), вепс. lihanik и эст. lihoniik (мясникъ) и мн. др. Изъ этихъ нарѣчій данный суффиксъ проникъ, вѣроятно, и въ финскій языкъ, гдѣ и приобрѣлъ выше отмѣченную самостоятельность¹. Другой примѣръ, тоже изъ финскаго языка: слово kunta, употребляющееся въ качествѣ суффикса, означающаго совокупность предметовъ, и имѣвшее нѣкогда самостоятельное значеніе, теперь опять восстановило его и стало употребляться въ смыслѣ *округа, прихода* (коммуна), откуда и имя прилаг. kunnallinen (ibid. стр. 74, § 129).

Но подобные случаи, гдѣ въ финноугорскихъ языкахъ суффиксъ еще сохранилъ свое значеніе, или гдѣ можно восстановить его происхожденіе, — большая рѣдкость. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ исторія суффиксовъ въ этихъ языкахъ представляетъ совершенно тѣ же явленія, что и въ индоевропейскихъ. Такъ напр., суф. фин. -ise(-inen) представляетъ собой чрезвычайно сложный комплексъ суффиксовъ¹), который проф. Сетälä разлагаетъ на сочетаніе суф-

---

¹) E. Setälä. Ueber die bildungselemente des finnischen suffixes -ise- (-inen). Journal de la soc. Fin.-Ougr. III. 133 — 138.

фиксовъ $\dot{i}(j\ddot{a}) + n\ddot{a} + k\ddot{s}\ddot{v}$. „Что касается перваго, то его можно бы отождествить съ суф. $-j\ddot{a}$, съ помощью котораго въ финскомъ и другихъ финно-угорскихъ языкахъ образуются не только уменьшительныя (напр. *tyttö* *tyttöj дѣвочка; *emo*, *emö* мать и др.), но и имена со значеніемъ „чѣмъ-нибудь снабженный, что-нибудь имѣющій“: напр. *korvo* отъ *korva* (ушастый, т. е. ушаты), *sanko* отъ *sanka* (снабженный рукояткой, т. е. ведро), *otso* отъ *otsa* (широколобий, т. е. медвѣдь). Второй элементъ $-n\ddot{a}$ ($-ne$) не такъ ясенъ. Вѣроятнѣе всего сопоставлять его вмѣстѣ съ Альквистомъ съ мордов. уменьшит. суф. $-n\ddot{a}$ (э.-м. $-ne$). Третій изъ предположенныхъ нами элементовъ $-k\ddot{s}\ddot{v}$ ($-k\ddot{a}e$) употребляется въ финскомъ языкѣ также отдѣльно.

Какъ въ финскомъ, такъ и въ мордовскомъ, гдѣ этотъ суффиксъ встрѣчается въ формѣ $-k\ddot{s}$ -, слова, образованныя посредствомъ его, означаютъ предметы, которые стоятъ въ связи съ выраженнымъ основой или къ нему относятся. Въ финскомъ языкѣ такія слова обыкновенно означаютъ предметы, сдѣланные изъ вещества, обозначеннаго основой: напр., *aidakse* (ном. *aidas*, заборный колъ) отъ *aita* (заборъ), *leiväks* (хлѣбное) отъ *leipä* (хлѣбъ); морд. *jamks* (*grütze*) отъ *jam* (*brei*); *pilks*, э.-м. *pileks* (серьга) отъ *pilä*, э.-м. *pile* (ухо)⁴.

Образцомъ того, какое широкое употребленіе получилъ суффиксъ, первоначально имѣвшій очень узкую сферу распространенія, можетъ служить фин. $-tar$, $-tär$. По мнѣнію Альквиста¹⁾, онъ происходитъ отъ основы *tytär* (дочь) и первоначально означаетъ женскія фамильныя прозвища, образованныя отъ основъ: *Karhutar*, *Hukatär*. Однако съ теченіемъ времени этотъ суффиксъ распространился на всевозможнаго рода названія женскихъ профессій, миѣическихъ существъ женскаго пола, женъ или дочерей представителей различныхъ профессій (*professoritar*) и т. под.²⁾.

¹⁾ Suom. Kiel. Rakennus. § 29—30.

²⁾ W. P. $-tar$, $-tär$ pääteen käyttämisestä nykykielessä. Журн. Virittäjä. 1902, стр. 8—11.

Иногда образование новыхъ группъ суффиксовъ еще можно прослѣдить такъ же, какъ въ индоевропейскихъ языкахъ (ср., напр., исторію суффикса -овщикъ въ „Очеркахъ науки о языкѣ“ покойнаго Крушевскаго). Такъ, къ суф. -ja (nomina agentis): luoja — творецъ, ашриja — стрѣлокъ, leiroja — пекарь отъ luo-, ашри-, leiro- и др.) присоединяются суф. -ha (nom. -s), -inen-, ime (nom. -in), отчего возникаютъ формы такого рода: antelijas (щедрый отъ ant + el + ja + he), laskijainen (изготовитель), ашриjainen (оса), kulkijan (kulkia in, странникъ) или со стяженіемъ kasvain (растение), eläin (животное) и т. д. (Ahlquist. loc. cit. § 7—11). Въ корельскомъ нарѣчии собирательный суффиксъ -listo (каrgalisto — всѣ корелы, köyhälistö — вся бѣднота) представляетъ сумму суффиксовъ -la + se + to (-se въ вотскомъ нарѣчии въ формѣ tamisikko = фин. tamikko, дубовая роца; -to обычный суффиксъ въ названіяхъ мѣста: рihento — тѣнистое мѣсто, рihatto — скотный дворъ)¹⁾.

То же происходитъ и въ другихъ финно-угорскихъ языкахъ: такъ, въ венгерскомъ суф. -d настолько тѣсно слился съ основой, что является возможность къ полученному такимъ образомъ слову присоединить вторично тотъ же суффиксъ (напр. отъ argó — маленький, argód — пасть, маленький вообще, дитя, — собственное имя, засвидѣтельствованное въ 1319 году, argódad — очень маленький, или kicsi — малый, kicsid — id. Quisid, Cusid 1171. 1217, kicsided — очень маленький). На древность этого образованія указываетъ форма kiseded — маленький (уже въ документѣ 1283 года). Последняя форма, едва ли не единственная этого типа въ народномъ языкѣ (изъ литературнаго Шимони приводитъ довольно много примѣровъ), была понята весьма своеобразно: именно, форма kiseded была отождествлена съ kis-gyerek (малое дитя), отчего суффиксъ сталъ употребляться въ говорахъ въ смыслѣ

¹⁾ Ahlquist. loc. cit. § 62. У Ахльквиста вообще много примѣровъ этого рода, которыхъ я не привожу (ср. § 122. -rva = -ra + va; § 97. mus = -ma + us; § 13. -mukse = -ma + -kse и т. д.).

самостоятельнаго слова со значеніемъ *дитя*; въ другихъ говорахъ отмѣчено слово *ded*(хлѣбъ), которое, вѣроятно, развилось тѣмъ же путемъ, но въ иномъ направленіи. (Simonui. 554—557). Для объясненія происхожденія суффикса *-lás*, *-lés*, *-més* и т. п. въ венгерскомъ языкѣ Шимони прибѣгаетъ къ предположенію контаминаціи двухъ готовыхъ формъ: такъ, по его мнѣнію, *hozatalás*(несеніе) результатъ контаминаціи формъ *hozatal*(несеніе) + *hozás* (*id.*), *vitelés* (везеніе) = *vitel* + *vivés*, *kérelmés*(прошеніе) = *kérelm* + *kérés* (*ibid.* 475). Сложнаго происхожденія суффиксы *-dalom*, *-delém* и многіе другіе ¹⁾. Въ мордовскомъ, зырянскомъ и другихъ финноугорскихъ языкахъ, строеніе которыхъ въ общемъ проще, потому что при отсутствіи литературы на этихъ языкахъ проще и мысли, которыя приходится выражать словами, комплексы суффиксовъ встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ венгерскомъ и особенно финскомъ языкахъ; однако они встрѣчаются и здѣсь: таковъ морд. суф. *-nal* (*n + *ala*) ²⁾, зыр. *-los*, *-lös* (*l + *ös*) ³⁾ и др. Наконецъ, нѣкоторые сложные суффиксы относятся уже къ финно-мордовской, если даже не къ финно-угорской эпохѣ: это суффиксы каритивные и компаративные.

Первые означаютъ отсутствіе какого-нибудь качества въ предметѣ. Въ финскомъ языкѣ въ этой роли выступаетъ суффиксъ *-tto ma*, который сложенъ изъ двухъ частей *tto* + *ma*. Въ *Nom. Sing.* онъ сокращается въ *-ton*, подобно тому, какъ процессу сокращенія могутъ подвергаться и цѣльныя слова: напр., эстон. *weski*(мельница) изъ *wesikiwi (вода—камень) или *heina m*(сѣнокосъ) изъ *heina ma a (сѣно, земля) и т. д. ⁴⁾. Такъ возникаетъ суф. *-ton* (*työtön*—безработный,

¹⁾ Много сложныхъ суффиксовъ можно найти въ очень устарѣломъ трудѣ Боллера: „Die Wurzelsuffixe in den ural-altaischen Sprachen“. 22 томъ (1856) *Sitzungsber. Вѣн. Акад. Наук.*

²⁾ *Budenz. Mordv. Nyelvtan.* 27.

³⁾ *Wiedemann. Syrjän. Gram.* 54.

⁴⁾ См. *K. Hermann. Ueber estnische Wortformen die durch Abkürzung entstanden sind.* Dorpat. 1881.

käsitön — безрукій, armoton — немлостивый и т. д.), который въ эстон. яз. звучитъ -to (rahato и потомъ rahatu — бѣдный), въ вотскомъ -tō (jumaloitō — безбожный), въ нѣкоторыхъ говорахъ Suomi -toin (Ahlquist. loc. cit. § 117). Такъ отъ корня juo — (пить) получается образование juo-ma-tto-ma- (не пьющій) или отъ raha (деньги) отвлеченное понятие rahattomuus (бѣдность, безденежье).

Этому каритивному суффиксу соотвѣтствуетъ въ мордовскомъ языкѣ суф. морш. -ftima, -ftemö, эрз. -vto-mo, -vte-me (ronaftima, ronavto-mo — безволосый отъ рона — волосъ), въ зыр.-вот. tōm, -tem (pin'tōm — беззубый, pe'tōm — глухой отъ pe' — ухо). Нѣсколько другой типъ образования этотъ суффиксъ представляетъ въ угорской группѣ, гдѣ онъ звучитъ въ вогул. языкѣ, какъ -tal (pa'ital — глухой отъ pä' — ухо), въ мадьяр. -talan, -telen (számtalan — безсчетный, отъ szá-m — счетъ; lábatlan — безногий и т. д.).

Для объясненія происхожденія этого суффикса необходимо обратить вниманіе на его отношеніе къ окончанію такъ наз. Abessivus, падежа, означающаго отсутствіе предмета или качества. По мнѣнію Альквиста (Rakennus, стр. 69—70), онъ представляетъ собою результатъ сложенія окончанія этого падежа -tta и суффикса -ma, образующаго имени существительнаго. Можетъ быть, въ цѣломъ этотъ взглядъ нѣсколько произволенъ, но, что суффиксъ каритивный и Abessivus стоятъ въ извѣстномъ соотношеніи, это не подлежитъ сомнѣнію. Буденць (Ugoralaktan. 276—279), мнѣніе котораго рассмотримъ ниже, приводитъ случаи, гдѣ эти два образования рѣшительно сливаются: такъ, мордов. tolf'tima означаетъ какъ извѣстное свойство (безогненный, tuzetlen), такъ и падежъ Abessivus (безъ огня, tüz nélkül) или вогул. a'stal (безработный, безъ работы) и т. д. Въ объясненіи угорскихъ формъ этого суффикса взгляды названнаго ученаго сводятся къ слѣдующему. „Съ каритивнымъ суффиксомъ вогульского языка -tal“, говоритъ Буденць: „мы сопоставляемъ мадьярское -talan, такъ какъ основная часть его tal- поразительно совпадаетъ съ нимъ,

и, благодаря этой основной части, мы сопоставляли его съ вогульской формой, при чемъ конечную часть его -an мы признавали, разумѣтся, за ничего не значущую прибавку. Но при лучшемъ изслѣдованіи взаимоотношенія формъ выясняется, что это, какъ этого и слѣдовало ожидать, не вѣрно. Очень желательно придти къ какому-нибудь выводу относительно первой части суф. -talan, хотя бы ради этого пришлось отказаться отъ обычнаго объясненія передней части его. Прежде всего ясно, что съ вог. -tal надо отождествить ост. -la- (въ иртыш. гов. -da-). Извѣстно, что въ смѣнѣ $d(t): l$ остяцкій языкъ пошелъ еще дальше, чѣмъ вогульскій, и потому ост. -la соотвѣтствуетъ вог. -ta въ -tal съ отпадениемъ конечнаго l или -la вмѣсто болѣе ранняго lal ⁴. То же явленіе Буденць находитъ и въ венгер. яз.: и здѣсь онъ признаетъ очень обычной смѣну $d(t): l$; такимъ образомъ суф. -talan восходитъ къ *talan или вѣрнѣе, такъ какъ изъ -talal по закону диссимиляціи могло развиваться -talan, предположить праформу *tatal. Это же слово еще живетъ въ вогульскомъ языкѣ въ видѣ $tätel, tatel$ въ значеніи „пустой, лишенный“. На его связь съ суффиксомъ каритивнымъ -tal указываетъ остяц. talli (пустой), гдѣ послѣдней частью является -li. По мнѣнію Буденца, слово $tätel, tatel$, какъ и ост. $tākla$ (со значеніемъ „безъ“), распадается на двѣ части, гдѣ первая (вог. $tajl$, ост. $tāk$) имѣетъ значеніе *полный* или *сильный*. Такъ-ли это и не нужно ли talan *tatal разложить на двѣ части, изъ которыхъ первая встрѣчается и въ фин.-морд. -to-ma(-f-to-ma)¹), я не берусь рѣшить, но въ этой послѣдней группѣ языковъ каритивный суффиксъ сложнаго образованія. Эліотъ (Fin. Gram. XX) возстановляетъ его въ формѣ -tama, при чемъ первую часть этого суффикса отождествляетъ съ окончаніемъ каритивнаго надежа -ta, которое въ финскихъ говорахъ имѣетъ также

¹) *Simonyi. Magyar Nyelvtan.* 577 также говоритъ о болѣе далекомъ родствѣ фин. $tto\ ma$, лап. $-te\ me$ и др. съ венгер. и вогул. суф. tal и $talan$.

форму -tak, tah и восходить къ така или таха; первоначальное значеніе этого суффикса сохранилось, по его мнѣнію, въ словѣ така(задъ), что, повидимому, вполне возможно ¹⁾. Въ этомъ случаѣ слова така, *-tama, *-tatal представляютъ сложные образованія, которые относятся уже къ финноугорской эпохѣ.

Что касается суффикса сравнительной степени — фин. -тра, то нѣтъ основанія думать вмѣстѣ съ Альквистомъ (Suom. Kiel. Rakenn. стр. 117. § 179), что первоначальная финская форма его есть -ра, къ чему лишь Suomi, вепсскій и эстонскій языки присоединили въ началѣ „эвфоническое“ *n*, превратившееся передъ *r* въ *m*. Какъ показалъ Setälä (ÄН. 368, 404 — 406), первоначальной формой этого суффикса надо считать -тра(mri-), -мба(-mbi-), каковую форму относятъ въ финно-угорской эпохѣ (*Budenz.* 280—283. *Simonyi.* 563. *Szintyeyi.* Suom. kiel. heimol. 18 и др.). Не можетъ быть сомнѣнія, что въ этой формѣ суффиксъ является сложнымъ: въ окончанію -n могла бы путемъ присоединенія суффикса -ра образоваться новая форма суффикса -тра, -мба ²⁾. Теперь я остановлюсь на образованіи нѣкоторыхъ формъ склоненія и спряженія въ финно-угорскихъ языкахъ для того, чтобы подчеркнуть типъ этихъ образованій, ничѣмъ по существу не отличающійся отъ типа тѣхъ же образованій въ индоевропейскихъ языкахъ. Сначала о спряженіи.

Исходнымъ пунктомъ для образованія формъ спряженія въ финно-угорскихъ языкахъ служитъ корень, который, будучи развитъ гласнымъ звукомъ, становится основой въ образованіи другихъ формъ. Такимъ образомъ, въ основаніи однихъ

¹⁾ Такъ судилъ уже Альквистъ (Rakennus. стр. 110—111), у котораго этотъ взглядъ прекрасно обоснованъ. У Альквиста заимствовалъ точку зрѣнія Элиотъ.

²⁾ Къ финно-угорской эпохѣ суффиксъ -тра (можетъ быть, въ значеніи усилительномъ вообще, а не только въ сравнительной степени) относить и г. Вихманъ въ журналѣ *Finnisch-Ugrische Forschungen.* I (1901), стр. 189—193.

формъ лежитъ корень безъ гласнаго элемента на концѣ, въ основаніи другихъ корень, развитый указаннымъ способомъ¹⁾. Въ работахъ проф. Setälä „Zur Geschichte der Tempus-und Modusbildung“... 1886 и Simonyi: „Формы наклоненій въ угорскихъ языкахъ“ (Az ugor módalakok)²⁾ собранъ значительный матеріалъ, позволяющій обзрѣть этотъ вопросъ. Разногласіе этихъ ученыхъ по поводу того, существовала-ли, напр., особая форма повелительнаго наклоненія въ праязыкѣ, какъ полагаетъ Шимони (loc. cit. 146), или употреблялась въ этомъ значеніи (in interjektioneller Funktion) основа настоящаго времени (Setälä. 177),—это разногласіе насъ здѣсь не касается, потому что для разбираемаго вопроса важенъ только способъ образованія формъ.

Остановимся на Conjunktiv'ѣ, въ образованіи котораго выступаетъ суффиксъ -nъ (Setälä. 152—158. Simonyi. 155—158). Финскія нарѣчія присоединяютъ его въ большинствѣ случаевъ къ основѣ на гласный (фин. sa n o n e n, кар. š o a n e n, олон. a n d a - n e n, веш. a n d a - n e n, вот. v o t t a - n e n, эст. s ä - n e и др.), но нерѣдко и къ „усѣченной“ основѣ, причемъ въ этомъ случаѣ n суффикса ассимилируется съ предшествующимъ согласнымъ основы (ф. t u l l e n изъ * t u l - n e n, риген * r i g - n e n, вот. s u r r e n * s u r - n e n и т. д.). То же явленіе мы находимъ въ черемисскомъ (š i n d e - n e m, но t ū l - n e m, n á ĩ n e m, k á r n e m), тогда какъ вогульско-остяцкій и венгерскій языки, какъ видно изъ примѣровъ Сетälä и Шимони, присоединяютъ указанный суффиксъ къ усѣченной основѣ или, говоря попросту, къ корню (напр., вог. o l n ū m, ригнет, k i e t n ū l e m, q o l n ě m, p i l n ě m, j o x t n a t; ост.

1) „Wir führen nachträglich an, dass im Finnischen der reine verbalstamm als indicativi praesensform gilt (s a n o - n, s a n o - t, s a n o - m e), im Mordwin. und Čerem. dagegen als imperativ-stamm (mord. m a k s i - z a, m a k s i - d a, m a k s i - s t oder E. m a k s o - z o, m a k s o - d o, m a k s o - s t; čer. t o l - ž o, t o l - d a, t o l o - š t)“⁴. Budenz. Ueber die verzweigung der ugrischen sprachen. 1879, стр. 37.

2) Nyelvtudományi közlemények. т. XIII, 1876, стр. 135—167.

hadnal, мен-уат, но менауат, рапауат; венг. ír-
pék, kégnék и др.). Что касается венгерскаго языка, то,
повидимому, пѣтъ никакого основанія предполагать, что когда-
либо здѣсь между корнемъ и суффиксомъ наклоненія нахо-
дился гласный звукъ. Формы безъ него обычны и въ старыхъ
памятникахъ (см. Simonyi. Mag. Nyelvtan. 629—630), тогда
какъ усѣченныя основы именъ существительныхъ безъ гласнаго
въ старыхъ текстахъ еще зачастую сохраняютъ гласный эле-
ментъ. Поэтому, кажется, позволительно думать, что венг.
irpa-, wolnak (16 в.), вог. qol-nē- и т. п. представляютъ
образованія прямо отъ корня, и что по отношенію къ нимъ
ост. мена-у-, ф. tule-ne- являются хотя и весьма древними
новообразованіями. Другіе суффиксы также присоединяются не-
посредственно къ корню; это явленіе, относительно рѣдкое въ
финскихъ нарѣчіяхъ, весьма обычно въ другихъ финно-угор-
скихъ языкахъ (морд. pîrim-kš-ne-, falksilen, вог. va-
gait, menget, tuvne и мн. др.). Я не стану нагромождать
примѣровъ, которыхъ не трудно подобрать большое число въ
названныхъ изслѣдованіяхъ и грамматикахъ. Они показываютъ,
что въ финно-угорскую эпоху корень еще не всегда распро-
странялся гласнымъ звукомъ.

Формы склоненія финно-угорскихъ языковъ представляютъ
интересъ съ точки зрѣнія настоящаго моего изслѣдованія въ
двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, очень было бы желательно
выяснить первоначальный типъ именныхъ основъ и, во-вторыхъ,
характеръ окончаній. При настоящемъ состояніи финно-угор-
скаго языковеденія (по скольку я, по крайней мѣрѣ, знакомъ
съ нимъ) трудно сказать, какъ возникли основы на гласный.
Венгерскій языкъ, въ которомъ очень часто встрѣчаются ос-
новы безъ гласнаго, еще сохранилъ память о времени, когда
эти основы имѣли на концѣ гласный звукъ: онѣ въ значи-
тельномъ числѣ засвидѣтельствованы современными діалектами,
старыми памятниками, сравненіемъ съ финскимъ языкомъ,
характеромъ основы въ формахъ склоненій. Если еще въ
текстахъ 11—12 в. отмѣчены слова hadu vtu (млечный
путь, теп. hadút), погу (много, теп. pagu), Fehet-

uuaru (Fehérvár), zilu kut (источникъ вяза, тец. szil-kút) и т. д. или даже въ 15 в. отмѣчены ehsege (голодь, тец. éhség), eleztebbe (въ другихъ кодексахъ того же времени elesztébb) и мн. др., то это свидѣтельствуесть въ пользу того, что въ болѣе раннюю эпоху основы на гласный были закономъ венгерскаго языка ¹⁾). Гласный отпалъ на концѣ здѣсь такъ же, какъ въ эстонскомъ языкѣ, въ которомъ не трудно возстановить утраченный конечный гласный, являющійся въ косвенныхъ падежахъ. Вѣроятно, вполне законный выводъ по отношенію къ финно-угорской эпохѣ будетъ тотъ, что она знала основы съ конечнымъ гласнымъ. Но имѣемъ-ли мы право утверждать, что рядомъ съ ними не употреблялись основы-корни, что другими словами этотъ процессъ нарощенія корня гласнымъ элементомъ былъ законченъ,—это утверженіе наталкивается на такія же трудности, какъ и аналогичное предположеніе Г. Гирта ²⁾, что основы на согласный возникли изъ основъ на -o. Какъ для индоевропейскаго праязыка доказанъ рядъ корней-основъ ³⁾, такъ и къ финно-угорской эпохѣ придется, вѣроятно, при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса отнести значительное число корней-основъ безъ гласнаго на концѣ. Такъ, рядомъ съ фин. kala, лапл. kvelle, guolle (рыба) стоятъ венг. hal, морд. kal, вог. хил или рядомъ съ фин. veri, лапл. varra, varr(кровь) мы видимъ венг. vér, зыр. vir, ост. ver, vir. На то, что на почвѣ финно-угорскаго праязыка совершалось, но не закончилось нарощеніе корня гласнымъ, указываетъ хотя бы такое отношеніе словъ: венг. tél(зима), зыр. töl, вог. tal, tel, а съ другой стороны фин. talvi, лапл. talve, чер. tele. Иногда же форма безъ гласнаго стоитъ такъ одиноко въ семьѣ родственныхъ словъ, что приходится думать о позднѣйшемъ исчезновеніи изъ нея конечнаго гласнаго элемента. Таково, напр.,

¹⁾ Подробное разсмотрѣніе вопроса и множество примѣровъ у Simonyi. 214—219.

²⁾ *H. Hirt. Indogermanischer Akzent.* 220.

³⁾ Напр., I. Schmidt. *Die Pluralbildungen.* 117—120 и др. *Meringer Sitzungsber. Вѣн. Ак. Наукъ.* т. 125 (1892) и др.

венг. *negy*(четыре), чер. *nil*, рядомъ съ которыми мы находимъ ост. *néda*, вог. *níle*, *nílä*, лап. *nelje*, морд. *nile*, ф. *neljä*.

На основаніи этого можно думать, что финно-угорскій праязыкъ зналъ совершенно такое же употребленіе корней-основъ, какъ и индо-европейскій, т. е. что рядомъ съ односложными корнями жили двусложные и многосложные ¹⁾.

Слово *корни* мнѣ приходилось употреблять въ этомъ сочиненіи уже столько разъ, что я опять чувствую необходимость коснуться вопроса о томъ, въ какомъ видѣ могли жить эти корни въ живой рѣчи. Конечно, ни для финно-угорскаго, ни для индо-европейскаго праязыка нельзя предположить такого состоянія, въ которомъ, какъ въ изолирующихъ языкахъ, рѣчь складывается изъ неизмѣняемыхъ коротенькихъ словъ-корней. Въ обѣихъ лингвистическихъ семьяхъ, нѣтъ сомнѣнія, уже съ древнѣйшихъ временъ существовали грамматическія формы, и слова соединялись въ предложенія съ помощью грамматическихъ окончаній, суффиксовъ и другихъ средствъ, выражающихъ внутреннія отношенія между словами. Но для самихъ праязыковъ даже въ эпоху образованія основныхъ типовъ *Composita*, я думаю, необходимо предположить и самостоятельное существованіе корней и основъ съ гласнымъ исходомъ, сохранившееся въ извѣстныхъ формахъ склоненія

---

¹⁾ „Что касается гласныхъ элементовъ, то можетъ быть мы не имѣемъ никакого права *e* въ *bherge*-, *bhergo*- (гр. *φερε*-, *φερο*-), *o* въ *τελα*-, *e*, *o* напр. въ *plē*, *plō* (наполнять, течь), *a* въ *tlā* и т. д. разсматривать, какъ отдѣльные суффиксы; возможно и даже вѣроятно, что первоначально они составляли неразрывную часть корня (Фикъ), при чемъ слѣдуетъ исходить изъ двусложныхъ корней или основъ“. *Per Persson. Studien zur Lehre von der Wurzelweiterung und Wurzelvariation. Upsala. 1891, стр. 212.* На той же точкѣ зрѣнія стоитъ Гиртъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи „*Der indogermanische Ablaut*“ (1900). Если онъ называетъ корни не корнями, а основами и говоритъ, что инд.-евр. праязыкъ состоялъ изъ словъ, а не корней, то это, въ сущности, не болѣе, какъ игра словъ, потому что, по его же словамъ (стр. 196), отъ всѣхъ основъ образовывались т. наз. *Wurzel nomina*.

или спряженія: напр., въ Nom. Voc. Sing., въ повелительномъ наклоненіи и т. д. Родственные слова каждой изъ этихъ лингвистическихъ семей предполагаютъ эпоху, когда корень служилъ той основой, въ которой присоединялись словообразующіе суффиксы. Однимъ словомъ, корни-основы (Wurzel попіна нѣмецкихъ лингвистовъ) являлись составнымъ элементомъ словаря какъ въ финно-угорскую, такъ и въ индо-европейскую эпоху, и если въ первой группѣ языковъ они сохранились лучше, чѣмъ во второй, то они были обязаны этимъ меньшей флексивной подвижности финно-угорскихъ языковъ.

Для того, чтобы показать, какъ близко по типу словообразованіе финно-угорскихъ языковъ къ индо-европейскому, и какъ оно приводитъ къ заключенію о переживаніи корней-основъ въ праязыкѣ, я рассмотрю нѣсколько родственныхъ словъ и типовъ склоненія въ названной лингвистической семьѣ. Матеріалъ словарный я заимствую изъ словаря Доннера ¹⁾.

1) фин. *koі, koitto* (яркая полоса утренней зари); *koі-lі*(сѣв.-востокъ); *koillainen, koі-liskoinen* (утренняя заря), см. Donner. I. 9;

эст. *koі-dik* (утренняя заря);

лап. *guo-fso, kuo-ksu* (то же);

зыр. *kī-a* (то же) и др. слова разныхъ ф.-уг. языковъ, которыя восходятъ къ корню **kaj-, *koj-*, уцѣлѣвшему еще въ фин. *koі*. Этотъ корень-основа долженъ былъ жить въ праязыкѣ, чтобы отъ него могли образоваться такія слова, какъ ост. *kaṭ, kunt* (день, солнце). Съ другой стороны, фин. *koіli* можетъ быть и новѣйшаго происхожденія, такъ какъ корень *koі* сохранялъ свою самостоятельность въ этомъ языкѣ.

Въ связи съ этимъ корнемъ стоитъ, вѣроятно, ф.-уг. названіе *бѣлой* березы: ф. *koivu*, зыр. *kī-dž*, вост. *kī-ś*.

2) Отъ глагольнаго корня *kas-*, уцѣлѣвшаго въ лив. *kaz* (*kāz, kazu*) въ значеніи „*gewachs, vorthel, nutzen*,

¹⁾ O. Donner. Vergleichendes Wörterbuch der Finnisch-Ugrischen Sprachen. I—III. Helsingfors. 1874—1888.

frucht, zins“ (Доп. I. 24), хотя это слово, вѣроятно, сокращено изъ *kazu, образованы съ помощью отглагольныхъ суффиксовъ -та и -ва, а также суф. -ка слова, означающія ростъ и растенія. Сюда относятся эрз.-морд. kasto(растение), чер. kuškam(расти), фин. kasvo или kasvu (растение, ростъ, приростъ), kasvi(трава) и т. д.

3) Въ узкой группѣ финскихъ нарѣчій находимъ любопытное развитіе корня *tiĥ¹). Это—фин. tiĥma, tiĥmu, tiĥmo и tiĥnu(staubregen); tiĥon (sieden, zischen, hervorsiepern); tiĥi-sen (sachte sausen), tiĥu и tiĥku (thau, leichte feuchtigkeit, das hervorsiepern); венг. čihmer(nebel).

4) Корень kom- сохранился въ перм. kom(еске), зыр. kum(сoclave). Въ различныхъ ф.-уг. языкахъ онъ подвергся весьма богатому развитію: такъ, мы находимъ эст. kumtus (wölbung), изъ *kum-pu-s, kummikene (уменьш. отъ kumtu—wölbung). Эта же основа *kom-p- образуетъ фин. kommakko или kammakko (kleines gewölbe), тогда какъ корень безъ -р- лежитъ въ основѣ формъ komtio, komero, kumiska и др. (I. 87—88).

5) Кор. фин. *sū образуетъ весьма значительное число словъ. Не приводя всѣхъ (Donner. I. 157—158), ограничусь указаніями на образованія съ разными суффиксами:

suulas, suukko(болтунъ), suurponen(ротикъ), эст. süde(устье), вог. tus(ротъ), ост. tut(ротъ), лапл. subma(поцѣлуй), чер. šuršal(поцѣлуй), венг. čök (id.) и т. д.

6) Фин. sägmi, sägvi (край, вайма), венг. šagok (уголь) и др. (I. 183) указываютъ на корень *sag-.

7) Фин. sägne или sägi(ясень), sägnisto (ясеневая роща), эрз.-морд. sirte, sirik(ясень) образованы отъ корня sarg-. (II. 6).

8) Корень sil въ значеніи *лаза* въ самостоятельномъ видѣ не сохранился, но на бывшее существованіе его указыва-

---

¹) Не привожу сопоставленныхъ съ нимъ Донверомъ образованій отъ корня toĥ- (I. 122).

ютъ формы фин. *silmä*, *selko*, черем. *šipža*, венг. *szem* и др. (Доп. II. 30—32)¹⁾.

9) Отъ корня *saj* = *haj* Доннеръ (II. 129) предполагаетъ образования съ суффиксами -а, -и, -ка, -та, -ма, -ва, -па, -га, -ла, -са и др.

10) Корень *pai*, сохранившійся въ лив. *pai*(жена) *paize и болѣе точно въ ост. *pai*(жена), послужилъ основой для очень многихъ глагольныхъ и именныхъ формъ съ суффиксами на -т, -р, -с, -т. Привожу лишь нѣсколько примѣровъ (Доннер. III. 32—33): ф. *paira* (*maturus conjugio*), *paima* (бракъ), *paise*—(женщина), лат. *pisu*(женщина), венг. *pās* (свадьба), зыр. *pil*(дочь) и др.

Всѣ эти примѣры, какъ и многіе, которые было бы не трудно привести²⁾, указываютъ на тѣсное соединеніе основы съ словообразующимъ суффиксомъ, соединеніе, совершившееся уже въ ту пору, когда языкъ зналъ еще употребленіе корней-основъ въ извѣстныхъ грамматическихъ формахъ.

Надежныя окончанія такъ же вѣрно связывались съ основой, какъ и въ индоевропейскихъ языкахъ. Отсюда рядъ образований, по типу совершенно сходныхъ съ формами этихъ послѣднихъ.

Прежде всего, характернымъ признакомъ этого явленія служитъ превращеніе извѣстныхъ надежныхъ образований въ нарѣчныя, что можетъ случиться лишь въ томъ случаѣ, если основа и окончаніе вступили въ неразрывное соединеніе. Съ помощью различныхъ окончаній образуются нарѣчія одного и того же типа, что указываетъ на явленіе, хорошо извѣстное и въ индоевропейскихъ языкахъ, т. е. на то, что

1) Объ этомъ словѣ ср. *H. Paasonen. Die finnisch-ugrischen s-laute. Helsingfors. 1903, стр. 34—35* и *E. Setälä. Zur fin.-ugr. lautlehre (Fin.-Ugr. Forsch. II. 262)*. Черем. *šip*—изъ *šim*, а это послѣднее изъ *silm*; ср. черем. *kuš*(три) = ф. *kolme*.

2) Укажу, напр., на слѣд. номера у Доннера: 92, 101, 132, 139, 145, 206, 266, 274, 372, 388, 414, 477, 505, 512, 619, 636, 729, 773, 787, 808, 826, 847, 864, 913, 930, 996.

нарѣчія и здѣсь представляютъ зачастую архаистическія образования, въ которомъ первоначальное значеніе падежнаго окончанія забыто. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого явленія, заимствованныхъ изъ труда Штейера ¹⁾ (стр. 32): мокш.-морд. *se-bärgsta* (хорошо), морд.-эрз. *paŕsto* (хорошо); съ окончаніемъ другого падежа м.-м. *sä latsa*, эр.-м. *se latsa* (такимъ образомъ), *lats* (хорошо), *aſ-lats* (дурно); съ окончаніемъ иного падежа м.-м. *ilaks*, эр.-м. *liaks* (иначе) и т. д. Сюда же относятся обычныя во всѣхъ финно-угорскихъ языкахъ нарѣчія: до мой, близко, позади, противъ и т. п., гдѣ падежная форма такъ же перестала чувствоваться, какъ таковая, какъ и въ соотвѣтствующихъ нарѣчійхъ нашихъ языковъ: таковы, напр., вотсь. *kotona* (дома), *tüwena* (около, собств. у ствола), эст. *jüges* (около, собств. у корня), *kokona* (совершенно), черем. *liina* (близь), зыр. *setöſ* (тамъ), венг. *föit* (высоко) и т. д. ²⁾

Но очень тѣсное соединеніе основы съ окончаніемъ указываютъ также образования, аналогичныя индоевропейскимъ. Подобно тому, какъ отъ формъ *Loc. Sing.* съ помощью новаго окончанія *-i* образованы формы жен. рода др.-инд. *agnäyü* (супруга Агни), ав. *näigī*—(женщина) или съ другими окончаніями, присоединенными къ той же падежной формѣ, имена прилагательныя *ἀγαθαίος*, *plēbējus* и др. ³⁾, или какъ греч. *ἡμισσος* произведено отъ *Loc. Pl.* **hēmīssu* ⁴⁾, такъ и въ венгерскомъ языкѣ суффиксъ *-i* въ соединеніи къ уже готовымъ падежнымъ формамъ даетъ всевозможныя образования именъ прилагательныхъ ⁵⁾: напр., *az Istenbeni hit* значить „вѣра въ Бога“ (собств.—божья, отъ *Isten*—

¹⁾ *Steuer Ianos.* A mordvin határozok tekintettel a finn nyelvre (Мордовскія нарѣчія съ указаніемъ на финскій языкъ). Nyelvtudományi Közlemények. XXII. 1892, цитирую страницы по отдѣльному оттиску.

²⁾ *Mich. Weske.* Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes. Leipzig. 1872, passim.

³⁾ *Brugmann.* Indog. Forsch. XII. 1—3.

⁴⁾ *I. Smyth.* Indog. Forsch. XII. 4.

⁵⁾ *Riedl.* Mag. Gram. стр. 89.

богъ, -ben окончаніе Loc., -i суффиксъ им. прилаг.), а *várát-hoz-i vonzalom*— „пріязнь къ другу“ и т. п. Если формы *ἀγαθαῖος* и *Istenbeni* и не представляютъ въ грамматическомъ отношеніи вполнѣ тождественныхъ образованій, то съ принципиальной точки зрѣнія настоящими эквивалентами указаннымъ въ венгерскомъ агглютинативнымъ формамъ являются приводимыя индійскими грамматиками формы сравнительной степени отъ глаголовъ: напр., *pacatitarām* (*er kocht besser*)¹⁾, а также рус. ихній, серб. *njìhōv*, чакав. *posebár* (*de familia is qui suum quid possidet. Nemanic. I. 68*) отъ *poseb(e)*, рус. спатеньки, повсюдный (Гончаровъ. „Обрывъ“ изд. Маркса. т. I, стр. 355) и т. под.

Синкретизмъ падежныхъ окончаній въ финноугорскихъ языкахъ имѣетъ совершенно такой же видъ, какъ и въ индоевропейскихъ, и мы можемъ къ нимъ примѣнить слова Одуэна о системѣ падежныхъ окончаній въ послѣднихъ²⁾: „un grand nombre de formes casuelles paraissent avoir eu d'abord des emplois très divers. Quelques-unes se sont peu à peu limitées à un emploi déterminé; mais d'autres ont gardé la multiplicité d'acceptions primitives“. Этимъ объясняется, почему синтаксическое употребленіе падежей въ разныхъ финно-угорскихъ языкахъ выработалось болѣе или менѣе самостоятельно: такъ, для означенія богатства, бѣдности въ томъ или другомъ отношеніи мордовскій языкъ употребляетъ Ablativus, а финскій Elativus (напр., э.-морд. *Mazí Damaj šupav e'va mezde, anšak sajei polado, piže vastado avul' šupav* — Мазы Дамай всѣмъ богатъ, только купленной женою, милой супругой не богатъ; фин. *mies on rikas huvistä avuista, mutta köyhä rahoista* — человекъ богатъ добродѣтелями, но бѣденъ деньгами. *Steuer. 7*). Въ мордовскомъ языкѣ и до сихъ поръ, по указаніямъ того

¹⁾ *Whitney. Altind. Gram. § 473.*

²⁾ *Éd. Audouin. De la déclinaison dans les langues indo-européennes. Paris. 1898, стр. 431.*

же венгерскаго ученаго, одинъ и тотъ же падежь употребляется для обозначенія различныхъ отношеній. (Steuer. 2) ¹⁾.

Что касается формальной стороны падежныхъ окончаній, то она представляется въ обѣихъ лингвистическихъ семьяхъ одинаково сложной. Въ большинствѣ случаевъ можно только отмѣтить составныя части окончанія, въ анализѣ же послѣднихъ наука чувствуетъ себя безпомощной ²⁾. Весьма многія падежныя окончанія разныхъ финноугорскихъ языковъ оказываются общими: такъ *m* въ Acc. Sing. извѣстенъ финскому (**m*inum, **s*inum), черемисскому и вогульско-остяцкому языкамъ ³⁾ (*Ahlquist. Rakennus. § 155. Budenz. Ugrische Sprachstudien. II. 1870, стр. 43*), признакъ множественнаго числа *-i* принадлежалъ вѣогда всѣмъ языкамъ финноугорской семьи (*Budenz. Verzweigung. 61—62*), окончаніе множ. числа *-k* извѣстно, кромѣ венгерскаго, лапландскому языку, а оконч. *-t*, кромѣ финскаго, остяцкому и вогульскому (*Szinyei. Heimolaiset. 19*); окончаніе Inessiv'a въ мовш.-морд. *sa*, какъ и въ первой части финскаго *-ssa* (*Budenz. Ugrische Sprachstudien. II. 44*), а Locativ'a *-nä*, какъ въ остяцкомъ (*Weske, Untersuchungen. 82. 93*) и т. д. Съ этой точки зрѣнія ут-

¹⁾ Сравн. особ.: Steuer. 3—28 стр.

²⁾ Насколько много произволу въ этихъ объясненіяхъ, и какое широкое поле для всяческихъ рискованныхъ сопоставленій открываетъ изслѣдованіе значенія падежныхъ (и глагольных) окончаній, показываетъ статья Edw. Fay'a „Agglutination and Adaptation“ въ 15 томѣ „The American Journal of Philology“. 1894 г. (XV. 409—442). Ср. также книгу Г. Д. Мюллера „Zur Entwicklungsgeschichte des indogermanischen Verbalbaues“. Göttingen. 1890, гдѣ развиты чрезвычайно смѣло, но не убѣдительно воззрѣнія автора на происхожденіе глагольных основъ и окончаній въ индоевропейскихъ языкахъ.

³⁾ Рядъ интересныхъ соображеній объ окончаніи *-m* въ индоевропейскихъ языкахъ мы находимъ въ статьѣ Уленбека „Agens und Patiens der indogermanischen Sprachen“ (*Indog. Forschungen. XII. 170—171*). По мнѣнію этого ученаго, не можетъ быть сомнѣнія, что строй индоевропейскихъ языковъ развился изъ полисинтетическаго, сфофигирующаго и инфигирующаго языковаго типа.

верженіе Винклера (*Das Uralaltaische und seine Gruppen*), будто бы было ошибочно искать тождественныхъ формъ для падежныхъ окончаній въ разныхъ финскихъ языкахъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Оно основано на воззрѣніи, по которому система склоненія въ угорской и арійской (упогибаю эти термины ради ихъ краткости) семьяхъ языковъ представляютъ различіе въ пониманіи отношеній: первой онъ приписываетъ „чисто конкретное (*rein sinnliche*), не проникающее въ сущность, не абстрагирующее, по существу одинаковое пониманіе“, тогда какъ второй „отвлеченное направленіе“ (*Uralaltaische Völker und Sprachen*. 1884, стр. 182).

Разсмотримъ нѣсколько окончаній. Въ различныхъ финскихъ нарѣчіяхъ *Inessivus* имѣетъ форму *-hna* (*mihnä*, *kuhna* въ говорѣ южн. *Pohjanmaa*), *-hn* (южн.-эст. *küläh*, *kaḡahn*), *-n* (дерпт. *külän*, *rajgan*), *-h* (южн.-эст. *küläh*, *rajgah*), *-ssa* (фин.). Всѣ эти окончанія, по мнѣнію проф. *Setälä* (*Yht. Ään.* 225—226, 230—231, 411—412), восходятъ къ *сна. Въ формахъ съ однимъ *-s* (южн. *Pohjanmaa tuvas*, *kirkos*) онъ видитъ переживаніе древнѣйшихъ общефинскихъ формъ, гдѣ *s* еще не вступило въ соединеніе съ суф. *-па*. Что касается послѣдняго, то оно очень широко распространено въ угорскихъ языкахъ¹⁾. Сюда относятся, напр., фин. *каукапа*(далеко), *илкопа*(внѣ), *tänä päivänä* (сегодня днемъ) и мн. др., морд. *fkä šinä* (однажды днемъ), *tälinä*(зимой), вот. *murtin* (въ человѣкѣ), венг. *Pesten* (въ Пештѣ), *házon*(дома), *kerten* (въ саду) и т. д. Сліяніе двухъ суффиксовъ *-s* и *-па* въ финскомъ языкѣ произошло еще ранѣе той отдаленной эпохи, когда *s* перешло въ *h*.

Въ венгерскомъ языкѣ то же самое *n*-присоединялось къ другимъ падежнымъ окончаніямъ, и такъ образовались формы съ окончаніями *-ben*, *-nal*, *-nek* (ср. морд. *-nen*) и т. д.

¹⁾ *Weske*. Untersuchungen passim. *Ahlquist*. *Rakennus*. § 158. *Simonyi*. *Mag. nyelvtan.* 658. *Budenz*. *Ugor alaktan.* 375—391. *Ugr. Sprachstud.* II. 44 и др. Ср. также грамматики отдѣльныхъ языковъ (*Riedl*, *Ahlquist*, *Wiedemann*, *Budenz* и др.).

Слѣдовательно въ области морфологической угорскіе языки по существу ничѣмъ не отличаются отъ арійскихъ. Такъ же здѣсь суффиксы и окончанія, за отдѣльными исключеніями, никогда не имѣли самостоятельнаго значенія, поскольку можно взглянуть назадъ сравнительное угорское языковеденіе; такъ же здѣсь суффиксы и окончанія представляютъ весьма сложныя образованія; такъ же глагольныя формы по типу образованія отличаются отъ именныхъ и, наконецъ, такъ же сравненіе угорскихъ словарей и грамматикъ показываетъ, что эти суффиксы и окончанія присоединялись къ короткимъ основамъ, которыя должны были имѣть самостоятельное значеніе и употребленіе. Эти корни-основы засвидѣтельствованы для угорскаго языка какъ переживаніемъ ихъ въ отдѣльныхъ языкахъ, такъ и образованіями отъ нихъ словъ съ тождественнымъ или сходнымъ значеніемъ, но съ разными суффиксами. Но сравнительно съ арійскими языками угорскіе имѣютъ то преимущество въ научномъ отношеніи, что строй ихъ гораздо болѣе прозраченъ вслѣдствіе относительно малой измѣнчивости ихъ фонетическаго состава. Отчего зависитъ послѣдній фактъ, неизвѣстно, но, конечно, не оттого, что финно-угорскіе народы не „доросли“ въ психологическомъ отношеніи до „настоящихъ“ грамматическихъ формъ.

Я думаю, что имѣю право въ результатѣ вышеприведеннаго изслѣдованія сказать, что агглютинирующіе языки доказываютъ нѣкогда существовавшую самобытность корней-основъ, а такъ какъ и всякій флексирующій языкъ въ концѣ концовъ сводится къ агглютинаціи (другіе факторы развитія языковъ, напр. *аналогія*, *адаптація*, играютъ роль и въ угорскихъ языкахъ), то тотъ же выводъ можно сдѣлать и по отношенію къ индоевропейскимъ языкамъ.

Явленія этихъ послѣднихъ въ достаточной мѣрѣ суммированы, чтобы была необходимость останавливаться на нихъ подробно. Стоитъ взять любой этимологическій словарь какаго-либо изъ индоевропейскихъ языковъ или даже отдѣльное изслѣдованіе этимологическаго содержанія, чтобы увидѣть, что исходнымъ пунктомъ сопоставленій является молчаливое пред-

положеніе, что различные суффиксы присоединяются къ корнямъ, имѣвшимъ нѣвогда (хотя бы въ пра-индоевропейскомъ языкѣ) самостоятельное употребленіе. Такъ, если въ рус. чаю и гр. *τηρέω* общій элементъ восходить къ *kē (Brugmann. Grundriss. I. 2 изд. стр. 137), то образованіе греческаго глагола было возможно лишь въ ту пору, когда kē чувствовалось, какъ самостоятельная единица рѣчи. Здѣсь отношеніе словъ совершенно то же, что въ фин. *sa pa* (слово): венг. *szava* — (plug. отъ *szo* — слово), которыя могутъ восходить только къ корню *sa съ присоединеніемъ суффиксовъ -va и -pa. Инд.-евр. корень tū, уцѣлѣвшій въ ц.-сл. ты-тн, далъ образованіи съ суф. -lo (лит. *tūlas*, сл. тыль, санскр. *tūlam*, гр. *τόλος*), -мо (др.-в.-нѣм. *dūmo* — Daumen), -го (санскр. *tūgās*) (Brugmann. I², 114). Корень eļ (олень) долженъ былъ жить въ языкѣ въ такой формѣ, т. е. безъ присоединенія гласнаго на концѣ слова, чтобы могли образоваться греческое слово *ἔλαφος* (*eļbhos) и др.-ирійское *elit* (серна). (Hüb-schmann. Armenische Grammatik. I. 442). Кор. eļ¹⁾, развитый k, находимъ въ др.-в.-нѣм. *elch*, санскр. *ṛṣya-* (Iohansson. Indog. Forsch. II. 53). Такимъ образомъ, Гирту пришлось, наупр., приписать индоевропейскому праязыку основы въ родѣ *sthā* (стоять), *rāk* (утверждать), *ewāg* (вода), *ewān* (пустой), *gepobh* (гвоздь на стѣнѣ) и др.²⁾ Если эти основы когда-либо употреблялись въ языкѣ именно въ такомъ видѣ, т. е. безъ суффикса и омончанія, то здѣсь передъ нами, дѣйствительно, древнѣйшая достижимая для науки стадія развитія индоевропейскихъ языковъ. Врядъ-ли можно идти дальше и при изученіи финно-угорскихъ языковъ; сравненіе же языковыхъ явленій въ этихъ двухъ семьяхъ обнаруживаетъ еще одно за-

¹⁾ Корень eļ въ значеніи рога возстановляетъ Osthoff въ *Etymologische Parerga*. 1901, стр. 280.

²⁾ *Ablaut*. passim. Не могу скрыть своего сомнѣнія по поводу существовавшихъ будто бы основъ *kēgā* (голова), *kwegē* (чудо) и т. п. Чѣмъ доказывается ихъ существованіе, изъ фактовъ не видно. Наоборотъ, гр. *κέρας*: др.-инд. *śiṛṣā* скорѣе предполагаютъ *kēg-

мѣчательное совпаденіе. Какъ отмѣтилъ Перъ Перссонъ въ своей извѣстной работѣ о „Wurzelerweiterung und Wurzelvariation“ среди „корневыхъ опредѣлителей“ (Wurzeldeterminative) чередуются *k* съ *g* (гр. ὀλίγος — прусс. likuts, лат. maseg — лит. mázgas и др.), *t* съ *d* (гр. μήδομαι — лат. mētiog и др.), *p* съ *b* (idb. 55—59); параллельное явленіе хорошо извѣстно угорскому языковѣдѣнію подъ именемъ „ослабленія консонантовъ“, которое Сетэлой и нѣкоторыми венгерскими учеными поставлено въ связь съ чередованіемъ гласныхъ ¹⁾. Какъ бы то ни было, корневые опредѣлители указываютъ на корневую эпоху инд.-европейскихъ языковъ, вѣроятно, задолго предшествовавшую распаденію праязыка на вѣтви.

Многочисленные слѣды той эпохи, когда корни, по крайней мѣрѣ, именные и, по крайней мѣрѣ, въ одномъ или двухъ падежахъ (Nom. Voc. Sing.), употреблялись въ качествѣ самостоятельныхъ словъ, сохранились въ такъ наз. корняхъ-основахъ (Wurzelnomina), судьба которыхъ въ различныхъ языкахъ весьма любопытна. Переживанія глубокой старины, они пользовались еще нѣкоторыми правами на существованіе въ языкахъ, выступившихъ на литературное поприще въ древнѣйшую пору (напр., въ арійскихъ), тогда какъ языки, относительно новые, все болѣе вытѣсняють ихъ изъ употребленія, пока они не становятся лишь единичными переживаніями въ германскихъ и балтійскихъ языкахъ, а въ славянскихъ ихъ

---

¹⁾ Не этимъ-ли объясняется соотвѣтствіе Tenuis Media и внутри одного и того же корня. Zupitza, который, если не ошибаюсь, послѣдній изслѣдовалъ этотъ вопросъ, высказалъ по этому поводу такое предположеніе: „vielleicht kannte das urvolk eine zeit, als die schwankungsbreite der artikulationen ebenso gross war wie beim Papua“ (KZ. XXXVII. 387—396). Это, вообще говоря, возможно (ср. Sweet. Hist. of language. 27—30), но въ примѣненіи къ настоящему случаю врядъ-ли допустимо, потому что предѣлы въ колебаніи звука здѣсь весьма узки, т. е. ограничиваются смѣной *Tenuis* — *Media* — *Media aspirata*, слѣд. врядъ-ли основываются на первобытной неустановленности произношенія, которая допускаетъ гораздо болѣе широкія отступленія.

слѣды скрываются въ сложныхъ словахъ, въ различіи долготы въ одномъ и томъ же словѣ, въ образованіяхъ одного и того же слова съ суффиксомъ или безъ него, въ формахъ склоненія и т. п.

Попытка произвести эти короткія односложныя имена изъ двусложныхъ, сдѣланная еще въ пятидесятыхъ годахъ Лео Мейеромъ, оказалась неудачной: нечего и говорить, что съ точки зрѣнія современнаго языковѣдѣнія считать основной формой греч. $\mu\acute{\eta}\nu$ лат. *mensi*, или лат. *nox* санскр. *пакта*, или греч. $\chi\acute{\epsilon}\rho$ санскр. *кага* и т. под. совершенно невозможно. Уже самъ Мейеръ долженъ былъ признать несостоятельность своей попытки и отказаться отъ возможности вывести всѣ коренныя основы къ двусложнымъ основамъ на гласный звукъ ¹⁾ (стр. 372).

Въ настоящее время, кажется, можно сказать, что наука видитъ въ коренныхъ основахъ слѣды древнѣйшихъ словообразованій индо-европейскаго языка; чрезвычайно характерно, что слова, которыя и по значенію своему должны были входить въ число ингредиентовъ древнѣйшаго индо-европейскаго словаря, оказываются именно образованіями такого типа: таковы, напр., названія ноги, сердца, глаза, уха, воды, дома, соли и т. д. ²⁾. Какъ извѣстно, особенностью корней-основъ является чередованіе гласнаго въ корнѣ (* $\text{u}o\grave{\text{d}}k-$: * $\text{u}i\grave{\text{k}}-$; **ped-*, *rod-*, *rōd-* и др.); далѣе, образованіе отъ нихъ Gen. Sing. съ окон-

---

¹⁾ *L. Meyer*. Die einsilbigen nomina im griechischen und lateinischen. KZ. V (1856). 366—368.

²⁾ Списокъ словъ (Wurzelnomina) мы находимъ въ „Grundriss'ъ“ Бругмана т. II. стр. 448—462, въ разныхъ мѣстахъ книги I. Шмидта „Die pluralbildungen der idg. Neutra“ (1889) и въ его же статьѣ въ K. Z. XXV (1881), стр. 13—21, у Бехтеля „Die Hauptprobleme der idg. Lautlehre seit Schleicher“ (1892), стр. 170—175, въ статьѣ Мерингера „Beiträge zur Geschichte der idg. Declination“ (Sitzungsberichte Вѣнской Акад. Наукъ. т. 125. 1892 г., стр. 2—25), въ грамматикахъ отдѣльныхъ языковъ и др. О соли ср. *Möhl*. *Mém. de la Soc. de Linguist.* VIII. 405.

чаниемъ -s¹⁾ (*dēm-s дома въ вед. dān, авест. dēng, гр. δεσπότης, *svens — солнца въ ар. svan-s, ав. qēng и др.); сохраненіе ихъ въ первой и особенно второй части сложныхъ словъ; переходъ одного и того же корня въ дальнѣйшемъ развитіи языковъ въ разныя основы. Что касается исторіи этихъ лингвистическихъ архаизмовъ, то въ ведійскомъ языкѣ они очень обычны: ихъ насчитывается здѣсь болѣе сотни. Однако классическій санскритъ уже утерять способность пользоваться такимъ способомъ любыми корнемъ, и число встрѣчающихся примѣровъ корней-основъ относительно скудно²⁾. При этомъ точное проведеніе принципа долготы и краткости коренного гласнаго въ сильныхъ и слабыхъ падежахъ уже до извѣстной степени нарушено: въ то время, какъ основа рад- имѣетъ въ Nom. Acc. Sing. видъ rād-, а въ Instr. Dat. Abl. Loc. Gen. Sing. видъ rad-, основа vās- приводитъ долготу черезъ всю парадигму склоненія.

Въ древне-иранскихъ языкахъ отмѣчено также большое число корневыхъ основъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ еще сохранились слѣды чередованія (*auš-, *uš — ухо, разумъ; *ša uš-, *šuš — легкое; *ar-, *ār — вода; *uak-, uāk — голосъ и др.), въ другихъ же они стерлись³⁾. Въ греческомъ языкѣ корневые основы лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ сохранили слѣды чередованія, вообще же въ ихъ склоненіи (Nom. Sing. обычно на -s) проводится гласный одного количества⁴⁾. То же надо сказать о латинскомъ языкѣ, гдѣ корневые основы уцѣлѣли, какъ и въ греческомъ языкѣ, во многихъ застывшихъ выраженіяхъ (credō, malluvium, simplex) и во второй

¹⁾ Cp. P. Kretschmer. Indogermanische accent-und lautstudien. KZ. т. 31 (1889), стр. 356.

²⁾ Whitney. Indische Grammatik. § 383a.

³⁾ Bartholomae. Vorgeschichte der iranischen Sprache. Grundriss der iran. Philol. I. 94 и дал.

⁴⁾ Brugmann. Griechische Grammatik. 3 изд. 1900, стр. 176—178. Hirt. Handbuch der griechischen laut-und formenlehre. 1902, стр. 264—265. G. Meyer. Griechische Grammatik. 3 изд. 1896, стр. 405 и дал.

части сложныхъ словъ¹⁾. Въ германскихъ языкахъ корни-основы съ согласнымъ исходомъ перешли въ систему склоненія основъ на гласные *-u* и *-i*; слѣды стараго склоненія констатируются въ исключительныхъ случаяхъ (др.-сѣв. *fōt-r*, др.-анг. *fēt* — ноги *fōt-i-z; др.-сѣв. *paust* — корабельный сарай, **pāu-st-o-* и др.); чередованіе гласныхъ, извѣстное въ прагерманскомъ языкѣ, сохранилось въ видѣ рефлексовъ въ отдѣльныхъ германскихъ языкахъ (др.-сакс. *kō*, др.-в.-нѣм. *kuo* корова изъ **gōu-*, а др.-анг. *cu*, др.-сѣв. *kúr* изъ прагерм. *kū-z)²⁾.

Въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ корни-основы также архаизмы.

---

¹⁾ *Lindsay*. The latin language. 1894, стр. 357—358. *Fr. Stolz*. Historische Grammatik der lateinischen Sprache, 1895, стр. 416—417 и 441—443.

²⁾ *R. Bethge* въ изд. Дитера. Laut-und Formenlehre der altgermanischen Dialekte. 1900, стр. 532—533. Иначе о др.-сѣв. *kúr* *Streitberg*. Urgermanische Grammatik. 1896, стр. 248.

ГЛАВА III.

КОРНИ-ОСНОВЫ ВЪ СЛОЖНЫХЪ СЛОВАХЪ.

§ 1. *Собственныя сложенія.*

Основной типъ образованія сложныхъ словъ въ индоевропейскихъ языкахъ болѣе, чѣмъ сопоставленіе отдѣльныхъ сложныхъ словъ, общихъ словарямъ различныхъ языковъ указываетъ на весьма древнее происхожденіе ихъ, какъ типа. Такія образованія, какъ гр. ἰππόδαμος, гал. Dēvo-gnāta, гот. garda-valdans, лит. gega-dėjis, санскр. асва-уáj-, др.-перс. hama-ritaг-, слав. добродѣй и др., вообще представители I класса индоевропейскихъ сложныхъ словъ по Бругману (Grundriss. II. 23 и дал.), указываютъ на такое время своего возникновенія, когда основы ἰππο-, garda-, gega- и др. чувствовались самостоятельными языковыми единицами. Иначе было бы совершенно непонятно, съ помощью какой абстракціи онѣ могли именно въ этой своей формѣ безъ окончанія попасть въ составъ сложнаго слова. Если языкъ употреблялъ въ качествѣ самостоятельныхъ словъ (хотя бы въ независимомъ именительномъ падежѣ) основу на -о, -і, -й или другой гласный звукъ безъ окончанія, то было естественно, что эта самая основа могла проникнуть и въ сложное слово; но если этого не было, если искони или, по крайней мѣрѣ, въ ту пору, когда въ общеиндоевропейскомъ языкѣ начали склады-

ваться сложные слова указанного типа, языкъ зналъ только основу съ окончаніемъ (напр. Nom. Sing. *e k̂o-s, Gen. *e k̂o-sjo, Dat. *e k̂o-o-i или *e k̂o-i и т. д.), то какіе стимулы морфологическаго характера могли заставить его ввести въ сложное слово основу именно въ томъ видѣ, въ какомъ къ ней присоединялись окончанія въ древнѣйшую возстановляемую языкознаніемъ эпоху. Совершенно соглашался съ г. И. Лосемъ¹⁾ (стр. 126), что „принципъ словообразованія долженъ быть въ языкѣ одинъ“, я полагаю, что этими словами онъ самъ даетъ оружіе противъ своего предположенія, что въ индо-европейскомъ праязыкѣ не существовало сложныхъ словъ. Дѣйствительно, если, какъ г. Лосъ доказываетъ на рядѣ убѣдительныхъ примѣровъ, типъ образованія (славянскихъ) сложныхъ словъ въ историческую эпоху языка сводится къ сопоставленію имени прилагательнаго или извѣстной надежной формы имени существительнаго съ другимъ существительнымъ, то сопоставленіе же чистой основы съ именемъ существительнымъ могло совершиться лишь въ ту пору, когда эта чистая основа еще жила въ языкѣ. Сомнѣваясь, чтобы возникновеніе сложныхъ словъ могло быть отнесено даже къ самой поздней эпохѣ общей жизни индо-европейцевъ (ibid. 87), и предполагая, что всѣ они возникли уже въ періодъ отдѣльной жизни главныхъ индо-европейскихъ вѣтвей, г. Лосъ долженъ сдѣлать рядъ допущеній, гораздо болѣе рискованныхъ, чѣмъ Бругманъ, Дельбрюкъ, Якоби и др., предполагающіе, что основной типъ индо-европейскаго сложнаго слова восходитъ ко времени, когда языкъ еще зналъ основу безъ окончанія. Мы можемъ безъ всякой натяжки допустить, что въ праязыкѣ надежныя окончанія присоединялись къ основѣ, самостоятельность которой еще чувствовалась, но, чтобы и тогда, когда процессъ образованія склоненія окончательно и давно совершился, тонкое этимологическое чутье позволяло возстановлять „правильную“ основу

---

¹⁾ Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. Изслѣдованіе И. Л. Лоса. С.-Петербургъ. 1901.

путемъ отвлеченія ея отъ флексивныхъ формъ, какъ это допускаетъ г. Лось, думать это у насъ вѣтъ *рышительно* никакихъ основаній. И что называть правильной основой? Повидимому, г. Лось имѣетъ здѣсь въ виду тотъ фактъ, что въ сложныхъ словахъ выступаетъ напр., основа θεο-, ἄγρο- и т. д., а не θε-, ἄγρ-. Но вѣдь греческое склоненіе исходить какъ разъ не отъ основы ἄγρο-, а отъ основы ἄγρ- (я имѣю въ виду, конечно, „этимологическое чутье“, а не научныя построенія), въ которой присоединяются окончанія -ός, -οῦ, -ῶ, -οί, -ῶν и т. д. (ἄγρός, ἄγροῦ...). Что это дѣйствительно такъ, подтвержденіемъ этому служатъ сложные слова литовскаго и латышскаго языковъ, гдѣ основа, входящая въ составъ сложенія, является безъ гласнаго звука на концѣ (лит. aukskalỹs, áukskavis, латыш. l'auņdagis и др.). Хотя и это, какъ я постараюсь показать ниже, объясняется аналогіей старымъ образованіямъ вѣсколько иного типа, однако это все-таки показываетъ, что языкъ, въ которомъ основа безъ окончанія уже неизвѣстна, скорѣе приметъ за основу формы аукс-, l'аиц- и т. д., чѣмъ аукса-, l'аипа-.

Принципъ словообразованія, дѣйствительно, долженъ быть одинаковъ во всѣ эпохи развитія языка и, если въ греческомъ языкѣ въ эпоху, когда система склоненія уже была проведена черезъ всѣ падежи (а другого времени греческій языкъ и не зналъ), мы видимъ сложные слова въ родѣ ἀρείφατος (im Kriege getötet), ἀερίοικος (in der Luft die Wohnung habend)¹⁾, то мы можемъ быть увѣрены, что сравнительно съ типомъ ἰππόδαμος это новообразованія, и разница между этими сращениями (т. наз. unechte Komposita) и сложеніями, указанного типа заключается въ томъ, что слова ἀρείφατος ἀερίοικος образовались уже въ ту эпоху, когда сопоставленіе основъ словъ ἄρης, ἄηρ съ -φατος, οἶκος не вызвалось уже требованіями языка, въ которомъ основа сама по себѣ не имѣла уже никакого значенія. По аналогіи съ ти-

1) *Brugmann*, Griechische Grammatik, 3 изд. 1900, стр. 163.

помъ $\acute{\iota}\pi\pi\acute{\upsilon}\delta\alpha\mu\omicron\varsigma$ могло развиваться безконечное число сложеній, восходящихъ къ любому періоду развитія языка, но первоначально это сложеніе должно было все-таки имѣть смыслъ сложенія двухъ частей, изъ которыхъ каждая имѣла свое значеніе, а имѣть самостоятельное значеніе основа могла только тогда, когда еще употреблялась безъ окончанія, т. е. въ періодъ, предшествовавшій окончательному установленію системы склоненія. Вотъ почему я думаю, что теорія Яеоби, съ которымъ полемизируетъ г. Лосъ, въ главныхъ чертахъ совершенно правильна, и что проф. А. И. Соболевскій ¹⁾ справедливо замѣчаетъ, что „отсутствіе отдѣльныхъ сложныхъ словъ изъ эпохи индо-европейскаго единства не имѣетъ значенія; важна возможность возведенія *типа* сложныхъ словъ къ этому единству“. На нѣсколькихъ примѣрахъ я хочу показать, что основа для того, чтобы войти въ составъ сложнаго слова, должна первоначально имѣть самостоятельное значеніе. Примѣры взяты изъ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ и изъ разныхъ эпохъ ихъ развитія потому, что психологическія основанія морфологическихъ образованій я представляю себѣ (и это принципъ, на которомъ построена вся моя работа) дѣйствующими съ одинаковой силой во всѣ эпохи развитія языковъ. Въ санскрит. яз. сложное слово $ma\acute{h}a\ v\acute{r}g\acute{a}s$ (великій герой) распадается на $ma\acute{h}\acute{a}$ (O. Richter. Ind. Forsch. IX. 53) и $v\acute{r}g\acute{a}s$; первая часть, войдя въ составъ сложенія, какъ нѣкогда самостоятельная единица, и восстанавливаетъ свою самостоятельность, какъ только въ зависимости отъ индивидуальныхъ требованій говорящаго лица является намѣреніе отгнѣвить въ понятіи великій герой первую часть сложенія: такимъ образомъ, рядомъ съ $ma\acute{h}\acute{a}d\acute{h}ana\acute{m}$ (крупная побѣдная награда, великій бой) существуетъ $ma\acute{h}\acute{a}d\acute{d}h\acute{a}na\acute{m}$ или рядомъ съ $\acute{\alpha}\gamma\rho\iota\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\omicron\varsigma$ у Софокла $\acute{\alpha}\gamma\rho\iota\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\omicron\varsigma$ (Delbrück. Grundriss. V. 217—220). Въ нѣмецкомъ Gen. Sing. *jedermanns*, Dat. *die-*

¹⁾ Въ своей рецензіи на книгу г. Лоса, помѣщенной въ „Журналъ Мин. Нар. Просв.“.

sem Dummer-jahn, въ лат. alter-utrius¹⁾ и т. д.: во всѣхъ этихъ случаяхъ этимологическое значеніе первой части сложнаго слова чувствуется и только въ силу этого дѣлаетъ возможнымъ возникновеніе новаго сложения. Въ славянскихъ языкахъ этотъ процессъ также не рѣдокъ и здѣсь его природа выступаетъ очень ярко. Такъ, напр., въ болгар. языкѣ: Великъденски постъ (Дювернуа. Словарь болгарскаго языка. 209), рядомъ съ добър вечер—доброевечеръ (поклони са и рѣчи ему добро-вечеръ. *ibid.* 222), старѣсватъ, стары сватъ и старосватъ (тысяцѣй на свадьбѣ. *ibid.* 2247—8), собственныя имена (ка' отиде града Сланкамена. Миладин. 173. *ibid.* 2183; Камендалски *ibid.* 925) и др.; въ сербскомъ такія образования, какъ jelen-gog изъ jelenji-gog (ср. Miklosich. Vergleich. Gram. II. 351) не рѣдки: въ словарѣ Ивековича и Броза (Rječnik Hrvatskoga jezika. 1901) мы находимъ crljènguza (I. 136), cìmpurast (I. 136), crvèmpêrka (I. 139), crvènbrk (I. 139), debèlguza и debeloguza (I. 201), ivan-cvìjet (I. 427), ljiljan—лилейный (Ljiljan-goro ljiljanova! der podigni ljiljan—listak. I. 644), paun-pero (II. 18), svilèngaća (II. 510), žùbervoda (журчащая вода. II. 875) и мн. др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще рельефно выступаетъ и самый процессъ, приведшій къ тому, что основа, прежде самостоятельная, вошла въ составъ сложения и сдѣлалась неизмѣнной. Такъ, слово blâgdân развилось изъ blag dan (благъ днь).

Въ современномъ сербскомъ языкѣ слово blâgdân настолько чувствуется простымъ словомъ, что отъ него образованы глаголы blagdâniti (праздновать, уже у Стули), blâgdânovati (то же самое, съ 17 вѣка), прилагательныя blâgdâni (праздничный, уже въ 16 в.), blâgdânski (праздничный, тоже въ 16 в.), существительныя blâgdânost (торжество 18 в.), blâgdânstvo (solemne, 18 в.). Аваде-

¹⁾ Рядъ примѣровъ у Бругмана въ статьѣ Ueber das Wesen der sogenannten Wortzusammensetzung. стр. 377 (Berichte... der Königl.-Sächsischen Gesellschaft. Phil.-Hist. Classe. т. 52. Leipzig. 1900).

мическій Rječnik (I. 398—399) приводитъ рядъ любопытныхъ примѣровъ, показывающихъ, въ какой степени сильно стерлось въ словѣ *blagdān* его первоначальное значеніе, и все вниманіе сосредоточилось на первой части этого сложенія; отсюда такіа тавтологическія выраженія, какъ по обічаю *dneva blagdanoga; ne svetkuje dni blagdani; da štiju dan sveti, dan blagdani* и т. под. Такое сращеніе двухъ частей Rječnik находитъ уже въ 15 в.; тѣмъ не менѣе, еще у Раньины, Гундулича и даже въ современномъ языкѣ обѣ части слова, сохраняя въ своей совокупности значеніе *праздника*, могутъ самостоятельно склоняться и чувствуются, какъ двѣ самостоятельныя единицы. Изъ языка пословиць Ивековичъ - Брозъ приводятъ примѣры: *blagu dne i ptice se u gori vesele*, у Даничича: *osim Lazareve subote i Cvijeti, jer su ovo blagi dni* (Rječnik I. 67). Другимъ характернымъ примѣромъ такого же сложенія является названіе города Вучитрна, откуда прилаг. *Vùčitrnski*: рядомъ со старымъ воучинга трьна стоитъ народное *Vùčitrna* (Jagić. Archiv f. Slav. Phil. XX. 530). Въ моравскихъ говорахъ Бартошъ (Dialektologie. II. 426) отмѣчаетъ *złoseř* (= *zlá dcera*) и *złosyn*, образования аналогичныя обычнымъ сложеніямъ со зло-¹⁾ въ первой части, но обнаруживающія нѣкогда совершившееся тѣсное соединеніе двухъ первоначально самостоятельныхъ частей. Въ русскомъ языкѣ у Даля (I. 155) находимъ прилаг. бѣлосвѣтный, рядомъ съ бѣлосвѣтнѣй²⁾.

Въ латышскомъ языкѣ это явленіе сліянія основы прилагательнаго съ существительнымъ весьма распространено. Въ *Latwju Dajnas* находимъ большое количество примѣ-

¹⁾ Ср. напр. чеш. *zločin* (I. Gebauer. Příruční mluvnice jazyka českého. V Praze. 1900, стр. 71), пол. *złoczyń* (въ 15 в. И. Лось. Сложн. слова. 104), серб. *zločinstvo* и т. д.

²⁾ Подобно этому серб. *stàrmâlî* (Вукъ. 1852 г. карликъ). Ср. *Nodilo. Rad. 84. 112: ova riječ se sad rabi za svakoga kepeca, maljenicu, iz početka može biti da pripadaše jedino bogovima ostaralim i umaljenim.*

ровъ этого: *cēnigtēva grāmatai*. 1368 (cēnigtēva— почтеннаго отца вм. cēniga tēva), *kur dzēd manas jaunmāsinas* 493 вар. 5 (гдѣ поють мои молодыя сестрицы, вм. *jaunas māsinas*), *lakstīgala mazputnītis* 907 вар. 2 (ласточка малая пташка), *daudz mazu pēdīņu tīrupes malāi* 1155 вар. 1 (много мелкихъ слѣдочковъ на берегу чистой рѣчки, *tīrupes* вм. *tīras upes*), *straujupites malīnā* 2541 вар. 1. (на берегу быстрой рѣчки, ср. вар. 2. *straujas upes malīnā* и № 3955 вар. 1. *straujupites* рядомъ со *straujas upes* № 3955 и *straujupites* № 3957) и др. Изъ литовскаго языка, гдѣ это явленіе также далеко не рѣдко, приведу слѣд. примѣръ: въ сказкѣ, записанной проф. Явнисомъ (*Geitler. Lit. Stud.* 21), находимъ *tūrļaukius* вмѣсто обычнаго *tūrus ļāukus* (напр. *iszbiega oželis itirus ļaukus. Palāngos Juze.* 10).

Къ той же группѣ явленій, гдѣ начало сращения не привело къ потерѣ самостоятельности двухъ частей сложенія, относятся весьма многочисленныя примѣры типа лѣсъ-болото, мостъ-камень и др., приводимыя А. А. Потебней¹⁾. Если здѣсь это сращеніе еще не привело къ полному слянію двухъ частей, то это показываетъ, что здѣсь процессъ еще не завершился, какъ онъ закончился, напр., въ болгар. варо-камяне (извѣстнякъ) при варѣ (извѣсть), входустіе (прѣдъ пещерско входустіе драго. Дювернуа. 308), серб. *kāmiva* (*Broz-Iveković.* 509), чеш. *srāne-bohem* (*Dušek I.* 23) и т. д.

Я позволяю себѣ присоединить къ этому небезынтересный примѣръ изъ средневѣковой юридической номенклатуры Польши, который, какъ мнѣ кажется, относится къ области указаннаго сращения двухъ словъ. Какъ намъ извѣстно изъ значительнаго числа сохранившихся показаній подъ присягой (*rotu przysiąg*), обычнымъ терминомъ для указанія на насильственный

¹⁾ Изъ записокъ по русскои грамматикѣ. ч. III (1899), стр. 173—190. Недавно отмѣчено то же явленіе въ древне-индійскомъ языкѣ, гдѣ вмѣсто *vīnām śreṇīḥ* (стаи птицъ) встрѣчается *vaṇāḥ śreṇīḥ* (птицы — стаи) и т. д. *Aufrecht. Kuhn's Zeit.* XXXVIII. 501—502.

автъ являлись слова *mosa siła*, *siła mosa* или *mosa a siła* (напр. 1412 г. Kalina. Arch. VI. 214, № 125), *siła a mosa*. Постоянное употребленіе этихъ двухъ словъ вмѣстѣ должно было хотя бы иногда, въ индивидуальномъ употребленіи, приводить къ тому, что одно изъ двухъ словъ этого сложнаго (въ индивидуальномъ пониманіи) выраженія теряло свою склоняемость и стояло не въ Instrum., а въ Nom. Sing. Такъ, мы имѣемъ: *wdzynil siło moc* (= *uczynił siła-moc*. Kalina. № 62), *w tō dzedzinō moczassilō wwan-sal* (т. е. *mosa siła*. B. Ulanowski. *Roty pszysiag krakowskich z lat 1399—1418*. Sprawozd. Kom. Jęz. III. 191, № 37), *dzerszi silanmocz* (т. е. *siła mosa*. Hube. *Bibliot. Warszaw.* 1874, т. IV, стр. 186, № 2). Ср. *szilō mocz* а *u* (Maciejowski. *Pamiętniki...* II. 344). Ср. подобные примѣры изъ другихъ языковъ у I. Шмидта „*Die Pluralbildungen*“ (309—312).

Не всегда соединеніе двухъ словъ можетъ быть названо сложнымъ словомъ¹⁾, не всегда даже слияніе звуковъ этихъ словъ даетъ *Compositum*²⁾; для того, чтобы образовалось это послѣднее, необходимо, чтобы два слова вмѣстѣ составили по значенію одно, не то, что значили бы эти слова порознь. „*Der wirkliche Anfang des Vorgangs, den wir Kompositionsbildung nennen, ist immer eine Modifikation der Bedeutung des syntaktischen Wortverbandes. Dieser wird konventioneller Ausdruck für die irgendwie einheitliche Gesamtvorstellung*“³⁾. Поэтому сложеніе всегда происходитъ сначала въ

¹⁾ Пауль для этого требуетъ еще звукового слиянія (*lautliche Verschmelzung*). (*Das Wesen der Wortzusammensetzung*. Indog. Forsch. XIV. 256).

²⁾ Нѣсколько примѣровъ изъ литовскаго языка. *Lietuviškos sakos. Medega lietuviszkai mitologijai*. Dr. Basanavičius (*Dirva*. № 1. кн. 8. Янв. 1899), стр. 7: *kol'žemēs ir kit'ko nebuvo* (когда не было земли и ничего другого); *kažin* (= *kaš žino*) — кто знаетъ; 18. *nīma* (не беретъ). Пол. *nīmam*, *nīmogę* и т. д. *Malinowski*. Pr. Fil. I.

³⁾ Brugman въ указанной статьѣ стр. 362—363.

рѣчи отдѣльнаго лица въ зависимости отъ того, какъ могло образоваться въ его сознаниі такое сложное представленіе (Gesamtvorstellung)¹⁾; удовлетворяя одно извѣстное лицо, сложное слово можетъ не соответствовать запросамъ сознания другихъ говорящихъ лицъ, которые не выработали у себя того или другого сложнаго представленія; даже то же самое лицо, которое въ одномъ случаѣ выразило свою мысль при помощи сложнаго слова, въ другомъ случаѣ обойдется безъ него, а вслѣдствіе этого самостоятельность двухъ частей сложенія должна ощущаться весьма ярко какъ имъ, такъ и другими членами языкового общества; эти части должны первоначально быть такъ же независимы одна отъ другой, какъ и представленія, соединяющіяся сначала у одного, потомъ (въ силу подражанія) и у другихъ въ одно сложное представленіе. Этимъ опредѣляется логическая необходимость предположенія, что первичные образцы сложныхъ словъ типа $\epsilon\pi\tau\acute{o}\delta\alpha\mu\omicron\varsigma$, возо-возъ и др. должны были восходить къ соединенію двухъ самостоятельныхъ частей, а такъ какъ первая есть основа, то, стало быть, основы безъ окончанія чувствовались, какъ самостоятельныя единицы, и языкъ употреблялъ ихъ въ живой рѣчи.

То же подтверждается и другими фактами. Прежде всего, въ древнѣйшихъ изъ индо-европейскихъ языковъ изъ двухъ тѣсно связанныхъ по смыслу формъ съ однимъ окончаніемъ одна можетъ превратиться въ основу безъ всякаго окончанія, что указываетъ на слабую связь этого послѣдняго съ основой. Какъ показываютъ примѣры, собранные I. Шмидтомъ въ книгѣ „Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra“, въ санскритскомъ языкѣ это явленіе далеко не рѣдкость (см.

¹⁾ Не мѣшаетъ отмѣтить, что подобныя общія представленія предшествуютъ рѣчи и могутъ вовсе не фиксироваться въ языкѣ путемъ названій ихъ. Психіатры доказываютъ, что даже понятія могутъ образовываться безъ помощи языка. См. *Sommer. Zur Psychologie der Sprache (Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. т. 2. 1891. стр. 161)*, также *Штёррингъ. Психопатология въ примѣненіи къ психологіи (рус. перев.). С.-Пб. 1903 г. стр. 107.*

напр. стр. 289. 3 названной книги). I. Шмидтъ считаетъ даже возможнымъ, что въ раннюю эпоху развитія индо-европейскаго пралзыка прилагательное, стоявшее передъ своимъ существительнымъ вовсе не склонялось¹⁾, и что это положеніе вещей въ извѣстныхъ случаяхъ уцѣлѣло даже вплоть до ведійскаго языка (291 стр.). Какія психологическія основанія у этого явленія? Тѣ же, которыя вызвали къ жизни обыкновеніе различныхъ языковъ при употребленіи двухъ словъ въ одномъ падежѣ по возможности снабжать окончаніемъ лишь одно изъ нихъ: такъ, напр., Маретичъ, останавливаясь подробно въ своей „Gramatika i stilistika Hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika“ (1899) на изслѣдованіи вопроса, когда употребляются полное и усѣченное окончанія Gen. Sing. и Dat. Sing. прилагательныхъ, пришелъ къ выводу, что прилагательное, стоя особнякомъ, имѣетъ по большей части окончанія -g а и -шц, но изъ 2 и 3 прилагательныхъ достаточно, если только первое оканчивается на -g а или -шц; остальные могутъ удовольствоваться усѣченными -g или -m. Принципіально тождественное явленіе наблюдается въ венгерскомъ языкѣ, гдѣ изъ нѣсколькихъ именъ существительныхъ въ Gen. лишь одно получаетъ окончаніе -n ak (*Görg. Praktisches Lehrbuch der ungarischen Sprache. 2 изд. стр. 43—44*). Впрочемъ, это явленіе коренится настолько глубоко въ психологическихъ условіяхъ человѣческой рѣчи, что не было бы трудно подыскать примѣры его и въ другихъ языкахъ, знающихъ склоненіе. Вотъ два-три примѣра изъ старолитов.: у Ширвида въ Punktay Sakimu мы находимъ (стр. 20. 29) Wiesz pat saw a m, (36. 11) Wiesz pat Diewu y priguli tas wardas, у Даукши (Катехизисъ, въ изданіи Э. А. Вольтера. 8): ape gáļa ir kriesā žmogus krik-

¹⁾ Не мѣшаетъ отмѣтить, что прилагательное, находясь въ подобномъ отношеніи къ существительному, могло выработать присущія ему одному особенности. Возможно, напр., что оно, если не входило въ сложное слово (при чемъ теряло самостоятельное удареніе), имѣло постоянное удареніе: такъ, по мнѣнію Гирта (*Akzent. стр. 269*), удареніе въ индо-европейскую эпоху стояло въ именахъ прилагательныхъ всегда на послѣднемъ слогѣ.

szonies и т. д., или въ сербскомъ, гдѣ, по словамъ Л. Зими (Nekoje, većinom sintaktične razlike izmedju čakavštine; kajkavštine i štokavštine. 1887, стр. 1—2), они особенно распространены въ штокавщинѣ, мы находимъ она sveta svetitel-Iovana, baca Usu u zidan-tamnicu, ali kniga mlad-junačkog bana, da pogubim Kraljev-sina Marka и мн. др. Въ латышскомъ это явленіе отмѣчено г. Мюленбахомъ (Daži jautajumi III. 1902, стр. 56): Pērkon²tēvam (отцу Перкуну), nobūcot saimnēk-tētīnam un saimnēk-mammitei roku. Что касается психологическихъ причинъ этого явленія, то онѣ охарактеризованы Юмомъ (конечно, по другому поводу) въ слѣдующихъ словахъ: „Живость представленія разливается по всѣмъ его отношеніямъ и передается какъ бы черезъ множество трубъ или каналовъ каждой идеѣ, которая стоитъ въ какомъ-нибудь сопривосновеніи съ нимъ“¹⁾. Иначе говоря, если изъ двухъ тѣсно связанныхъ словъ одно получаетъ окончаніе, то для пониманія выраженія мысли этого недостаточно: ибо живость представленія дополнить (въ сознаниі) недостающее окончаніе другого изъ этихъ тѣсно связанныхъ словъ. Конечно, извлечь отсюда „грамматически правильную“ основу возможно лишь въ томъ случаѣ, если окончаніе и эта послѣдняя еще не срослись другъ съ другомъ такъ крѣпко, что языкъ уже утерять всякое этимологическое чутье того, гдѣ кончается основа, и начинается окончаніе. Если въ инд.-европ. праязыкѣ наблюдается употребленіе въ указанныхъ условіяхъ основы безъ окончанія, это значитъ, что она такъ и употреблялась хоть иногда въ языкѣ.

Новѣйшее языковѣдѣніе все болѣе подтверждаетъ этотъ апріорный выводъ, подвергая сомнѣнію существованіе окончанія въ Nom. Sing. различныхъ основъ: такъ, г. Рейхельтъ въ 1899 г.²⁾ утверждаетъ (стр. 251), что окончаніе -s въ Nom. Sing. основъ на -i и -u явленіе, относительно позднее и объяс-

---

¹⁾ Цитирую по переводу г. Соколова въ статьѣ о „Вѣрѣ“ (Вопросы филологіи и психологіи. 1902, стр. 1178—1179).

²⁾ Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. т. 25.

нящееся аналогией основъ на -о. Уленбекъ полагаетъ, что „въ индогерманскомъ въ роли пассивнаго падежа функционировала чистая основа, и лишь основы на -о имѣли вѣшній признакъ его въ видѣ окончанія -т“ (Indog. Forsch. XII. 171). Зависимость отъ основы на -о другихъ основъ въ развитіи системы склоненія сказывается въ различныхъ отношеніяхъ¹⁾ и позволяетъ думать, что при развитіи ея основа и окончаніе еще долго не сливались, образуя своего рода сложное слово²⁾.

Среди разнообразныхъ морфологическихъ образованій непосредственно отъ основы отмѣчу весьма архаистичное образование сравнительной степени въ Ведахъ и Брахманахъ прямо отъ „корня“ въ его адъективномъ значеніи: *tápiṣṭha*, *уајіуаs* и др. (Whitney. § 468). Глагольная основа выступаетъ прежде всего въ сложныхъ словахъ. Такъ она обнаруживается въ германскихъ языкахъ (*H. Osthoff. Das Verbum in der nominalcomposition* 1878, стр. 62, 105), въ греческомъ (*ibid.* 158), въ литовскихъ именахъ типа *Rim-gáila*, *Миндовгъ* и др. (примѣры у Кузнецова. *Живая Старина*. VI. 32—50) и въ славянскомъ. Въ славянскихъ сложеніяхъ типа *Imperativus* на -и + имя существ. *Миллошичъ* (*Vergl. Gram.* II. 365—366) и *Ягичъ* (*Arch.* XX. 533—565) видятъ императивныя образованія (*die imperativischen Composita*), но съ одной стороны сложения въ родѣ *Vlastimir*, *Ljudislav* (они *sind doch keine Imperativa. Jagić.* 535), а съ другой параллельныя образованія (*dłubizaḡb* и *dłubozaḡb* и др. *Miklosich.* II. 366—367, *Osthoff* 227) показываютъ, что передъ нами результатъ всевозможныхъ аналогичныхъ образованій. Первоначальныя *Composita = Substant.* на -о + *Substantivum* и первоначальныя *Composita = Verbum* на -о или на -и + *Substantiv.* оказали другъ на друга разнообразныя вліянія; отсюда *Composita = Subst. + Subst.* въ родѣ *Vlastimir*, *Com-*

¹⁾ См. Reichelt. *Beitr.* XXV. 232—234.

²⁾ По поводу спряженія ср. замѣчанія Пауля въ *Indog. Forsch.* XIV. 255—256.

ros. = Verb. + Subst. съ *o* и съ *i* въ серединѣ. Я думаю, что ничто не препятствуетъ возстановить слѣд. первоначальные типы сложений глагольной основы съ существительнымъ: 1) Verbum на *-i* (моли-ть, откуда серб. *molibog*, рус. молибожичъ и пр.) + Substant.; 2) Verbum на *-o/e* (здѣсь наступаетъ полная аналогія сложенія съ существ. въ первой части: какъ колченогій, пучеглазый, такъ лежебокъ Osthoff. 227; какъ сѣнокось: серб. *tukoluk*, рус. трясогузка, чеш. *hruzovlov* и т. д.) + Substant. Основы на *-ā* должны были первоначально сохранять свой конечный звукъ и въ сложныхъ словахъ: отсюда серб. *neznābožacъ*, чеш. *neznaboň*(язычникъ), откуда мѣстное названіе *Neznaboňu* (Kotyška. 910), болг. *незнабоженъ*; сюда же относится по образованію лужицк. *njeznagowu*, если только оно восходитъ къ *не-зна-ровы*¹⁾, польское мѣстное названіе *Znamirowice* (Sł. Geogr. XIV. 653), морав. *neznahaňba* (Bartoš I. 151) и др. Основа на *-ā* въ *Czasław* (Miklosich. Person.-nam. 234), въ *Braslaw* и др. (Miklos.: *ibd.*); она же скрывается и въ серб. *čuvàkuća* (растение *sempervivum tectorum*), образованномъ отъ глагола *čuvati* (*чумити), какъ и слово *čuvadur*(стражъ. Akad. Rječnik II. 111); отъ этого глагола черезъ отглагольное существ. *čuvâg*(стражъ) развился новый глаголъ: *čuvâriti*, который легъ въ основаніе названія того же растенія *čuvârkucića*; такимъ образомъ изъ двухъ синонимическихъ названій одно: *čuvàkuća* (или *čuhakuc Šulek. Imenik bilja 60*) представляетъ архаизмъ, другое *čuvârkucića* новообразование, осмысленіе перваго.

Основа сѣ- (лит. *sėti* = сѣ-яти) лежитъ въ пол. названіи птицы *Siekwiat* (см. ниже подъ соколъ) и въ мѣстныхъ названіяхъ *Siemak* (дер. Бобруйскаго у. Sł. Geogr. X. 538), *Siemakowo*, *Siemakowce* (*ibd.* 538—539) (ср. впрочемъ *Siomaki*, *Siomki* *ibd.* 624 и *Siemakówka* *ibd.* 613); озеро *Sieruty* (Невель. у. *ibd.* 598. Случайное сход-

¹⁾ Значеніе этого слова (Pfuhl. 433 Eiserode) мнѣ осталось неизвѣстно.

ство?). Основы на *-ъ* скрываются въ пол. діал. *Okryjbieda* (*suknia mizerna. Matlakowski. Spraw. Kom. Jez.: IV. 366*) и въ очень многочисленныхъ личныхъ и мѣстныхъ названіяхъ съ бы-: напр., пол. *Zbygoż* (*Grzegorzewicz. Spraw. V. 73—74*), *Pribidrug* (*Maretić. Rad. 81. 125—126*), *Zbisa-lić* (*ibid. 134*), рус. *Збыгнѣвъ* (*Гинкень. Жив. Стар. III. 457. Gloger Enc. II. 268*) и мн. др. Основа **čę-* въ *Načevoj*, *Načerad* и др. (*Miklosich. 234*), **dǫ-* въ морав. *-padujhuba* (*Bartoš. I. 151*), **dād-* въ *rozdahuba* (*Bartoš. I. 151*), *Damir* (*Miklos. 234*), *Niedamir* (*Gloger. 267*) и т. д. Другія глагольныя основы съ согласнымъ исходомъ: **mog-* въ *Momir?* (*Maretić. 124* объясняетъ черезъ *mea-рах*, что также возможно), *sok въ соволъ, **serg-* въ пол. *srzedział* и др.

Глагольная основа вѣд- входитъ въ сложенія въ формѣ вѣ-, которая можетъ чувствоваться, какъ 3 Sing. (словинск. поговорка: *ta človek vsaki reči glas vê u* *Миклошича Lex. Palaeosl. 120*), не будучи таковой, подобно тому, какъ формы на *-и* чувствуются повелительнымъ наклоненіемъ¹⁾, будучи лишь глагольной основой на *-и*. Церк.-слав. вѣгласъ, др.-чеш. *věhlas*, др.-рус. вѣгголосъ, ст.-пол. *wigłos* (*A. Brückner. Archiv. XXV. 87*) восходятъ, въ чемъ я совершенно согласенъ съ г. Вондракомъ (*Altkirchenslavische Grammatik. 1900. 115*) къ *věd-golsъ, а не „къ сокращенному Praesens вѣ (вм. вѣсть)“, какъ полагаетъ Ягичъ (*Archiv. XX. 531*). Если бы статья на послѣднюю точку зрѣнія, пришлось бы указать аналогичныя явленія изъ общеславянскаго языка, а таковыхъ Ягичъ не приводитъ, да, кажется, они и неизвѣстны. Напротивъ, не только здѣсь не могло произойти сокращенія, возможнаго лишь при сохраненіи этимологическаго чутья происхожденія формы, но и самая форма

¹⁾ Буслаевъ (*Историческая грамматика русскаго языка. Изд. 5. 1881, стр. 181*) говоритъ: „въ древнемъ и народномъ языкѣ употребительно сложеніе съ *повелит.* наклоненіемъ“: *Моли бо жичъ, свѣти-цвѣтъ, перекатиполе* и др.

потребовала уже въ старо-русскомъ языкѣ модернизациі, которая вызвала къ жизни форму невелигласи (Переяслав. лѣт. Срезневскій. Матеріалы II. 357), гдѣ невѣи было понято, какъ прилагательное, и согласовано съ существительнымъ — гласи. Та же основа и въ словѣ вѣгодыи въ памятникѣ XI в. (Срезневскій. I. 478. Jagić. *ibid.* 531). Серб. мѣстное названіе Нечуигласъ (не-чууи-гласъ. Даничић. Рјечник. II. 155) является, вѣроятно, осмысленіемъ по образцу *Composita* съ *Imperat.* въ первой части стараго не-чу-гласъ, гдѣ -чу- правильная глагольная основа отъ стараго чу-ти (общеслав.). То же самое перенесеніе въ категорію повелительнаго наклоненія совершилось и въ названіи растенія: нечуивѣтеръ (Даль II. 560), пол. *nieczujwiescier* (E. Majewski. II. 388).

Основа глагола *ѣ-ти* сохранилась въ сложныхъ словахъ: неѣвѣръ и неѣсыть. Въ виду существованія формъ невѣроятенъ, неѣтовѣрънъ, неѣмовѣренъ, кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что здѣсь скрывается именно глагольная основа *ѣ*, а не отрицаніе *п* = греч. *ἀ-*, какъ полагаетъ г. Мелье¹⁾. Последнее сохранилось въ видѣ *ж* или *ѣ* въ словахъ *юдоль*, *убогъ*, *уродъ*, *увѣчный* и т. д., изъ чего слѣдуетъ, что *ѣ* не можетъ имѣть съ нимъ ничего общаго. Неѣсыть должно было означать первоначально: неимѣющей сыти. Сюда же относятся др.-рус. имя Яволодъ (1216. 1210. Гингенъ 458) „власть имѣющей“ и словин. *pejevolja* (*unwille*), *pejevoljes* (*unwillige*) и др. (Pleteršnik. 688. Miklosich. *Person.-namen.* 234).

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе глагольныхъ основъ въ славянскихъ сложныхъ словахъ приводитъ къ убѣжденію, что Якоби въ принципѣ правъ, исходя въ своей извѣстной книгѣ изъ предположенія, по которому первоначальныя индоевропейскія сложенія возникли въ эпоху отсутствія системъ скло-

¹⁾ *A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris. 1902. 168—169.*

ненія и спряженія. „Если имя было еще лишено или могло быть лишено надежныхъ окончаній, то въ высшей степени вѣроятно“, говоритъ Якоби ¹⁾: „что и глаголь могъ быть лишень личныхъ окончаній... Въ ту раннюю эпоху, отъ которой ведутъ свое происхождение древнѣйшіе образчики *Composita*, различіе между именемъ и глаголомъ еще не всегда отмѣчалось звуковымъ признакомъ, но оно существовало такъ же, какъ въ неиндо-германскихъ языкахъ подобнаго строя, и заключалось прежде всего въ значеніи основъ“. Продолжая свое изслѣдованіе глагольныхъ основъ въ сложеніи, Якоби останавливается на типѣ *φερέοικος*, который восходитъ къ *bherevoiko, и заключаетъ, что, предполагая возникновеніе этого сложения въ эпоху развитія флексіи, слѣдовало бы ожидать не одного типа *bherevoiko, а девяти различныхъ сложений: *bheresivoiko, *bheretivoiko и т. д.

Если же ничего подобнаго не произошло, то это должно объяснять тѣмъ обстоятельствомъ, что предложеніе *bherevoiko могло относиться ко всѣмъ лицамъ во всѣхъ числахъ. Это „неизбѣжное условіе для того, чтобы, слившись въ единое слово, оно стало употребляться въ качествѣ имени въ функціи существительнаго или прилагательнаго“ (стр. 57).

Не употреблялись-ли глагольныя основы еще въ историческія эпохи индо-европейскихъ языковъ? Отвѣтить на это рѣшительно въ утвердительномъ смыслѣ еще не возможно, но современныя изслѣдованія дѣлаютъ все болѣе вѣроятнымъ, что въ описательномъ Perfect'ѣ санскрита и въ извѣстныхъ оборотахъ латинскаго языка скрываются именно чистыя глагольныя основы ²⁾.

¹⁾ *H. Jacobi. Compositum und Nebensatz. Studien über die indogermanische Sprachentwicklung. Bonn. 1897, стр. 47.*

²⁾ Не будучи въ состояніи высказать въ этомъ случаѣ своего сужденія, укажу на нѣкоторые изъ новыхъ взглядовъ на вопросъ: Якоби (*Kuhn's Zeitschrift. 35 т. 578—587*) полагаетъ, что, какъ въ другихъ, неиндо-европейскихъ языкахъ (напр., въ японскомъ), такъ и въ праязыкѣ нашей группы употреблялась въ качествѣ абсолютной фор-

Такимъ образомъ, славянскія сложные слова типа сѣно-

мы (die kategorie des absolutivums als gerundum oder verbalparticip) глагольная основа; когда же нефлексирующія глагольные основы вышли изъ языка, формы абсолютива въ силу того, что онѣ по своей функціи не могли принимать личныхъ окончаній, или получили падежное окончаніе или были замѣнены придуманнымъ *ad hoc*, т. е. этимологически прозрачнымъ отглагольнымъ именемъ въ какомъ-нибудь падежѣ. „Такъ объясняется то странное явленіе, что отъ подобныхъ глагольныхъ именъ не сохранилось никакого слѣда, кромѣ определенной падежной формы. Это перенесеніе первоначально неизмѣняющихся глагольныхъ основъ на сторону именъ послѣдовало, вѣроятно, лишь при образованіи отдѣльныхъ языковъ, и такъ изъ *gamaуа образовалось gamaуān (ср. gamaуāni sakāga и др. Whitney. § 1073) по аналогіи абсолютива на -am, которое и само находилось въ санскритѣ въ состояніи вымирания. Съ моей точки зрѣнія такъ же объяснялись бы, какъ соединенія абсолютива съ вспомогательнымъ глаголомъ, поразительно сходныя съ др.-инд. описательнымъ перфектомъ латинскія образованія *agē-facio*, *agē-fio*, *agē-bam*, *flā-bam*, *amā-bam*“ (стр. 586). I. Корacz (въ Indog. Forsch. XII. 24—25) указываетъ у Лукреція форму *facit are*, у Катона *ferve bene facito*, но по шаблону видитъ въ *are*, *ferve* инфинитивъ и даже строить такую схему *legere: amari = *lege: legi*. Stowasser и Skutsch (Zeitschrift f. die öster. Gymn. 1901. т. 52) разлагаютъ *calefacere*, *calebam* на *calens + facio*; весьма существенныя возраженія противъ этого приведены Sonnenberg'омъ (Indog. Forsch. XII, 386—388), который, въ общемъ соглашаясь съ названными изслѣдователями, полагаетъ, что во всякомъ случаѣ память о происхожденіи формъ *calebam*, *calefacere* должна была утратиться очень рано, чтобы могли образоваться глаголы *assuefacere*, *consuefacere*, *desuefacere*, *insuefacere* рядомъ съ *assueesco* и др. „Нельзя не упомянуть при этомъ“, прибавляетъ Зонненбергъ: „что рядомъ съ образованіями въ родѣ *amplifico*, *sacrifico* не существуетъ соответствующихъ начинательныхъ глаголовъ типа *duresco*, *vanesco*“. Однимъ словомъ, принявъ взглядъ Якоби, что въ указанныхъ образованіяхъ кроется чистая глагольная основа, можно избѣжать такихъ натянутыхъ объясненій, какъ сочиненіе несуществовавшего инфинитива, сокращенія и т. п. Изслѣдованіе славянскаго имперфекта, въ которомъ тоже едва-ли не скрывается глагольная основа (см. I. Schmidt. K. Z. 26. 397; обзоръ мнѣній у Ягича Маріинское евангеліе), завлекло

кость, чеш. *Hostmil*¹⁾, рус. Ратмиръ (см. слав. Ратьмилъ), медвѣдь, ночьлегъ и т. д. по своему образованію являются такими же архаизмами, какъ здравъ, жупа, нестера, постоль, неводъ, *непырь, дрѣволіе, жимолость и др. сложные слова, въ которыхъ первая часть присоединилась ко второй такъ, какъ употреблялась въ разговорномъ языкѣ, т. е. представляя чистый видъ основы, такъ, какъ въ новѣйшемъ языкѣ образовалось, напр., слово растеніеводство²⁾). Если же въ своемъ изслѣдованіи я оставляю совершенно въ сторонѣ сложенія съ глагольной или именной основой на гласный, то дѣлаю это потому, что они сами по себѣ въ общемъ ясны, и что моя работа посвящена прежде всего судьбѣ древнихъ корневыхъ основъ (*Wurzelnomina*), односложныхъ и неразвитыхъ присоединеніемъ гласнаго на концѣ, каковое развитіе произошло во всякомъ случаѣ уже въ индо-европейскомъ праязыкѣ (фин. осн. на *-a* = индоевроп. основамъ на *-o*). Но съ отношеніемъ сложеній сѣнокость: нестера *не(p)t-dъ(k)t-e-g-a связанъ слѣдующій вопросъ: почему въ славянскихъ языкахъ развился типъ сложеній съ соединительнымъ гласнымъ, тогда какъ въ балтійскихъ языкахъ преобладаютъ сложенія безъ него? На этомъ вопросѣ я остановлюсь нѣсколько подробнѣе, потому что онъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемой судьбѣ корневыхъ основъ.

Что намъ даетъ исторія балтійскихъ языковъ? Въ старой письменности Беценбергеръ³⁾ отмѣчаетъ то же состояніе сло-

---

бы насъ слишкомъ далеко; оно должно быть оставлено для самостоятельной работы.

¹⁾ *Hostmil* = гостьмилъ (первая часть *ne oblik*, *nego osnova*, а *složenina znači hospiti carus. Maretić. Rad. 81. 108*).

²⁾ Выставка растеніеводства (телеграмма изъ Гагръ отъ 9 сент. 1903 г. въ русскихъ газетахъ).

³⁾ *Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache. Göttingen. 1877. 103—107. Cp. Kurschat. Grammatik der litauischen Sprache, Halle. 1876, стр. 111—114.*

женій, какое существуетъ и въ современномъ языкѣ, т. е. наряду съ *Composita* безъ соединительнаго гласнаго встрѣчается не мало *Composita* съ соед. гласнымъ, чаще всего *a*, рѣже *o* или *i*, *ī*, также *-u* и *-e*. При этомъ, какъ и въ славянскихъ языкахъ, соединительный гласный *теперь* далеко не всегда бываетъ тождественъ съ гласнымъ основы, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Хотя въ современномъ литературномъ языкѣ равно, какъ и въ говорахъ, встрѣчаются рядомъ образованія обоихъ типовъ, нерѣдко при одной и той же первой части сложенія (*a u k s a* и *a u k s -*), однако можно замѣтить, что отчасти даже теперь эти образованія распредѣляются по говорамъ такимъ образомъ, что одни діалекты знаютъ исключительно сложенія съ соединительнымъ гласнымъ при однихъ основахъ, и сложенія безъ него при другихъ, т. е. въ общемъ стоятъ близко къ первоначальнымъ типамъ, тогда какъ другіе діалекты всегда, гдѣ только это возможно фонетически, безъ накопленія значительнаго числа согласныхъ звуковъ, образуютъ сложные слова безъ соединительнаго гласнаго. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ языкъ Ширвида¹⁾, у котораго мы находимъ: *tiesadariey*(судья) 7. 15. *ažu piktadeiu* (за злодѣя) 9. 20. *darbimeteu* (въ рабочую пору) 12. 14. *didziaturis* (богачъ) 16. 12 и 27. 25, *piļwapeniūs*(лакомовъ) 23. 31. *swetima weydziey*(лицемѣры) 25. 2. *gieradeistis* (добродѣтель) 26. 9. *wienagimi*(единороднаго) 45. 30. *sielawartas*(бѣда). 47. 26. *worotinklieys*(паутиной) 48. 5. *wisažinus*(всевѣдущій) 56. 4. *wienowaldis*(монархъ) 57. 15. *wisagalibe*(всемогущество) 67. 4. *tiesastatis*(законодатель) 65. 26. *ilgaļuki* (Acc. Sing. долготерпѣнне) 66. 31. *ganadarimu*²⁾ (Acc. Sing. удовлетвореніе), *šiksniōspar*

¹⁾ Szyrwid's Punkty Kazań (Punktay Sakimu) vom Jahre 1629. Litauische und lettische Drucke des 16 und 17 Jahrhunderts. IV Heft. Göttingen. 1885 (цитирую по страницамъ и строкамъ этого изданія).

²⁾ При этомъ глаголь *gana padarit*. 67. 18, у Куршата *gan dar ýti*.

pieu (Nom. Pl. летучія мыши)¹⁾, miełasiirdistes (милосердія) 99. 23. mažatikieу (маловѣры) 109. 7. и др. Ни одного случая сложенія безъ соединительнаго гласнаго въ названномъ сочиненіи Ширвида я не нашель; то же можно сказать и объ его Dictionarium trium linguarum (я пользовался изданіемъ 1713 года), гдѣ находимъ wardomineimas (mia-powanie), mauszadaris или mauszasiuwis (miechownik) и др.

Въ сравненіи съ говоромъ Даукши это, несомнѣнно, діалектическая черта. Именно, языкъ катехизиса 1595 года въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ современному, чѣмъ ширвидовъ. Приведу нѣкоторыя сложныя слова по изданію Э. А. Вольтера (С.-Петербург. 1886): wiengimis (единородный) 5. 16²⁾, pirmgime 12. 14³⁾, swætimmóteraut (прелюбодѣйствовать) 27. 2.⁴⁾, Diëwméiũmo (любви къ Богу) 32. 30, iłglukéimas (долготерпѣніе, у Ширв. 66. 13. Gen. Sing. iłgalukieimo), didžtūrę rąká 52. 3.⁵⁾, siełwartũsę 39. 21.⁶⁾

¹⁾ Теперь šikšnosparnis: напр., у Юшкевича Lietuviškos dájnos. № 193, строфа 23: šikšnosparnis parsigāndes pradėju meĩtũti. Въ первой части сложенія основа *šikšnā (лит. šikšnā, тонкая кожа для выдѣлки ремней), которая вошла въ сложеніе, какъ ав. daenāvazah-, гр. βουληφόρος. См. Brugmann. Gr. II. 24.

²⁾ Ср. у Куршата wiengimęs, wiėnkójis, wiėnmėtis и т. д.

³⁾ У Куршата pirmgimęs, pirmgimis, pirmtakũnas, pirmšokas и др.

⁴⁾ Э. А. Вольтеръ приводитъ (ibid. 113) изъ Пастиллы Даукши: swetimmoteris (прелюбодѣецъ), swetimpatalauju (cudzołożę). Ср. съ полнымъ видомъ основы въ словарѣ Ширвида: swetimažemis (cudzoziemiec), swetimaszalis (cudzoziemski).

⁵⁾ У Куршата didžtūrỹs, въ словарѣ Юшкевича didžlaũkis, didžgálvis и др., которыя должны восходить къ *didjo-, отъ didi-s. Новѣйшими представляются образованія съ didвъ первой части сложенія (didnósa, didlũpis, didrąpė, didžĩngsnis и др.).

⁶⁾ Это слово распадается на двѣ части: sėla (у Даукши, см. словарь Э. А. Вольтера 109) — совѣсть (= слав. сила) и невполнѣ

и т. д. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются характерныя отступленія отъ этого типа сложенія: напр., *wissagálinešio* (всемогущаго) 5. 13, *gærodârimu* 19. 29, *wissogâlis* 30. 24. Здѣсь передъ нами, вѣроятно, не сложенія, но срощенія: такъ слѣдуетъ думать, по крайней мѣрѣ, о словѣ *wissogâlis*. Припомнимъ, какъ рано въ польскомъ богословскомъ языкѣ правильная форма: *wszemoğacy* (такъ *Kazania Świątokrzyskie*) превратилась во *wszechmoğacy*¹⁾; во времени Дауыши эта замѣна уже давно закончилась и не могла не повліять на языкъ этого писателя. Слово *miełaszirdúmo* 19. 31 и 20. 13 сохранило *a* въ серединѣ тоже подъ вліяніемъ пол. *miłóšierdy*.

Среди современныхъ говоровъ попадаются такіе, которые вполне вѣрны старинѣ, т. е. сложенія безъ соединительнаго гласнаго знаютъ лишь въ такихъ случаяхъ, когда въ первой части сложенія находится корневая основа (*Wurzelnamen*) съ согласнымъ на концѣ. Такъ, въ говорѣ Оникшть, Вилькомир. у. говорится *vėnaausis*, *vėnarogis*, *baltažundis*, *kėtasprungdis* и др. вм. *vėnausis* и т. д.²⁾ Вообще изъ 11 говоровъ Ковенской губерніи еп. А. Барановскій въ 4 отмѣчаетъ этотъ архаистическій типъ сложенія словъ: *dėnãdaržys*, *pirmagalỹs*, *piktažolė*, *dalgiaĩkotis* и др.³⁾ Однако въ томъ же говорѣ Оникшть, гдѣ основы на гласный звукъ сохраняютъ этотъ послѣдній въ первой части сложенія, основы другого типа этого гласнаго не имѣютъ: такъ, въ по-

---

понятное *vartas*; въ говорахъ теперь: *sėławartis* (скука) или *sielwartis* (см. Вольтеръ. 109).

¹⁾ Ср. А. Brückner. *Prace Filol.* III. 734. Также *visagalis* находимъ въ *Grammatika Litewsko-polska... paraszita per Motiejū Franciszka Marcińska*. Warszawa. 1861, стр. 39: *wisagalis* — *wszechmoğacy* (*ibid.* 41 *dauggalis*). *Giaradėja (dobrodźiey) upi skawystwaris, Diėmedis* въ *Universitas Linguarum Litvaniae*. 1737 г. Стр. 5—7 (переизданія 1896 года).

²⁾ Сообщение еп. А. Барановскаго въ шлейхеровомъ изданіи *Christian Donaleitis Litauische Dichtungen*. S.-Pb. 1865, стр. 334.

³⁾ Замѣтки о литовскомъ языкѣ и словарѣ. С.-Пб. 1898, стр. 64.

эмъ названнаго писателя Anŷkszczy szilēlys¹⁾ находимъ названія грибовъ szúngrybjai, mĩsmires (vers. 46 и 47). Последнее по смыслу было равно греч. μῶσφῶνος (ср. лат. mĩscipula).

Какъ въ славянскихъ, такъ и въ литовскомъ языкѣ первая часть сложенія могла обанчиваться на всѣ гласные, на какіе могла обанчиваться основа слова, при чемъ въ литовскомъ языкѣ это положеніе вещей сохранилось лучше, чѣмъ въ славянскихъ, хотя и здѣсь, конечно, успѣли произойти всевозможныя аналогичныя сокращенія и сращенія. На одно изъ послѣднихъ я хочу указать, такъ какъ оно восходитъ, по моему мнѣнію, къ весьма глубокой древности: именно, греч. ὠμηστῆς, др.-инд. āmād(*āma-a-d?)²⁾. Это названіе вида грибовъ, которое еп. Барановскій передаетъ въ видѣ ūmēdes (vers. 40), но проф. Явнись, приводя форму ūmede, указываетъ на то, что ū здѣсь изъ ū̄, и извѣстное ему изъ Ретовскаго жмудскаго говора слово ūms, ūma (сырой, несушенный) сопоставляется имъ съ греч. ὠμός³⁾. Въ такомъ случаѣ уже на индо-европейской почвѣ сложеніе *ōma-ēd превратилось въ *ōmēd-, откуда объясняются лит. *ūmēde, гр. ὠμηστῆς, инд. āmād.

Вообще же, соединительный гласный въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ сохранился, представляетъ гласный именной основы, входящей въ сложеніе. Такъ, основы на -ī сохраняютъ этотъ звукъ (avikáilis, akigúvas, paktigonē)⁴⁾, при чемъ основа расширенная сохраняется такой же и въ сложеніи, откуда получается образованіе (въ старолитов. Bezenberger.

¹⁾ Цитирую здѣсь и ниже по изданію Вебера „Ostlitauische Texte“. Weimar. 1882.

²⁾ Такъ полагаетъ Бругманъ Griech Grammat. 3 изд., стр. 164. Не вѣрнѣе-ли *ām a-ēd-, т. е. *ām a-ā d?

³⁾ Поневѣжскіе говоры литовскаго языка. ч. II. Ковно. 1899. стр. 26 и 29.

⁴⁾ A. Alexandrow. Litauische Studien. I. Nominalzusammensetzungen. Dorpat. 1888, стр. 75—76.

Beiträge 270) *akiemirkšnīs* (мгновение), рядомъ съ которыми въ томъ же памятникѣ *akmirkīs*¹⁾. Основы на *ū* находимъ въ сложеніяхъ *alūdarīs*, *vidūdēnīs*, *viršūgalvis* и др.; основы на *-ē* сохранились въ сочетаніяхъ со словами *saulė* (*-kaitis*, *-leidis*, *-tekis*) и *upė* (*-malis*, *-takis*) и т. д. Но такое правильное сохраненіе старинныхъ отношеній является въ литовскомъ языкѣ, вообще говоря, исключеніемъ: обстоятельное изслѣдованіе проф. А. И. Александрова показываетъ, какъ гласный основы на *-o* вторгся въ первую часть сложенія всевозможныхъ основъ (напр. *ugnāvētė*, *turgāvētė*, *aštraregis* и др.) и получилъ характеръ соединительнаго гласнаго, который онъ раздѣляетъ до известной степени съ гласными *-o* (*rytolitus*, *arklogydis*, *musomiris* и др.) и *-y* (*darbūmetis*, *šeškerūkotis*, *saldūmetis*, *vasarūmetis* и др.). Но сложенія съ согласнымъ исходомъ первой части сильно преобладаютъ надъ всѣми остальными. Почему это такъ случилось?

При способности литовскаго языка, отличающей его отъ славянскихъ, сохранять сочетаніе нѣсколькихъ согласныхъ, не измѣняя ихъ и не выпуская, языкъ не чувствовалъ неудобства отъ такого сложенія словъ, при которомъ первая часть присоединялась ко второй безъ соединительнаго гласнаго. Избѣгая такихъ неудобныхъ сочетаній, какъ *bendr—tarnis*, *bendr—vardis* и т. п., гдѣ произошло бы накоп-

---

¹⁾ Отношеніе *akī* къ *akie* соответствуетъ употребленію въ польскомъ языкѣ 15 в. формъ съ очь- **akī* (ср. современ. литов. *akiveizda* — присутствіе, *kibrukšta* — царапина подъ глазомъ. Словарь Межиниса. 2 стр.) и очь **akī* или **akė* (ср. совр. литов. *akūvaizdas* — присутствіе, *akyskaūdis* и др. въ словарѣ Юшкевича стр. 6—8). Въ польскихъ глоссахъ 15 в. находимъ *oczwijsztņije* (in praesentia. Wlislöcki. Spraw. Kom. Jez. I. 132) и *oczŷwiszczŷ* (praesens. Malinowski. Prace Fil. I. 487). Изъ очь-развилось *oczze* — (очевидный, *oczewisty*), очь-сохранилось въ діалектическомъ *w osumieniu* (*w oka mgnieniu*. Łopaciński. Pr. Fil. V. 813) и въ литературномъ *oczuwisty*. Аналогичныя явленія безъ труда можно найти и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

леніе, по крайней мѣрѣ, четырехъ согласныхъ, языкъ замѣняетъ ихъ болѣе удобными для произношенія сочетаніями съ *bendga-*, *arkla-*, *oška-*, *purka-* и т. д. Но этимологическая память о значеніи частей ни мало не стерлась бы и при этихъ неудобныхъ сопоставленіяхъ. Въ литовскомъ языкѣ можно отмѣтить весьма немного случаевъ, гдѣ накопленіе согласныхъ въ серединѣ сложенія ведетъ къ измѣненію первой части; да и измѣненіе это, по большей части, ничтожно: такъ, между двумя частями сложенія пропадаетъ *j*, *v*, *n*. Примѣрами могутъ служить *kogalvė*¹⁾ (кушанье изъ головы и ножекъ свиньи) = **kojā + galva*, *kraugeris* (кровопійца) = **kraujā + geris*²⁾, *viėputinas* (дуновение вѣтра) = **vejā + putinas*³⁾ или *viėpute* (флюгеръ)⁴⁾, *jaukuras* (*jaupjukuras — дрова въ овинѣ. Lit. Stud. 88), *šeimedis* или *šeivmėdis* (бузина) отъ *šeivā — (кривой) + *medis*⁵⁾, *Dėmedis* изъ *Dėvmedis* или *Dėnmedis*⁶⁾; изъ языка Довконтъ Гейтлеръ⁷⁾ приводитъ *laukaktis* (*laukkaktis — бѣлолобый, стр. 50), *sausakiemis* (*sausšakėmis, сухими вѣтками, *ibid.* 87). Большія измѣненія, нарушающія этимологическую ясность сложеній, являются въ словахъ *makaulė* и *gynagis*. Слово *makaulė*, употребляющееся на Жмуди (Geitler. Lit. Stud. 96), извѣстное и Довконтъ (Geitler. Beiträge. 51), оказывается, по словамъ Межиниса, равнозначущимъ со словомъ *maušė*. Вторая часть этого сложенія ясна: она тождественна со словами *káulas* (кость) и *kiáušė* (латыш. *kauss* — черепъ), но что значитъ первая? Я не могу объяснить ее иначе, какъ сопоставивъ съ литов. *smāgenes*

1) *L. Geitler.* Litauische Studien. 1875, стр. 92.

2) *Ibid.* 92.

3) *Довконтъ.* Budas senowęs. 1 изд., стр. 34.

4) *Geitler.* Lit. Stud. 120. Куршаты (Lit.-Deutsches Wörterb. 494)

приводитъ изъ словаря Мильке *vėjputis* (сугробъ). Ср. латыш. *vėjputnis* (Lat. dain. 1194. 1. *espėdzimu vėjputnė*).

5) Куршаты. Lit.-Deut. Wörterb. 423.

6) *Ibid.* 86.

7) *Beiträge zur litauischen Dialektologie.* 1885.

(мозгъ) и предположивъ, что разсматриваемыя сложенія образовались изъ *mag-kaušē* и *mag-kaulē*. Что касается слова *gupaġis* (гвоздика), то оно или происходит изъ **guyv-ġaġis*, какъ полагаетъ Гейтлеръ (Lit. Stud. 84), хотя въ значеніи этого слова нѣтъ ничего, подтверждающаго эту этимологию (*guyv-ġaġis* значило бы живой коготокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ), или, что, по моему мнѣнію, вѣроятнѣе, содержитъ первую часть съ гласнымъ исходомъ и представляетъ архаистичное образование, какъ и *sudrus*, при чемъ *guyv-* этимологически родственно частицѣ жи- въ русскихъ названіяхъ растений жи-бзника (при бзника), жи-молость и т. д., о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Старыя основы съ согласнымъ исходомъ, по большей части, остаются такими же и въ сложныхъ словахъ. Такъ, основа **šun-* (Nom. Sing. *šũ*) приводится проф. Александровымъ въ 10 сложныхъ словахъ (*šungalvis*, *šunžolė* и т. д. стр. 63); основа *vand-* (*vandũ*) сохранилась въ сложномъ словѣ *vankrikštis* (Wassertaufe), *moter-* (Nom. Sing. *mótė*) въ названіи травы *móteržolės* (Mutterkraut); въ имени гриба *mūsmirė* уцѣлѣло слово *mūs* (мышь, санскр. *mūs*, лат. *mūs*, слав. мышь и т. д.), которое вообще вышло изъ употребленія въ литовскомъ языкѣ, почему въ первой части этого сложенія стали чувствовать слово *mūsē* (муха, мѣш-ѣа); вслѣдствіе этого рядомъ съ жмудскимъ *mūsmirė* развилось будто-бы синонимическое литовское *mūšmiris* (мухоморъ), но долгота *u* въ первомъ словѣ указываетъ на вѣрный путь толкованія его происхожденія¹⁾. Изъ другихъ старыхъ основъ съ согласнымъ исходомъ укажу на *žem-* (земля), откуда сложенія *žembluse*, *žemrėšutis* и др. (Alexandrow. 23—24), на *vėš-* (санскр. *viç-*, ав. *vis-*, албан. *vis*, слав. въсь), откуда *vėšpats*, *vėškėlis*, на *gir-* (хвала, ср. санскр. *gír*, славословіе), откуда *gỹrpelnyš* (сла-

¹⁾ То же въ латыш. яз.: рядомъ съ *mišmirė* (отъ *miše*, *miše* — муха) *mūšmirė*.

волюбецъ, ср. слав. -жиръ въ Домажиръ и др.), на *dvār*- (ср. санскр. *dvār*), откуда *dvārvētē* и т. д. Рядомъ съ этими основами, которыя въ сложеніи выступаютъ безъ соединительнаго гласнаго, другія старыя основы этого же типа являются въ первой части сложенія какъ съ гласнымъ исходомъ, такъ и безъ него: напр., слово *žēmà*, которое, вѣроятно, уже на почвѣ пра-литовскаго языка окончательно перешло въ систему основъ на *-ā* (санскр. *hīmā-*, ав. *zuā* и *zimō*, лат. *hiems* и *himo* въ *bīmus *bihimo-*, слав. зима, ир. *gam* и др.), и въ сложеніяхъ имѣеть двоякую форму: *žēm-* (*žēmgūlis*, *žēmkin̄tis*, *žēmmitỹs*) и *žēmo-* (*žēmōspirgis*). Подобнымъ образомъ, слово *dant̄is*, нѣкогда корневая основа *dant-* изъ инд.-евр. **dont-*, **dnt̄¹⁾*, имѣеть въ сложеніяхъ двѣ весьма характерныя формы: *dant-* (*dānt̄kalis*, зубной врачъ, въ словарѣ Юшкевича 292) и *danta-* (*dantagēla²⁾* — зубная боль, иначе *Dantu gēlimas*). Послѣдняя основа показываетъ, что при образованіи ея не исходили изъ распространенной основы *danti-*, которой тогда еще, можетъ быть, и не существовало, а пользовались аналогіей основъ на *-o*, послѣдній звукъ которыхъ (литов. *a*) получилъ значеніе соединительнаго гласнаго въ сложныхъ словахъ. Какъ въ этомъ случаѣ произошло аналогичное образованіе подѣ влияніемъ основъ на гласный звукъ, такимъ образомъ послѣднія попадали подѣ влияніе основъ на согласный: другими словами, подѣ влияніемъ сложеній съ *dvār-*, *dant-*, *žēm-* образовались сложенія съ *balt-*, *vilk-*, *vīr-*, а сложенія съ *balta-*, *šikšpo-* и т. п. вызвали въ жизни въ языкѣ образованія съ *danta-*, *žēmo-* и др. Въ языкѣ произошло смѣшеніе этихъ типовъ образованій, и если преобладаніе получили сложенія безъ соединительнаго гласнаго, то объясняется это удобствомъ такихъ формъ, ихъ сравнительной краткостью,

¹⁾ *Uhlenbeck. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. 1898—1899, стр. 120.*

²⁾ *Dr. I. Basanavicius. Medega musu tautiszkai vaistinykystai. Atspauda isz „Dirvos“ 1898 г., стр. 7.*

которая однако не препятствовала различать составные элементы сложнаго слова. Въ общеславянскомъ языкѣ этого не могло быть, потому что въ силу господствовавшихъ въ немъ звуковыхъ законовъ при степеніи согласныхъ элементовъ происходило выпаденіе первыхъ передъ послѣдними, въ определенныхъ случаяхъ совершалась перестановка плавныхъ, развитіе носовыхъ гласныхъ и другія явленія, затмѣвающія первоначальное значеніе сложенія. Поэтому въ славянскихъ языкахъ такіа сложенія, гдѣ первоначальная первая часть называется корневой основой безъ гласнаго исхода, могли уцѣлѣть, какъ архаизмы и внѣ этимологической связи съ простыми словами, составившими нѣкогда это сложное слово. Чтобы не дробить своего изслѣдованія, я рассмотрю эти *Composita* въ связи съ сохраненіемъ корневыхъ основъ въ простыхъ словахъ въ слѣдующей главѣ. Остановимся на другихъ балтійскихъ языкахъ.

Латышскій языкъ, представляющій весьма много интереснаго матеріала по вопросу о переходѣ срощеній и простыхъ сопоставленій въ сложенія, матеріала, который мы рассмотримъ ниже, даетъ однако не много любопытнаго въ самомъ типѣ сложныхъ словъ. Здѣсь процессъ, приведшій литовскій языкъ къ развитію *Composita* безъ соединительнаго гласнаго, зашелъ еще дальше и сложенія другого типа за крайне рѣдкими исключеніями не извѣстны въ языкѣ¹⁾. Однако старинный языкъ зналъ *Composita* съ гласнымъ; ихъ еще довольно много въ нарѣчій витебскихъ латышей²⁾, гдѣ Беценбергеръ отмѣчаетъ *launadaréitoji* (злудѣи) или *launa-darritoji* (*Lett. Dial.-Stud.* 9), которому въ Лифляндіи соотвѣтствуетъ *l'aundaritaji* (*ibid.* 41). Растеніе *Anemone hepatica* носить здѣсь названіе *kumiela-pâdi*, *Primula officinalis* — *gajla-*

1) О синтаксическомъ характерѣ сложеній въ латышскомъ языкѣ см. статью г. К. Мюленбаха *Druskas par latweeschu kompositeem* въ его сборникѣ *Daschi jautajumi par latweeschu walodn. 2 burtniza. Ielgawâ* 1893.

2) См. *A. Bezenberger. Lettische Dialekt-Studien. Göttingen. 1885.*

juizis или gajla-biksis, Gnaphalium arenarium—kaczarādi¹⁾ и др., но является-ли здѣсь первая часть основной имени или падежной формой Gen. Sing., этого рѣшить невозможно, потому что фонетически обѣ формы совпадаютъ, что и было, вѣроятно, причиной почти полного исчезновения Composita съ соединительнымъ гласнымъ въ латышскомъ языкѣ. Такъ, слово waġawīksne(радуга) могло уцѣлѣть въ языкѣ лишь потому, что первая часть сложенія (какъ и oġa- въ литов. oġāgukštē), какъ самостоятельная единица, была забыта, и ея значеніе можетъ быть восстановлено лишь путемъ сличенія со словами родственныхъ языковъ²⁾.

Сложенія безъ соединительнаго гласнаго получили чрезвычайно широкое распространеніе въ латышскомъ языкѣ и привели даже къ такимъ образованиямъ, какъ соединеніе имени съ глаголомъ въ родѣ болг. гласоподавамъ(вотирую). Такъ, мы находимъ въ латышскихъ пѣсняхъ³⁾ L. 1010 kājaudama (обувая ноги) = L. 1011 kāj's audama; прилаг. gruts(скорбный), которое входитъ въ сложенія grūtsirdiba (печаль), grūtdēna (печальный день), соединяется и съ глаголами: L. 1229 sak'meitin'a grūtredejse (говорить дѣвушка, грустно смотря), ср. L. 1606: grūtredeja и L. 1229: no Dēvin'a labredzēt (смотрѣть веселымъ); L. 1675 Tēvin's manim grūtdarija (отецъ мнѣ сдѣлалъ печаль), L. 1973: dēnu, nakti laundariju (ср. 1979. 2:

¹⁾ *St. Ulanowska. Łotysze Infant polskich. Kraków. 1891. I. 13—14.*

²⁾ Зенд. vāġa — (дождь) и др. Bezenberger. Lett. Dial.-Stud. 78, примѣч. Тамъ же стр. 120 не вполне понятное сопоставленіе латыш. dzere-ukšēn'zūbe (Backenzähne) съ однозначущимъ литов. gerūkštes. Скрывается-ли въ первой части основа *gervē?

³⁾ Пользуюсь здѣсь, какъ и въ слѣдующемъ параграфѣ, по преимуществу изданіемъ „Latwju dainas“ г. Барона и Виссендорфа (Митава. I томъ. 1894—1898). Въ цитатахъ его означаетъ одна буква L, при которой цифра указываетъ на номеръ пѣсни (если есть при этомъ другая цифра, то она означаетъ номеръ варианта).

neka laba ne dariju) и др. Въ прусскомъ языкѣ сложенія: aelocordo (Leitseil) *auklo-kordo, busawarne (Holzkrähe), dantimax (Zahnfleisch), dagagayidis (Sommerweizen) и т. под. указываютъ на сохраненіе гласнаго основы; но, вѣроятно, были образованія и безъ него, если alskanke, дѣйствительно, восходить къ *als-kanke¹⁾ (дерево — ольха, лит. alksnis); kerberse (wirsenholtz) *ker- (лит. kēgas — стволъ). Kolwarnis (Saatkrähe) *kol (галка, кось) + varnis образовано, какъ латыш. kōsvārnīši (Nom. Pl. Latwju dajņ. № 2998 = № 2997 kōsalani) и т. д. Последнее латышское слово особенно интересно, такъ какъ проливаетъ свѣтъ и на исторію сложеній въ славянскихъ языкахъ. Этимологія его показываетъ, что и здѣсь были аналогичныя сложныя образованія безъ соединительнаго гласнаго, и обнаруживаетъ тѣ условія, въ которыхъ сдѣлалось невозможнымъ развитіе этихъ формъ. Остановимся на этомъ вопросѣ.

1. Слав. *вѣрн-ъ, литов. vaĩn-as; слав. вѣрна, лит. vāgna, латыш. vāgna, прус. warnis, warne — воронъ, ворона въ сложныхъ словахъ. Латыш. kovārnis въ первой своей части, а также прус. kose (галка) восходятъ къ основѣ kōso-, отъ которой образованы также лит. kōsas (галка), латыш. kōsa (id.) или skōsa (L. 2997). Слав. косъ сопоставляется обычно²⁾ съ гр. κόψιχος, но вѣроятно же, что его надо возводить къ *kōso-, *skōso-: иначе слав. косъ, близкое по значенію къ группѣ приведенныхъ балтійскихъ словъ, не могло бы быть родственнымъ ей. Отъ этой основы skōs- образовано слав. *ско-ворн-ъ-ць изъ *skōs-varni-s, откуда пол. skowronek (жаворонокъ), вазуб. skœvrōnk, ц.-слав. съворанъць. Кромѣ этого сложенія мы находимъ въ слав. яз.: серб. gāvḡān (воронъ), galòvḡan (cornix atra, ср. polečela dva galicea vḡana), goldòvḡan (воронъ) kāvḡan (Nemanić I. 29); болг. сколоврѣнецъ (черный дроздъ);

¹⁾ *Berneker*. Die preussische Sprache. 1896, стр. 280.

²⁾ *Fick*. I⁴. 389. *Schrader*. Reallexicon. 768. *Prellwitz*. Etym. Wörterb. der Griechischen Sprache. 161.

гавранъ или гарванъ, малорус. жаворонокъ, жайворонокъ, шжаворонокъ (жаворонокъ); гайворонъ или гайворонъ (*Corvus frugilegus*); лужиц. *škowrončk*, *škowrjenčk* (такъ Пфуль, а Цваръ приводитъ еще *schkobronk*, *schkogrenk*, *schkoworenk*, *schkobrenk*—жаворонокъ, Маевскій указываетъ в. луж. *skowgenz* II. 30), пол. *gawron*, *łusowron* (*ptak wróblowaty z rodziny kraków*), рус. жаворонокъ, гайворонъ или гайворонъ (грачъ), щеворонокъ, чеш. *havran*, *škobrunek* (*Loriš.* 22. 27) и *škrobánek* (диал.), ст.-чеш. *skrziwanec* *Mencik.* 8; словин. *škrjanec* испорчено изъ **škvranec*, **škovranec*. Можетъ-ли чеш. *skřivan* восходить къ *skvran*¹⁾, я сомнѣваюсь. Изъ недоступнаго мнѣ сочиненія Верхратскаго Маевскій (II. 241) приводитъ еще весьма любопытную форму малорус. каворонъ. Вотъ, по видимому, всё важнѣйшія сложные названія различныхъ птицъ съ *-ворнъ во второй части сложенія. Разбираясь въ нихъ, мы можемъ сопоставить ихъ по слѣдующимъ группамъ:

a) серб. галов-вранъ, голо-вранъ, болг. сколовранъ;

b) гайворонъ;

c) жаворонокъ, жайворонокъ, *gawron;

d) гайворонъ;

e) каворонъ;

f) скворонокъ, щеворонокъ.

a) Какъ показываютъ греч. *κόλιος* (грачъ), др.-инд. **uṣa-kālas* (пѣтухъ, т. е. поющая на зарѣ птица), *kālāvikaś* (пѣтухъ) и др. (см. *Uhlenbeck.* 48), др.-прус. *kolwagnis* (*Saatkrähe*), которое Бернекеръ 300 безъ надобности исправляетъ въ *koswagnis*²⁾ (отношеніе *kol-*

¹⁾ Такъ полагаетъ Миклошичъ въ *Etym. Wörterb.* 305—306, который возводитъ приводимыя имъ формы къ *skovog-nъ*, которое, конечно, ихъ не объясняетъ. Упомяну еще о чеш. *křivan*, *křivánek* (*Dušek.* 40, *Nošek.* 33).

²⁾ Въ I. F VIII. 285—286 онъ самъ отказывается отъ этого ис-

къ слав. *колъ то же, что прус. wobse : оса и др. Вепкер 253), слав. со-колъ, jaskoła,—болг. сколовранъ не восходить къ сковранъ, какъ думаетъ Миклошичъ, а образовано отъ названія птицы *сколъ или *колъ и по значенію совпадаетъ съ серб. галовранъ. Въ послѣднемъ лежитъ въ основаніи названіе птицы галки, которое также имѣетъ большое филологическое родство. Отъ основы *gōlo- образованы слав. галица, алб. gaIε(воронъ. G. Meyer. 118), лит.-латыш. *laštī-gala (откуда лит. lakštingala, латыш. lakstigala), нѣм. Nachtigall (др.-в.-нѣм. nahti-gala въ значеніи не только соловья, но и ночной птицы—совы Schade I. 635), рус. пигóлка или пѣгáлка. Эти именныя основы примыкаютъ къ глаголамъ со значеніемъ болтать, кричать, пѣть: латыш. kalōt(болтать), греч. χαλέω, др.-в.-нѣм. halōn (звать и др. Uhlenbeck 48 и Meillet. Mém. XI. 183.) и др.-в.-нѣм. galan (пѣть. Schade. 252. Kluge. 266. Tetzner 183), ср. слав. глаголь и клаколь. Что касается взгляда (Миклошича, Шрадера, Г. Мейера и др.), что слав. гáлка произведено отъ серб. гáл(черный), то этотъ взглядъ противорѣчитъ какъ фактамъ (вороной : воронъ, розовый : роза etc.), такъ и психологическимъ основамъ рѣчи ¹⁾. Наконецъ серб. головранъ напоминаетъ пол. łusowron,

---

правления и сравниваетъ прус. kol- изъ *kōl съ др.-инд. śāla (сойка) изъ *kēlo. Такимъ образомъ, мы имѣемъ основы kēlo-, *kōlo и kōlo. То же и основа *(s)kēs, *(s)kōs въ щеворонокъ *skesvogņъ: сковоронокъ *skōs-vogņъ: латыш. kōsvāgnis при skōsa.

¹⁾ Психологія языка показываетъ, что качества позже получаютъ названія, чѣмъ предметы, ими обладающіе: такъ, Фойтъ, потерявшій вслѣдствіе травматическаго пораженія мозга способность распознавать конкретныя качества, могъ опредѣлять цвѣта, лишь вида соответствующій предметъ (дерево, кровь): иначе, онъ находился въ недоумѣніи, голубого-ли цвѣта громъ и т. под. То же обнаруживаютъ наблюденія надъ душевною жизнью и рѣчью идиотовъ. См. Штёрлингъ. Стр. 85—86.

б) Гайворонъ : гаворонъ = нечуйгласъ : нечугласъ (незнабогъ), хотя въ *gа- не можетъ скрываться глагольная основа; гайворонъ народно-этимологически связывается съ гай, но пол. gawгон серб. gāvган (Nemanić. I. 28) показываетъ, что надо исходить изъ *gā или *gō. Какого-нибудь удовлетворительнаго объясненія этой части сложения я не могу дать, но полагаю, что между *gā(*gō-) и жа(*gē-) въ жаворонокъ должно быть отношеніе чередованія гласныхъ; наиболѣе вѣроятнымъ я считаю все-таки соединеніе этихъ элементовъ съ основой *gōv-, *gēv- (изъ *gōu, *gēu-) въ значеніи крупнаго рогатаго скота, такъ что gawгон восходило бы къ *gōv-vognъ, а жаворонокъ къ *gēv-vognъ. Остальныя формы проще: граворонъ (откуда народная этимологія образовала грайворонъ отъ граять и kгаjwогонка Karłowicz. Sł. Gw. II. 465) несомнѣнно изъ *gāv-vognъ. *Gāva—сорока = др.-в.-нѣм. kḡwa, англ.-сакс. sḡwe, ир. gаu-berla lingua corvina (Stokes. 106. Noreen. 53). Каворонъ *ѡав-воронъ, ср. ст.-пол. kawikos (gracula. Majewski. II. 368) изъ кава (или кавка): пол. кава (птица изъ породы воробьевъ), лит. коvas; по образованію каворонъ = латыш. kāvagnis. Такимъ образомъ, для объясненія приведенныхъ формъ я исхожу изъ предположенія праславянскихъ сложений безъ соединительнаго гласнаго: gāv-vognъ, skos-vognъ, kāv-vognъ.

Нѣсколько иначе объясняетъ эти формы: гавранъ и кавранъ Э. Бернекеръ (Indog. Forsch. X. 147), который видитъ въ *гаворнъ и *каворнъ „silbische Dissimilation“ изъ *gавовогнъ и *кавовогнъ. Въ gавонъ видитъ рус. гава, мрус. hава (die Nebelkrähe), въ каво- пол. кава и т. д. Гайворонъ и грайворонъ возникли, по его мнѣнію, изъ гай- (др.-рус. гаяти — krähen) и грай- (ц.-сл. граяти krächchen), но это, я думаю, невозможно по двумъ причинамъ: 1) основы гра- и га- дали бы сложения гаворонъ, граворонъ, какъ

Siekwiat, *Siemak*, а 2) глагольная основа появляется въ славянскихъ сложныхъ словахъ лишь тогда, когда вторая часть сложения представляетъ объектъ дѣйствія, выраженнаго первой его частью, глагольной основой. Слово *жаворонъ* остается для Бернекера непонятнымъ, тогда какъ при моемъ толкованіи чередованія основъ *g ō(u) — *g ē(u)- (ср. *жу́па* *g ē u-р ā) оно связывается со словомъ *гаворонъ*. Не вижу я надобности и въ предположеніи проф. Брандта (Р. Ф. В. 24. 177—178), что указанные формы результатъ комбинаціи трехъ словъ: *жърванъ*, *щеванъ* и *скриванъ*.

2. *Астрабъ*, *аребица*, *рябчикъ* и др. Пол. *jastrząb* (*ястребъ*), *jarząb* (*ptak kurowaty z rodziny cietrzewi*); ср. *jarzębina* (*рябина*), *orzębina* и др. (Karłowicz. Sł. Gw. II. 235), *jarzab* (*рябина, также бѣлый или черный тополь*); *rżab* (*jacaranda*); кашуб. *jastrīb*, *-éla* (*ястребъ*), *jařebina* (*рябина*); луж. *jatřob'* (*ястребъ*), *jerébaty* (*пестрый*. *Zwahr.* 137), *héřebina* или *jéřebina* (*рябина*. *Zwahr.* 109); чеш. *jestřáb* (ст.-чеш. *ustrzab*), *jeřáb* (*perdix*), *jeřáb* (*Sperberbaum, Vogelbeerbaum*), *jeřábek* (*Haselhuhn*), *jeřábí* = морав. *jařabý* (*рабой*), морав. *jestřáb* (*astur palumbarins*), *jahřabina* (*sorbus aucuparia*); серб. *jastrjeb* (pl. *jastrubovi*), *jastrébast* или *jastrjebast* (*coloris vulturini*), *jarėb* (*perdix saxatilis*), *jarėbica* или *jerėbica* (*perdix; ptica različna od jareba*. *Iveković-Broz* 473), *jarėbina* (*рябина*); словин. *jastrėb* или *jastrėb* (*ястребъ*), *jarėb* или *jerėb* (*perdix saxatilis*), *jarėbica* или *jerėbica* (*perdix cinerea*), *jerėbika* (*рябина*), *rebika* (*рябина*); болг. *ястребъ*, *яребица* (*куропатка*), ср. *реbumъ* — *рябью* (*еребицице реbumъ шарена по поле леташъ*. *Дювернуа*. 2043), рус. *рябѣкъ*, *рябчикъ*; *рябъ*, *рябой*; *рябина*, *ястребъ*; мрус. *ястриб* (*Astur*), *яструб* (*Hühnerhabicht*), *яреби́на*, *оря́бина*, *оробѣ́на*, *ряби́на* или *ря́бка* (*рябина*), *ряби́и* (*рабой*), *рабе́ць* (*рябчикъ*).

На основаніи этого матеріала, которымъ я позволю себѣ

ограничиться (сопоставления у Миклошича Et. Wört., представляя явно позднѣйшія новообразования, запутываютъ вопросъ ¹⁾), можно составить слѣд. группы:

a) *rembъ*—(рабъ);

b) *rembina*, *rembika* или *ja-rembina*, *ja-rembika*—(рябина) или *orembina*.

c) *rembok*, *ja-rembica* (рябчикъ).

d) *jastrabъ*, *jastrëbъ* или *jastrëb* (ястребъ).

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что среди формъ, соответствующихъ праславянскимъ *remb-*, *jastromb-* и др., весьма много искаженій. Какъ смотрѣть иначе, напр., на мрус. *ворбуна*, *вóриб*, *горобуна* (рябина), на луж. *hérebina*, на слов. *jâstran* (ястребъ) и т. п.? Повидимому, здѣсь, какъ и въ скворонокъ и др., длинное и непонятное по своему этимологическому составу слово привело къ различнымъ измѣненіямъ ихъ въ индивидуальномъ произношеніи, откуда, напр., въ моравскихъ говорахъ изъ *skovranek получается *škovránek*, *škovránek*, *škovruněk*, *škovránek*, *škrobránek* и др. (Bartoš. II. 492). Тоже мы отмѣтимъ и въ образованіи скорлуца и другихъ сложеніяхъ того же типа. Съ другой стороны нѣкоторыя изъ отклоненій отъ ожидаемыхъ формъ даютъ, какъ мнѣ кажется, ключъ къ разрѣшенію чрезвычайно труднаго вопроса относительно происхожденія приведенныхъ формъ, во второй части которыхъ я вижу основу *rembo-*, *rembo-* и *rebo* **roibo-*. Не останавливаясь на фонетической сторонѣ этихъ соотношеній, рассмотримъ которой въ данномъ случаѣ не нужно ²⁾ (ибо этимологическое тождество частей въ *jastrëb

¹⁾ Весьма много формъ см. у Маевского II. 622.

²⁾ Всѣ извѣстныя мнѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, мало убѣдительны: Зубатый предполагаетъ (Arch. XVI. 409.—410) смѣшеніе основъ *reḃ-* и *reḃ-*, первоначально разнозначущихъ; Персовъ (218—219) строитъ основы *erëbh-*, *örëbh-*, которыя все-таки всего не объясняютъ; Гиртъ (Ablaut 124) какимъ-то чудомъ сводитъ ихъ къ *erebh* и т. д.

и *jastrąb несомнѣнно), я попробую разрѣшить вопросъ, что находится въ первой части этихъ сложений? Откуда соотвѣтствіе ja-, je-, o- (орябина, jarzębina, jerebika), и нѣтъ-ли въ славянскихъ языкахъ аналогичнаго явленія? Точно соотвѣтствуетъ этому слѣд. соотношение: серб. jasika, слов. jesika и jasika, мрус. осива (Šulek. 125) — populus tremula (осина); въ виду того, что слов. je- тамъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ ja- въ началѣ однозвучныхъ словъ, происходитъ изъ этого послѣдняго (jasa- и jesa прогалина въ лѣсу, jásen- jésen ясень, janka- jenka die Jacke, шваб. janke и др.), то я думаю, мы имѣемъ право говорить здѣсь только о соотвѣтствіи ja-: o-. Слова осива, осина происходятъ отъ слав. оса (Вилен. словарь Пол. яз. I. 925, ср. Majewski II. 623), которое сохранилось какъ въ польскихъ говорахъ, такъ и въ кашуб. woska (осина Ramult. 229), луж. wosa (Pfuhl. 847). Отсюда, отъ основы oso—образовано названіе другого дерева изъ рода Populus, рус. осокорь, пол. osokor, мрус. осокóр, рядомъ съ которымъ пол. Jasiokor, мрус. ясовір, брус. ясоворъ (Носовичъ. 727)¹). Такимъ образомъ, здѣсь тоже отношеніе начала слова (jasos-), что и въ словѣ осина-ясина. Если мы обратимся къ польскому словарю, то увидимъ здѣсь въ ст.-пол. юридическихъ памятникахъ формы jassothr и Jazogow (приобычныхъ Jezioго, Jezierski²), которыя Ганушь считаетъ явленіями спорадическаго произношенія этихъ словъ въ краковской землѣ; онъ признаетъ вѣроятнымъ, что онѣ возникли подъ вліяніемъ какихъ-нибудь народноэтимологическихъ соображеній. Карловичъ (Slow. Gwar II 256) приводитъ изъ кашубскаго языка jasoter или jesoter (по Гильфердингу);

¹) Замѣчательно, что Миклошичъ, приводя изъ словаря Косовича данное слово, повторяетъ и его толкованіе (j a s o k o r, erklärt durch j a s n u j k o g o j u), не давая при своемъ эпическомъ спокойствіи никакого ключа къ разумѣнію, какъ онъ смотритъ на это народноэтимологическое объясненіе.

²) H a n u s z. Sprawozd. Kom. Język. IV. 164—165.

вслѣдъ за тѣмъ же авторомъ приводить слова *jasoter*, *jesoter* и *Al. Berka* въ своемъ „*Słownik kaszubski porównawczy*“ (*Pr. Fil.* III. 393), но Рамултъ знаетъ только одно *jesoter*, *jesotrowy*, а Надморскій (*Rybu... w Prusach wschod. i zachod.* 1882 цитир. *Majewski* II. 11). *Jasioter*. Мѣстное имя *Jazogow* въ ст.-пол. памятникахъ стоитъ, насколько мнѣ извѣстно, совершенно одиноко, что однако не ослабляетъ его значенія. *Słown. Geograf.* приводитъ (III 540) *Jazorse*, *Jazork*, *Jazogy* изъ Лужиць. Далѣе, въ польскихъ говорахъ мы находимъ: *jaden* (кашуб. при *jeden*, у Рамулта нѣтъ), *jadlina* (куявское, при *jedlina*), *ja-skoła* (при *oskoła*, сокъ изъ деревьевъ *о-скол-а?), *wja-sionki* (= *jesienia*, осенью), съ другой стороны *jesion* (при *ясень*, *jasień*), *jerzenie* (ярко горящія угли, при *ja-gy*), *jerzmo*, *irzmo* при *jarzmo*, ярмо). Въ словѣ *jażyna* = *jeżyna* = *ożyna* (черная малина, ежевика) видимъ то же соотвѣтствіе, что въ осика-ясика-јесика. Въ малорусскомъ языкѣ находимъ *јесетр* (при *осѣтр*), *яль* (при *іль*), *яз* (рыболовный снарядъ, при *їз*), *ежевѣка*, *ежѣна* при *ожѣна*. Въ связи съ послѣднимъ названіемъ стоитъ бѣлорус. *вѣжикъ* (изъ *ожикъ*, какъ *воблогъ*, *воблаки* и др.) при *ѣжикъ*. Въ серб. языкѣ, гдѣ *jèsetra*, *jèzega*, *jè-sêp*, слово *ясень*, какъ и *jaгèbica*, можетъ имѣть въ говорахъ другое начало: *jèsêp*, *jeгèbica*; при *јѣж* (ежъ) ягода носить названіе *оженка* (*Šulek.* 274). Въ словинскомъ, болгарскомъ и лужицкихъ языкахъ чередованія основъ *ож-*: *ож-* мы не находимъ, равно какъ начало слова *је-* не переходитъ здѣсь въ *ја*: наоборотъ, въ словинскомъ, какъ уже было сказано, *ја-* переходитъ въ *је-*, откуда *јésen* (ясень), *jeгèbina* (ягоды рябины; мясо тетерки). Хорватскія *jaгèbica*, *jèsêp* едва-ли также не словинизмы пограничныхъ говоровъ. Сопоставляя указанный матеріалъ, получаемъ слѣдующія соотношенія:

Группа А. (чередованіе *ја-*: *о-*) *ја s-i k-a, латыш. *арса*, прасл. **о(n)са*.

*jасо-когь: *оѡо-когь, слав. осо-корь, ср. ниже оскоруша.

*jасkola: *осkola, ср. пол. skała (трещина), рус. осколокъ. Аналогія къ яс-: ос-?

*jагemb-: *огemb-?

Группа В. (чередованіе је-: ја-: о-) *jesень: *jasень: *osenъ изъ праслав. *osenъ: *esenъ¹⁾.

*jesetrъ: *jasetr: *osetr, ср. лит. ašic-tras²⁾ (у Ширвида), прасл. *osetr: *esetrъ.

*ježъ: (*jažina): *ožъ; ср. лит. ežys: ažys (Межинисъ. 24) прасл. *ožъ. *ežъ.

*jezero: *jazero: *ozero, ср. лит. ežeras: ažeras, праслав. *ozero: *ezero.

Съ этимъ ср. *elъcha: *olъcha, *единъ: *одинъ, *elnъ: *olnъ; съ другой стороны только *e* въ пол. je-siora *esera (ość, kość rybja)=лит. ešer ūs (Куршатъ, Ширвидъ), ašer ūs (Juškev. Литов. пѣсни № 1237, 12, также Межинисъ 13); латыш. asers и asars (окунь).

Во второй группѣ расположены слова, послужившія предметомъ для многочисленныхъ изслѣдованій (Шахматова, Брандта, Ляпунова, Соболевскаго Вовдрака и др.) и представляющія загадочное чередованіе въ началѣ слова. Единственно возможнымъ разрѣшеніемъ этого сложнаго вопроса мнѣ представляется предположеніе, что уже на почвѣ литвославянскаго языка начальное *e* произносилось иногда такъ открыто, что изъ него раз-

¹⁾ Прус. assanis, вѣроятно, восходитъ къ *esenъ. Ср. Bernker. 250. Этимологія гот. asans неясна: Grienberger (Sitzungsber. Вѣн. Акад. т. 142. VIII. 30) сопоставляетъ это слово съ лат. ago (сохнуть) отъ корня ag; Фейстъ (Et. Wört 10) и Kluge 92 возводятъ къ герм. корню ag (обрабатывать поле), откуда др.-в.-нѣм. agan (жатва), др.-сѣв. onn *aznu (работа, страда).

²⁾ Ст.-прус. esketres (осетръ) изъ *osetres? Лит. erškė-tras могло произойти изъ ešėtras подъ влияніемъ народнаго приспособленія этого слова къ erškėtis (die Dornpflanze).

вилось *я*. Совершенно тоже самое произошло и въ литовско-латышскомъ праязыгѣ, вслѣдствіе чего, напр., индоевроп. корень *e l n*¹⁾ перешель уже на почвѣ славяно-литовской въ *a l n*, откуда рядомъ лит. *elnis* и латыш. *alnis*, слав. *ялень* и *ланы*; по той же причинѣ слав. *ельха: *ольха соотвѣтствуетъ лит. *alksnis*: латыш. *elksnis* (или *alksnis*), ср. латыш. *elks*: лит. *alkas* (идоль), латыш. *elkonis*: лит. *alkunė* (локоть), въ слав. только *olk-ūtis, латыш. *elpēt* (дышать): лит. *alpti* (падать въ обморокъ); латыш. *ezars* (L. 3365), *ezaritis* (L. 3666) и *ezerā* (L. 2454, 2513, 2707 и др.) или *vēders* и *vēdars* (L. 2911) и т. д., лит. *aš(я)* латыш. *es*; лит. *ašvā*, лат. *equa*; лит. *vasara* (весна), *vakaras* (вечеръ) *vardas* (*verbum* *verdho-) и т. п. Чередование *e: a* въ началѣ слова было настолькоъ обычно, что по аналогіи формъ *ežeras*: *ažagas* и др. развилось начальное *e* и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему не было мѣсто: такъ, кс. Марциньскій приводитъ *ekmuā* (камень), вм. *akmū*²⁾.

Что касается новославянскихъ формъ въ родѣ *ясетръ*, то я вижу въ нихъ продолженіе того же процесса, который привелъ къ развитію *e l n*:- *a l n*-. Какъ въ лит. открытое *e* переходитъ въ *ia* и *a* или какъ въ прус. *e* весьма часто переходило въ *a* и въ началѣ, и въ серединѣ слова³⁾, такъ и въ слав. языкахъ *ясетръ* перешло въ *ясетръ* и т. п. Когда же процессъ этотъ сдѣлался въ говорахъ весьмаъ обычнымъ, наступило смѣшеніе *je-* и *ja-* въ

¹⁾ Греч. ἑλλός, ἑλαφος (*elnhos), кимвр. *elain* (*cerva*), др.-пр. *elit* (*серна*), др.-инд. *enas* (*черная антилопа*), арм. *eln* (*ланы*). См. Н. Hübschmann. Armenische Grammatik. 1897. I. 442. С. Uhlenbeck. Et. Wört. d. altind. Sprache. 1898. 35. О. Schrader. Reallexicon. 372 и др.

²⁾ Вообще въ его грамматикѣ мы находимъ только формы съ *e*: 20. *ekmuā*. 26 *elksnis*. 29 *eszis*. 30. *eldže*. 32. *eszmenis* (Ср. у Межиниса *ašmenio's*—лезвее). 35 *ežers* и т. д.

³⁾ Verneker. 250 *ladis* (*ледь*): *lēdas*, *same* (*земля*): *žemē* (*жмудское žiamē*) и др.

началъ словъ, и рядомъ съ *jasioter* могло появиться *jad en*.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что отсутствіе польскаго *je rzębina* при *orzębina* переносить это слово въ другую группу, чѣмъ пол. *jesiotr*: *jasiotr*, которому не соотвѣтствуетъ въ этомъ языкѣ *osiotr*. Всѣ три слова, гдѣ пол. *ja-* соотвѣтствуетъ *o-* начинаются съ **os-* (пол. *osokor*: *jasokor*, пол. *osika*: серб. *jasika*, пол. *oskoła*: *jaskoła*), и два изъ нихъ имѣютъ несомнѣнную связь съ названіемъ дерева осины и основой *oso-*, а третье могло быть аналогичнымъ этимъ двумъ образованіемъ. Отсюда возникаетъ нѣкоторая увѣренность, что и въ словѣ *ja rzębina*: *orzębina* кроется та же основа, и эта увѣренность поддѣрживается тѣмъ обстоятельствомъ, что другое названіе рябины заключаетъ въ себѣ ту же основу. Это слово *oskoruша*, которое представляетъ сложеніе безъ соединительнаго гласнаго, въ родѣ прус. *abskande* (ольха)¹⁾. Причиной, по которой именно въ корнѣ слова осина развила параллельная форма *jas-*, было, вѣроятно, смѣшеніе съ названіемъ дерева ясень или прилаг. ясный (ср. мрус. *ясень*- полярная звѣзда), отчего *ясокорь* приобрѣло значеніе *ясный корю*, *ясиа* дерева въ родѣ *ясени* и т. п. Такимъ образомъ, разсматриваемыя загадочныя формы я не могу объяснить иначе, какъ предположеніемъ, что въ первой части ихъ лежитъ основа безъ гласнаго исхода *jas: os-*, откуда **jas+rembina*, **os+rembina*, а съ переходомъ *s* въ *sh* и выпаденіемъ послѣдняго передъ *r*: *jareshbina* и *orembina*. Развитие *sh* изъ *s* должно было совершиться раньше, чѣмъ конечное *s* тѣсно соединилось съ начальнымъ *t*: иначе мы ожидали бы *str*, какъ въ

---

¹⁾ Формы этого слова см. Šulek Rad. 39 томъ. стр. 13. Съ словацк. *oskoruch* изъ *os-koruch- ср. пол. діалект. *skagucha* (*kora zdarta z drzewa Matyas. Spraw. Kom. Jęz. IV. 329*); о чередованіи основъ **skor-*, **skor-* см. ниже.

*j a s t r o m b-ъ, въ первой части котораго, вѣроятно, можно видѣть вмѣстѣ съ г. Ягичемъ (Arch. XX. 353) и Meillet (Mém. de la Soc. de Linguist. XI. 185—186) корень *o ê (греч. ὄχυς быстрый) но не основу ô ê го-, развитую суффиксомъ, какъ предполагаетъ г. Мелье. Возможно, что въ различной исторіи этихъ сложений сказывается двоякое происхождение s: какъ извѣстно s изъ ê въ x не переходило, тогда какъ s изъ индоевр. s (я сень- лит. ū s i s) этому переходу подлежало. Возможно, что въ морав. j a h ĩ a b i n a сохранилось с h изъ s.

Что касается ѳрабъ и ѳрабъ, то здѣсь нужно исходить изъ формъ *ě- gem b- и *ēgem b-, но представляетъ-ли ē (ё) первую часть сложения, или же это составной элементъ слова, это въ настоящее время еще нельзя, кажется, рѣшить. Нореенъ (89) создаетъ корень egebh : erbh : rebh и слав. ѳрабъ возводитъ къ *ēge-m-bh-. Въ дѣйствительности, мы видимъ слѣд. формы ворня: *rāb, откуда прус. гоaban (gestreift), др.-инд. lābas (eine art wachtel, perdix chinensis, unerklärt. Uhlenbeck. 258); *rēb: др.-в.-нѣм. rebahuoп (Rebhuhn. Noreen. 89); *raib—лит. raibas(пестрый); *remb-: рус. рябѣкъ, рябъ; *erb-: др.-исл. iaгре (Naselhuhn), англ.-сакс. eorр(бурый), др.-сл. iaгрр(бурый); eirb—латыш. ěrbe (L. 2573. 1) и отсюда irbe (куропатка, рябчикъ); rub-: латыш. rubenis (тетеревъ. L. 3816. 3824), jērub-: лит. jėrubē(рябчикъ). Установить какія-нибудь соотвѣтствія между этими формами корня въ настоящее время представляется невозможнымъ ¹⁾.

3. Ясколка, соволю. Въ 1885 году въ статьѣ о слож-

¹⁾ Н. Osthoff. Etymologische Parerga. Leipzig. 1901, стр. 78—80 присоединяетъ къ этому лат. rōbus (dunkelfarbig) = инд.-евр. rōbhos и соединяетъ съ этимъ, какъ и Noreen и Per Persson, гр. ὀρφύς (темный) изъ *o r b h-и о-. Корень ēgēbh-, ôgōbh- однако не объясняетъ, по моему мнѣнію, всѣхъ приведенныхъ формъ; нельзя со звукомъ bh въ корнѣ примирить и др.-инд. lābas, которое по значенію ближе къ др.-в.-нѣм. rēba-huoп, чѣмъ лат. rōbus и др.

ныхъ названіяхъ птицъ ¹⁾ Л. Малиновскій отмѣтилъ тотъ фактъ, что въ первой части сложений: *ira bь*, *jastrzabь*, *jas k o-
ła*, *sokoł* находятся слоги: 1) *ja*, 2) *jast*, 3) *so* (что и въ *sowa*, *soja*), а во второй: 1) *гѣбь-*, 2) *коѣть*, *коѣта*, при чемъ отъ этимологическаго толкованія этихъ частей онъ отказывался. Какъ я старался показать, первый изъ установленныхъ Малиновскимъ слоговъ: *ja* долженъ отпасть изъ этой группы; что касается *jast*, которое этотъ ученый видитъ и въ пол. *jastk oła* (*ja sk oła* ему представляется новообразованіемъ), то я полагаю, что въ указанномъ польскомъ словѣ *t* присоединилось къ *jas-* по аналогіи слова *jastrzabь*, гдѣ оно было вполне уместно. Во всякомъ случаѣ, хронологически формы *ja sk oła* и *ja stk oła* появляются одновременно, т. е. въ 14—15 в., такъ что процессъ аналогичнаго образованія совершился до начала польской письменности, и мнѣніе Малиновскаго, что *jast-* непременно должно было предшествовать *jas-*, не обосновано ²⁾ и противорѣчить особенностямъ славянскихъ языковъ. Я думаю, что правильнѣе исходить изъ *яс-вол-а*, которое разлагается на *яс* и *вола* (= гр. *χολοίβς*, прус. *kol-* въ *kolwarnis* и др. см. выше стр. 145—146).

Въ первой части сложения можетъ лежать то же *jas *ōk̄*, что и въ *ястребь*. Возможно также, что *ласточка*, о которой русская загадка говоритъ: „сверху синенько су-конце, съ исподу бѣло полотенце“, получила свое названіе отъ сложения прилаг. *ясы (ср. рус. *яска*, *ясочка* звѣзда Даль IV. 702; словацк. *jas* блескъ Loos 165) съ сущ. *кола*. Во всякомъ случаѣ, передъ нами сложное слово безъ соединительнаго гласнаго.

¹⁾ Niektóre złożone nazwy ptaków w językach słowiańskich. Prace Fil. I. 193—194.

²⁾ Z grupy *st k-* *t* później zniknęło w formie *ja sk ó ł k a*. 194. Если бы это, дѣйствительно, было такъ, то *t* изъ указанной группы должно было выпасть уже въ праславянскую эпоху, которая не терпѣла нагроможденія согласныхъ. Въ географическихъ названіяхъ *I a-
sk ó ł k a*, *I a sk u ł a*, *I a sk o ł ó w o*. Słown. Geogr. III. 486—487.

Въ словѣ соколъ тоже должны быть двѣ части, изъ которыхъ послѣдняя послѣ вышеприведенныхъ сопоставленій ясна. Что касается первой, то я вижу въ ней глагольную основу sok-, въ подтвержденіе чего сошлюсь на два факта: 1) пол. *śrzędział* (Rostafiński 517)—*acanthospermum* восходитъ къ **serg-dělъ*¹⁾ въ значеніи: храни-дѣль, границу; 2) старая глагольная основа удѣляла въ названіи птицы *Cinnyris*: пол. *ssiekwiat* (Majewski. I. 410) отъ *сѣ-ти (лит. *sėti*), слав. сѣяти. Такимъ образомъ, *sokol* я разлагаю на *sok-kol, гдѣ первое *k* выпало въ сложеніи, какъ въ *śrzędział*, а основа sok-, сохранившаяся въ лит.-латыш *sėk-ti* (гнать, преслѣдовать), въ слав. разрослась въ сочи-ти(преслѣдовать), какъ сѣяти: *сѣти(*sėti*); отъ основы *sek-* чередованіемъ возникло имя существ. сокъ (*accusator*). Такимъ образомъ, соколъ значило первоначально то же, что современ. рус. сорокопудъ (преслѣдователь галокъ, сорокъ), ст.-чеш. *strakorud* (*picus*. Menčík. 11). Подобнымъ образомъ объясняется лат. *accipiter* изъ *acipiter (*akogot. *ahaks*—голубь и *petere*—гнаться) и др.-в.-нѣм. *habuh* **karogh*o- (первая часть *kar*o- въ значеніи перепелки, куропатки или курицы н.-перс. *kebk* куропатка, др.-инд. *karotás* голубь, *karīñjala*s—рябчикъ, белуж. *karīñja*г куропатка и др.)²⁾. Ср. рус. курохватъ, куроцанъ ястребъ-вурятникъ (Даль. II. 228). Слово др.-инд. *śakupa*(птица), съ которымъ сопоставляютъ соколъ, связывается съ опредѣленными видами птицъ: гр. *κόκυος* (лебедь), арм. *sa g*(гусь). См. Osthoff. Et. Parerga. 246—247.

4. Лоскутъ, лохмотья. Ст.-рус. лоскутъ (земли 14—15 в. Срезневскій. II. 47), н.-рус. лóскутъ (отрывокъ, отрѣзокъ ткани; лоскутъ земли, клокъ, влинь,

1) Ср. Majewski I. 410 *srzeżoga* (*uredo*), которое едва-ли не дѣлится на *srze-* и *żoga* (по-сербски *uredo*—*ožig* или *ralež*. Šulek. 274—275) и не восходитъ къ *serg-žega.

2) *Schrader*. Reallexicon. 212. *Uhlenbeck*. 42—43. *Horn*. 187. *Geiger*. 28.

полоса, участоѣъ. Даль II. 272); рус. лахóнъ (лоскутъ. тамб. Даль II. 244), лохóнье (вѣд. лахмотье, ветошь, пелени), лохоу́хій, лохмоу́хій, лоховѣ́сь (пск. ротозѣй, ровиня, вислоухій), лóхмы (влочя, лоскутъя, лохмотья), лохмотье, лохматы́й и др. (Даль II. 274); бѣлорус. лóхмоть (лоскутъ; гнилье), лохмóнйна (ветоша) и др. (Носовичъ 272); мрус. лох (*Elaeagnus hortensis*), лохíна (ягода пьяница), лохмáтний (лохматый), лохмáте (лахмотье), лах (платье въ лохмотьяхъ), лáхи (лохмотья), лáховий (порванный, грязный), лахмáн (лахмотья), лахолáта (трапье) и др. (Желеховскій. I. 398 и 414); пол. łach или łachtaп (лоскутъ, лохмотья), łachyta (= łach) и др. (Słownik jęz. pol. II. 785), кашуб. łacha (лоскутъ, Ramult 86); чеш. lach, lachtaп (id.). Въ южно-славянскихъ языкахъ этого слова нѣтъ (ср. Будиловичъ. II. 76. Miklosich. Et. Wört. 159 и 172), тогда какъ въ западныхъ отсутствуетъ другая часть слова лоскутъ — скутъ, которое мы находимъ въ црк.-слав. скуотъ (Miklosich. Lex. 852); обл. в.-рус. ску́ты (онучи), скутня и скутнѣ́ъ (комъветоши, для затычки трубъ) (Даль IV. 219); серб. skūt (край, пола или нижняя половина одежды. Iv. Broz. II. 419), болг. скутъ (пола), скúта (фартукъ. Дювернуа 2677). Обратимся къ анализу этихъ формъ. Слово лоскутъ встрѣчается только въ русскомъ языкѣ. Матценауэръ. (Listy fil. IX. 216—217) производилъ его отъ швед. lask (lacinia), но отдѣльное употребленіе словъ лохъ и скутъ (оба въ значеніи тряпки) заставляетъ думать, что лоскутъ результатъ сложенія *lосh + skutъ. Вторую часть слова нельзя отдѣлять отъ синонимическаго гот. skauts (вѣм. Schoss. Kluge. 336), которое происходитъ изъ *skaudaz, такъ что слав. слово является заимствованіемъ, на что указываетъ и ограниченность его распространенія. Заимствованіемъ представляется и рус.-пол.-чеш. *lосh-ъ¹⁾ или

¹⁾ Этимологія Матценауэра (Listy fil. IX. 186): дат. lase, las

*l a s h-ъ, источникомъ котораго служило др.-в.-нѣм. *l a h a n*, ср.-в.-нѣм. *l a s h e n* (кусокъ матеріи, верхняя одежда *palium*, *raunus*, совр. нѣм. *L a s k e n* изъ нидерланд. *Grimm. Deutsches Wörterb. VI. 1877*, стр. 80). Въ сложныхъ словахъ это слово принимало видъ *L a s h*— (*Lexeg. 139*), откуда объясняется *L a s h t a n*, легшее въ основаніи формы *ла х м а н ъ*, получившей значеніе *тряпья* изъ значенія *отрепаннаго человека*¹⁾. Русскія (в.-рус. и бѣлорус.) слова имѣють форму *ло х*-, мрус.-пол.-чеш. *ł o s h*- (только польск.) и *ł a s h*- (обычно); не указываетъ-ли это на разное время заимствованія или на то, что *ло х ъ* форма оригинальная, а *ла х*- заимствованіе? Но откуда тогда бѣлорус. *ло х м о н и к а*. Какъ бы то ни было, въ ту пору, когда въ русск. языкѣ утвердились оба заимствованные слова, еще было возможно ихъ сложеніе безъ соединительнаго гласнаго: *л о с к у т ь* (отрѣзокъ матеріи, потомъ отрѣзокъ вообще, земли), синонимично мрус. *ла х о л а т к а* (ср. Желеховскій. I. 398 *л а т к а* *Flickchen*, *Fleckchen*, *Lappen*). Рус. *ло х м о т ь е* или приспособленіе слова *ло х м ы* (откуда *ло х м а т ы й*) къ глаголу *м о т а т ь* или то же сложеніе *ло х м о т ь е*; послѣдняя часть этого сложенія встрѣчается самостоятельно: *м о т ь я* (орл. *силы́*, *волосы́я* петли на бичевѣ для ловли птиц. *Даль. II. 358*), и потому я высказался бы за то, что *ло х м о т ь е* такое же сложеніе, какъ и *л о с ь ѹ т ь*, т. е. соединеніе основы безъ гласнаго исхода.

5. *Человѣкъ*. *Скорлупа*. О словѣ *человѣкъ* писалось уже много разъ, такъ какъ въ немъ издавна чувствовали какое-то сложное образованіе, непонятное въ обѣихъ своихъ частяхъ. Первую часть сопоставляли съ др.-инд. *к u l a* (племя), со слав. *челядь* (*Соболевскій. Фонетива. 99*), съ германской группой словъ, означающихъ *му жа*, *ге-*

(*lacinia*), возможна само по себѣ, но не объясняетъ слав. формъ: *к о с м ы*, но *ло х м ы*. Почему?

¹⁾ Ср. обратно: пол. *I bandzies brać takiego ł o s h a? Nie tłumaczę się przed takimi ł a s h t a n i .*

роя¹⁾ и т. п.; во второй видѣли или вѣкъ (сила, ср. увѣчнѣй), или вѣвъ (= лит. vaikas, паренъ, сынъ)²⁾. Не вполне ясно и отношеніе славянскихъ словъ съ этимъ значеніемъ, хотя, повидимому, проф. Брандтъ правъ, сводя рус. челоувѣкъ, пол. człowiek, чеш. člověk и др. къ праслав. формѣ *kilovĕkъ, такъ какъ это предположеніе не противорѣчитъ существующимъ западно-славянскимъ формамъ, а полаб. slava k, которое, по мнѣнію Фортунатова, Торбьернсона³⁾ и Шахматова⁴⁾, должно восходить къ selvĕkъ, соотвѣтствуетъ полаб. vask, vanku ů, val со старымъ o (Брандтъ. 308). Рядомъ съ *kilovĕkъ, которое, по моему мнѣнію, совершенно невозможно сопоставлять съ гр. πάλλαξ (наложница) (см. Шахматовъ loc. cit. 322. Prellwitz. 237) уже потому, что π развивается изъ инд.-евр. k̄ц (Brugmann. Grundriss I². 312. π̄αμ: др.-инд. svātgrás), а не изъ qц, такъ что греч. πάλλαξ, не соотвѣтствующее славянскому слову и по значенію, должно было бы по звукамъ соотвѣтствовать *сволвѣкъ, *селвѣкъ, а не *человѣкъ,—рядомъ съ *kilovĕkъ стоитъ уже въ праслав. эпоху *kilvĕkъ, засвидѣтельствованное прежде всего старымъ латышскимъ заимствованіемъ silvĕks.

Въ послѣднее время не разъ дѣлались попытки признать приведенное латышское слово не заимствованіемъ, а ориги-

¹⁾ Brugmann. Indog. Forsch. XII. 26, прим. 2. чъловѣкъ = Menschenkind, *чъло- въ др.-сакс. helith, др.-нѣм. helid, англ.-сакс. hæle (Mann, Jungermann, Kämpfer, Held). Какъ можетъ объясняться ѣ въ чъло- изъ *kĕlo-, Бругманнъ не говоритъ, а это самое существенное въ данномъ случаѣ.

²⁾ Литературу вопроса см. у проф. Брандта въ Юбилейномъ Сборникѣ въ честь В. Ф. Миллера. Москва. 1900, стр. 307—309.

³⁾ Какимъ образомъ и почему изъ *selvĕkъ развилось, по Торбьернсону, *človĕkъ, для меня совсѣмъ не ясно. См. Torbjörnsson. Die gemeinlavische Liquidametathese. Upsala. 1901 и очень вѣскія возраженія Вондрака въ Archiv für Slav. Phil. XXV. 182—211.

⁴⁾ Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. наукъ. VII. 1902 (2. 322—325).

нальнымъ наслѣдіемъ пралитовскаго періода. Такъ, г. Брандтъ выражается объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „мнѣ думается, что мы вправѣ строить славяно-литовское *kilvoikos* (или *-ēk-*), утратившее у латышей, по балтійскому обычаю, *o(a)* въ спайкѣ сложенія, или можетъ быть *kilvoikos*, вновь приобрѣтшее у славянъ обычный „соединительный гласный“ (loc. cit. 307). И такъ, какую же форму предполагаетъ проф. Брандтъ: если *kilvoikos*, то ее можно объяснить, какъ сложеніе (въ этомъ смыслѣ потомъ словенъ рѣшить вопросъ и г. Брандтъ), но тогда латыш. *silveks* никакъ не связать со слав. *kilvoikos иначе, какъ допущеніемъ заимствованія изъ формы *kilvēks; если же исходитъ изъ формы *kilvēks, то отъ ея этимологическаго толкованія (въ духѣ самого проф. Брандта) придется отказаться. Весьма рѣшительно высказывается противъ заимствованія латышскаго слова г. Эндзелинъ¹⁾, съ мнѣніемъ котораго я однако никакъ не могу согласиться. „Брюкнеръ несправедливо считаетъ заимствованіемъ“, говоритъ онъ: „лат. *silvēks* — человекъ; встрѣчается еще діалектическая форма съ *k* (*kilvēkelis*), и поэтому заимствование должно было произойти еще въ то время, когда славянское мягкое *k* еще не превратилось въ *č*, а говоритъ безъ надобности о заимствованіи въ столь древнее время, — это дѣло фантазіи, не науки“. Но, во-первыхъ, заимствованія изъ русскаго языка въ латышскомъ, дѣйствительно, имѣютъ очень древній характеръ (такъ, ъ передается въ нихъ черезъ *i*: *timnice*, *bičkavs*, *zizlis* *жъзль изъ цокающаго²⁾ говора, какъ и *silveks*, *tuce*: ту-ча, *vūicītēs*—учиться, *koza*: кожа, *pazis*: ножъ и др.); во-вторыхъ, совершенно одиноко стоящее діалектическое *kil-*

¹⁾ „Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ“. Живая Старина. 1899, стр. 301.

²⁾ Ср. *I. Mikkola*. *Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen*. 1894. I. 30. Вообще, славянское вліяніе на латышскій языкъ хронологически относится приблизительно къ тому же времени, что и вліяніе на финскій языкъ.

vēkelis(человѣчишко) можетъ не стоять въ непосредственной этимологической связи со словомъ silveks, а быть контаминаціей этого слова съ какимъ-нибудь другимъ (напр., kīlvīs—цѣтушій зубъ).—Навонецъ, фактъ остается фактомъ, т. е. въ данномъ случаѣ слав. *kīlvĕkъ, подтверждаемое и иными способами, точно передается лат. silvĕks¹⁾, которое само по себѣ въ латышскомъ языкѣ стоитъ совершенно одиноко и не имѣетъ этимологіи.

По мнѣнію акад. Шахматова, изъ общеслав. čelvĕkъ съ краткимъ *l* (что, въ сущности, совпадаетъ съ обычной передачей *чълвѣкъ, откуда рус. *человѣкъ) возникла форма „едва-ли не обще-великорусская“ челѣкъ; болгар. челякъ, чилѣкъ и др. онъ также считаетъ прямымъ отраженіемъ праслав. *челвѣкъ. Иначе, говоря, Шахматовъ предполагаетъ, что праслав. *челвѣкъ съ *l* и *ъ* долгими развилось въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи сокращенія *l* и сокращенія *ъ*. Изъ *челвѣкъ то получила форма *челѣкъ вслѣдствіе ассимиляціи *e* предшествующему *l* (рус. болг.), то форма *чловѣкъ; рус. чловѣкъ и малор. чоловікъ восходятъ къ формѣ съ долгимъ *l* и краткимъ *ъ*: *челвѣкъ. Мнѣ не совсѣмъ ясно, почему рус. языкъ, превратившій путемъ ассимиляціи *čelvĕkъ съ краткимъ *l* въ *čelĕkъ, оставилъ *v* въ словѣ, которое должно было чувствоваться, разумѣется, этимологически тождественнымъ слову *čelvĕkъ съ долгимъ *l*. Поэтому, вмѣсто того, чтобы исходить изъ столь сложныхъ гипотезъ (1. čelvĕkъ и čelĕkъ; 2. čelvĕkъ съ краткимъ *l* и čelvĕkъ съ долгимъ *l*), я предпочитаю опираться на факты, имѣющіе аналогію въ литовскомъ языкѣ, гдѣ два типа сложений уживаются рядомъ. Подобно тому, какъ рядомъ съ aukšakasis употребляется aukškasis и т. д., и въ праславянскомъ языкѣ рядомъ съ *kĕlvĕkъ могло (хотя бы диалектически, какъ и въ литов-

¹⁾ Диалектическія формы: Swirdsen zil'wākš, Taunagi zil-wākš, Salisburg zil'wākš, Waldegahlen zilākš и др. См. у *Бенценбергера* Lettische Dialekt-Studien. 1885, стр. 152, прим. 3.

своѣмъ языкѣ діалектически преобладаютъ опредѣленные типы сложеній) возникнуть *kīlvĕkъ, откуда на рус. и болгар. почвѣ образовалось *челвѣкъ, челѣкъ и др., тогда какъ *къlvĕkъ дало другія славянскія формы.

Значеніе этого сложенія, мнѣ кажется, правильно опредѣлено Брандтомъ (и ранѣе Потемней, который не обосновалъ однако свой взглядъ фонетическими соображеніями), какъ соединеніе прилаг. *kīlo (koīlo—цѣль) съ *voīko-s(сила), такъ что слово челвѣкъ значило бы „имѣющій цѣлую силу, полносильный, т. е. взрослый, мужъ“. Я предпочиталъ бы видѣть во второй части сложенія *voīko-s (лит. vaikas) въ значеніи „молодецъ, парень“, такъ что *челвѣкъ имѣло бы значеніе: „настоящаго молодца, вполне зрѣлаго челвѣка“. Это значеніе прекрасно подтверждается діалект. польскимъ *chogowiek* (*człowiek słabowity, schogowany. Karłowicz. I. 199. Лось. 119*). Впрочемъ, для насъ важна не столько этимологія этого слова, сколько типъ сложенія, лежащій въ его основаніи, и если даже согласиться съ Острофомъ¹⁾, что *цьlvĕkъ значило „*der eine lange lebensdauer habende*“ (какъ др.-инд. *śiga-jīva-ka* отъ *śiga* долгій и корня *jī*—жить), то все-же мы будемъ имѣть для праславянскаго двоякій типъ сложенія: *цьlvĕkъ и *цьlvĕkъ. Дѣло въ томъ, что и при этой этимологіи латышское слово приходится признавать заимствованіемъ изъ слав., потому что вѣкъ нельзя отдѣлять отъ той же основы въ значеніи силы: лит. *vĕkà*, *weikus* или *weikingus* (проворный, дѣятельный) въ Вольфенбюттельской постиллѣ 1573 г. (*Mitteilungen der Lit. liter. Gesellschaft. 26. 164*), далѣе *vīkrūs* (быстрый, проворный), латыш. *weikls*(сильный), др.-сѣв. *veig*(сила, крѣпость), а латыш. *ē* можетъ соответствовать не въ заимствованныхъ словахъ ѣ лишь тогда, когда это послѣднее изъ *ē*, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ.

1) *Morphologische Untersuchungen. IV (1881). 152.*

Обратимся къ слову скорлуна. Славянскія формы отражаютъ двѣ праформы общеславянскаго языка: *skorlupa, откуда ц.-сл. скралуна, чеш. skraloup, рус. скоролупка и сложение съ основой на гласный *skogolupa, откуда въ эпоху, когда процессъ престановки гласнаго за плавный уже завершился, развилось *skorlupa, уцѣлѣвшее во многихъ славянскихъ языкахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнувшееся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ тому же процессу развитію *g* изъ *og*, какое испытали и исконныя сочетанія этихъ звуковъ. Какъ показываютъ чавав. Gologrka (женщина изъ мѣстности Gologorica. Nemanić II. 59), frmentún (zea mais *frumentum. Nemanić I. 67), hrbutina (herba quaedam. Nem. II. 59), trzják (agnus sero natus. *тризь. Nem. I. 47), трѣза (Вукъ². 751. tâgresa у Appendini 149. 163) и др., различныя сочетанія *r* съ гласными склонны развиваться въ направленіи *g*: это наблюдается какъ въ сербскомъ, такъ и въ словинскомъ языкѣ (въ послѣднемъ, напр., trentinka—Terpentinbaum, grzica hölzerne klammer рядомъ съ grizica и др.). Такимъ образомъ, въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ изъ *skorlupa могло развиваться skrlup, которое мы видимъ въ слов. skrlup, слов. skrupina, а въ польск., подобно targ, margnać, появилось слово skarlupa¹). Иначе говоря, какъ рядомъ съ *čьlověkъ существовала на праславянской почвѣ форма *čьlvěкъ, такъ и рядомъ съ *skogolupa существовало *skorlupa. Разрѣшая вопросъ объ отношеніи славянскихъ формъ съ перестановкой (рус. скоролупа и др.) къ формамъ безъ перестановки инымъ способомъ, чѣмъ я, т. е. возводя первыя къ skorlupa, а вторыя къ skorlupa²), — акад. Шахматовъ все-таки исхо-

¹) Перечисленіе формъ у Шахматова (loc. cit. 324.) и у Миклошича (Et. Wört. 302).

²) Однако чешс. skraloup какъ будто указываетъ на долготу *u* и въ skorlupa. Другіе примѣры акад. Шахматова можно, кажется, объяснить также безъ предположенія двухъ формъ, съ *p* дол-

дѣть изъ формъ сложенія безъ соединительнаго гласнаго, которыя онъ стало-быть предполагаетъ для праслав. языка. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Миклошичъ, предполагающій основную форму *skorlupa, рядомъ съ которой онъ ставитъ церк.-слав. скралушта изъ *skor-lušta, распадающееся на скор- и луска (словин. lusk-a-squama); ср. мрус. скаралуца и шкаралуца (Werchratskij. Arch. XXV. 415). Такимъ образомъ, для праславянской эпохи не-

гимъ и краткимъ: такъ, перм. борноволѣкъ (Дополненіе 1858 г., стр. 11) при обще-рус. бороноволѣкъ (Даль I. 119: ср. бороновать, бороноплясь), конечно, форма просто съ опущеніемъ *o* въ длинномъ словѣ съ удареніемъ на концѣ, то же надо сказать о словѣ голдоба. Что касается рус. горностаи изъ *горностаи, то здѣсь, кромѣ тѣхъ же причинъ, могъ дѣйствовать и законъ народной этимологіи, приурочившей это непонятное слово къ знакомымъ сочетаніямъ съ горно- въ первой части. Такимъ образомъ слово горностаи получало обликъ чего-то знакомаго, состоя изъ словъ горный и стая. Съ этимъ ср. чеш. діал. chramostejl вм. hranoštaj (Dušek II. 16). Относительно самого слова скорлупа надо имѣть въ виду, что форма *skerjupa (пол. въ Пулавскомъ псалт. szczegzupia, во Флор. skogurina) указываетъ какъ будто не на сложеніе, а на образованіе съ суф. -jup-, какъ словин. gogjur(горькій), брус. малюпятка(немножко). Ср. Miklosich. Gram. II. 213. Возможно, что между словами *skerjup- отъ основы *skogo- и *skorlup- произошла контаминація, въ результатъ которой формы слов. skraljur и т. п., а также болг. черупка или чурупка (скорлупа). Чередованіе основъ *skogo-, *skogo- и *skogo-, на которую указываетъ морав. škága (kožka ze slaniny, škraloup. Bartoš. I. 273), предположить въ данномъ случаѣ возможно. Наконецъ, отмѣчу, что рядомъ съ пол. *skerjupina стоитъ морав. škajupina *skorjupina (Bartoš. I. 273) и skocerina изъ *skocerina съ суфф. -er-, какъ мазена, мрус. галаѣца (Miklosich. ibd.). Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе на областное названіе цвѣтка Primula officinalis — гарлупа (Орл. Даль. I. 354. Авненковъ. № 1103). Если это изъ *горлупа, то въ какомъ отношеніи стоитъ къ слову горло, и какой здѣсь суффиксъ? Ср. растеніе горлянку.

обходимо предположить соединенія основъ безъ гласнаго въ исходѣ въ первой части сложенія.

6. Паздеръ и др. Въ эту группу я хочу соединить нѣсколько словъ, сложеніе которыхъ безъ соединительнаго гласнаго можетъ быть до извѣстной степени установлено, но этимологическое значеніе составныхъ частей не вполне ясно. Такихъ словъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ и говорахъ довольно много, но почва для изслѣдованія ихъ до такой степени неподготовлена, что я ограничусь всего нѣсколькими примѣрами.

Болг. паздѣръ (влокъ льну, конопли Дювернуа 1586; оставжитѣ дървени стрѣкчета, когато се е отдѣлила калчицата съмжалката. Сборн. за нар. ум. VI. 235), рус. паздеръ (сгребаемая по сборѣ конопли осталая посконь или въ Перм. губ. паздерá—верхняя кора липоваго дерева), серб. pazder, чеш. pazdero, пол. paździerz и др. формы, которыя въ большомъ количествѣ приводятся г. Будиловичемъ (II. 39). Имъ же предложено весьма важное для разрѣшенія вопроса о происхожденіи этого слова сравненіе пол. paździerz, pazdzior съ пол. dzior, dzier (grobster Abfall von Flachs und Hanf). Въ первой части сложенія я вижу слово пас-мо (ср. др.-в.-нѣм. fasa Faser, Franse. Miklosich. Et. Wört. 233), такъ что все соединеніе состояло изъ *pas-der-is и могло имѣть значеніе худшаго сорта льна, конопли. Ср. съ этимъ южно-рус. пасленъ, которое передѣлано въ пельсонъ, чеш. pslnku (впрочемъ см. ст.-пол. psinki, чеш. psivino, серб. pasjica и др. Majewski. II. 722. Šulek. 555. Анненковъ. 147). Въ словѣ произошли различныя измѣненія подѣ влияніемъ приуроченія къ основѣ *пъсо-; добратся до первотипа этого слова врядъ-ли когда-либо удастся, но форма пасленъ заслуживаетъ тѣмъ не менѣе большаго вниманія.

Едва-ли не сложныя слова чеш. kadlub, пол. kadłub (Miklosich. Et. Wört. 108), съ которыми ср. морав. łoubek (kadlub на mouku. Bartoš. II. 338); далѣе мор. škavražný

(hovorný. Bartoš. I. 273), пол. dzia w r a g a (несчастный, жалкій человекъ, изъ говора подгальскаго. Dembowski. Spraw. Kom. Jęz. V. 353), рус. пигалица, пѣгалва или пѣгѣлка¹⁾ (Даль. III. 110) и т. д. О словѣ невѣста см. ниже (подъ словомъ неводъ). Но отъ этимологическаго толкованія этихъ словъ я отказываюсь, такъ какъ оно не дало бы ничего принципиально новаго.

Такимъ образомъ, на нѣсколькихъ примѣрахъ я, надѣюсь, показавъ, что сложные слова безъ соединительнаго гласнаго были и въ славянскомъ праязыкѣ, но что по законамъ этого языка обѣ части должны были сливаться такъ тѣсно, что терялось первоначальное этимологическое значеніе сложенія. Поэтому, этого рода сложенія были осуждены на вымираніе, но, повидимому, новославянскіе языки идутъ къ тому, чтобы возстановить ихъ. Чававское mlādletò (gen. mlādlèta, весна Nemaníc. II. 13), серб. благдан, чеш. kněžmostu (Arch. pro lex. I. 153), рус. новгорода и т. п. служатъ краснорѣчивыми свидѣтельствами въ пользу того, что славянское языковое чутье уже перестало чувствовать неудобство такого рода сложеній, и фонетическіе законы ихъ не препятствуютъ развитію этого процесса.

§ 2. *Сложныя слова изъ сращеній.*

Индоевропейскій праязыкъ еще до выработки системы склоненія употреблялъ сложные слова съ неизмѣнной основой въ первой части; въ зависимости отъ того, оканчивалась-ли основа на согласный звукъ, или она представляла форму, уже развитую гласнымъ, сложеніе происходило съ помощью „соединительнаго гласнаго“ или безъ него, но, по существу, оба типа сложныхъ словъ совпадаютъ и оказываются древнѣйшими

---

¹⁾ Первая часть можетъ быть *pik-: лат. pīcus, др.-в.-нѣм. spreh (Sprecht); пигалка = *pik-galka. Ср. Fick. I⁴. 481.

достижимыми для науки явлениями образования сложных словъ изъ срощенія въ индо-европейскихъ языкахъ. Такъ, срощеніе словъ *bhere voikōv дало сложное слово φερέοικος, какъ срощеніе словъ *dem pedo — сложное δάπεδον. Когда началась въ языкѣ другая эпоха, когда формы безъ флексіи стали, за исключеніемъ Nom. Voc. Sing. нѣкоторыхъ основъ, явленіемъ невозможнымъ въ языкѣ, тогда и сложения естественнымъ образомъ получали другой характеръ: они превратились въ образования, аналогичныя старымъ типамъ, или имѣли источникомъ срощенія новаго типа, т. е. тѣсное соединеніе въ одно сложное слово извѣстной падежной формы съ другой основой въ имен. пад. ед. числа, такъ что все новое слово входило въ тотъ или другой разрядъ флексирующихъ основъ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже въ индоевроп. праязыкѣ были подобнаго рода срощенія: такъ, вед. gṛā́s-rátiṣ (супругъ божественной жены) должно быть отнесено въ „доисторической эпохѣ“, потому что въ историческій періодъ древнеинд. языка окончаніе -ā́s въ основахъ на -ā́ (гр. χόρας, лат. familiās и др.) уже не употреблялось¹⁾. Къ тому же времени должно относиться др.-инд. jā́s-rátiṣ²⁾ при jā́ (существо, твореніе), гр. δεσπότης изъ *dem-s- (gen. отъ dem-, домъ)³⁾. Все это соединенія съ Gen., тогда какъ срощенія съ другими падежами, нерѣдкѣ въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ, не могутъ быть доказаны для праязыка. Это пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ виду того, что первичной падежной формой, отличной отъ общаго именительнаго

1) *Brugmann. Ueber das Wesen d. sogen. Wortzusammensetzung.* 361.

2) *Meillet*, пытаясь изъ всѣхъ силъ связать это слово съ слав. господь, предполагаетъ, что jā́s-rátiṣ происходитъ изъ *gopas-rati-, а изъ *gopas-rati, откуда будто бы *gos-rati, онъ выводитъ наше слово. *Mém. X.* 137—139. *Ср. Osw. Richter. Ind. Forsch. IX.* 216—217 и 248, гдѣ отмѣчена древность этого образованія.

3) *Brugmann. Grundriss. II.* 31.

падежа, была во всѣхъ языкахъ, какъ это доказываетъ Де-ла-Грассери, именно форма родительнаго падежа, хотя бы еще въ общемъ значеніи падежа зависимости¹⁾. Искони тѣсное соединеніе родительнаго падежа со словомъ, отъ котораго онъ зависѣлъ, вызвало на свѣтъ появленіе сращения именно этого типа, и это совершилось въ эпоху, когда преимущественное значеніе Genitiv'a, какъ падежа зависимости, еще не забылось. Лишь постепенно стали возможны сращения съ другими падежными формами, сращения, которыя приобрѣтаютъ все бѣльшее распространеніе въ новыхъ языкахъ, не утратившихъ флексіи, вытѣсняя такимъ образомъ старину. Въ этомъ отношеніи любопытны очень многочисленныя ново-чешск. сращения: такъ, отъ слова *vlast*(родина) образованы по нѣмецкому образцу: *vlastivrah* (Vaterlandsfeind. Jungmann. V. 127), *vlastibraneš* (Archiv pro lex. I. 468), *vlastimilství*, *vlastimilovnost'* (у Палацкаго. Archiv pro lex. III. 373), *vlastizrada* (измѣна отечеству); сращения мы находимъ въ ново-чешск. *bleskurychle*²⁾ (съ быстротой молніи) при *bleskostřelec* (Arch. p. lex. III. 14), *bleskotvůrce* (ibd.), *bleskometec* (Blitzschleuderer. Arch. p. lex. I. 18) и др. или *hříchuplný* при *hříchoplod*, *hříchoshatel* (Jungmann I. 758), *zákonárný* (въ газетномъ слогѣ) при *zákonodárný* (Jungmann. I. 485) и др. Поразительный примѣръ того, какъ этотъ типъ словообразованія проникаетъ и въ польскій яз., представляютъ слова *dziękczynny* (dank-sagend) и *wiarogodny* (при *wiarogodny* Słown. Wil. II. 1834). Слившееся нынѣ *z martwych wstanie* еще въ 16 в. чувствовалось сопоставленіемъ и, напр., въ „Повѣсти о папѣ Урбанѣ“ (нач. 16 в.) писалось *z martwych wstapnie*³⁾, латин. *legislator* передается въ Чулавской псал-

¹⁾ *Raoul de la Grasserie*. De l'Anteriorité du génitif. Paris 1901. (см. особенно стр. 37—38. 43. 27).

²⁾ Газета *Nar. Listy* отъ 5 авг. (н. ст.) 1903.

³⁾ *Prace fil.* I. 66—67. Но произношеніе этого сращения настолько сливало первую часть со второй, что при раздѣленіи ихъ (и весьма важно, что такое все еще происходило) получались такія формы, ка-

тыри черезъ закона *pozysza*, а во Флоріанской, гдѣ подъ руками былъ латинскій текстъ, пишется слитно: *zasopozysza*¹⁾. Собственные имена, можно сказать, пишутъ такими сращениями, и изъ нихъ нѣкоторые древнѣйшія передаютъ общеславянскія отношенія расположенія формъ, являясь архаизмами въ области словообразованія. Но прежде, чѣмъ разсмотрѣть ихъ, я хочу посвятить нѣсколько страницъ общей постановкѣ вопроса, т. е. остановиться на томъ, при какихъ условіяхъ словорасположенія во фразѣ возможно такое тѣсное соединеніе двухъ словъ, что получается ихъ сращеніе? Уже Вейль въ своей замѣчательной книгѣ²⁾ указываетъ на отношеніе различныхъ формъ словорасположенія къ образованію сложныхъ словъ; онъ устанавливаетъ въ этомъ отношеніи извѣстную градацію и замѣчаетъ (стр. 63), что „тѣ идеи, которыя выражаются въ одномъ языкѣ сложными словами, иногда передаются въ другомъ группами словъ. Распредѣляя указанные пять конструцій³⁾ по степени болѣе или менѣе узкой связи частичныхъ идей, входящихъ въ нее, мы будемъ имѣть на первомъ мѣ-

---

кую мы находимъ, наур., въ Гнѣзненскихъ Проповѣдяхъ (Изд. Неринга въ *Rozprawach*. X. 1897, стр. 113): *ona natichmasth gest... sm arthfy byla fstala*. Ср. *aby smarthvykrzesil, smarthfyfstal*.

1) *I. Hanusz*. *Spraw. Kom. Jęz.* II, 31. Другіе примѣры сращенія въ польскомъ см. въ книгѣ И. Л. Лося, сербскія въ грамматикѣ Маретича, чешскія въ *Mluvniče* Гебауэра. См. также рецензію акад. Соболевскаго на книгу Лося.

2) *H. Weil*. *De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes* (первое изданіе 1844 г.; пользуюсь переизданіемъ этого труда въ *Collection Philologique*. III. Paris. 1879).

3) *La construction descendante* (le complément suit le terme dont il dépend), *la construction ascendante* (le complément précède le mot dont il dépend); *l'enclavement* (le complément est suivi du terme complété, et précédé d'un mot qui est indissolublement lié à ce dernier); *la construction dispersée* или *hyperbate* (le complément est séparé du mot auquel la syntaxe le rapporte, par un autre mot ou par plusieurs qui font partie d'un autre groupe syntaxique) и наконецъ *le mot composé*.

стѣ сложное слово, которое указываетъ на самую тѣсную связь ихъ, 2^о—вмѣщеніе (enclavement), 3^о—восходящую конструкцію, 4^о—нисходящую конструкцію, 5^о—разсѣянную конструкцію (l'hyperbate), которая наиболѣе раздѣляетъ какъ идеи, такъ и слова“. Замѣчанія Вейля въ полной мѣрѣ подтверждаются современной наукой; можно только прибавить, что „вмѣщеніе“ само по себѣ не существуетъ, а есть лишь одинъ изъ видовъ восходящей конструкціи. Такъ, если въ литовскомъ языкѣ мы находимъ вмѣщеніе въ родѣ слѣд.: *ant aržūlo šakos, prė stubos durių, už to dvoro poną* (Basa-navičius. 14. 17. 23) или *unt rešanū tōko, paì Letu-wōs žėmy* (An. Šil. 42. 274) или у Ширвида (Punk. Sak. 7) *kiti didžios szwuntibes Diewo tarnau* и др., то это возможно лишь постольку, поскольку въ литовскомъ яз. Gen. стоитъ ранѣе дополняемаго имъ слова. Но зато Вейль совершенно правъ, что восходящая конструкція предшествуетъ сложению изъ сращения, или, говоря словами Потебни, „подобная постановка родительн. и другихъ падежей (между членомъ и его существительнымъ въ др. греч.: ἡ τοῦ πατρὸς ἐπιμέλεια) есть воплощеніе дополненія въ дополняемое, болѣе тѣсное ихъ единство, чѣмъ ἡ ἐπιμέλεια τοῦ πατρὸς“¹⁾ (Изъ запис. по рус. грам. III. 201). Нельзя не согласиться и съ вѣчнымъ выводомъ Потебни: „еще въ глубочайшей древности до обособленія индоевропейскихъ языковъ непрѣмнымъ условіемъ возможности сліянія сочетанія словъ въ сложное слово есть препозитивность опредѣлительнаго и дополнительнаго“. Такимъ образомъ, мы должны поставить вопросъ, были-ли соответствующія условія сочетанія словъ въ праитовскомъ и праславянскомъ языкахъ. Уже индоевроп. праязыку Дельбрюкъ приписываетъ²⁾ такой порядокъ словъ, при которомъ Gen. Attribut., по большей части и вошедшій

1) Тамъ же примѣры изъ рус. яз.: на святаго апостола Петра съпаденіе веригамъ; на моей братьи головахъ; Російскаго государства люди и др.; или въ отца мѣсто.

2) Grandriss d. vergl. Gram. V. 102—103.

въ сложенія изъ сопоставленій, стоялъ, равно какъ и имя прилаг., передъ словомъ, къ которому они относились; едва только слѣды этого порядка вещей сохраняются въ славянскомъ языкѣ, тогда какъ др.-индійскій, литовскій и германскій сохранили его въ общемъ неизмѣнно, а греческій и латинскій усвоили себѣ большую свободу въ этомъ отношеніи.

Древне-индійскій лишь тогда ставилъ имя существ. передъ относящимся къ нему родительнымъ падежомъ, когда оно, выступая въ извѣстномъ противорѣчii къ другому имени, бывало отмѣчено особенно сильнымъ удареніемъ и вообще стояло на первомъ мѣстѣ въ предложеніи ¹⁾. Но правиломъ въ языкѣ были все-таки словосочетанія въ родѣ *Mānora jāyā* (жена Ману), *Mānora duhitā* (дочь Ману), *devānām hōtā* (жрецъ боговъ), *oṣadhīnām mūlāni* (корни растеній) и т. п. Въ результатѣ др.-индійскій яз. развилъ огромное и весьма разнообразное количество срощеній ²⁾, гдѣ вторая часть сложенія могла выработать характеръ суффикса (-*rāti*. Richter. 223), гдѣ отъ такого новаго существительнаго образуется уже въ Ведахъ прилагательное (Rv. 7. 20. 9. *gāyās kāmā* или 7. 94. 4. *kāmō gāyāh* — стремленіе къ богатству, отсюда *gāyās kāmā* — корыстный. *ibid.* 225). При этомъ, унаследованъ отъ древнихъ временъ старый типъ образованія Gen. Sing. съ -*s* (*rāthasrāti*, *vānasrāti*) даже отъ основъ на -*a*, рядомъ съ которымъ въ Ведахъ лишь въ одномъ случаѣ встрѣчается правильное образованіе Gen. Sing. на -*su*: *āmiṣyāyānā* — (потомокъ такого-то) ³⁾. Если даже въ основѣ сложеній *vānasrāti*, *rāthasrāti* лежатъ не *vāna*, *rātha*-, но *vānas (Holz, Wald), *rāthas (Streitwa-

¹⁾ *B. Delbrück. Syntaktische Forschungen III. 43* (примѣры). Ср. *Synt. Forsch. V. 20*.

²⁾ См. чрезвычайно важную статью *O. Pischepa: „Die unechten Nominalkomposita des Altindischen und Altiranischen“* (*Indog. Forsch. IX. 1—62* и *183—251*).

³⁾ Ср. замѣчаніе Рихтера. 227. *Der Genitiv der a- Stämme war überhaupt von der Komposition ausgeschlossen: er war eine auch dem naiven Sprecher grammatisch zu durchsichtige Form.*

gen), т. е. не Genit., но чистыя основы на -as, все-таки они чувствовались, какъ надежныя формы родит. пад., и сложения Gen. съ *pati*, уже вполне развившіяся въ ведійскомъ языкѣ, относятся къ доисторической эпохѣ (ср. Rv. 1. 25. 5. *sá-das páti* — господинъ селенія при *sátpati*, *b́rhas páti*. Richter. § 85). Соединеніе съ *divos (Gen. Sing. отъ *div) принадлежить въ греческомъ языкѣ къ числу индоевропейскихъ переживаній типа срощеній: таковы гр. *δῖοςδοτος* (подаренный Зевсомъ)¹⁾. Чрезвычайно велико число образований этого типа въ балтійскихъ языкахъ и такъ какъ здѣсь процессъ перехода срощеній въ сложения происходитъ, можно сказать, постоянно и на нашихъ глазахъ, то я полагаю, что для выясненія сущности этого процесса, повидимому, довольно обычнаго и въ праславянскомъ языкѣ, остановиться на немъ здѣсь будетъ не лишнее. Прежде всего я разсмотрю его развитіе въ латышскомъ языкѣ, гдѣ вообще Genit. приобрѣлъ весьма широкое употребленіе и сохранилъ много древнихъ особенностей. Особенно важное значеніе въ смыслѣ образованія сложныхъ словъ принадлежить т. наз. *Apazījas g'ēnitiw'* латышской грамматики, который обозначаетъ ближайшее соотношеніе между дополняемымъ и дополнительнымъ словами, употребляясь въ приложеніяхъ, въ названіяхъ владѣльца, особенно характерныхъ свойствъ предмета и т. д. (напр. *sešgalvju velns* — чортъ о шести головахъ, *nelaik'a māmulin'a* — несчастная матушка, *bērza koks* — дерево береза, *Firksa kungs* — господинъ Фирксъ, *Rīgas pilsēta* — городъ Рига и др. См. примѣры у г. Мюллен-

¹⁾ Образованіе Gen. съ причастіемъ, какъ въ др.-инд. и въ балтійскихъ языкахъ. См. Brugmann. Griech. Gram³. 393. О формѣ слова см. G. Meyer. Griech. Gram³. 371. Въ латинскомъ языкѣ срощенія развились, повидимому, поздно: у Плавта еще *manu emittēre* и *emittēre manu*, *animū advorto* и *advorto animū* и др. („in vielen ähnlichen Fällen ist der Wortanschluss nicht vollzogen“ F. Leo. Bemerkungen über plautinische Wortstellung und Wortgruppen. Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Hist. Klasse. 1895, стр. 417).

баха)¹⁾. Весьма часто сращение съ родительнымъ падежомъ и сложение съ основой здѣсь совершенно совпадаютъ, какъ и въ литовскомъ языкѣ: такъ, литовскому *šunsūdega* (собачій хвостъ, *šunsūdėgius* льстець, *šunsūdegūti* льстить, ср. др. *ṣunaskaṛṇa*—собачье ухо или болѣе новое *ṣūnaḥṣēra* мужское имя первоначально съ презрительнымъ отгѣнкомъ, ново-нѣм. *Hundsfott Richter. 224*²⁾ соответствующи сложенія съ основой *šun-*, весьма многочисленныя: *šungalvis* (псъглавецъ), *šūnponis* (*angethaner - den kleidern nach - Herr*), *šūntakis* (тропинка) и мн. др.³⁾. Подобнымъ образомъ, рядомъ со *šunprurnis* (латыш. *sumprurnis*) встрѣчаемъ *šuns-snukis* (собачья морда. *Межинисъ 249*) или въ латышскомъ языкѣ *sirdsarzin'a* (совѣсть⁴⁾), *sirdsdibens* (глубина души), *sirdsēsti* (сердечная печаль) и др. уживаются рядомъ съ *sirdēsti* (= *sirdsēsti*). Повидимому, въ прежнія времена сращения съ *Gen. Sing.* на *-s* въ первой части были весьма распространены и такъ же, какъ въ древнеиндійскомъ языкѣ сращения съ *-as* въ первой части, послужили образцомъ для послѣдующихъ аналогичныхъ образованій: такъ, напр. *-s* въ *šuns-* понятно, но *-s* въ *būtsangē* (входъ въ домъ *Alexandrow. 82*) можетъ быть лишь аналогіей, и весьма древней, старыхъ образованій. Обѣ части этого слова восходятъ въ праязыку⁵⁾, такъ что *būtsangē* въ цѣломъ

¹⁾ *Par arosizijas ģenitiwa. Daschi jautajumi par latweeschu walodu. III. 1902, стр. 51—62.* О другихъ формахъ употребленія *Genitiv'a* см. въ его же брошюрѣ *Daschi jautajumi. 1891.*

²⁾ *Brugmann. Grundriss I² 726:* др.-инд. *ṣēras* (*penis*), лат. *ciŕrus*, гр. *σχοῖπος*.

³⁾ Ср. *Konsecwicz. Mitt. d. litt. lit. Gesellschaft. IV. 235. Alexandrow. 20. 63.*

⁴⁾ *Vārdi, kuri Ulman'a vārdnicā... salasiti. Rīgas Rakstu Kraujums. II. 54.*

⁵⁾ *Būtas:* др.-ир. *both* (хижина). *Brugmann. Grundriss I². 106.* *Angá* (входъ): гот. *aggvus* и др. *Fick. I⁴. 3:* въ *pečangē* (устье печи. *Alexandrow 14*), *maṛangis* (заливъ. *Geitler. Beiträge. 52*). На основаніи слав. *жъзькъ*, др.-ин. *ḡhāṣ*, авест. *āzāh* мы ожидали бы лит. *aņžà*, а не *angà*.

тоже можетъ разсматриваться, какъ пережитокъ архаистическихъ отношеній словообразованія. Съ тѣмъ же явленіемъ мы встрѣчаемся въ латышскомъ языкѣ: -s въ *sirdsēsti*, *ciltsbrāli* (соплеменники. *Rig. Rak. Kp. VII. 21*) умѣстны и понятны, но для *s* въ такихъ сложныхъ словахъ лифляндскихъ говоровъ, какъ *kap's-kalni*, *sil'skalnc*, *louk'sputn'* и др., приходится искать объясненія: чтобы здѣсь скрывался старый *Gen. Dual.*, какъ полагаютъ г. Эндзелинъ и Мюлленбахъ (*Rig. Rak. Kp. XIII. 87*), въ пользу этого нѣтъ, какъ мнѣ кажется, ни одного вѣслага доказательства, и я думаю, что мы не должны отдѣлять этого явленія отъ сходнаго литовскаго.

Въ литовскомъ языкѣ только сроченія съ *Gen.* получили значеніе сложныхъ словъ. Примѣровъ этого явленія не мало: *Laumesjuasta* (*teęza. Marciński. 27*, у Мильке *laumēs jūsta*, у Ширвида даже съ другимъ порядкомъ словъ: *juosta dūngaus* — поясъ неба. 369), *akiesbaltim's* (бѣльмо. *Marciński. 34*, у Ширвида: *akies baltimas 13*, раздѣльно два слова и у Куршата 4), *leleakies* (*zrzenica. Marc. 27*, *lele akies* Ширвидъ 459, еще болѣе правильно *akiĩ lēlē* у Куршата 225, собственно „вуколка глаза“; любопытно, что Марцинскій чувствовалъ здѣсь одно слово; ср. пол. *sztukamięsa*, серб. *odramtivieka* и др.), *laumēs galva* (эхо молотилки. *Geitler. Lit. Stud. 94*), *nakties šašolėtas* (растение *Solanum nigrum. Jacobi. Mitt. IX. 137*) и др. Это несомнѣнно сложные слова, хотя бы они писались раздѣльно, какъ и латыш. *astes zvaigzne* (комета, т. е. „звѣзда хвоста“ *Rig. Rak. Kp. VI. 69*), *kājas auts* (= по смыслу *kājauta* — обувь, какъ справедливо замѣчаетъ г. *Plavin's* въ *Rig. Rak. Kp. VII. 31*) и т. д. Именно въ латышскомъ языкѣ мы видимъ, какъ сопоставленія превращаются въ сроченія, а эти послѣднія въ сложенія. Изъ огромнаго матеріала, представляемаго новѣйшимъ изданіемъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ г. Виссендорфа и Барона, заимствую рядъ примѣровъ:

1) *Puga malā es dzēdaju. L. 376. 2* (обычно *pugma-*

lâ—на краю болота), но 739. 3. *visas tautu purmalites*. 760. 4 *visas purvu purvmalites*. Ср. 3798 и варианты: *purvmalites*, *puramolys*, *purvumalas*.

2) *Cel'a malâ*. 668 (на краю дороги), *lasat kokus celmalâi* 1073. 4 и *trijēt celà malas* 1073. *sivenini cela malu* 2422, *cela malas bērzin'am*. 3355. 1 и др.

3) *Iūgas malu* (край моря) 2198 при обычномъ *jurmala*. Ср. 579. *avota malâ* (у ручья). 704 *urites malâ*.

4) *Vēna bija Leišmalē*, отга *Kursas malin'â*. 251. 6.

5) *Visi labi cēma puiši*. 300. 2193. 1 (деревенскіе парни) *cēma cīkas* (деревенскія свиньи) 782. *cēma meita* 323. 2 (деревенская дѣвушка) или *cēmu gani* (деревенскіе пастухи 278. 4), *cēmu gaili* 888 (деревенскіе пѣтухи), и при этомъ *cēmmeit's slink's*. 2084, *cēm-meitin'u* 265. 2 *cēm-berni vaiceja* 1395. 2. *cēm puiši*. 2143.

6) 3704 *namdurvim* (къ дверямъ дома). 3719 *nama duru*. 3721 *nama durvu*. 1127 *pē līgavas nam'durvim*. 1657 *nama duru*.

7) 425. 1 *dēnas vidū* (среди дня). 425 *dēnvidū* или *dēnavidū*. 425 *dēnas vidâ* или *dēnvidōs*.

8) 827. *cūk ganin'š*(свинопасъ). 1044 *nedzēdaja govu gani* (пастухи коровъ). 1048. 4 *kad es gāju cukganōs*.

9) 1495 *lēk saun'u seruri* (кунью шапку). *Bezzenberger. Lett. Dial. Stud.* 45 *visim saun-serures*.

10) 281. *ābel-zēdi rocin'â* (яблочный цвѣтъ въ ручьѣ). 281. 4 *ābels zēdi saujin'â*.

11) 1270. *Krustatēvs, krustamāte krustdēlam slotu grēž* (также *krustu-tēvs* и др.).

12) 2079. *šuro, eglite, vāveres bērnu* (качай, елочка, бѣлкина сына). 2079. 1. *šuro, egle, vāver-bērnu*.

13) 2092. *vēja māte* (мать вѣтра). 2093 *vėj māte* (ср. 1194. 1. *Es pēdzimu vējputnē*).

14) 1263. *nāk mana tēvmāsa ar kukuliti* (при обычномъ *tēva-māsa*, сестра отца).

15) 1356. *Baznīckunga kukulitis* (ср. 1368. 1 и 1408). Обычно *baznīcas kungs*.

16) 1683. Lai skrēja mežsargi pējoda, velna 1684. meža sargs (лѣсной сторожъ).

17) 3102. Rudz zālē ēdinaju.

18) 5145. Lāčausas (медвѣды уши въ словарѣ Ульмана lāčausas).

Такихъ примѣровъ можно было бы подобрать весьма большое количество во всякомъ сборникѣ латышскаго народнаго творчества, но я думаю, что и приведенные въ достаточной мѣрѣ обнаруживаютъ ту тѣсную связь, которая существуетъ между срощеніями съ Gen. и настоящими сложеніями: „духъ языка“ не дѣлаетъ между ними никакого различія и въ одинаковой мѣрѣ допускаетъ почти въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ то одно, то другое выраженіе сложнаго представленія. Особенно ярко проявляется потеря самостоятельнаго значенія Gen. при другомъ существительномъ въ томъ фактѣ, что Gen. можетъ быть безразлично Plur. или Sing. Вотъ нѣсколько примѣровъ. По Ульману lētās kōks (Nutzholz лѣсъ, годный на строеніе и на выдѣлку вещей). Такъ это сложное слово и встрѣчается въ пѣснѣ L. 3645 lētās kokū mežin'ā, но въ вариантѣ находимъ lētū kokū mežin'ā. Отъ plur. tantum pelni (зола) правильное срощеніе pelnugūšk'is (Aschenbrödel), которое мы и видимъ въ пѣснѣ Z. 2917; но такъ какъ Gen.-первая часть срощенія здѣсь вовсе не чувствуется, какъ самостоятельная единица, а лишь какъ часть сложнаго слова, то по аналогіи съ pamaduris-pamūduris развивается и здѣсь (L. 2917 вар.) pelnugūšk'is и наоборотъ mēžuvāgra (колосъ ячменей. L. 845.1) форма, возможная лишь по аналогіи. Подобнымъ образомъ рядомъ съ tēvuzeme (отцовская земля) уживается tēvazeme (L. 3782 вар.) и т. д. Очень характерный образецъ того, какими разнообразными средствами пользуется латышскій языкъ для выраженія сложнаго представленія, видимъ въ пѣснѣ L. 3844. „Родные и знакомые“ понято здѣсь, какъ одно сложное слово, и такъ znōtiradi (L. 3844) превратились въ znōtiradi (вар. 3) и znōtigrad' (вар. 4). Точно также, какъ это отмѣчено и г. Мюлленба-

хомъ (Daschi jautajumi. III. 55), Gen. срощеній являются и въ такихъ случаяхъ, гдѣ мы ожидали бы согласованія со словомъ, въ которому они относятся: напр., L. 431.6 kur tē puīku rozbaīnēki (при L. 431.6 вар. kur tē puīšī razbaīnēki, разбойники-парни); L. 800. Kam, hrāliši, runajat Tadas blēn'u valodin'as? Labak dzēsму padzēdat, Nekā blēn'as runajat (здѣсь blēn'u valodin'as и blēn'as—пустыя рѣчи); L. 2559 ganu bērnī (по смыслу= ganīb ērnī, мальчики пастухи), L. 2488.5 irbes meita (= irbe meita, куропатка дѣвушка), L. 2762.7 zal'aja birža koki (по смыслу=zal'aji bērzī koki, деревья зеленныя березы), L. 2818 prēdes koki, egles kōki (дерево сосна, дерево ель), L. 4063.1 bāra bērnī (т. е. bāri bērnī, сироты), L. 4261.15 laimes meita (вар. laimīga mātes meita, счастливая дочь) и т. д. Срощенія съ Gen. становятся до такихъ степени обычными и удобными способами выраженія сложныхъ представлений, что Gen. замѣняетъ и другіе падежи: такъ, напр. асу redzejum s (L. 1946.6, смотрѣніе глазами), kar'а gājejinī (L. 1955, на войну ходова), gана dublu bridejin'u (L. 3255, довольно такихъ, которыя ходять по грязи, ср. L. 3362.1 dubl'us bridī, правильный Асс.), мап гасин'ас bridumin'š (L. 4017 мнѣ хождение по росѣ) и т. д. Но ту же мысль можно передать и съ помощью настоящаго сложенія, какъ въ пѣснѣ L. 1326. 11 выраженіе ma neimōt vētraudžos значить: „когда мнѣ было идти смотрѣть мѣсто“¹⁾.

Въ литовскомъ языкѣ мы находимъ, какъ уже было упомянуто, также большое распространеніе срощеній съ Gen. Этотъ падежъ вообще получилъ здѣсь такую широкую область

¹⁾ Срощенія съ другими падежами большая рѣдкость въ латышскихъ пѣсняхъ. Въ сборникѣ г. Барона-Виссендорфа я нашелъ лишь одинъ примѣръ: L. 4494.3 Balti bija ēvaj zēdi (цвѣты у ивы были бѣлы) при вариантѣ: ēvas zēdi (ивовый цвѣтъ). Ср. также не вполнѣ для меня понятное L. 4712 visai neairama, visai ne sūtama при вар. visu neairama, visu naredams.

синтаксическаго распространенія, что является возможность изложить цѣлую исторію, употребляя изъ косвенныхъ падежей одинъ родительный. Опытъ этого рода былъ продѣланъ издателемъ литовскихъ сказокъ С. Jurkschat'омъ¹⁾ въ одномъ изъ его языковыхъ фокусовъ (Sprachkunststücke), гдѣ мы находимъ одинъ Gen. Здѣсь (№ 48, стр. 104—105) мы видимъ срощеніе: k a g ė m ė l ė s g r a š ė l e (грошъ на выпивку въ корчмѣ). Вообще, условія срощенія постоянно на лицо какъ въ литовскомъ, такъ и въ латышскомъ языкахъ, и процессъ, начавшійся здѣсь изстари, въ той же степени продолжается и теперь, съ легкостью разлагая и вновь создавая эти удобнѣйшія средства выраженія сложныхъ представленій.

Словянскіе языки и въ этомъ отношеніи отступили отъ старины; положеніе Gen. послѣ слова, къ которому оно относится, мало благопріятствуетъ развитію срощеній. Въ полезной книгѣ Э. Бернекера „Die Wortfolge ind en slavischen Sprachen“ (Berlin 1900) чрезвычайно наглядно вырисовываются условія, препятствовавшія развитію славянскихъ срощеній: въ то время, какъ въ литовскомъ языкѣ Gen. Partitivus почти всегда предшествуетъ слову, къ которому относится, въ славянскихъ языкахъ это положеніе его относится къ числу исключительныхъ явленій и объясняется всегда намѣреніемъ подчеркнуть слово, которое стоитъ въ родительномъ падежѣ (напр., к у р ь м ѣ ш о в ь на вопросъ: ч т о т ы м н ѣ д а ш ь? но въ другихъ случаяхъ: м ѣ ш о в ь к у р ь, см. Berneker 103—104). Gen. possessivus, который въ литовскомъ языкѣ опять-таки стоитъ впереди, въ славянскихъ занимаетъ колеблющееся положеніе: въ русскомъ и польскомъ всегда позади, въ другихъ то такъ, то впереди, при чемъ въ большинствѣ случаевъ возможны обѣ конструціи: такъ, въ мрус. при б а г а т и р я с и н с е й ч а с ь ж е с и н б а г а т и р я, въ чешс. d e s e g a t o h o r á p a

---

¹⁾ Litanische Märchen und Erzählungen. Aus dem Volke gesammelt und in verschiieren Dialekten, besonders in der Galbraster Mundart mitgeteiet von C. Jurkschat, Pf. Heidelberg. 1898.

и на jednoho měšt'а на svadbѣ и т. д. Что касается Gen. Qualitatis (литов. su mėšos bagzda, рѣно и др. съ род. надежомъ впереди), то изъ примѣровъ, приведенныхъ Бернекеромъ, можно вывести самое большое то, что слав. языки (польскій и русскій) допускають здѣсь и восходящую конструкцію по терминологіи Вейля. Но рядомъ съ гоголевскимъ своей работы кошелекъ, такого рода человекъ и т. п. мы обычно говоримъ кошелекъ своей работы, человекъ такого рода и т. д. Въ польскомъ тоже преобладаетъ положеніе Gen. сзади: та ż wielkiego gozumi, człowiek śrzedniego wieku и др. ¹⁾. Однако есть случаи, гдѣ Gen. стоитъ передъ словомъ, къ которому относится, и въ этихъ случаяхъ легко развивается сращеніе. Примѣромъ такого явленія можетъ служить пол. o kamgnienie (мгновеніе ока) или старопол. jako prawie i wiemy świadczymy, że Iasiek poliscie wyciуci wм. po lista wyciуci (Вустроі. 7).

Польскому o kamgnienie соотвѣтствуетъ чеш. o kamžení (Gebauer. Mluvnice. § 91), o kamih, o kamihnutí, o kamhoužení (ока хмуреніе), o kamžik и даже o kamžiční, o kamžilý, o kamžitý (In ngmann. II. 909), также o kamhnutí (Arch. pro lex III. 201); словацк. o kamih, o kamžení, o kamžik, o kamihnutie (Loos. 332); однако въ южнославянскихъ языкахъ такого образованія мы не находимъ, а видимъ сложные слова съ око- въ первой части (изъ *okos, какъ kolos въ колорать, ст.-пол. Solodzeу): болг. окомѣгваніе (Дювернуа 1478), словн. окомѣг или окомѣглјај (fpletaršnik. 813). Рядомъ со сложениями съ основами око- (okos), очн- (*okī, лит. аку-), очь (*okī, лит. акі-) и сращеніями съ Gen. ока (вм. общеслов. очесе) сохранились слѣды сложения и

¹⁾ А. Soerensen. Polnische Grammatik. 1900. стр. 293—294. Много примѣровъ различныхъ положеній Gen. въ статьѣ Я. Быстроня: „O użyciu Genetivu wjęzyku polskim” (osobne odbicie z tomu XXII Rozpraw Wydziału fil. Akad. Umiejętn. w Krakowie) 1893.

съ очес- (*okes-)¹⁾: напр., пол. *oszemgnienie, которое записано въ „докующемъ“ говорѣ Галиціи въ формѣ w осемгніеніу (= w осемгніеніу, по мнѣнію проф. Розвадовскаго)²⁾.

Это сращеніе съ ока- не можетъ быть отнесено къ праславянской эпохѣ, на что указываетъ и самая надежная форма слова. Съ большою вѣроятностью можно принять за старья сращенія сложные слова съ огни- въ первой части. Это Gen. Sing. отъ слова огонь (лит. ugnis-ugnėis). Въ сложенияхъ правильныхъ фигурируетъ основа *ogni: чеш. ohňрага (Arch. pro lex. I. 251), ohňраг (Jungmann. II. 891), сложенное изъ *огнь и *рага(жарь)³⁾, хотя чаще, какъ это случилось и въ литовскихъ Composita, мѣсто правильной основы заняло аналогичное видоизмѣненіе ея подъ вліяніемъ основъ на -jo. Какъ въ литовскомъ языкѣ въ сложенияхъ обычно выступаетъ основа ugnā- (ugnāvētė изъ ugnīāvētė. Schleicher. Изд. Доналтиуса 333), такъ въ славянскихъ языкахъ роль первой части Composita исполняетъ огне-, рус. огнепалимый, чеш. ohňozemes, словн. ognje-gâses, пол. ognioróg (родъ сыни на лицѣ у дѣтей = чеш. ohňрага или ohňирага) и т. д. Но какъ въ современномъ чешскомъ языкѣ въ словахъ ohňestroj (фейерверкъ, словацк. ohňostroј), ohňevod (огневодъ, словацк. ohňovod) и т. д. находится собственно (съ точки зрѣнія современнаго чешскаго языка) Gen. Sing. ohň(огня), такъ и въ старомъ чешскомъ языкѣ, гдѣ Gen. Sing. отъ

¹⁾ Brugmann. IF. XV. 98 βλάσφημος = *μλαθσφāμος, др.-инд. mṛ̥dhas-; ὀσφραίνωμα = *ὀδσφραίνωμα, лат. odor; въ основѣ лежитъ „ein es-Stamm“.

²⁾ Jan Wittek. Teksty i spostrzeżenia gwaroznawcze z północno-wschodniej okolicy Tarnowa. Mater. i Prace Kom. Jez. I (1901). 24. Ср. w осуміеніу. Krak. (Łopatiński. Prace Fil. V. 813) и староп. w осемгніеніу (Bystroń. 7). Въ ст.-пол. также w oku mgnęjenija (Lubicz. Spraw. V. 318).

³⁾ Ср. Gebauer. Histor. Mluvn. I. 78 (подъ раг-).

о h n ь звучалъ о h n i, образовались сращения съ Gen. Sing. въ первой части. Таковы чешс. о h n i ě a g a (пиромантия), о h n i o k o (чешскій гранатъ, слвѣ. о h n i o k o), о h n i r a l (пожаръ), о h n i r a g a (=слвѣ. о h n i r a g a), о h n i v a l, о h n i ž i v или о h n i ž i l (Molch, Feuerwurm; словѣ. о h n i ž i l — саламандра, пол. o g n i o ż y w). Весьма нерѣдки подобныя образованія и въ польскомъ языкѣ: сюда относятся o g n i p ł o n (растеніе Achimenes. Sl. Wil. 886. Majewski. I. 263. Rostafiński. 710), o g n i ś l e r e k (растеніе Calliopsis, ibd.), o g n i s m ę t e k (растеніе Osmyllus), o g n i z i e r k a (растеніе Eustephia). Я думаю, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ должны быть отнесены къ глубокой древности, еще къ тому времени, когда Gen. Sing. отъ слова огонь звучалъ не o g n i но o g n i s: иначе трудно объяснить названіе растенія o g n i ś l e r e k, которое никакъ не разложишь на o g n i ś l e r e k; синонимы этого названія k r a s o t w a r z и p i ę k n o l i c a (Majewski. II. 152) указываютъ на вторую часть сложенія l e r e k (*лѣп-, ср. l e p s z y), а синонимъ p l a m o t k a подтверждаетъ значеніе первой части сложенія, которое я разложилъ бы на o g n i s - l e r e k. Что касается названія o g n i s m ę t e k, то не нужно-ли и его разложить на o g n i s - m ę t e k (вторая часть = m i ę t a подъ народно-этимологическимъ влияніемъ приурочено къ s m ę t e k)? Мы еще совсѣмъ не знаемъ законовъ исхода словъ въ праславянскомъ языкѣ, условій, въ которыхъ конечное -s отпадало или сохранялось; поэтому намъ невозможно разобратъся, въ какихъ изъ приведенныхъ словъ нужно предположить *o g n i s, а въ какихъ o g n i; но, повидимому, нельзя сомнѣваться, что въ известную эпоху праславянскаго языка рядомъ съ формой Gen. Sing. o g n i s уживалась созданная законами Sandhi форма o g n i. Такимъ же точно образомъ рядомъ съ формами Nom. Sing. съ удѣлѣннымъ исходомъ -ō s жили формы на -ō; въ ту эпоху, когда наступило сокращеніе всѣхъ гласныхъ звуковъ въ исходѣ словъ (ср. Шахматовъ. Извѣстія VII. 2. 313), подверглось сокращенію и краткое o, и изъ него, какъ и изъ краткаго ѣ, развился глухой твердый звукъ; но по законамъ Sandhi въ

эту пору праславянскій языкъ зналъ еще и формы на -оs, которыя въ -ъs не перешли, а сохранили свое о, когда позже всякое конечное -s отпало: отсюда дуализмъ въ родѣ серб. v ó g j o при v ð g j (вождь), g l u h o и т. д. (ср. Даничић. Rad. 26. 56—63), пол. w u j o, s t r y j o, b r z u c h o (Гарволин. у. Spraw. Kom. Jez. V. 149), ст.-пол. s z o ł e n или s z o ł n o (Круński. Spraw. Kom. Jez. IV. 53) и т. д. (ср. ниже о законахъ Sandhi). Такимъ образомъ, и рядомъ съ о g n i языкъ зналъ форму *o g n i s. Ср. ниже пол. z w i ł u r a.

Кромѣ западно-славянскихъ языковъ, срощенія съ огни почти неизвѣстны. Могу указать только на серб. o g n j i ć a g (Fumaria parviflora. Šulek. 262), но срощеніе-ли это изъ *o g n i + ć a g или образование отъ o g n j i s a (Šulek. ibd.), я не знаю; вообще же какъ русскій, такъ и южно-славянскіе языки утратили срощенія съ огни- и ока- или вовсе не имѣли послѣдняго.

Любопытное срощеніе, ограниченное опять-таки западно-славянскими языками, представляетъ соединеніе словъ к р ъ в е съ п р о л и т і е, которому русскій и южно-славянскіе языки противопоставляютъ настоящія сложныя слова съ (новой) основой въ первой части: именно, словн. k r v o r g e l i t j e или k r v o l i t j e, серб. k r v o r g o l i ć e, болг. к р ъ в о п р о л и т и ю (изъ русскаго? Дюверн. 1053, у Герова этого слова нѣтъ), рус. к р о в о п р о л и т і е соотвѣтствуютъ чеш. k r v e r g o l i t í. Это устарѣлое срощеніе исходитъ изъ сложенія съ Gen. k r v e въ первой части; такъ же образованы слова k r v e ž i z n i v ý, k r v e s m i l n ý (blutschänderisch. Arch. pro lex. I. 173), k r v e t o k (иначе k r v o t o k - Blutflusslungmann. II. 211) и т. д. Польскій языкъ, знавшій еще въ концѣ 14 в. Gen. k r w e (W. Nehring. Iag. Arch. IV. 479—484), въ старину употреблялъ срощенія k r w i e p ł w a n i e (теп. k r w i o p ł u c i e) и k r w i e p ł u n i e (кровотеченіе), какъ теперь онъ знаетъ k r w i n a b i e g (приливъ крови), k r w i ś c i a g (орудіе для оттягиванія крови) и т. д. Указанныя срощенія обнаруживаютъ условія, при которыхъ въ группѣ западно-славянскихъ языковъ они только и были воз-

можно, т. е. они выясняютъ, что лишь при положеніи Gen. передъ дополняемымъ словомъ возможно такое тѣсное соединеніе ихъ, что ихъ совокупность чувствуется какъ бы однимъ словомъ. Несмотря на то, что русскій и южно-славянскіе языки сдѣлали конструцію болѣе свободной, я думаю, что согласно съ Бернекеромъ мы можемъ предполагать, что въ праславянскую эпоху Gen. attributivus, вообще говоря, стоялъ передъ дополняемымъ словомъ, какъ въ литовскомъ и древнеиндійскомъ языкахъ, и какъ тамъ это положеніе его привело къ созданію большого числа срощеній, болѣе или менѣе тѣсно связывавшихъ части, такъ и въ праславянскомъ языкѣ возникало не мало такихъ группъ. Но въ силу того явленія, что въ славянскихъ языкахъ мало-по-малу измѣнилось положеніе Gen. Attrib. при существительномъ, сдѣлавъ возможными обѣ конструціи, восходящую и нисходящую, эти срощенія, пока въ нихъ чувствовались этимологическія части ихъ, потеряли свою стойкость и только въ отдѣльныхъ случаяхъ уцѣлѣли въ томъ или другомъ изъ западно-славянскихъ языковъ. Однако при условіяхъ особенно тѣснаго соединенія частей срощенія, когда форма, стоящая въ первой части, вслѣдствіе своей архаичности становится непонятной, или когда срощеніе получаетъ постоянный опредѣленный характеръ, какъ, напр., въ собственныхъ личныхъ именахъ, оно, возникнувъ въ праславянскую эпоху, могло неизмѣнно сохраниться и въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Прежде всего, конечно, срощенія съ Gen. Sing. на -s въ корневыхъ основахъ рано утратили свое самостоятельное существованіе, и соединенія съ ними получили смыслъ настоящихъ сложений. Это могло совершиться уже въ славяно-литовскую пору.

Вопросъ, мною затронутый здѣсь, еще настолько не разработанъ, что мнѣ придется ограничиться предположеніями и указаніями на возможность моихъ толкованій, достовѣрность же ихъ можетъ обнаружиться лишь тогда, когда въ этомъ направленіи будетъ сдѣлано больше. Нѣсколько расчистить путь для послѣдующихъ изысканій вотъ задача, которую преслѣдуютъ ниже приводимыя соображенія. Исхожу изъ сопо-

ставленія лит. *rosnãgas* (конское копыто по Куршату 324) ¹⁾ съ слав. пазногъть. Лит. слово восходить въ *põds-nã-gas, долгота въ *nãgas* (ноготь, коготь) зависитъ лишь отъ удара (I. Schmidt. K.Z. XXIII. 270), сюда относится и *pagà* (копыто) ²⁾, слав. нога и ногъть = прус. *pagutis*. Слав. пазногъть извѣстно въ слѣдующихъ формахъ и значеніяхъ: ц.-сл. пазногъть и пазногъть (*ungula*, копыто), словн. *raznohet* (коготь; *h* изъ Gen. *raznohta*); болг. пазнѣхтѣ или пазнѣхтѣ (ноготь, копыто) отсюда пазнѣ (копыто. Геровъ. IV. 5); чеш. *raznohet*, *raznoht* или *razneht* (когти на ногѣ животнаго. Jungmann. III. 52), ст.-чеш. *raznot* (Gebauer. Hist. Mluvn. I. 467), *razdnehty* (Виттенб. Псал. *ibid.* 241); діал. чеш. *raznoht* (ноготь на ногѣ. Dušek. II. 43) и т. д., морав. *raznoht*, *rahnozt* (ноготь. Bartoš. II. 361), словк. *raznecht* (*klaue*); пол. *raznogieć* или *raznokieć* (коготь); чеш.-пол. діал. *rahnozt* (Loriš. 45); кашуб. *raznokc* (Berka. 441); н.-лужиц. *rapnocht*, в.-луж. *rapnoht*, *rapnokś* (Mucke. 111), *rapnoht* (коготь. Pfuhl. 445); в.-прус. *пáзногъть* (сиб. послѣдній крайній суставъ пальца, или оконечность его, гдѣ сидитъ ноготь, позаноготье. Даль. III. 4), м.-прус. *пáзнігъть* или *пáгніздъ*, *пáгність* (Желеховскій. II. 595—596, коготь, ноготь), б.-прус. *пазнѣвѣць* (отращенный коготь. Носовичъ. 390). Сопоставляя приведенныя слова по значенію, получаемъ такое развитіе его: поготь или коготь на ногѣ, отсюда копыто, какъ болѣе специальное значеніе, въ церк.-слав. и болг. языкахъ, или коготь звѣриный и ноготь вообще, какъ болѣе общее

¹⁾ Ср. Dawe bobutej a rkle rosnağa Połangos Iuze. Изд. 1863 года (?) въ Вильнѣ, стр. 10.

²⁾ *Leskien. Bildung d. Nomina* 175. Этимологія *pagà* = нога у I. Schmidt. K.Z. 23. 270. *Fick.* I⁴. 99. *Osthoff. Etym. Parerga.* 279. Рядомъ съ формой **nõgh-* праязыкъ зналъ **nõkh-*, откуда др.-инд. *пакhá-s* (коготь, ноготь), слав. *нокъть* (при ногъть), перс. *pā-hu* и др. Ср. серб. *пакѡјегја* (*die Nagelwurzel*), которое предполагаетъ форму *пъка,

значение. Лит. *roznãgas* удержало только специальное значение — копыто (коня), но сходство славянских и литовского словъ по значенію и по формѣ такъ велико, что раздѣлять ихъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ кажется, имъ всѣмъ возможно дать удовлетворительное объясненіе. Славянскія формы сводятся къ *rãznõgъtь* (*rẽznokъtь*) и *rãznъgъtь* (*rãznъkъtь*), при чемъ въ послѣднихъ -пъ-развилось, вѣроятно, въ праславянскую эпоху изъ -по- вслѣдствие того, что слово было длинное и съ удареніемъ на первомъ слогѣ¹⁾. По той же причинѣ произошли послѣдующія искаженія его въ *rapnoht*, *пãгнисть* и др.

Если мы припомнимъ, что аористъ *басъ* возникъ изъ *bod-sъ вслѣдствие удлиненія *o* передъ двумя согласными (такъ же вѣсь *věsъ *vědsъ, *vedsъ; чисъ *čьtsъ и др. *Wondrak.* 204), то и *rãz мы можемъ возстановить въ формѣ *rodz или, предположивъ, что по законамъ Sandhi въ славянскомъ праязымѣ конечное -s одного слова передъ начальнымъ *n*- другое переходило въ *z*, въ формѣ *rod s, представляющей архаичный Gen. Sing. отъ *rod*—(нога), уцѣлѣвшаго и въ славянскихъ сложныхъ словахъ стараго типа. Замѣстительное удлиненіе литовскаго языка передъ носовыми, общее и славянскимъ языкамъ (*Brugmann.* I². 807), позволяетъ думать, что и въ литовскомъ изъ *rod snãgas должно было развиться *rõsnãgas*. Лужиц. *rapnoht* образовалось, вѣроятно, изъ *rapnoht* и не имѣетъ никакого отношенія къ лит. *rãpnãgès*(позаноготье), съ которымъ всю группу славянскихъ словъ сопоставляетъ Миклошичъ (*Et. Wört.* 216)²⁾.

¹⁾ Положеніе ударенія вслѣдствие отсутствія чакавской формы опредѣлить трудно: я предположилъ бы двойное удареніе, какъ во многихъ санскритскихъ сращенияхъ: *rãznõgъtь*, изъ чего по мѣрѣ сращения словъ развилось одно удареніе: *raznõgъtь* или *rãznõgъtь*; только послѣдняя форма могла бы повести къ образованію формы *raznъgъtь.

²⁾ Съ болг. *пãзнъ* (копыто) нужно сопоставить сиб. *пãзанки* (пальца и копытца въ видѣ привѣсковъ, выше щетокъ копытныхъ, нпр. у сохатаго и свиньи), охотн. *пãзанка* (заячья лапка,

Рядомъ съ *rāznoġūtis въ славянскихъ языкахъ широко распространено другое названіе коготя: это польск. razur (коготь. Sł. Wil. II. 980), кашуб. razur или razura (Ramułt. 132), въ польскихъ говорахъ razog (Lubicz. Pr. Fil. IV. 230), razur (kopyto u bydła. Łopaciński. Pr. Fil. V. 282), razdór (Ianczy. Mat. i pr. I. 79), razdur (Dembowski. Sł. gwary podhalskiéj. Spraw. Kom. Jez. V. 391); чеш. razur, словацк. razur(коготь); рус. пазуръ (ноготь и коготь), м.-рус. пázор (Zehe, Kralle). Какъ видимъ, значенія словъ raznoġьть и *razdur совпадаютъ и это заставляетъ видѣть въ первой части ихъ одно и то же: Gen. Sing. *rōds отъ rod—(нога); что касается темной второй части, которая восходитъ къ *doug-, то ее никакъ нельзя сопоставлять съ корнемъ der—(драть). Какъ слав. паздуха соотвѣтствуетъ во второй части латыш. duse (или raduse, которое соотвѣтствуетъ duse такъ же, какъ лит. rāpagėv : пазногъть) и др.-инд. dōṣ, т. е. имѣетъ основу съ чередованіемъ: dūs, dous-, такъ и въ razdur мы видимъ двѣ основы: *razdūġь, откуда м.-рус. пázоръ, и *razdouġь, откуда пол. razdur (по другому написанію razdór), чеш.-пол.-рус. razur (какъ пазуха, *паздуха). Единственное этимологическое толкованіе этого *dūġ-, *douġ- представляется мнѣ возможнымъ въ сравненіи съ кельт. dug-но—(кулакъ. Stokes. 148), латыш. dūge(кулакъ)¹⁾, такъ что слово паздуръ значило бы „кулакъ на ногѣ“, что звучитъ нѣсколько комически, но въ сущности

особ. задняя, съ глубоко распахненными перстами. Даль. III. 4). Изъ *пазно- развивается со вставкой ð: паздно (ср. чеш. razdneht), сиб. пázданки=пазанки. Источникомъ всѣхъ указанныхъ формъ было сокращеніе слова *rāznoġa или *rāznoġьть. Ср. праслав. ястръ изъ ястребъ, откуда словин. jâstran, м.-рус. ястеръ и словк. jastriti (Scharfsaehen. Mikl. Et. W. 101, у Loos'a нѣтъ). Ср. м.-рус. жайвір изъ жайворонокъ.

¹⁾ Греч. δῶρον (ладонь), съ которымъ Prellwitz. 81 сопоставляетъ латышское слово, имѣетъ съ нимъ лишь отдаленное сходство по значенію и не соотвѣтствуетъ ему по звукамъ.

вѣрно передаетъ представление о копытѣ, когтяхъ, какъ объ известномъ окончаніи ноги, утолщеніи въ нижней части конечностей. Какъ въ паздурь, *rōds-douг-ъ, *rōz-douгъ *o* послѣ *z* въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ выпало, такъ же оно выпало и въ словѣ паздуха (словн. rāzdiha *паздыха, rāzduha и rāzuha; въ другихъ славянскихъ языкахъ пазуха), которое распадается на раз + duha. Последняя часть слова совершенно ясна: это, несомнѣнно, духа, которому соответствуетъ авест. dā-ōša — (плечо), новоперс. dōš (Horn. 130), кельт. *dousep — (рука, ир. doe. Stokes. 335), латыш. duze (пазуха), др.-инд. dōṣ (верхняя часть руки, рука. Uhlenbeck. 131), такъ что происхожденіе слова пазуха изъ паздуха не подлежитъ сомнѣнію¹⁾: духа должно было значить плечо, а паз или рус.-пол. разъ (яма, дыра), такъ что пазуха по смыслу = яма подъ рукой у плеча, или *раз-jo — (плечо, чешс. rážе плечо и др. у Миклошича Et. Wört. 52). Во всякомъ случаѣ, *разuha изъ *razduha позволяетъ думать, что и разуг изъ *razduг (*rōdsdouг-).

Какъ уже высказывался Остгофъ, въ древнѣйшихъ двусловныхъ именахъ кроются въ первой части надежныя формы, вошедшія путемъ сращенія въ составъ сложнаго слова. Хотя въ толкованіяхъ Остгофа (Verbum. 210—235) много произвольнаго, но по существу дѣла онъ правъ²⁾ и наряду съ чи-

¹⁾ Такъ высказывался и Миклошичъ. Et. Wört. 52; хотя противъ этого выступилъ г. Брандтъ. Рус. Фил. Вѣст. 1887, стр. 22, однако этимологія второй части слова слишкомъ ясна, чтобы нельзя было предположить возникновеніе формы пазуха изъ паздуха. Попытка Видемана (В. В. 26. 258) связать слав. пазуха съ рус. пахва и т. д. допускаетъ чрезвычайно много натяжекъ.

²⁾ Ср. *Maretić*. О narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba. Rad. т. 81, стр. 108—109. Собственные имена заимствую у Миклошича (Die Bildung der slavischen Personennamen. 1860), Маретича, Гинкена (Древнѣйшія русскія двусловныя личныя имена и ихъ уменьшительныя. Живая Старина. III. 440—461), Глогера (Encyklopedja Staropolska ilustrowana. т. II. 1901, стр. 264—269. Imiona staropolskie).

стой глагольной или именной основой в первой части таких собственных именъ кроются часто падежныя формы; кромѣ Gen. Sing., мы находимъ здѣсь и другіе падежи, особенно Dat. и Loc. Правда, далеко не всегда можно утверждать, что въ той или другой первой части сложнаго имени скрывается падежная форма: иногда нельзя опредѣлить, не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ глагольной основой (таковы имена на *Āti-* изъ *чѣсть или *чѣстити, на *Tvrđi-*, *Tverđi* изъ *тврѣдь или *тврѣдити, на *mysli-*, *lŷsti-* и др. Osthoff. 217—219). Въ другихъ случаяхъ нельзя установить, какая именно падежная форма должна быть предположена, потому что въ этихъ двусловныхъ именахъ мы имѣемъ дѣло съ весьма древними образованиями, которыя однако и сами могутъ въ значительномъ большинствѣ быть лишь аналогичными новообразованиями по образцу очень древнихъ уже утраченныхъ языкомъ именъ. При всемъ томъ въ части такихъ именъ можно довольно рѣшительно видѣть срощенія такихъ частей, какъ -славъ, -миръ, -жиръ, -тѣхъ, -драгъ, -боръ и др. съ падежными формами.

Такъ, Gen. Sing. отъ слова богъ, имѣвшаго нѣкогда (по справедливому предположенію проф. Соболевскаго въ его рецензіи на книгу г. Лося) основу на -з, долженъ былъ звучать: богу, что находимъ въ именахъ *Boguschwal* (Glog. 265), *Boguživ* (не „*deo vivus*“ Mar. 114), чеш. *Bohudar*, чеш. *Bohuvlast*, чеш. *Bohuvole*, чеш. *Bohumest* и др. (Miklos. 247—248). Отъ слова боръ (борьба) образованы съ Gen. Sing. въ первой части чеш. *Bořihněv*, *Bořislav*, серб. *Borislav* (*pugnae* или *in pugna gloriā habens*. Maret. 114), *Borivoj* (*pugnae bellator* или, по Maretичу 114, *in pugna bellator, ad pugnam bellatores habens*) и др. Отъ брань имена серб. *Branimir* (*in pugna modum habens?* Maret. 114), *Branislav*, *Branivoj* и т. д. Подобнымъ образомъ могутъ объясняться имена пол. *Gościsław*, *Ziemisław*, *Ziemirad*, *Mścisław*, *Mści-*

gniew, чеш. Zemizizn, Lstimir, Mstidruh, Hostirad, серб. Gostimir и мн. др.

Dat. Sing. встрѣчается въ этихъ именахъ рѣже: несомнѣнный Dat. Sing. скрывается въ чеш. Dĕdumil (1088), чеш. Petrimila, пол. Pietrumila (аналогичныя новообразования?), серб. Tetumil, тогда какъ имена съ *sebe-, *sobe- въ первой части могутъ восходить къ сложениямъ съ Gen.: таковы серб. Sebetjeh (sibi solamen? Mar. 127), Sebedrag, Sobemisla, пол. Sobiesław (Głog. 267). Loc. Sing. довольно обыченъ въ именахъ съ дома- въ первой части: Домагость (Гинк. 457), Domamir (Głog. 266), Домагој (Maret. 117), Домаслав (Maret. 118) и др.; также, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ именъ съ основами на -ъ и -з, гдѣ съ формальной стороны Gen. Sing. не отличается отъ Loc. Sing.: таковы, пожалуй, Boguživ (in deo vivus), Zemidrag (in terris gratus. Maret. 134), Vlastimir (in potestate gloriosus, а не in potestate pacem habens или potestatem pacemque habens. Maret. 132), Rasibor (Głog. 267) и нѣк. др.

Таковы слѣды архаистическаго образованія сложныхъ словъ въ праславянскомъ языкѣ. Подводя итоги изложенному въ этой главѣ, я сведу содержаніе ея къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Славяно-литовскій періодъ зналъ какъ настоящія сложенія, такъ и сращения.

2) Сложенія были двухъ типовъ: а) съ основой на гласный въ первой части, б) съ основой безъ гласнаго въ первой части.

3) Съ теченіемъ времени—возможно, что уже на славяно-литовской почвѣ, хотя прямыхъ доказательствъ въ пользу этого нѣтъ—произошло смѣшеніе въ области сложенія двухъ типовъ, вслѣдствіе чего появились сложные слова безъ „соединительнаго гласнаго“ при основахъ съ гласнымъ исходомъ; позже въ литовскомъ языкѣ произошло и обратное явленіе, т. е. старыя основы на согласный вошли въ сложенія съ соединительнымъ гласнымъ, тогда какъ въ славянскихъ языкахъ

въ силу фонетическихъ законовъ, господствовавшихъ въ общеславянскомъ языкѣ, такія сложенія и вообще стали единственно возможными, а сложные слова съ основами на согласный сдѣлались, какъ таковыя, непонятны. Поэтому въ слав. языкахъ развились лишь сложенія съ соединительнымъ гласнымъ.

4) Кромѣ настоящихъ сложныхъ словъ, славяно-литовская эпоха знала срощенія съ извѣстной падежной формой, при чемъ въ одномъ случаѣ можно констатировать уже для этой эпохи срощеніе стараго типа съ окончаніемъ -s Gen. Sing. Благодаря постоянному положенію Gen. передъ существительнымъ въ слав.-литовскій періодъ, нужно предположить, что срощенія съ Gen. возникали часто: слѣды этого явленія, уже потерявшіе свое первоначальное значеніе, сохранились въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, но вообще эти послѣдніе, сдѣлавъ положеніе Gen. при существительномъ свободнымъ, прекратили образованіе новыхъ срощеній, тогда какъ балтійскіе языки знали этотъ процессъ и знаютъ его до сихъ поръ.

5) Въ результатъ въ славянскихъ языкахъ оказался лишь одинъ типъ образованія сложныхъ словъ (съ соединительнымъ гласнымъ), тогда какъ балтійскіе языки въ этомъ отношеніи гораздо богаче, сохранивъ какъ сложенія обоихъ типовъ, такъ и срощенія. Но вслѣдствіе прекращенія дѣйствія фонетическихъ законовъ, недопускавшихъ стеченія извѣстныхъ согласныхъ въ серединѣ слова, славянскіе языки повемногу приобрѣтаютъ какъ сложенія безъ соединительнаго гласнаго, такъ и срощенія; пока еще тѣ и другія единичны, такъ какъ вліяніе массы сложений съ соединительнымъ гласнымъ не позволяетъ имъ утвердиться въ языкѣ и сдѣлаться образцами для новообразованій этихъ типовъ. Однако уже въ 14 в. мы находимъ въ чешскомъ языкѣ такія образованія, какъ volkrin (Menčik. 30. bodium, у Юнгмана ошибочно wolkrin), которому въ ново-чешс. соответствуетъ по типу формы мѣстное названіе Volpasy (pole u Nížkova. Pošek. 102).

ГЛАВА IV.

КОРНИ-ОСНОВЫ.

Раньше, чѣмъ сдѣлать выводы о жизни корневыхъ основъ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ, сгруппирую тѣ факты, которые, по моему мнѣнію, характеризуютъ ее.

1. **Zem—земля.** Изъ двухъ индоевропейскихъ основъ съ этимъ значеніемъ, возстановляемыхъ Бругманомъ (*Grundriss*. I². 792. 562), * $\hat{g}d^{\dagger}hem-$ (откуда др.-инд. *kṣam-*, гр. $\chi\theta\acute{\omicron}\nu$, $\chi\theta\alpha\mu\alpha\lambda\acute{\omicron}\varsigma$) и * $\hat{g}hem-$, славяно-литовскій яз. знаетъ лишь послѣднюю, которая въ двухъ формахъ чередованія распространена въ индоевропейскихъ языкахъ слѣд. образомъ (ср. *Fick*. I⁴. 54).

I) * $\hat{g}hem-$, откуда лит. *žẽmẽ*, прус. *same* и *semẽ*, латыш. *zeme*(земля) и *zem* или *zemu* L. 1541. 1672. (внизу, подъ), слав. *земля* и *земь*; авест. *zām* (*Bartholomae* Gr. I. 116). Сюда же осет. *zāxā* и др. (земля. *Hübschman*. 39).

IIa) * $\hat{g}hm-$, откуда ав. Gen. Sing. *zemō* (отъ N. Sing. *zāo*), пехлев. *zamīk*, новоперс. *zemī* и *zemīn* (*Horn*. 667), греч. $\chi\alpha\mu\acute{\alpha}\iota$ (*Hirt*. 80. *Brugmann*. Gr. Gram.³ 177), алб. *de* (? *G. Meyer*. 83). Сюда же относятся лат. *humus*(земля), *humilis* и ст.-лат. *hemo*(*homo*), гот. *guma*, др.-в.-нѣм. *gomo*, др.-исл. *gume*, др.-англ. *guma*, др.-сакс. *gumo* (человѣкъ. *Streitberg*. 68, *Feist*. 46). Изъ * $\hat{g}hm-$ * $\hat{g}hm-$ (ср. ниже).

IIb) * $\hat{g}hm-$, откуда др.-инд. Gen. Sing. *jmās*, Instr. Sing. *jmā́* (земля. *Uhlenbeck*. 71. Ср. *Wackernagel*. 160),

афр. *zmaка* (Grund, Boden, Erde. Geiger. 28). Сюда же большинство ученых относить др.-перс. *uzmaуāратиу каг* (пригвоздить въ кресту или сажать на колъ), въ которомъ *Гоу* (KZ. 35, 23—24) видитъ Loc. Sg. *uzmaу* отъ *изам* (коль; то, что торчитъ изъ земли). Такъ же смотрятъ на эту часть сложенія Бартоломэ (Grudr. I. 125) и Горнъ (Et. Wört. 667), тогдака къ Гюбшманъ (Pers. Stud. 70) высказываетъ относительно этого сомнѣнне, ничѣмъ, впрочемъ, не обосновывая его. Кромѣ того, въ др.-перс. географическихъ названіяхъ *Uvāgaz miš*, *Uvāgaz miya* Фой также видитъ часть сложенія *-zm-*, происходящую изъ индоевр. слова **g̃hem* — земля. Наконецъ отъ того же вида корня **g̃hm* произведено ст.-лит. *žmũ*, совр. лит. *žmogùs*, прус. *smoу*¹⁾ — человекъ. Въ др.-инд., кромѣ двухъ надежей отъ недостающаго *jam* — (земля), словарь Бётлингга указываетъ еще Loc. Sing. *jmān* (на пути) и прилаг. *jmāуā* (*die Bahn verfolgend*. Sansk.-Wört. in kürzer. Fassung. II. 277). Вѣроятно, этихъ послѣднихъ словъ, происходящихъ отъ корня **g̃hm-*, нельзя отдѣлять отъ нашей группы словъ со значеніемъ земля, почва. Въ недавнее время г. Видеманъ (В. В. 27. 202) сдѣлалъ попытку отдѣлить группу словъ со значеніемъ и мужъ отъ корня **g̃hem* (земля), но мы натываемся здѣсь на такія трудности (напр., отношеніе корня **g̃hem* со значеніемъ мятенно двигаться къ корню **g̃hem* — земля, германскихъ формъ другъ къ другу и т. д.), что пѣтъ причины мѣнять установленнаго современной наукой взгляда.

И такъ, мы видимъ что въ слав.- лит. семьѣ языковъ корень *zem* установился въ двухъ видахъ чередованія: *zem-* (*žem-*) и *zm-* (*žm-*). По совершенно раздѣляемому мною мнѣнію проф. Брандта (Р. Ф. В. 1891. № 2. 220 стр.), слово „земья“ произведено отъ древнѣйшей согласной основы *zem-*, которая въ литов. яз. уцѣлѣла прежде всего въ

¹⁾ Что касается *j* въ прус. *zmōj* (какъ я читаю это слово), то ср. диалект. литов. *gudōj*, *akmōj*, *piēmōj*. *Kurschat*. Gram. 207

сложныхъ словахъ¹⁾; изъ нихъ слово *Žemrati*²⁾ (богиня земли) должно быть отнесено къ большой древности; еще отмѣчу *žemgulys* (лежащій на землѣ), *žemlindis* (по землѣ ползущій), *žémskirė* (*Erdscheide, Ackerscheide*, землераздѣль) *žėmūgė* (земляника) латыш. *zemdegas* (*Erdbrand*), *žemturis* (*Landmann*, ср. *žmogùs*) и др. Славянскіе языки выработали, вообще говоря, сложения съ *земъ въ первой части, такъ какъ зем- передъ согласнымъ перешло бы въ за и только передъ слѣдующимъ гласнымъ удержалось бы въ видѣ зем.—И то, и другое мы имѣемъ право искать въ славянскихъ словаряхъ. Такъ, я отношу сюда пол. *Zędżun* (бабочка *Stagmatophora*) изъ *zędżun; вторая часть встрѣчается и отдѣльно въ названіи животнаго изъ породы *Rotatoria: dżunik* (*Trichocerca*), такъ что все слово я перевелъ бы такъ: „у земли трепещущій“. Въ названіи другого растенія пол. *zebrzusa* или *zembrzusa* (кромилъце въ мрус.), слов. *zėber* (нека трава, ср. *zėbazablik*. *Pleterš. 911*), серб. *zebra, zebrica* (*Šulek. 454*), мрус. *зябрій* (*Желех.*), в.-рус. *зябра, зяберь* (смог.), *зябра, зябрей* (разныя травы. *Анненковъ. 620. 621. 1384*), — которое восходитъ къ *zem-bŕis, мы видимъ тоже въ первой части сложения основу зем-; все слово по звукамъ совпадаетъ съ литов. миеологическимъ названіемъ *Žembergys*, которое Куршатъ переводитъ черезъ *Erdstreuer* (*žem-* и *beriu, beiti* сыпать), и къ травѣ извѣстнаго вида такое названіе подходитъ (ср. кромилъце). Въ неизмѣнномъ своемъ видѣ основа зем- встрѣчается въ ст.-чешскомъ названіи растенія: *zemozsch* (*Menčík. 32. de herbis ignotis*, гдѣ переведено оно черезъ *saps*, ср. литов. *žemgėšutis*, пол. *orzsch ziemny*) и въ образованіяхъ съ суффиксами *ьнъ, ьць* (земецъ) и др. Уже на славяно-

¹⁾ Ср. др.-инд. *jam-bālas* = *jam + bāla* (болото); ср. лит. *balà*, др.-в.-нѣм. *pfuol. Uhlenbeck. 97*; съ *bāla*- ср. рус. бала-ружина (вят. лужа, стокъ грязной воды. *Даль. I. 42*).

²⁾ Въ *Вольфенбуittelъской Постилѣ žemperatis* (*Mitt. d. lit. Ges. 26. 161*).

литовской почвѣ эта основа перешла въ систему склоненія основъ съ гласнымъ исходомъ, хотя возстановить праформу слова земля затруднительно¹⁾.

Какъ лит.- прус. *ž m ō n- происходитъ отъ основы ž m-, такъ въ той же основѣ восходитъ слав. з м ѣ и, (ст.- рус. з м ѣ и. Соболевскій Лекціи²⁾. 207, серб. з м а j и др. Miklošich. Et. Wört. 403). Однако для праслав. надо предположить основу не z m-, но z ъ m-, которой соответствуетъ въ индо- европ. правыкъ *g̃ h m̃ или, какъ полагаетъ Бартоломэ относительно соответствія древ.- иран. э m̃ германскому u m̃ (Grund. I. 30), а Фейстъ относительно гот. g u m̃ a и др. (Brugmann I.² 415), - g̃ h m̃ m̃: на славянской почвѣ это дастъ з ъ м. Именно этотъ видъ основы мы находимъ въ болг. з ѣ м ѣ (Дювернуа. 787) или з ѣ м ѣ (Геровъ II. 160), въ увелич. з ж м ч ѹ р ж (огромная змѣя, см. Сборн. ва нар. умотв. XVI—XVII. 392). По значенію з ѣ м ѣ и²⁾ совпадаетъ съ лит. ž e m l i n d ū s (ползующій по землѣ) и означаетъ з ѣ м н о г о г а д а.

Такимъ образомъ для слав.- лит. эпохи мы можемъ возстановить три вида основы слова земля: 1) z e m̃ (ž e m̃), 2) z m- (ž m-), 3) z m̃ m̃ (ž m̃ m̃). Первая изъ нихъ употреблялась въ языкъ въ видѣ самостоятельнаго слова, что доказывается переходомъ ея въ систему различныхъ склоненій на гласный (з е м ѣ, з е м л я, ж ѣ т ѣ), вторая служила только базисомъ для новыхъ образованій.

2. З м м а. Эта основа въ индоевропейскомъ правыкъ употреблялась въ нѣсколькихъ видахъ: *g̃ h e i m̃ *g̃ h i m̃ и др., взаимное отношеніе которыхъ между собой и по отношенію къ основѣ *g̃ h i ō, *g̃ h e j ō и т. д. врядъ-ли можетъ быть установлено въ настоящее время наукой. Такъ, лат. h i e m s, гр. χιῶν Бругманъ сравниваетъ съ кельт. g i a m o-

¹⁾ Ср. Zubatý Iag. Arch. XIII. 624.

²⁾ Ср. Р. Брандтъ. Грамматическія замѣтки 1882—1884. стр. V дополненій. Миклошичъ приводитъ ст.- рус. зомѣя, котораго въ словарь Срезневскаго нѣтъ; это слово должно объясняться отвердѣніемъ глухого.

(галл. *Giamillus*), которое онъ (Gr. I.² 412) возводитъ къ первоначальной основѣ *ghilim^m-o-, но сомнительно, чтобы эта послѣдняя объясняла латинское и греческое слова; гр. *χιών*, лат. *hiems* по Гирту (*Handbuch*. 80) восходятъ къ *ghejōn, но лат. *hiems* никакъ не связать съ этой формой непосредственно. Фикъ (*Vergl. Wört.* I⁴ 53) высказываетъ предположеніе, что гр. *χιών* возникло изъ *χιών* = ав. *zuyāo*, Перъ Перссонъ (*Wurzelegrw.* 94) восстанавливаетъ основы **gh(i)lēm*-, въ которой возводитъ какъ лат. *hiems*, такъ и гр. *χεῖρών* и др.-инд. *hétan* и т. д.: можно сказать, что мнѣніи здѣсь столько же, сколько ученыхъ, высказывавшихся по этому вопросу.

Съ точки зрѣнія славянскихъ и балтійскихъ языковъ мы можемъ не углубляться въ этотъ вопросъ, потому что здѣсь распредѣлены лишь двѣ основы: *zeim и *zim-. Первая лежитъ въ основаніи также др.-инд. *hétan* (зимой), гр. *χεῖρα* (буря), *χεῖρών* (зима), алб. *dimen* (зима, изъ *deimen-, *gheitmen- G. Meyer. 67)¹⁾, вторая въ др.-инд. *himás* (холодъ, зима), *hīmā* (зима), ав. Gen. *zimō* (отъ Nom. *zuyāo* зима), афг. *zimai* и др. (*Horn.* 147. Geiger. 28), гр. *δύσιμος* (очень холодный), лат. *bimus* (*bihimo*-). Что касается слав. *зима*, лит. *žėmà*, лат. *zėma*, прус. *seto*, то всѣ эти формы восходятъ къ инд.-евр. *ghēim^é; конечное *ā* здѣсь нѣсколько странно, потому что инд.-евр. формы, образованныя отъ этого вида основы, восходятъ къ праформѣ *ghēimn (*gheimen-, *gheimōn), тогда какъ гласный исходъ получаютъ основы со слабымъ видомъ чередованія- *ghimo-. Такъ какъ однако слав.-литов. форму нельзя выводить изъ *ghēimō(*n*)²⁾, то остается предположить, что уже, по крайней мѣрѣ, на слав.-лит.

¹⁾ Stokes 104 видитъ въ ир. *gēm*-, др.-кимвр. *gæm* и др. основы *gaiamo*-, *gaimo*-, *gimo*-(зима).

²⁾ Въ этомъ случаѣ мы имѣли бы слав. *зимá*, по лит. *žėmū*. Ср. слав. *гѣда*, *гѣды*, лит. *kadà* изъ *kadà* -инд.-евр. *ko-dōn и *ko-dō*. Zubatý. Arch. f. Slav. Phil. XV. 508.

почвѣ произошло смѣшеніе основъ *zeimn и *zimō-, давшее форму *zeimō- и *zeimā (Fem. Nom. Sing.). Только послѣдняя уцѣлѣла въ самостоятельномъ употребленіи въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ, подобно тому какъ основа въ чистомъ видѣ, не развитая гласнымъ, неизвѣстна (развѣ за исключеніемъ кельтской группы, о которой не берусь судить) ни въ одномъ изъ инд.- европ. языковъ.

Слабый видъ основы zim-, совершенно вымершій въ балтійской группѣ, въ славянской легъ въ основаніе любопытнаго глагольнаго образованія. Я думаю, что отношеніе глаголовъ знобить и забнуть нельзя объяснить иначе, какъ предположеніемъ, что въ послѣднемъ *л* не результатъ обобщенія корня съ *л* подѣ влияніемъ другихъ образованій (Ульяновъ. Р. Фил. Вѣстн. 20. 202), а вполне законный ингредиентъ корня, соотвѣтствующій *him- латинскаго, греческаго и др.- инд. языка. Я разложилъ бы забнуть на *zim-b-nō-n-ti¹), гдѣ *b* то же, что въ словинцскомъ lā-bjīc- ломить (ср. Lorentz. K. Z. 37. 269. ср. лит. stim-p-ū Ульяновъ. loc. cit. 145)²); а знобить = зьm-пo-b-ī-ti. Сопоставивъ эти двѣ формы, получаемъ такое отношеніе *зьm-b-пo- и *зьm-пo-b-, гдѣ *b* присоединяется или къ еще на развитому глагольнымъ суффиксомъ корню *зьm-или прямо къ суффиксу въ зьm-пo; въ послѣднемъ случаѣ *m* передъ *n* выпалъ. Не относится-ли и глаголь про-зѣать (germinare), лит. žembèti къ разряду основъ съ -b-. Въ этомъ случаѣ корень зем- можно было бы отождествить съ слав. зем-, лит. žem- (земля).

3. Dont-зубъ. Индоевропейскій языкъ зналъ эту основу въ двухъ видахъ чередованія: dont и dent- (откуда dnt-).

¹) Объ этомъ глагольномъ суффиксѣ по-, пж- см. у проф. Ульянова Р. Ф. В. XX. 69—72. Wondrak. Altkirchenslav. Gram. 234—236 и др.

²) Ср. много примѣровъ изъ разныхъ языковъ у Per Persson, Wurzelegrw. 49—59.

I. *Dont-* въ др. инд. Acc. *dántam* при Nom. *dan* *dant, ав. *dantan-* и др. иранскія слова, арм. *atam* (Hübshman. 422), кимвр. *dant*, др.-в.-нѣм. *zand*, др.-сакс. *tand*, англ.-сакс. *toth*, лит. *dantis*, прус. *dantis*, гр. ὀδόνος, ὀδών (Uhlenbeck. 120 и др.) изъ **odont-*.

II. *Dent-* и *dnt* въ др.-инд. Gen. *datás* (*dntós), гот. *tunthus* (**dnt-*); лат. *dent-is* (Gen отъ *dens*), др.-исл. *tindr* (*Zahn am Rade*), ср.-в.-нѣм. *zint* (*zacke*) изъ *dent-* (Brugmann. Gr. Gram.³ 199, прим. 2); ир. *dét*.

Ни одна изъ этихъ двухъ основъ не уцѣлѣла въ славянскихъ языкахъ въ самостоятельномъ употребленіи, но въ образованіяхъ съ суффиксами можно, какъ мнѣ кажется, найти довольно часто одну изъ нихъ, именно основу *dent-*, давшую на славянской почвѣ *dat-* и передъ слѣдующимъ согласнымъ *da-*. Несомнѣнно она скрывается въ пол. *dzięgna* (болѣзнь десенъ, флюсь, зубная боль), которое разлагается на *dent-gna (ср. болѣзнь *gnilec* Sl. 859); диалектескія формы *dzięgła* и *dzięgwa* (Sl. gw. I 440) являются, повидимому лишь искаженіемъ правильнаго *dzięgna*¹⁾, сложенія безъ соединительнаго гласнаго, какъ лит. *dántkalis* и др. Это сложеніе показываетъ, что слав. праязыкъ употреблялъ въ живой рѣчи форму *dent*, и это заключеніе подтверждается литовскимъ языкомъ, гдѣ окончаніе *-ų* Gen. Pl. присоединяется при Sing. на *-is* лишь къ старымъ основамъ на согласный; *dantũ* вм. *danũ* обычно и въ литературномъ языкѣ, и въ говорахъ: Куршаты знаютъ его въ Сталукопненѣ и въ Онякштахъ (Gram. 194), Юшкевичъ (Лит. слов. 292) приводитъ въ поговоркѣ выраженіе: *kas už dantų ūga*; у Ширвида находимъ *duntu gielimas* 49. 17; 125. 13 и т. д.

¹⁾ Matzenauer. Listy fil. VII. сравниваетъ не имѣющее съ нимъ ничего общаго чеш. *dehen*, *dehni* (*morbus quidam*). У Юнгмана I. 347 находимъ: *proti dehn*. Ср. ст.-рус. дѣгна и Потебня Къ исторіи звуковъ русскаго яз. IV. 71—73.

Въ сложеніи съ суф.- слo- основа *dent* даетъ въ общеслав. яз. *dentslo, откуда *dēslo, въ Plur. *dēsla, въ Dual. *dēsli. Отсюда объясняются пол. *dziaśła*, кашуб. *donśła* (Berka 378) изъ *Plur. *dēsla*, серб. *dēsli* (Акад. Rječn. II. 360) изъ *Dual. *dēsli* (десны), гдѣ *š* изъ *s*, какъ въ *nāšljedni*, *óšlji*, *pōšlje* и др. (Iveković i Broz I 773. 931. II. 136), мрус. *јсла* (Желех. 1116). Суф. *slō* принадлежитъ общеслав. эпохѣ¹⁾: ср. лит. *gūsła*, *móksla*, *tíksla*, латыш. *krimsłas*, *mesłs*, *cinksła* и др. (Leskien. Bildung. 453—455); въ латинскомъ языкѣ его находитъ Штольцъ (I. F. XV. 55) въ словахъ *scāla* *skandsła, *pullus* *putslus. Съ его помощью образовано лит. *žąsłas* (узда) отъ утраченного лит. *žambas (зубъ) = латыш. *zōbs* слав. *зѣбъ*, др.- инд. *jámbhas*, гр. *γόμφος*, др.- сѣв. *kambg* и др. (Uhlenbeck 97). Изъ двухъ словъ со значеніемъ зуба литовскій языкъ сохранилъ форму *dent*, тогда какъ славянскій и латышскій синонимическое *zombъ; лит. **žamb + sla-s* дало въ результатѣ *žąsłas* (ср. Leskien. Bild. 453).

Съ суф. *snā*- основа *dent*-образуетъ слово *dentsnā, откуда пол. діалект. *dziaśna*, ст.- чеш. *dásn*, *dásno*, діал. *d'asně*, словацк. *dásno* и *jásno* (Gebauer. 208), серб. *dēsna* (Ak. Rječ. II. 355) словн. *dlásna*, *dlésna*, *desne* (Pleterš. 133. 140), мрус. *јсна* (Уманецъ і Спілька. 179). Белрус. языкъ не знаетъ иной формы, кромѣ *десна*, которое едва-ли не восходитъ въ *дѣсна **dē(n)tsna* съ выпаденіемъ *n*. Въ старорус. памятникахъ это слово не засвидѣтельствовано (у Срезневскаго его нѣтъ), изъ церк.- слав. Миклошичъ приводитъ слово *десна* (Lex. 159) найденное въ рукописи 16—17 в. Суф.- *snā* (ср. *сосна* *sop-sna при лат. *sarpus* и др. Р. Ф. В. 32. 125) хорошо извѣстенъ балтійскимъ языкамъ: лит. *lėpsnà*, *glūsnà*, *plūnksnà* и др.²⁾.

¹⁾ Въ слав. *gusli*, *jasli*, *maslo*, *čislo*, *veslo*. Ср. *Maretić. Gram. 342* а также мысль *mūd-sly, ср. гр. *μῦθος* и др.

²⁾ Ср. Leskien. Bildung. 359. Въ слав. суф. *сна*- *s*, вѣроятно, не переходитъ въ *h* и не выпадало; впрочемъ, мы могли бы исходить и изъ формы: *dent-ъпа. *десъна.

Слѣдующее образование, которое я ставлю въ связь со словомъ *dent, есть названіе растенія съ зубчатыми листиками, клевера, и образовано съ помощью суф. -el-¹⁾, отчего возникаетъ основа *dentel; распространенная новымъ суффиксомъ -ina, эта основа даетъ слово *dentelina, откуда пол. *dzięcielina*, чеш. *dětelina* или *jetelina*, серб. *djetelina* и др. (Šulek. 68). Съ тѣмъ же значеніемъ употребляется основа болѣе короткая: словн. *dételja*, чеш. *dětel*, луж. *džecel* (Pfuhl. 181); рус. датель-никъ и др., которыя восходятъ къ праслав. *dentelis (лит. *dantėlis* — зубокъ). Трудно отдѣлять отъ этого корня и названіе птицы дятла, которое также восходитъ къ формѣ съ носовымъ звукомъ *dentьль, но отношеніе значеній въ этомъ случаѣ для меня совершенно не ясно. Ср. Arch. IX. 327.

4. **Pod—нога.** Въ образованіяхъ пазногъть, паздуръ и лит. *rozpãgas* я старался показать срощенія съ архаической первой частью, Gen. Sing. на -s отъ коренной основы *rod—нога*. Теперь надо остановиться на другихъ образованіяхъ, въ основаніи которыхъ лежитъ тотъ же корень: въ славянскихъ, какъ и въ балтійскихъ языкахъ онъ встрѣчается въ цѣломъ рядѣ простыхъ и сложныхъ словъ. Разнообразіе видовъ основы весьма значительно какъ здѣсь, такъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ.

I. *rod-*, др.-инд. *radám* (слѣдъ, нога), *raduate* (онъ падаетъ, идетъ), *ratīṣ* (пѣшій, слуга), *radātas* (id.), Gen. Sing. *radas* (ноги); ав. *radəm* (слѣдъ), др.-перс. *rapadiy* (пѣшкомъ, auf dem Fusse), *ratipadam* (на свое мѣсто); оссет. *fad* (Hübschman. 63), белудж. *rad* (слѣдъ. Geiger. 33), афг. *pal* (нога, слѣдъ. Geig. 18); арм. *ot-p* (нога), гр. Gen. *ποδ-ός*; обще-слав. *подъ* (поль. Будиловичъ. II. 105, Uhlenb. 154—155); др.-в.-нѣм. *fazwesca* (Fussbad); др.-исл. *fata* (den Weg finden. Noreen. 50).

---

¹⁾ Ср. Miklosich. Vergl. Gram. II. 108—109.

II. *ped-*, гр. πεδᾶ(послѣ), πεζός *pedjos(пѣшіи), геракл. *Ἰχκατίπεδος, πέδον* (Boden, Feld); лат. *peda* (*vestigium humanum*), *oppidum*(городъ), *pedes* и *pedester* (пѣшіи), Gen. *pedis*; арм. *het*(слѣдъ); кимвр. *eddwyd* (*ivisti*); др.-исл. *fet*(стопа), *fit* *fetiō—(плавникъ); латыш. *pērežs* (неожиданный, послѣшный) *pedjos.

III. *pēd-*, лат. *pēs*, др.-исл. *fótom* (*fanden unsern Weg*. Noreen. 73); лит. *pėdas* (Ширв. 32. 33) или *pėdà*(слѣдъ), *pariėdis* (фундаментъ. Geitler. Lit. St. 100); латыш. *pėda* (подошва, стопа, слѣдъ, башмакъ, футъ), *pėdigs* или *pėdejs* (послѣдній, задній); прус. *peadeu*(*Socken*); слав. пѣшь изъ *pėdsjos.

IV. *pōd-*, др.-инд. *pāt* (Асс. *pādām*), ав. *pāδa-*, пхлв. *pāi*(нога), *pāyāk*(ступень), новоперс. *pāi*, *pā*(нога), курд. *pāi*, белудж. *pād*(нога); гр.-дор. πός (атт. ποός), умбр. *du-purs-us* (?*bipedibus*. Brugmann. Gr. I³. 147); гот. *fōtus*, др.-исл. *fótr*, др.-анг. *fót*, др.-сакс. *fōt*, др.-в.-нѣм. *fuoz*; сюда же др.-инд. *Causat. pādáyati* (онъ заставляетъ идти, падать), слав. пад-ать, болг. паднѣ(останавливаться), пáдало (стоянка. Дюв. 1580); серб. *pādina*(долина), *pādalište*(лагерь) и др.

V. *pđ-*, др.-инд. *upa-bdás*(*getrampel*), ав. *frabda* (*vorfuss*), гр. ἐπίβδαι (Brugm. Gr. Gr.³ 91, Uhlenbeck. 29; послѣпраздничный день).

Слѣдуетъ отмѣтить, что чередованія основъ въ склоненіи этого слова не знаютъ языки германскіе (**pōd-* во всѣхъ падежахъ Streitberg. 204), балтійскіе (основа на -ā: *pėda*) и славянскіе (подъ- основа на -o). Отъ послѣдней образованы и нѣкоторыя сложныя названія: прежде всего сюда относится в.-рус. *постоль*, м.-рус. *постіл*, серб. *пѣстѣ* (родъ обуви), которое вѣрно объяснилъ уже Потебня (Къ исторіи звуковъ русскаго языка. IV. 1883, стр. 81—82), сопоставивъ эту группу славянскихъ словъ съ латыш. *rastala*(башмакъ) и др.-инд. *Dual. padatalē*(подошвы), сравнительно съ которыми слав.-лит. слова представляютъ архаизмъ. Потебня разлагалъ эти слова на *pōd-tāl-ōs(*пад-тал-ас) и видѣлъ въ

первой половинѣ рѣдкѣй остатокъ темы на согласный. Какъ мы уже видѣли, эти остатки далеко не такъ рѣдки, какъ полагалъ нашъ знаменитый лингвистъ ¹⁾. Въ ту пору, когда Потенбня писалъ свою статью, ему еще не было извѣстно соответствующее болгарское слово: посталъ (Дювернуа. 1796. Геровъ. IV. 224 родъ обуви и обувь вообще; дадохъ му посталы-ты въ ржѣж = отставили отъ службы, прогнали); не приводитъ онъ и словн. рѣстол (сапогъ, башмакъ). Болг. посталъ не можетъ восходить ни къ чему иному, кромѣ *rod-ta(б)l-ov. Какъ -толъ соответствуетъ прус. talus (Fussboden), др.-инд. talam (Fläche, Ebene, Handfläche, Fusssohle, Schutzleder) и др., такъ -талъ слѣдуетъ сравнить съ греч. τηλία (дошечка, на которую выдаютъ кости), кимвр. tâl (лобъ), корнв. tâl (Stokes. 124. Uhlenbeck. 110), серб. tálog (осадокъ на днѣ).

Другое сложеніе съ основой под- находимъ въ слѣд. слав. словахъ: болг. пѣлогъ (логовище. Дюв. 1750), пѣлогъ, *цѣлогъ (сѣво птице гнѣздо, направлено долу на земя та; ако то не е на земята, а на дърво или на друго нѣщо, тогава се нарича гнѣздо. Сборн. за нар. умотв. VI. 235), пѣлогъ или пѣлагъ (мѣсто, гдѣ курицы несутъ яйца. Геровъ. IV. 149); чеш. podlaha (Dielbrett, Fussboden), словац. podlaha (solum), в.-луж. podłoha (Fussboden, Diele), пол. podłoga (id.) Будиловичъ. II. 105. Эти слова не „областныя“, какъ ихъ называетъ проф. Будиловичъ, но общеславянскія и происходятъ отъ основной формы *rod-lōga со значеніемъ того, что лежитъ на землѣ (доски пола, хворостъ, въ которомъ находится логовище звѣря; гнѣздо птицы). Отсюда же, вѣроятно, и рус. пѣлогъ, гдѣ ъ выпало передъ л, какъ въ словѣ полъ изъ *rod-lъ; основное значеніе слова пѣлогъ — настѣлка, покрывало, распростертое на землѣ еще

---

¹⁾ Какъ извѣстно, Потенбня объяснялъ слово почва изъ *подъшва, и едва-ли онъ не былъ въ этомъ отношеніи правъ: ср. чеш. роšev Gen. роšви или роšва Gen. роšву (подошва). Dušek. I. 14: pod nima plechovú роšvičku.

довольно близко къ областному значенію его въ восточной Россіи (Даль III 263), гдѣ пологомъ называется рядно для сушки и перевозки хлѣба, для укрышки его на возахъ; обычное значеніе слова *пблогъ* развилось изъ общаго значенія покрывала.

Кромѣ рус. *полъ*, отъ основы *rod-*, получившей единственное значеніе низа, земли (откуда и падать, ср. съ этимъ *под-* гр. *πέδον*), тогда какъ въ инд.-евр. оно имѣло еще другія значенія (нога; слѣдъ; плоскость; земля), образовано съ суф. *-ль* прилаг. *родьль (низкій), откуда рус. *подлый*, пол. *rodły*, чеш. *rodlý* (низкій и морав.-словац. *низкій*, *подлый*, *гадкій*). Прибавлю въ заключеніе, что, по моему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія отдѣлять отъ этой основы и предлогъ *подъ*. Изъ того, что исходное *-дъ* встрѣчается и въ другихъ предлогахъ (*надъ*, *передъ* и др.), вовсе еще не слѣдуетъ, что „*rodъ* *verhält sich zu po, wie nadъ zu pa*“¹⁾ (Miklosich. *Etym. Wörterb.* 253): здѣсь, напротивъ, *передъ* нами совершенно то же явленіе, что въ латышскомъ *zem* или *zemi* (діалект. также *zam*). Основа *zem* — стала употребляться въ смыслѣ предлога (*zem galdā*, *подъ столомъ* и т. под.); отъ нея образовано прилаг. *zems* (L. 3241) со значеніемъ *низкій*, въ сложеніяхъ она указываетъ на близость предмета къ землѣ, на низкое положеніе его: *zemlūze* (коротконогая корова), *zemzags* (коротко-ствольный) и т. п. Совершенно аналогичное положеніе заняла въ славянскихъ языкахъ основа *rodo (предлогъ *подъ*²⁾, имя прилаг. *подьль*, въ сложеніяхъ *rod-lōga). Здѣсь существительное перешло въ предлогъ, какъ напр. въ слѣдующихъ примѣрахъ изъ сербскаго языка: *čelo glave* (*zu Kopfe, zu Häupten*. *Berlić. Grammatik der illyrischen Sprache. Wien. 1854, стр. 147*), *čine svojoj glavi* (*gegen seinen Kopf, Berlić. 148*),

¹⁾ Ср. Даничиѣ. Основе *б. надъ* = *на + дъ* (*-d-* изъ *dha — дѣлать), *придъ* = *при + дъ* (*da — дать).

²⁾ Такъ же смотритъ на отношеніе *подъ* предлога къ существ. проф. Брандтъ (Р. Ф. В. 23. 301).

pūt Rima, pūt istoka i zapada (къ Риму, на востокъ и западъ. *Appendini. Grammatica della lingua illirica. Изд. 2. Ragusa. 1828, стр. 280—281*), oliš — крокъ (olisc ovóga—oltre di ciò; olisc mällieh—eccetto pochi и др. *Appendini. 281*) и т. д. Существительнаго происхожденія, вѣроятно, и предлогъ про, который вмѣстѣ съ предлогами régi, *p^eraí, p^egós и др. представлялъ различныя надежныя формы парадигмы корневой основы съ согласнымъ исходомъ. Окончаніе падежа -o (какъ въ ἄπó, ὀπó) вообще неизвѣстно ¹).

5. **Dem, dom** — домъ. Эта группа словъ восходитъ къ индо-европейской эпохѣ, гдѣ рядомъ съ сохраненіемъ корневой основы въ нѣсколькихъ видахъ уже развились образованія отъ тѣхъ же основъ съ исходнымъ гласнымъ, вслѣдствіе чего отношенія формъ уже на индо-европейской почвѣ сдѣлались крайне запутанными, и эта запутанность еще увеличилась въ отдѣльныхъ языкахъ. И литература по этому вопросу очень значительна и противорѣчива. Тѣмъ не менѣе, можно думать, что уже въ праязывѣ существовали слѣд. формы Nom. Sing.: *dō(m) (гр. δῶ, арм. tun, ир. due), Gen. Sing. dem-s (въ гр. δεσπότης, вед. pátir dán, ав. déñg patōiš) и Nom. Sing. *dem (откуда Loc. Sing. вед. dé. I. Schmidt. Pluralbild. 222). Существованіе этой послѣдней основы подтверждается и словеніями съ dem-, принявшимъ передъ согласными форму dm: гр. δάπεδον (фундаментъ, почва), др.-исл. topt, tomt изъ *tumfetiz = δάπεδον (мѣсто строенія. *Bugge. PBr. Beitr. XXI. 42. Uhlenbeck. 121. Noreen. 122*). Далѣе, на основаніи герм. *timrom (строеніе, ап.-сакс. timber, др.-исл. timbr. строевой лѣсъ, др.-сакс. timbar Zimmer) Мерингеръ восстанавливаетъ еще одну форму Nom. Sing. *demór или *démr (Meringer. Beiträge. 9), что тѣмъ болѣе сомнительно, что нѣм. *tembrom нельзя отдѣлять отъ слав. джбръ (рядомъ съ джбъ, ср. Брандтъ. Р. Ф. В. 21. 220). Если даже b разви-

¹) Ср. Solmsen. K. Z. 35. 468. Слав. про должно восходить скорѣе всего къ проъ, какъ на это указываютъ законы славянскаго Sandhi.

лось здѣсь, какъ вставочный звукъ между *m* и *r*, что по моему мнѣнію, ничѣмъ не подтверждается, то все же слав.-герм. *te(o)mbrom* надо производить не отъ слова *dem-, dom-* (домъ), а отъ глагольной основы *dem-*—строить (гр. *δέμω*). Но почему не предположить, что **-bhrō*, **-brō* здѣсь суффиксъ или слово, получившее характеръ суффикса, то же, что въ греч. *δίφρος* (колесница изъ *dvi-f(e)ro-s*), лат. *-br-* (обыкновенно производимое изъ инд.-евр. *-dhr-*) въ *lavā-bru* ш(ванна), *srēber* (отъ *srēso*) и др. (Stolz. 565—566) ¹⁾.

¹⁾ Въ словѣ серебро суффиксомъ можетъ быть *-bro*, въ которомъ могло еще сохраниться отраженіе его стараго значенія *-носныи*. Prusik въ Krok XII. 65—67 подробно останавливается на этимологии слова серебро и приходитъ къ двумъ праформамъ: 1) *serbro*, откуда рус. серебро и др. и 2) *sig-o-bro*, откуда др.-прусс. *sig-ablan*, лит. *sid-abras*, ц.-сл. сьр-е-бро. Изъ слав.-балтійскихъ заимствованы, по его мнѣнію, германскія формы. *Serbro* и *sig-o-bro* распадаются на двѣ части: *ser-* свѣтъ, блескъ (ср. гр. *σέλας*, др.-инд. *sigas*—солнце) и *-bro* (что въ латин. *spruifer*—пѣнистый), такъ что все слово означало блестящій (*lesk pesouci, lesklý*). Серебро, дѣйствительно, нерѣдко называется по своему цвѣту и блеску. Прусики указываютъ на др.-инд. *ṣubhrām* (свѣтлое), *ṣvetás* (бѣлый, свѣтлый), *bhīgu* (переливающееся), *gūrijam* (прекрасное, красивое).—Соглашаясь въ принципѣ съ Прусиками, я полагаю однако, что надо исходить изъ **selbro*, откуда вслѣдствіе ассимиляціи плавныхъ праслав. **serbro* (съ обратной диссимиляціей въ польскихъ говорахъ *śrebło, śrubło* и въ чеш.-пол. *Loříš 18: stříbło*); къ **selbro* восходятъ герм. др.-в.-нѣм. *silbar*, англ.-сакс. *seolfor*, которыя, конечно, не заимствованы изъ слав. Другая предполагаемая мною наряду съ указанной формой: **selubro* (гот. *silubr*, англ.-сакс. *seolubr*, др.-сакс. *silubar*). Думаю, что всѣ славянскія формы можно возвести къ **serbro* (серебро или сьребро въ церк.-слав. не болѣе, какъ ореография: ср. соврем. болг. сребро; никакихъ слѣдовъ глухого послѣ *s* въ слав. языкахъ не сохранилось, такъ какъ рус. серебро лишь полногласная форма). Лит.-латышскія названія серебра несомнѣнно искажены, а это заставляетъ предполагать въ нихъ заимствованіе. Что касается этимологии первой части, то греч. *σέλας*: др.-сакс. *selmo, sōs* при *ŭs* позволяютъ думать, что и *sel-* можетъ соответствовать гр. *σέλας* (др.-

Какъ бы то ни было, инд.-евр. Nom. Sg. *démr у насъ нѣтъ основанія предполагать и нужно думать, что рядомъ съ *dō(m) и *dem существовали только формы Nom. Sing. съ гласной основой: *domos (др.-инд. *dāmas*, гр. *δομος*, ир. *damp-lia* сс *domus lapidum*, лит. *namai*), *domā (гр. *δομή*, серб. *dōma* Gen. *dōmi*. Неманіс. II. 19), *domus (лат. *dōmus*, слав. *домъ*)¹⁾.

Въ литовскомъ языкѣ, по остроумной догадкѣ проф. Микколы (В. В. 25. 74), слово *dimstis* (дворъ) восходитъ къ *dm-prstis, гдѣ вторая часть разлагается на *pd-tis*, такъ что все слово по формѣ и значенію соотвѣтствуетъ гр. *δαπεδον*, др.-исл. *torpt*. Не идя такъ далеко и даже допуская, что въ *dimstis-stis* является суффиксомъ (ср. *Leskien. Bildung. 549 Iohansson. IF. 14. 321*), я думаю, что все-таки мы сохраняемъ возможность видѣть въ первой части основу *dm* (этимологія *Leskina Ablaut. 323 dimstis = dingstis* отъ *dingti- попасть куда-нибудь* представляется весьма ваткнутой), но я думаю, что *dimstis* слѣдуетъ разложить на *dm + stis, гдѣ вторая часть представляетъ слабый видъ основы отъ глагола *sthā (ста-ть): ср. др.-инд. *gōsthā* (скотный дворъ), гол. *awistr* (овчарня) и др. (*Hirt. Ablaut. 31*). Такимъ образомъ, слово *dimstis* должно означать мѣсто, занятое жилими постройками и службами, всѣмъ

инд. *vīgas* врядъ-ли относится здѣсь); такимъ образомъ; серебро дѣйствительно означало „свѣтоносный“ металл. Латыш. названія серебра передѣланы подѣ влияніемъ народной этимологіи, связавшей ихъ съ глаголомъ *drebeti* (латыш. *drebēt*) — дрожать, трепетать. Это очень отчетливо проявляется въ формѣ *sudrebini's* (L. 2775. 3. *ozol'am sudrebini'a*). Но *d* въ болѣе старыхъ формахъ *sudabris*, *sudobris*, стар. мѣстное названіе въ Курляндіи *sidobre*, лит. *sidabras* и *sudabras* (*Bezzenger. Lett.-Dial.-Stud. 77—78. Litauische Forsch. 178*) не понятно.

¹⁾ Въ литов. Вольфенбют. *постиллѣ* есть форма *Acc. Plur. arpidemes*, которой соотвѣтствуетъ у Ласицкаго *arpidome* (*Apidome mutati domicili deum*). Не восходитъ-ли *arpideme* къ основѣ *-dem* (домъ)?

домомъ; это дворъ. Кроме того, основу *d m-* надо предположить для объясненія слова *nāmas* (ср. ав. *də mā nəm* и *n mā nəm*, гр. *μεσόδμη* и *μεσόδμνη* — поперечная балка); изъ **nmas* и пришло въ *nāmas* изъ *damas*.

Въ славянскихъ языкахъ отъ основъ *dem-*, *dom-* произведено нѣсколько загадочныхъ образованій. Основа *домъ* склоняется по схемѣ основъ на *z*, но *Loc. Sing.* имѣетъ окончаніе не только **ō u*, но рядомъ съ нимъ и **ō*, откуда нарѣчіе *дóма* (*Zubatý. Arch. 15. 151*). По моему мнѣнію, это единственно возможное объясненіе этой формы. Старый *Dat Sing.* сохранился въ *домови*, откуда *домóй* чеш. *dom ů*; въ чеш. *dom u*, морав. *dom*, луж. *dom*, словн. *dam* (аканье **d om*) Миклошичъ (*Vergl. Synt. IV. 580—581*) и Гебауеръ (*Arch. f. Sl. Phil. III. 208*) видятъ *Dat.* цѣли, но если въ первомъ, дѣйствительно, слѣдуетъ видѣть сравнительно новое образованіе *Dat. Sing.* по образцу основъ на *-o*, то въ лужицкой и словинской формахъ не для чего искать отпаденія конечнаго *u* (хотя фонетически это возможно, см. *Muske 136—137. Gebauer. Hist. Ml. I 265*); эти формы объясняются, какъ *Acc.* цѣли, весьма обычный при глаголахъ движенія.

Чешскіе и моравскіе говоры сохранили, повидимому, слѣды и другой основы *dem-*: именно, въ южно-чеш. говорахъ очень широко распространена форма *dem* въ значеніи *домой* (*Dušek. II. 45*); изъ моравскихъ Бартошъ приводитъ (*II. 310*) фразу: *hned' byl v dýmě (ten tam)*, которую легче всего объяснить, какъ *Loc.* отъ *dém* (какъ *dŭm* изъ *dóm*). Такъ какъ въ языкѣ установилась парадигма склоненія основы *dom-*, то надежи отъ другой основы вышли изъ употребленія и стали не понятны, почему и слово *v dýmě* (отъ *Nom. Sing. dém*, откуда долготы была проведена и въ другіе надежи) потеряло свое первоначальное значеніе *дома*. Наконецъ, въ чеш. говорахъ сохранилось *dem ů* (**demovi. Arch. pro lex. I 52*). По мнѣнію Гебаура, эта смѣна *o-e* въ приведенныхъ примѣрахъ имѣетъ лишь діалектическое значеніе, но не восходитъ къ праславянскому языку. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ и въ другихъ изъ указанныхъ имъ

случаевъ перехода *o* въ *e* (Hist. Mluvn. I. 242) надо видѣть отраженіе общеслав. явленій (*soťva-setva, tolko-telko*) или вліяніе одного гласнаго на другой (Крем, Kremeriž, какъ словацк. *kremä-* кромѣ, черск *remie* вм. *ramie* Matlakowski. Spraw. Kom. Ięz. V. 141; словен. *blüze* и др. Pešić. Arch. f. Slav. Phil. 21. 199—203)¹⁾. Я полагаю, что уже на общеслав. почвѣ рядомъ съ формой *домъ* жила и форма *демъ*, которая употреблялась какъ въ надежныхъ измѣненіяхъ, такъ и въ нарѣчныхъ образованияхъ, откуда *demovi*, а изъ него чеш. **demov* (и потомъ *demŭ*) и прежній Acc. Sing. *dem*. Какъ *домъ* дало *dŭm*, такъ *демъ* перешло въ **dém*, которое и сохранилось въ выраженіи *vdŭmě*.

Греч. *ἔνδοϋ* объясняется, какъ старый Loc. Sing. „въ домѣ“ (**en döm*). Такого же конкретнаго происхожденія можетъ быть и вообще предлогъ *do*, этимологическое объясненіе котораго представляетъ большія трудности, потому что слав. исходное *o* во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ происходитъ изъ конечныхъ сочетаній *-os* или *as* (слово, сѣно = лит. *šėnas*, оков. Praes. Plur. -*mo *mās, *mös*, но изъ **ras*) или *-od* (То **tod*, *pro* должно быть изъ **proś.*, а *pra *prōd* ср. Brugmann. IF. IV. 81). Конечное *om* даетъ на славянскоѣ почвѣ *-z* или *ž* (*сж-съ, вж* или *ж-въ*). Только *do* стоитъ пока одиноко, и возвести его къ **dos* или **das* нѣтъ никакой возможности: напротивъ, представляется очень соблазнительнымъ соединить его съ ав. *-da* (*vaēsman-da* домой), греч. *-δε* (*οἰχοῦδε, ἀγροῦδε* и др.), ир. *do* (**to?* Stokes. 132), лит. *da-*, нѣм. *zu* (Miklos. Et. Wört. 47 Delbrück. Syntax. I. 766). Однако дѣло не такъ просто, какъ оно кажется на первый взглядъ: лит. *da-* встрѣчается первоначально едва-ли только не въ двухъ глаголахъ, заимствованныхъ изъ слав.: *dabuti*, латыш. *dabūt* изъ добыть, *dastoti* изъ достать;

¹⁾ Неясно только *hesroda*, остальные формы такъ или иначе поддаются объясненію. Однако старой эта форма не можетъ быть, потому что **gesroda* превратилось бы въ чеш. въ *žesroda*.

въ словарѣ Юшкевича такихъ образованій довольно много, но у Куршата въ Грамматикѣ и въ словаряхъ онъ отсутствуетъ, почему и приходится думать объ его литературномъ происхожденіи (какъ у Ширвида *domyslam się- dasigadau, domawiam czego—dasikałbu ko, dopuszczam się-dasilejdziau* и др.). Изъ заимствованныхъ слав. *dabuti* и *dastoti* этотъ суффиксъ проишь по аналогіи и подъ вліяніемъ литературнаго знаомства съ славянскими (особенно польскимъ—у Ширвида, у Юшкевича и др.) языками и въ другіе глаголы. Такое заимствование формальныхъ элементовъ не рѣдкость: въ одномъ изъ словинскихъ говоромъ отмѣчено заимствование нѣм. префикса *nach*¹⁾ (*nakdat, dam nak nachgeben*), въ болгарскомъ тоже находимъ предлогъ *нахъ* (въ: отивамъ *нахъ* рѣката = отивамъ възъ рѣкѣтж; *нахъ* манастиренъ да иде, и си утиде *нахъ* край товна земля и др. Дюв. 1369); въ сербскомъ въ выраженіяхъ *naksjutra, naksutra* (= *poslije preksjutra*), *nakpada* (*nakpada*) при глаголѣ *naknaditi* (вознаграждать; отдѣльно *knaditi* не встрѣчается Ivek.- Br. I. 743—744) также приходится выдѣлить префиксъ *nak*, который едва-ли не восходитъ къ *nach*, какъ серб. *узрокъ* въ нѣм. *ursache*. Въ серб. и болг. довольно значительно распространенъ турецкій суф.*лъкъ, *лукъ для образованія отвлеченныхъ понятій: болг. *роблѣкъ* (рабство Дюв. 2056), *сиромашлѣкъ* (бѣдность. Дюв. 2163), серб. *разјалук* (собачья злость), *roganluk* (= *roganština*), также *bezobrazluk, hrišćanluk, siganluk* и др. (Даничић. Основе 278. Maretić. Gram. 324. Ivek.- Br. II. 13. 76 и др.). Въ болг. катаднѣвень (ежедневный), *ката мѣсяць* и т. д. (Дюв. 942) видимъ заимствованный ново-греческій предлогъ *καθ* (не ст.-греч. *κατά*?); въ дубровницкихъ- *ûn* (ит. *one*) въ *igûn* (*velika igra*),-

¹⁾ L. Pintar. Ljetopis Matice slovenske. 1895, стр. 23. Обзоръ новѣйшей литературы, отчасти и по этому вопросу (въ области романославянскихъ лексикальныхъ отношеній) въ моей статьѣ: Sprachliche Wechselbeziehungen zwischen Romanen und Slaven (1890—1898). Vollmöller's Romanischer Jahresbericht. т. V.

ísimo (ит. *issimo*) въ *ljèpišimo* (*prelijepo*), *-ândo* въ *šetândo* (*šetajući*) и мн. др. (*Budmani. Rad. 65. 168*) формальные элементы заимствованы изъ итальянскаго языка ¹⁾. Или изъ области финноугорскихъ языковъ уважу въ русско-карельскомъ говорѣ суф. *са* или *ча* изъ рус. (*а*) чь : *гоагаѷи* (прозвище быка) отъ *гоага* (жердь), *hугаѷи* (лѣвшя) отъ *hуга* (лѣвый), *раhаѷи* (название змѣи) отъ *раhа* (злой) и др., или въ вепс. нарѣчїи *sami* изъ рус. самый (*Ahlquist. Suom. kiel. rakennus. 15. 117*); въ венгерскомъ языкѣ славянск. происхожденїя суффиксы *-iõk*, *-pok* изъ *-никъ* (*tanácsnok* совѣтникъ при *tanács* совѣтъ), *-ár*, *-ér* (*tanár* учитель при *tan*—учить, *futár* бѣглець при *fut*—бѣжать и т. д. *Riedl. Mag. Gr. 97*).

Такимъ образомъ и префиксъ *da-* въ литовскихъ глаголахъ (самостоятельно онъ не встрѣчается) можетъ быть заимствованїемъ изъ слав. *do*. Что касается германскихъ параллелей, то здѣсь дѣло не обстоитъ такъ просто, чтобы нѣмецкїя формы предлога можно было по просту сопоставлять со словянскою. Др.-сакс. *tō*, др.-в.-нѣм. *zuo*, латин. *dō*— не могутъ восходить въ инд.-евр. **adō*, отъ котораго происходятъ и лат. *ad*, англ.-сакс. *æt*, др.-в.-нѣм. *az* (при), др.-исл. *at* (*Noreen. 12*). Во всякомъ случаѣ, герм. формы предполагають **dō*, которое мы и находимъ, вѣроятно, въ усиливающимъ предлогѣ *dar* **даже* (*dar do tla* и др. *Zima. 104—105*). Краткая форма предлога **dō*, встрѣчающаяся въ лат. *e do*, ир. **do* (*Stokes. J. F. XII. 189*), др.-в.-нѣм. *za*, гр. **δα* (арх. *ῥόρδα*) и др. (*Solmsen. K. Z. 35. 471*), въ славянскомъ можетъ имѣть двоякую форму: въ исходѣ *дъ* (*надъ*, *прѣдъ*), въ серединѣ слова *do*, откуда **доже*—серб. *dogi* (у *Домециана доры до горы синайскїе, доры въ гороу*

¹⁾ Ср. еще словин. *denok* изъ нѣм. *dennoch*, *indi* (*igitur*) *тур. *imdi* (*also, nun*), кайкав. *im*, ем **венг. ime, im*; болг. серб. *ала* *греч. *ἀλλά*, кашуб. *doch*, словин. *glij* *нѣм. *gleich* и др. *Maretić Rad. 93. 6—21* и дал. Заимствованїя формальныя такъ же обычны, какъ лексикальныя.

синаискоу Шафариѣ. *Serbische Lesekörner*. 86, *uzidaše dori do kolena. Zima*. 104—105). Но самостоятельному употребленію предлога *-do* законы славянскаго Sandhi въ сущности не даютъ права на существованіе: если изъ *v]ko (лит. *vilkas*), *neseto (гр. ἐφέρετο) образовались влѣкъ, несеть, то и изъ *do (=инд.-евр. *dō*) должно было образоваться только *-dъ* въ абсолютномъ исходѣ слова, тогда какъ *do* должно восходить къ формѣ съ согласнымъ исходомъ. Есть и еще одинъ весьма важный пунктъ отличія въ употребленіи предлога *do* и приведенной инд.-евр. группы предлоговъ: въ то время, какъ эти послѣдніе требуютъ при себѣ падежа дѣли- *Dat.* или *Acc.*, славянское *do* употребляется исключительно съ *Gen.*, какъ и другіе предлоги конкретнаго происхожденія: *край, rūt, čelo* и др.

Законы славянскаго Sandhi и ихъ хронологическія отношенія, вопросъ, который здѣсь необходимо затронуть,—могутъ при современномъ состояніи науки быть сведены, какъ мнѣ кажется, къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) прежде всего исчезъ на концѣ слова носовой звукъ; изъ *v]ko м образовалась форма *v]kō, а отсюда, какъ во всѣхъ современныхъ говорахъ литовскаго языка, форма безъ назализаціи *v]ko = *vilkā*; то же произошло и въ *Gen. Plur.*, гдѣ однако нѣкоторые жмудскіе говоры сохраняютъ окончаніе *-ūn*; разница въ развитіи литовскаго окончанія *Gen. Pl.* можетъ объясняться тѣмъ, что по говорамъ распредѣлялись окончанія съ краткимъ или долгимъ *u* и изъ *ōm*; въ слав. праязыкѣ оказалось только окончаніе *-ōm*, которое и дало въ результатѣ тоже **-o*, что мы находимъ и въ *Acc. Sing.*; 2) Одновременно съ этимъ развитіемъ конечныхъ слоговъ съ носовымъ исходомъ въ праслав. языкѣ происходило—можетъ быть, по законамъ Sandhi, унаслѣдованнымъ еще отъ инд.-евр. эпохи,—отпаденіе или сохраненіе конечнаго *-s*: такимъ образомъ, одно и то же слово могло въ однихъ случаяхъ имѣть окончаніе *-s*, въ другихъ не имѣть его; *Nom. Sing.* отъ *v]ko- могъ принимать форму *v]kos или *v]ko*, *Gen. Sing.* *ogneis *ognis форму *ogni или *ognis, тогда какъ *Acc. Sing.* былъ всегда

*v]ko, *ogni и т. д. 3) Въ ту пору, когда -m, на концѣ слова отпадало всегда, а -s иногда, зубной исходъ слова -d сохранялся всегда, какъ онъ поздно исчезъ и изъ германскихъ и литовскаго языковъ¹⁾).

Слѣдующая эпоха развитія славянскихъ законовъ Sandhi характеризуется сокращеніемъ конечныхъ гласныхъ: ā, ī, ū превратились въ a, i, u, а ō, ё, ĭ, ŷ слились въ ъ и ѓ, такъ что Acc. Sing. получилъ форму вльъъ, Gen. Pl. ту же самую форму, но рядомъ съ Nom. Sing. влькъ еще жила форма *v]ъkos, какъ еще существовали мѣстоименія tod, jed (др.-инд. yad). Лишь въ третью послѣднюю эпоху этой эволюціи когда *est* конечные согласные исчезли, но когда сокращеніе конечныхъ гласныхъ отжило свой вѣкъ, появились формы *to*, *je*, *sъno*, *несемо* (рядомъ съ *несемъ*) и т. д. Въ однихъ словахъ появилась двойственность формъ Nom. Sing., т. е. окончанія -ъ и -o (серб. *jezer*, *рун*, *крил*, *рух*, *прав* и т. д.²⁾), словин. *údo* — *membrum* при *úd* или *ūd*³⁾), пол. диалект. *gyl*⁴⁾), *gárdziel* при *gardĭo*⁵⁾) и мн. др., и съ другой стороны серб. *југо* и др.), но, вообще говоря, конечно, должно было наступить распредѣленіе основъ, такъ что одни слова дѣликомъ перешли въ разрядъ Masc., другія въ разрядъ Neutr.

Я думаю, что приведенныя соображенія объясняютъ факты конца слова, которые мы находимъ въ слав. языкахъ: они показываютъ, что мене, тебе не могутъ восходить къ *mene, *tebe, но предполагаютъ формы *menes, tebes (ср. лит. *manēs*, *tavēs* при загадочныхъ *manĕs*, *tavĕs*); они показываютъ также, что оконч. -g о не можетъ вос-

¹⁾ Лит. *tataĩ* = *tatai*. Meillet. Mém. de la Soc. de Linguist. X. 135—136. О германскомъ *daz* и др. Streitberg. 272.

²⁾ *Даничићъ*. Основе 8. *Kurelac*. *Stariji oblici samostavni*. Rad. 20. 138—149.

³⁾ *Valjavec*. Rad. 56. 2.

⁴⁾ *Kosiński*. *Spraw. Kom. Jęz. IV*. 30.

⁵⁾ *Rzeczowski*. *Spraw. Kom. Jęz. IV*. 355.

ходить къ частицѣ *gа (какъ я самъ предполагалъ раньше), но скорѣе происходитъ изъ g-os (какъ думаетъ проф. Соболевскій); частица же при жь, вѣроятно, восстановлена требованіями произношенія, но, кромѣ же, мы находимъ и жи (серб. -гі въ -deri, dori, dagi), гдѣ -и также не восходитъ этимологически къ инд.-евр. *e, какъ и e въ же. Такимъ образомъ, я рѣшительно отдѣляю группу -дъ : до (въ до жь): de (въ *dege- серб. deri, срав. др.-в.-нѣм. ze, zi, гр. -δε): да въ даже отъ предлога до. При этомъ особенностью первой группы предлоговъ является энклитическій характеръ (гр. θυράυδε, ав. vaēsmenta, герм. untē¹⁾ до, лат. quando и т. д.), что и дало поводъ Дельбрюку предположить ея происхождение изъ первоначально указательной частицы (Syntax. I. 766). Ничего подобнаго относительно предлога до указать нельзя: онъ никогда не выступаетъ въ качествѣ энклитики, а родит. падежъ при немъ, непонятный Дельбрюку (ibid. 771), легко объясняется при предположеніи, что предлогъ do возникъ изъ *dom. Однако это послѣднее не имѣетъ ничего общаго съ германскими предлогами, близкими къ нему по значенію: гот. thana (по отношенію къ), др.-сакс. than, англ.-сакс. ðon (id.)²⁾, такъ какъ начальный звукъ здѣсь восходитъ къ инд.-евр. t, такъ что основная форма его была бы *ton³⁾.

Слав. do стоитъ одиноко и приобрѣло свое значеніе предлога изъ конкретнаго *dom уже на славянской почвѣ. Сохраненіе здѣсь o я не могу объяснить инымъ путемъ, какъ предположивъ, что этотъ предлогъ такъ тѣсно сливался со словомъ, къ которому относился, что -o никогда здѣсь не чувствовалось конечнымъ гласнымъ, а всегда стояло въ серединѣ сращенія, полученнаго такимъ образомъ. Что касается отношенія формъ do и dom, то аналогичное явленіе мы находимъ

¹⁾ Такъ, Noreen. 12. Иначе untē (*und + tēd) объясняетъ Гринбергеръ. 123.

²⁾ О нихъ ср. van Helten. P. Br. Beitr. 28. (1903). 566—568.

³⁾ Повидимому, только Voc. Sing. ра бе, д ѣ во противорѣчатъ указаннымъ законамъ Sandhi.

въ греческомъ, гдѣ рядомъ съ δῶν находимъ форму δῶμ въ выраженіяхъ Одиссеи и Илиады: δῶμ Ὀδυσῆος, δῶμ Αἰδῶο (Meringer. 10)¹⁾. До изъ Acc. Sing. *dom приобрѣло значеніе указанія направленія при глаголахъ движенія, а свой отвлеченный смыслъ (какой развился, напр., въ новопольскомъ языкѣ) онъ приобрѣталъ постепенно, по мѣрѣ забвенія конкретнаго значенія.

6. **Nekt-, nokt** — ночь. Подобно тому, какъ уже на почвѣ индо-европейскаго праязыка, основа dem, dōm, сохраняя свой согласный исходъ, могла переходить и въ разрядъ основъ на гласный звукъ, откуда уже въ праязыкѣ развились Nom. Sing. domos, domus и domā, такъ и основы nekt-, nokt- отчасти переходили въ систему именъ на і женскаго рода или на -o средняго, отчасти сохранялись въ Nom. Sing. въ своемъ архаистическомъ видѣ. Поэтому рядомъ съ формой *nokt, удержавшейся въ Nom. Sing. ведійскаго языка nák и надежныхъ формахъ гр. νοχτ-, литов. Gen. Plur. naktú, гот. nahtam²⁾, уже праязыкъ выработалъ Nom. Sing. *noktis, откуда др.-инд. náktis, др.-ир. innocht (hac nocte), лат. Gen. Sing. noktis, гот. nahts, алб. nate, лит. naktis и слав. ношть, и Nom. Sing. *noktom, откуда др.-инд. naktam. Кромѣ этого вида основы, праязыкъ зналъ слабую степень ея, соответствующую dem при dom: изъ этой основы nekt-, сохранившейся въ такой формѣ только въ праславянскомъ языкѣ, развилось nkt, а отсюда греч. ἀκτίς (лучъ), др.-инд. aktá, гот. ūhtwō (изъ *unhtwō, сумерки), лит. ankstì(рано)³⁾. Словянское несój (при посój — сегодня ночью) представляетъ образование отъ основы *nekt-. Въ славянскихъ языкахъ основа *nekt удержалась въ нѣсколькихъ словахъ и въ такой формѣ сложенія, которая указываетъ на

¹⁾ и въ до него и т. д. нельзя придавать значенія: это, можетъ быть, аналогичныя образования.

²⁾ I. Schmidt. Pluralbildungen 254.

³⁾ I. Schmidt. Kritik der Sonantentheorie. 1895, стр. 152—133. Hirt. Der indogermanische Ablaut. 1900, стр. 130.

употребленіе этой основы безъ гласнаго именно въ такомъ видѣ и въ праязыкѣ. Такъ, отъ основы *net(*nekt) образованы слѣдующія простыя слова: 1) названія растений а) пол. *nie tota* (*Genista tinctoria*, дровъ) съ суф. -ota (ср. работа, сухота, мокрота, слѣпота и др.) или изъ *netáta (въ значеніи ночная съ суф. -атый); второе предположеніе представляется наиболѣе вѣроятнымъ въ виду того, что одно изъ растений, посащихъ въ польскомъ языкѣ названіе *nie tota*, именно *Juniperus sabina* (казацкій можжевельникъ), и въ чешскомъ называется *netáta* (Bartoš. II. 504, *netata* Arch. pro lex. I. 324. Majewski. II. 415 приводитъ изъ ст. чеш. *netata*. Ср. Jungmann. II. 703), а въ словацкомъ *netata* (Loos. 295). б) Съ суф. -уна (о немъ см. выше, стр. 165) образовано пол. *nie tura* (дикій лень); в) съ суф. -ькъ и -ьче образованы словин. *netêk* (барвинокъ, могильница) и *netêlje* (брусника. *Pleteršnik*. 703). Я не рѣшаюсь сюда отнести рус. неталá (тальникъ) и не́кленъ (чернокленъ), хотя отрицаніе не- въ этихъ названіяхъ чрезвычайно странно¹⁾, такъ какъ неталá именно тальникъ, а не́кленъ одна изъ породъ кленовъ; во всякомъ случаѣ, изъ *нет + талá образовалось бы несталá, что и устраняетъ возможность этимологіи первой части въ указанномъ смыслѣ *nekt, но не́кленъ могъ бы соответствовать и фонетически соединенію *net-klenъ; однако образованіе здѣсь то же, что въ неталá, такъ что оба эти слова слѣдуетъ выдѣлить изъ группы названій растений, образованныхъ отъ основы *nekt. Что вообще послѣднія могли существовать въ языкѣ, при чемъ современному человѣку порою и понять трудно, чѣмъ руководился народъ, окрестившій растеніе ночнымъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: почему, напр., *Solanum dulcamara* (воронья ягода и др. Анненковъ 147) нѣмцы называютъ *Nachtschatten?*²⁾.

1) Потребня (Къ ист. звук. III. 116) считаетъ возможнымъ видѣть здѣсь отрицаніе.

2) Если къ тому же корню можно отнести мрус. нето́а (Art.

2) Ночную бабочку было естественно назвать почницей, ночнянкой, ночникомъ (Даль. II. 574), и мрус. нѣтля (Жел. 525) — мотылекъ должно, конечно, относиться къ той же серіи названій. Съ основой *ne(k)t- и *ne(k)t-о-мы находимъ широко распространенное въ славянскихъ языкахъ названіе летучей мыши или ночной бабочки, которое восходитъ къ формамъ *непырь и нетопырь. Послѣдняя часть сложенія извѣстна во множествѣ названій летучей мыши, которыя сопоставилъ Э. Маевскій въ журналѣ *Wiśła* (т. XIII. 2), и которыя весьма часто непонятны и въ первой своей части: *gасорієrz* (при *gасек*), *касорієrz*, *латорієrz*, *мѣторієrz*, *менторієrz*, *нієторієrz*, *нієдорієrz*, *szѣторѣrz* (также *gасек*, *месzwet*, *посек*, *ły-łyk*, *wієсіорек*, а также *gасорієrz* *Spraw. IV. 355*). Мивлошичь (Et. Wort. 214), который приводитъ еще кое-какія другія названія того-же типа, указываетъ и правильную на мой взглядъ этимологию слова нетопырь¹⁾, въ первой части котораго лежитъ основа *nekt; формы *летопырь (ср. морав. *letoréř* вм. *netorýr*. *Bartoř. II. 337* и *I. 321*) и *метопырь являются, вѣроятно, искаженіями основной формы *нетопырь, изъ которыхъ, благодаря народно-этимологическимъ влияніямъ, образовались пол. *латорієrz* и *мѣторієrz*. Тѣ же измѣненія основное *n* потерпѣло и въ старомъ сложеніи *ne(k)t-ругъ, откуда серб. *лѣрѣг*(мотылекъ), болг. *липѣръ* (мотылекъ. Дюв. 1124) *лепѣръ*(вампиръ), словн. *ле-рѣг*(репейникъ). Изъ этихъ словъ, несомнѣнно, относятся въ группѣ названій бабочки и летучей мыши, восходящей къ формѣ нетопырь, только серб. *лѣпѣр*(мотылекъ) и болг. *липѣръ*,

---

Pflanze. Желех. 525), то передъ нами весьма старое образованіе: ср. пол. *dziewoja* (хорошая служанка), серб. *djevoja. Почему этотъ суффиксъ вторичнаго происхожденія, и какъ онъ возникъ, этого Мивлошичь (*Gram. II. 84*) не объясняетъ.

¹⁾ Какъ уже ранѣе его Потебня (Къ ист. звук. II. 33 и *Arch. f. Slav. Phil. III. 373*).

тогда какъ болг. лепиръ (у Герова) употребляется рядомъ съ формами лемпиръ и вампиръ, а словн. *lerig* можетъ быть образовано отъ корня *lër* — (лѣпить, какъ луж. *lërić-nëm*. *kleber* при глаголахъ *lërić* — *kleben*). Наконецъ, мотыль (мотылекъ), если это слово не произведено отъ корня мотвь мотаться, какъ полагалъ Потебня (Къ исторіи звуковъ русскаго языка. II. 1880, стр. 14), можетъ относиться сюда же и восходить къ **no(k)t-ylъ*. М.-рус. метѣликъ при мотылокъ даетъ то же отношеніе основъ, что мы видѣли въ *pekt-*, *nokt-*, а это нѣсколько подкрѣпляетъ предположеніе о возможной связи ихъ съ рассмотрѣнной группой славянскихъ образованій отъ словъ, означающихъ ночь.

7. **Неводъ, невѣста, навъ.** Кажется, ни одно изъ славянскихъ словъ не пользовалось такимъ постояннымъ и упорнымъ вниманіемъ со стороны лингвистовъ и не осталось все-же настолько темнымъ, не смотря на всѣ ихъ усилія разъяснить его, какъ слово невѣста. Вслѣдствіе этого рассмотрѣніе всѣхъ этимологій, предложенныхъ для его истолкованія, было бы дѣломъ и крайне труднымъ, и въ концѣ концовъ ненужнымъ. Но матеріалъ, собранный нѣкоторыми изъ изслѣдователей этой славянской лингвистической загадки, даетъ, по моему мнѣнію, не мало цѣннаго и заслуживающаго вниманія. Слово же это тѣмъ интереснѣе, что, повидимому, въ очень старья времена оно проникло и къ осетинамъ въ формѣ *pvostä* или *postä*. Миклошичъ (*Et. Wort.* 214) не могъ рѣшиться ни на какую этимологию этого слова: значеніе „неизвѣстная“ (не-вѣста), удовлетворительное съ филологической точки зрѣнія, мало соответствовало реальному значенію этого слова, а сопоставленіе второй части его съ корнемъ *ved* въ лит. *vesti* (вести, жениться) и т. под. не годилось въ звуковомъ отношеніи. Проф. Брандтъ въ своемъ разборѣ этимологическаго словаря Миклошича рѣшительно высказался (*P. Ф. В.* 23. 90) въ пользу перваго изъ предположеній этого ученаго, находя, что „такое толкованіе во всѣхъ отношеніяхъ возможно и естественно: похищенную — по древ-

нѣйшему способу брака ¹⁾ у чужого племени дѣвушку легко могли назвать неизвѣстною, незнакомою“. Не предполагая даже умыканія и допуская болѣе развитыя соціальныя отношенія, Зубатый считаетъ возможнымъ, что слово невѣста могло означать неизвѣстную: когда только родители брачующихся сносились между собой по вопросу о женидбѣ, было естественно, что для жениха его будущая жена оставалась невѣстой (Arch. f. Slav. Phil. XVI. 406). Однако самъ Зубатый предлагаетъ другую этимологію, связывая корень вѣд съ др.-инд. vid (въ значеніи выскривать, жениться), откуда др.-инд. vēttar (супругъ), vēdanam (женитьба), а vēdja (non ducenda), такъ что невѣста значитъ „еще не замужня“.

Что слово невѣста, дѣйствительно, можетъ стоять въ связи съ глагольнымъ корнемъ вѣд-, это показываютъ и такія церк.-слав. слова, какъ невѣсть (невѣдущій) и извѣста (созвательная ср. Р. Ф. В. 33. 334—335), серб. očivesto (ochivezto- öffentlich. Kriztjanovich. Grammatik der Kroatischen Mundart. Agram. 1837, стр. 131). Но, конечно, это еще не даетъ намъ права объяснять слово невѣста, какъ невѣдомая, потому что такое толкованіе семасіологически стояло бы совершенно одиноко, хотя по звукамъ это возможно (ср. латыш. nevēsta—невѣдомо или неслыханно: напр., nevēstaleels - необыкновенно большой). По тѣмъ же причинамъ семасіологическаго характера я не могу согласиться ни съ Прусикомъ (KZ. 33. 160—161), что невѣста образовано изъ *нево (=ново) вѣста (отъ вед-вести), ни съ г. Ильинскимъ, который разлагаетъ это слово на двѣ части: невѣ-ста (второе означаетъ состояніе, какъ въ староста и т. д.)²⁾. Однако нельзя не признать, что фонетически тол-

¹⁾ Въ этомъ однако возможно усомниться: новѣйшія изслѣдованія въ области „первобытнаго“ брака сильно подорвали вѣру въ древность брака умыканіемъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, не имѣя подъ руками замѣтки г. Ильинскаго, цитирую на память, а потому, можетъ быть, не вполне точно.

кованіе первой части словъ, данное Прусскимъ, возможно: спорадически въ различныхъ славянскихъ языкахъ сохранились слѣды стараго чередованія основъ съ *e* и *o* (чеш. *deň* при *domŭ*, словн. *pesoj* при *posoj*), такъ что не трудно допустить, что и въ праслав. языкѣ рядомъ съ основой новожила основа *нево* (гр. *νεβς*)¹⁾, которая и удержалась какъ въ слав. *нево-вѣста, такъ и въ различныхъ мѣстныхъ чешскихъ названіяхъ (*Nevosad, Nevosedly*): поэтому этимологія Прусска принята и I. Шмидтомъ въ его сочиненіи „*Kritik der Sonantentheorie*“ (стр. 96)²⁾.

Нѣсколько этимологій на выборъ предлагаетъ Бернекеръ (I. F. X. 166), который считаетъ возможнымъ сравнивать *не-сь* лит. *nĩ* и сопоставляетъ слав. *невѣста* съ несуществующимъ литовскимъ *nũvaista—*sponsa* (при *vaizdas*³⁾ *Verlobung, nusivaizdũti sich verloben*), а для тѣхъ, кто усомнился бы такъ объяснять слав. *не-*, г. Бернекеръ замѣняетъ эту этимологію другой, объясняя слово *невѣста* *neũoista черезъ „еще не оплодотворенная, дѣва“, такъ какъ въ литов. языкѣ *raivaisti* значитъ зачинать, *vaisingas*—плодородный и *vaisà*—плодородіе. Но въ этомъ случаѣ *невѣста* означало бы „еще не зачатую“ (*Partic. Perf. Pas. vaistas* отъ *vaisti*), а не „не зачавшую“. Наконецъ недавно остановился на этомъ вопросѣ и Видеманъ (В. В. 26. 216—217), который сопоставляетъ слав. *невѣста* *nevėdta

¹⁾ Что касается сохраненія *e* передъ *e*, то вообще законъ о переходѣ группы *ev* въ *ov* вызываетъ не мало сомнѣній: какъ сохранилось рус. *нѣвенный* при гр. *νε-νε-ο-κέννα* (см. ниже); въ латышскомъ, какъ извѣстно, группа *ev* тоже сохраняется (Berneker. I. F. X. 167). Вліяетъ-ли качество слѣдующаго гласнаго на переходъ *ev* въ *ov* или качество самого *v* (напримѣръ, *ев* переходитъ въ *ов-*, а *ев-* сохраняется), все это еще должно подлежать изслѣдованію.

²⁾ Однако надо имѣть въ виду, что въ ст.-лит. только *paũjavedis* (*Bezzenberger. Beiträge. 302*).

³⁾ Это *vaizdas* нельзя отдѣлять отъ *akuvaizdas* (присутствіе); *vaizdas* должно значить просто *смотрины*; ср. *vaizdaĩ*—*смотрины, vaizdus* (ясный, яркій).

съ вѣно *vēdno (гр. ἔεδνα или ἔδνα- Brautgeschenke), такъ что невѣста означало бы „еще не проданная“. Къ сожалѣнiю, эта этимологiя также весьма мало убѣдительна: если даже вѣно не соотвѣтствуетъ по звукамъ и по значенiю др.-инд. vāpā, гр. φύος, лат. vēnum (Fick. I⁴. 133. Соболевскiй. Ж. М. Н. Пр. 1895. Май), то все-же гр. ἔδνα *fēδνα можетъ быть легко связано съ корнемъ ved- (въ смыслѣ женитьбы. Prellwitz. 83), и такимъ образомъ мы пришли бы къ тому же вопросу: какъ неведенная получило значенiе невѣсты. Что касается этимологiи невѣсты, какъ некупленной, то и она опирается на предположенiи брака вуплей, какъ непремѣнной стадii въ развитiи человѣческаго брака; т. е. исходить изъ предвзятой теорiи.

Если я останавливаюсь на этомъ сложномъ вопросѣ, то дѣлаю это потому, что тѣ звуковыя отношенiя, пониманiе которыхъ необходимо для выясненiя гласнаго въ корневой основѣ *nev-, лежащей въ словѣ неводъ, встрѣчаются и въ словѣ невѣста. Прежде всего, почему необходимо видѣть въ послѣднемъ сложенiе или образованiе съ отрицанiемъ не-, а не простое слово съ суф. -ѣста, какъ существуютъ суффиксы -астый, -истый, -устый (рус. волу́ста, болг. хлеву́сть), -ястый и др. Первая же часть слова встрѣчается въ формѣ *nāv- и съ тѣмъ же означенiемъ невѣсты въ нѣкоторыхъ изъ иранскихъ диалектовъ: такъ, афг. nāve (Geiger. Arhg. 16), сѣв.-белудж. nāc(невѣста) восходятъ къ основной формѣ *nāvākā (Geiger. Grundr. d. iran. Phil. I, отд. 2, стр. 235). Суф. -ѣста въ славянскихъ языкахъ не представляется невозможнымъ: вѣдь, существуетъ же суф. ѣсть въ словѣ боля́сть (черног. bōlijest, ц.-сл. боля́сть и др.), гдѣ онъ точно такъ же, какъ -ѣста въ словѣ невѣста, одинокъ. Отношенiе суффикса -ѣсть къ -ѣста то же, что въ -сла : слъ (dziąsła : мысль). Поэтому я, не считая возможнымъ отдѣлять слова невѣста отъ иран. *nāvākā, раздѣляю первое на невѣста и въ корнѣ нахожу степень чередованiя гласнаго ё : ѣ (*nev-nāv).

Такое же отношенiе коренныхъ гласныхъ находимъ и въ

основѣ нав-. Матеріаль здѣсь слѣдующій: рус. навѣ и др. (покойникъ. Даль. II. 397), она в и т ь с я (устать, утомиться, обезсилѣть)¹⁾, олон. нѣвенный (худой. Словарь Г. Куликовскаго. 64 стр.); болг. нѣви (разные виды злыхъ духовъ, которые живутъ гдѣ-то далеко за моремъ. Геровъ. III. 123) и нѣвикъ (разныя дикія птицы, которыя кричатъ въ бурю по ночамъ, наводя страхъ на людей). Замѣчаніе Герова (III. 132: „вѣрятъ, что навѣки души маленькихъ дѣтей, умершихъ некрещенными, и потому осужденныя скитаться, какъ грѣшники“) показываетъ, что основное значеніе двухъ вышеприведенныхъ болгарскихъ словъ — покойникъ. Последнее образовано съ тѣмъ же суффиксомъ, что м.-рус. навк(покойникъ) изъ *навѣкъ, а образованіе безъ этого суффикса -къ, т. е. навѣ сохранилось въ м.-рус. нѣвскій великъ день (die Ostern der Verstorbenen). Далѣе, сюда относятся серб. нѣвен (die Todtenblume, calendula officinalis, луж. smjerćnik), съ которымъ нельзя не сопоставить рус.-сиб. невѣнка (Gentiana altaica); хотя народная этимологія связала по созвучію слово нѣвенъ съ кор. венъ (невѣнцѣ — не вянуть), однако народъ вовсе не представляетъ нѣвенъ невянущимъ цвѣткомъ (Iv.-Broz. I. 806: ako ti nikne žut neven, uveni, dušo, za mnome), да и лужицкое и нѣмецкое названія того же цвѣтка указываютъ на его связь съ мертвецами: нѣвенъ должно восходить къ *невѣнъ (какъ рус. невѣнный), какъ и болг. невѣнъ (иммортель. Дюв. 1377. Miklosich. Etym. Wört. 214)²⁾. Изъ зап.-славянскихъ языковъ только чешско-моравскій и словацкій сохранили глаголь навѣитъ въ смыслѣ удручать, утомлять, заморить: сюда относятся словацк. u p o v a ť (belästigen, plagen), n a v i t (ermüden), морав. u p o v a t (trápiti. Bartoš. I. 282), n a v i t s e (namá-

¹⁾ Родство между этими словами предполагаютъ и Даль (II. 695), и Брандтъ (Р. Ф. В. 23. 88), и Гебауэръ (Histor. Mluvn. I. 74). Дѣйствительно, не имѣется никакого основанія раздѣлять ихъ. Сюда же, конечно, и нѣтъ *пѣтѣ; ср. рус. у м о р и л с я въ смыслѣ усталъ.

²⁾ Впрочемъ, если даже слово нѣвенъ сюда не относится, на дальнѣйшихъ разсужденіяхъ это не можетъ отразиться.

hati se. ibd. II. 347), чеш. u p u v á c í a (утомленіе. Arch. pro lex. III. 358), j t i d o n á v i (умереть. Jungmann. II. 636), n a v í t i s e (утомляться).

Сопоставляя этотъ матеріалъ, мы получаемъ три вида основъ съ согласнымъ исходомъ, которая означаетъ смерть или утомленіе: пѣv (рус. невенный), пѳv- (мор. u-pov-a t) и пāv (общеслав. навъ — покойникъ). Въ инославянскихъ языкахъ этому соотвѣтствуютъ лит. поvít i (умерщвлять = латыш. пāv ē t), латыш. пāv e (смерть), пāv i g s (смертный), пāv-cirkvne (ядовитая змѣя), прус. поv i s (туловище. Berneker. 310); гот. n a u s (Nom. Pl. n a w e i s, Acc. n a w i n s) изъ *n a w i-s, n a u t h s (мученіе) изъ *n a u-t i-s (Grienberger. 164), др.-сѣв. n ā r (трупъ); ир. n ó-í n e, n u n a (голодь), кимвр. n e w u n (fames, esuries, inedia), ср.-брет. n a f f n, н.-брет. n a o n, которыя восходятъ къ *n e-ve-no- и *n o-ve-nj ā (Hungersnoth, ср. Stokes. 193); арм. n a u t i (голодный, трезвый)¹⁾; гр. Несуч. υευεοxέvαι : τεθvηxέvαι (Hoffman. В.В. XXV. 107). Какъ видно изъ приведенной группы словъ, слав. навъ никакъ нельзя считать заимствованіемъ изъ гот. *n a v i-s, какимъ оно только и можетъ быть, если германская семья словъ восходить къ *n a-γυ-и (Brugman. Grund. P. 333) и родственна гр. υέxος, лат. n e x, др.-инд. n ā ś y a t i (погибаетъ), ав. n a s u š (трупъ), какъ полагають Уленбекъ 145, Норэнь 178, Бругманъ и др. Однако германскія слова никакъ нельзя отдѣлять отъ славянолитовскихъ и кельтскихъ, а греч. υέxος и т. п. принадлежать къ другому лингвистическому „гнѣзду“, также весьма распространенному въ индо-европейскихъ языкахъ.

Какъ нев- въ невѣста и въ невенный соотвѣтствуютъ нав- въ другой формѣ тѣхъ же основъ (иран. *n ā-va k ā, латыш. пāv-ē t), такъ и въ словѣ неводъ мы находимъ чередованіе первой части. Сопоставляя это слово съ латыш. v a d s (большая сѣть) и ср.-в.-вѣм. w a t e (большая

¹⁾ t̄ изъ t, какъ eut̄n = septem, a u = инд.-евр. a u (ср. n a v = avis и avus). Hübschman. 407.

сѣтъ. Matzenauer. List. fil. XI. 186), мы должны придти къ убѣжденію, что здѣсь передъ нами сложеніе. Миклошичъ (Et. Wört. 214) весьма кратко замѣтилъ, что п е- можетъ быть частицей, но какого рода эта частица, отрицаніе или нѣтъ, объ этомъ онъ не проронилъ ни одного звука. Не выяснилъ онъ также, какого рода отношеніе существуетъ между ниж.-луж. п а w o d (сѣтъ. Zwaŕg. 224) и общеслав. неводъ¹⁾, а между тѣмъ этотъ вопросъ имѣетъ весьма существенное значеніе для выясненія этимологіи указаннаго слова. Если мы припомнимъ, что индоевропейское названіе ладьи, представляющее одну изъ корневыхъ основъ: п ā u (др.-исл. п а u s t— корабельный сарай изъ *п ā u- s t o, др.-ир. п а u, гр. ν α ὄ-ς, др.-инд. п ā ú-ṣ, лат. п а u f r a g u s) или п ā v- (др.-инд. Асс. Sing. п ā v- a m, гр.-гом. ν ῆ-α²⁾, лат. п ā v- e m, др.-исл. п ó g), удержалось кое-гдѣ и въ славянскихъ языкахъ, то, я думаю, мы получимъ объясненіе какъ этимологическаго состава слова неводъ, такъ и отношенія формъ неводъ : наводъ. Какъ въ новошвед. говорахъ слово п о *п ā u (Noreen. 70) имѣетъ значеніе „выдолбленнаго ствола дерева“, которое является глубокимъ архаизмомъ по отношенію къ др.-исл. п ó g— корабль, такъ и м.-рус. на в (гробъ, колода. Желех. I. 465) является своего рода культурнымъ переживаніемъ, подобно серб. ž à g a (урна. Nemanic. II. 21), пол. ż g ł o (саванъ). Это слово соотвѣтствуетъ чеш. п ā v a или п ā v e (lodʒ, Schiff. Jungmann. II. 636), пол. п а w a (корабль), если только по-

¹⁾ Любопытныя формы этого слова сохранились въ полабскихъ документахъ: въ 1271 году упоминаются *retia magna quae ni w a d e vulgariter nuncupantur*, въ 1275 г. *majus rete, quod nyewede in vulgari vocatur*. *Пергольцъ*. Германизація балтійскихъ славянъ. 103. 113. Въ ст.-пол. п е w o t h. Hube. *Zbiór rot przysiąg sądowych*. 1888, стр. 35 (отъ 1399 г.).

²⁾ Ион. ν ε ὄ с у Иродіана отвлечено этимъ грамматикомъ, по мнѣнію Г. Мейера (*Griech. Gr.*³ 418), изъ формъ косвенныхъ падежей ν ε ὄ υ и др. Но развѣ мы не имѣемъ право предположить, что существовала рядомъ съ ν α ὄ с (*п ā v- s) и форма п е v- (въ ν ε ε с, ν ε ὄ υ и др.)?

слѣднее не заимствовано изъ лат. *pavis* (пол. *pawa* означаетъ также внутренность костела). Но, во всякомъ случаѣ, м.-рус. *нав* нельзя объяснить ни заимствованіемъ изъ латинскаго языка, ни словомъ *навк* (покойникъ); оно соответствуетъ старому способу погребенія въ выдолбленномъ стволѣ дерева и относится къ *нав*—корабль, какъ ново-швед. *pōv* въ др.-исл. *pōg*. Такимъ образомъ, слово *неводъ* можно безъ труда разложить на *nev-vodъ, а н.-луж. *pawod* на *nāv-vodъ со значеніемъ большой рыболовной сѣти, которая закидывается съ лодки, въ отличіе отъ *бредня*, который тащутъ, бредя по дну.

8. Инд.-евр. *gōu—корова. Византійскіе писатели 6 вѣка рассказываютъ о значительномъ развитіи скотоводства у славянъ, выражавшемся въ ихъ обширныхъ стадахъ рогатаго и мелкаго скота. Да и въ настоящее время скотоводство является однимъ изъ главныхъ промысловъ славянскаго населенія Балканскаго полуострова: черногорцы разводятъ по преимуществу козъ и овецъ, сербы свиней, болгары буйволовъ, хотя при низкомъ культурномъ развитіи народныхъ массъ въ этихъ странахъ скотоводство, какъ утверждаютъ, ограничивается самымъ элементарнымъ разведеніемъ скота¹⁾. Такъ же первобытны и обычаи, связанные со скотоводствомъ: какъ въ странѣ Уганда доеніе коровъ составляетъ исключительную привиллегію мужчинъ, на которую не рѣшаются посягнуть женщины²⁾, такъ и у сербовъ только мужчина имѣетъ право доить коровъ³⁾. Глубокой древностью отзывается чисто религіозное почтеніе, которое питаютъ болгары въ упряжныхъ быкамъ: по словамъ Маринова⁴⁾, „жената никогда нѣма да

1) Ср. *I. Ноиѣ*. *Slike iz obćega zemljopisa*. Кн. V. Dio II. 1900, стр. 62—63, 256, 431. *I. Mallat*. *La Serbie contemporaine*. II (1902). 163.

2) *К. Бюхеръ*. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. С.-Пб. 1898, стр. 102.

3) *И. Н. Смирновъ*. Очеркъ культуры и исторіи Южныхъ Славянъ. Казань. 1900. I. 111.

4) *Маринов*. *Жива Старина*. I. 114.

мине пѣтъ на воловетѣ, които се впрягать. Това уважение се распространило понадалечъ: въ тоя край се счита за голѣмъ грѣхъ да се заколе и ѣде волъ, който е впрѣганъ⁴.

Языкъ не могъ не отразить въ своемъ словарѣ той важной роли, какая принадлежала скотоводству въ первобытномъ строѣ славянской жизни, и въ названіяхъ домашнихъ животныхъ общеславянскій языкъ сохранилъ не только большую часть названій, восходящихъ къ индо-европейской эпохѣ, но имѣеть и такія, которыя онъ раздѣляетъ лишь съ нѣкоторыми изъ языковъ этой группы. Термины, означающіе доеніе коровы, стрижку овецъ и т. п., также представляютъ много остатковъ глубокой старины¹⁾. Самое названіе одежды: ру б ѣ, р у б и щ е, р у б а х а, какъ доказываются остроумными соображеніями Э. Вадштейна о происхожденіи нѣм. R a u b, франц. r o b e, должно было означать первоначально шерстяную одежду и такимъ образомъ переносить насъ въ обстановку скотоводческаго быта²⁾.

Общимъ словомъ въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ для означенія крупнаго рогатаго скота является *g ō u-, которое извѣстно въ слѣдующихъ формахъ основы:

a) g ō u-, др.-инд. g ā u-ṣ; ав. g ā u-š; афг. γ υ ā, белудж. g ō k, гр. β ο ὄ ς *β ω ο ς, лат. b ō s (заимствовано); ир. b o u, b ó и др.; др.-в.-нѣм. k u o, англ.-сакс. c ū.

b) g o u- особенно обычно въ сложеніяхъ, каковы др.-инд. g ō -a j a n a — (пастушескій посохъ) = арм. g a v a z a n, ав. g a v ā z- (Hübschman. Pers. Stud. 90), др.-перс. G a u-

¹⁾ А Будиловичъ. Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованіе въ области лингвистической палеонтологіи славянъ. Часть вторая, вып. I. 1882. § 253.

²⁾ Ср. исл. r e y f i (*r a u b i-)—Wolle, die den Schaffen abgerissen wird; у Дюканжа подъ r a u b (a)—a Theutonico r o o f spolio seu lana detonsa de ovibus, англ.-сакс. r e a f—vestes mortuorum vel pelles ferarum и др. Wadstein. I. F. 14. 402—403. Какъ постараюсь показать ниже, и слав. г у н я указываетъ на скотоводческій бытъ славянъ. О словѣ р у б ѣ см. И. Н. Смирновъ. I. 153.

b r u v a (гр. Γ ω β ρ ό α ς. Horn. 198), гр. β ρ ο υ κ ό λ ο ς (пастухъ), ир. *b u a c h a i l* *b o u-k a l i(пастухъ), др.-брет. *b o u t i g* (стойло. Stokes. 178); отъ той же основы оссет. *q ū g* Таг., γ ο g Диг. (корова, Hübschman. Osset. 89); др.-вимвр. *b u c h(juvenca)* *b o u k k a, ир. *b ó s*(скотъ) *b o u s s o; др.-инд. *g o ण í* (мѣшокъ, собств. бычачья шкура), ср.-инд. *g o ण o* (быкъ); др.-инд. *g o ρ á s*(пастухъ).

c) *g o v-* въ др.-инд. *g á v y a s* (состоящій изъ коровъ или имѣющій какое-либо отношеніе къ коровамъ), *g a v a l a s* (дикій буйволъ), *g a v a y á s* (*bos gavaeus*), *g a v i n í* (*das Schamleisten*), *g á v y ū t i s* (пастбище, область) изъ *g a v + y ū t i s*; н.-перс. *g ō g*(теленокъ) изъ *g a v a k a (Horn. 198); арм. *k o g i* изъ *g o v i o—(масло), *k o v*(корова); гр. β ο ό ς *β ο F ό ς.

d) *g ō v* въ латышскомъ *g ō v s*(корова).

e) *g ō-* въ нѣкоторыхъ формахъ склоненія: Acc. Sing. др.-инд. *g ā m*, гр. атт. β ῶ ν, др.-исл. *k ú*, др.-анг. *s ū*, др.-в.-нѣм. *s h u o* *g ō m (Streitberg. 205).

f) *g o-* въ гр. Β ό σ-π ο ρ ο ς, гдѣ, по мнѣнію Бругмана (Griech. Gram.³ 44), кроется старый Gen. Sing. *g ū o s, тогда какъ G. Meyer (Griech. Gram.³ 224) предполагаетъ, что β ο ς-образовалось изъ β ο ο ς-, и въ подтвержденіе своего взгляда приводитъ изъ надписей формы Β ο ό σ π ο ρ ο ς и Β ο ό σ π ο ρ ο ς, показывающія однако лишь то, что вмѣсто непонятнаго β ο ς-языкъ хотѣлъ реконструировать предполагаемый Gen. Sing.

f) *g u-* въ др.-инд. *ṣ a t a-g u-*, гр. ἐ χ α τ έ μ-β η и Π ό λ ο β-ο ς.

Перейдемъ къ славяно-литовской семьѣ языковъ. Рассмотримъ основы въ томъ же порядкѣ:

a) и *b)* въ лит.-слав. семьѣ должны дать *g a u-* и *g u-*, которыя мы можемъ найти въ образованіяхъ, подлежащихъ ниже нашему разсмотрѣнію; *c)* мы находимъ въ слав. *г о в л а д о г о в ѣ н о* (*stercus*) = арм. *k o y* (не изъ *g ū-t h a*: др.-инд. *g ū t h a*. ав. *g ū t h a* и т. д. Hübschman. Arm. 461. Uhlenbeck. 81); *d)* въ латышскомъ *g ō v s*(корова); *e)* въ слав. *г а-* и въ латышскихъ сложныхъ словахъ съ *g ō-* и *f)* *наво-*нецъ, въ латыш. образованіяхъ на *г а-* и др.

Инд.-евр. $g \bar{o}$. Въ латыш. языкѣ Nom. Sing. $g \bar{o} v s$ * $g \bar{o} v i-s$ представляетъ проведенную черезъ всю парадигму основу $g \bar{o} v-$ ¹⁾, но въ сложеніяхъ съ суффиксами мы находимъ основу $g \bar{o}$, какъ болѣе древнюю основу, удѣлѣвшую въ какихъ-нибудь падежахъ и изъ нихъ по аналогіи проникшую и въ иныя образованія, или здѣсь, какъ предполагаетъ Зубатый, $\bar{o}$ ц основы передъ согласнымъ перешло въ $\bar{o}$: отсюда пол. $g a t k a$ (шляпка грибовъ) и лит.-лат. название гриба $g \bar{o} t e n a s$ (Arch. f. Slav. Phil. XVI. 393). Въ латыш. уменьшительныхъ со значеніемъ коровка: $g o l i n'a$ (L. 432. 10), $g o s n i n'a$ (L. 713. 716), $g o t i n'a$ (L. 735) или $g o t e n'a$ (L. 1839: *treša goda goteniti*), витеб. $g \grave{u} t e n'a$ (L. 4375) не для чего предполагать выпаденія v передъ суффиксомъ: такого образованія можетъ быть развѣ $g o t i n'a$, такъ какъ рядомъ съ этой формой встрѣчаемъ и $g o v t i n'a$ (Rig. Rakstu Krājums. VII. 119), какъ $g o m e l'a$ (видъ крупной земляники. Ульманъ): $g o v m \acute{e} l e s$ (Ilster. Rig. Rak. Kr. II, 70); по формы $g o v s n i n'a$ и т. п., насколько мнѣ извѣстно, не попадаютъ; въ тому же слово $g o l i n'a$ вообще представляетъ уменьшительное образованіе не отъ $g \bar{c}-$, но отъ $g \bar{o}l-$ съ суф. $-i n'a$ (уменьш. суф. $-i n'a$ не встрѣчается); рядомъ съ * $g \bar{o} v i s$ надо предположить существ. * $g \bar{o} l a$, которое со слабымъ видомъ основы и сохранилось въ словѣ $g a l a$ (говядина, мясо) * $g \bar{o} l a$. Отдѣлять это послѣднее слово отъ основы * $g o(u)$ не представляется, по моему мнѣнію, никакой возможности: оно относится къ * $g o(u)$ въ значеніи коровы, какъ слав. гов-а до къ * $g o(u)$ (корова); поэтому, я думаю, что уже на пралитовской почвѣ произошло образованіе словъ $g \bar{o} l a$ (корова) и $g a l a$ (мясо)²⁾.

¹⁾ Въ склоненіи этого слова въ народномъ языкѣ много интереснаго: отмѣчу Acc. Plur. витеб. $g \grave{u} s$ (*vinā dzēre raibas g \grave{u} s* L. 5069) при $g u v s$ (L. 4375) и Nom. Plur. $g u v s$ (L. 5096¹, стр. 947), Gen. Pl. $g u v u$ (L. 4886. 2); Nom. Pl. $g o j e s$ (L. 4247), Acc. Pl. $g o j u s$ (L. 4881), Gen. Plur. $g o v j u$ (L. 3515, 3685), Acc. Plur. $g o v e s$ (L. 1824).

²⁾ Гр. $\beta \acute{o} \lambda \iota \nu \theta \omicron \varsigma$ (дикий быкъ, въ *Mirabilia* Аристотеля) разлагается на $\beta \acute{o} \lambda \iota \nu \theta \omicron \varsigma$ * $g o l i n d h o s$; $g o l$ = латыш. $g a l a$; тотъ же

Кромѣ пол. *gátka*, лит. *gûtenės*, лат. *gōtenas* и *golin'a* (коровка; ср. лит. *būlus*: бы-ль *bū-kъ)¹⁾, отъ основы *gō* образованы, по моему, еще слѣдующія славянскія слова: 1) словн. *gāča* (*Hodensäck des Stieres. Valjavec. Rad 42. 64*, у Шлетершника вообще: *langer Hodensack eines Thieres*) въ значеніи извѣстныхъ половыхъ органовъ быка, печени (*gāča = jetra*), зубца (*der Zacken*), двойной вѣтви на деревѣ, подштаниковъ. Среди этихъ разнообразныхъ значеній, которыя я не берусь связать между собой, извѣстную группу составляютъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующія: яичникъ быка (потомъ и другихъ животныхъ съ длиннымъ, какъ у быка, яичникомъ); то, что прикрываетъ половые органы мужчины, штаны; внутренніе органы (печенка). Словинское слово сохранило основное значеніе слова *гачи*, которое въ другихъ славянскихъ языкахъ получило значеніе только штановъ, а также мохнатыхъ ногъ животныхъ (послѣднее есть метафорическое употребленіе перваго значенія). Въ сербскомъ *gāće* (*Akad. Rječn. III. 83—84*) еще сохранилась память о признакѣ, по которому слово отъ значенія яичникъ перешло къ значенію штановъ: въ словарѣ Бѣлостѣвича слово *gāće* переведено черезъ *subligar, subligaculum quo pudenda operantes obteguntur, succinctorium, femorale*, у Стулли *gāće—femoralia*; и въ настоящее время въ извѣстной части сербской территоріи *gāće* не длинныя полотняныя штаны (какъ у Вука), но короткія штаны отъ пояса до колѣнъ. Съ этимъ отлично согласуется то, что византійцы 6 вѣка повѣствуютъ объ одеждѣ славянъ. Далѣе сюда относятся болг. *гаци*(штаны), ст.-чеш. *hásě, hасě* (н.-чеш. *hás, hас, hасí*) въ значеніи не только штановъ, но и въ

суффиксѣ въ гр. *λέβινθος* при *λόβιον*; о слав. суф. -л- см. *I. I. Mikkola. Baltisches und Slavisches. Helsingfors. 1903, стр. 40.*

¹⁾ Обычная этимологія быкъ: ц.-сл. *бучати*, др.-инд. *būk-kāga*(ревь), гр. *βόκτης*(heulend), *βοάκη*(труба) и т. д. *E. Zupitza. Die germanischen Gutturale. 1896, стр. 24—25* раздѣляетъ лит. *būlus* и быкъ, но по смыслу они такъ тѣсно связаны, что ихъ раздѣленіе сомнительно.

болѣ древнемъ — пояса, опояски чреслъ (Gebauer. Sl. 396): напр., *haczie lněné budú najich ledvích* (feminalia linea), *kázal haczie skrúti* (lumbare) и т. д. Въ пол. *gacie* (при *gaty* и *gatkí*) означаетъ подштаники, но въ говорахъ также „шерсть, покрывающую ноги медвѣдя“. Въ м.-рус. къ этому значенію (= нога в и ц і) присоединяется другое, въ которомъ, по моему мнѣнію, видна связь съ основнымъ значеніемъ слова *gatja (яичникъ быка). Другимъ животнымъ, обладающимъ такимъ же развитіемъ половыхъ органовъ, какъ быкъ, является конь, почему въ м.-рус. лошадь называется *гáча*. Что это вполне вѣроятно, доказывается литов. названіемъ жеребца *eĩžilas*, которое сопоставляется съ гр. ἧρχης (Hode), арм. *miorgji* (մ ՛ Վ ռ ժ ի ս), алб. *herđe* (Hode), ав. *эгэзи* (Brugman. I². 565).

Отъ слова *гáча* (лошадь) образовано *гáчур* въ значеніи жеребенка съ суф. -ур (какъ *лобур*: *лобоз* *Wegchratski. Arch. XVI. 3*), слово, проникшее и въ словацкій языкъ. Въ вел.-рус. *гáча* или *гáчи* (ляшки, бедра и части ногъ отъ колѣнъ до таза, съ ягодицами; шаровары, брюки, портеи; меховая одежда на ляшкахъ ловчихъ и вообще хищныхъ и др. птицъ; у собаки—черная мясá, ляшки), также *гати* (псѣ. = *гачи*), *гачень* (вор. поясъ). Ворон. *гáчи* (верхняя часть заднихъ ногъ у скота. Дополненіе 1858 г. стр. 32) показываетъ, что значеніе яичника перешло и на всѣ прилегающія части тѣла. Ср. также перм. *гáчи* (подвязки. Сборн. Ак. Н. 130). Такимъ образомъ, исходя изъ основного значенія слова *гáча* *gõtjā или *гата* *gõtā (яичникъ быка), можно намѣтить слѣдующіе пути въ дальнѣйшемъ развитіи этого значенія: 1а) животное съ большимъ яичникомъ (словн. мрус.) и 1б) прилежащія къ яичнику части тѣла; 2) то, что прикрываетъ послѣднія: опояска, штаны или мѣхъ на ногахъ звѣрей и птицъ. Изъ этого значенія и изъ *гáча* (= яичникъ) объясняются такія слова, какъ серб. *gàćeša* (*gačasta kokoš*; *gačasta golubica*), *gáća* (*ime kokoši*, ср. мрус. *гáча*—жеребець), *gáćân* (*golub i pijetao, u kojijeh je perje po nogama kao gaće*); пол. *gaciak* (прозвище вола), слово, чрез-

вычайно важное для этимологическаго разъясненія и основнаго значенія общеслав. гача, гаѣа и др.; пол. *gasek* (летучая мышь) стоитъ въ связи со значеніемъ гачи — штаны, шерсть на ногахъ. Что касается гачника, то во всѣхъ славянскихъ языкахъ онъ употребляется въ смыслѣ пояса, придерживающаго гачи, но ст.-чеш. *hacník* (Jungman. I. 644 = *hase*, *Beinkleider*, *lumbale* въ *Mater Verborum* и др. ср. *Gebauer. Sl.* 396) показываетъ, что первоначальное значеніе этого слова иное, именно: штаны, прикрывающія гачи. Отъ той же основы *gō* могутъ быть произведены пол. *gajno* (стадо. *Spraw. V.* 355) и общесл. *gōvognъ (пол. *gawgon*, чеш. *havran*, серб. *гавран*, болг. *гавран*).

Основа *gō-*, которую необходимо видѣть въ лат. *gala* (мясо), сохранилась, я думаю, въ слав. *господь*, вторая часть котораго (та же, что въ *подь*—*пѣга*) удовлетворительно объяснена уже *Мелле* (*Mém. X.* 137—139)¹⁾. Что касается первой, то единственно возможное выясненіе ея я нахожу въ сопоставленіи *gōs-* съ гр. *Βος-* въ *Βόσπορος*, при чемъ

¹⁾ *Леонтовичъ* въ статьѣ „Арійскія основы общественнаго быта древнихъ славянъ“ (Варшав. Унив. Изв. 1897. № 6) сопоставляетъ со слав. *господа* др.-инд. *gōsṛāda* („собственно, стоянка пастуховъ, пастбище“) и остается увѣренъ, что это слово „доселѣ дословно воспроизводится въ славянской *господь* то въ смыслѣ жилья, то власти, *dominium*“. Въ примѣч. (на стр. 56—57) онъ указываетъ уже *gōsṛāda* отъ *gōs-* (стадо!) и *ṛāda*, *ṛād* (*stare* etc.) и вед. *ghasṛati* (хозяинъ). Это силошное недоразумѣніе: др.-инд. *gōṣṛāda*—состоитъ изъ Gen. Sing. *gōṣ* (отъ *gāuṣ*—корова) и *ṛāda*—(шагъ, нога) и означаетъ: „коровій слѣдъ, лужица“ (*Sanskrit-Wört. in kürz. Fassung. II.* 185), не имѣя ничего общаго со слав. *господа*. Можетъ быть также, что др. инд. *gōṣṛāda* въ первой своей части имѣетъ основу **gōus-*, которую *Stokes* предполагаетъ въ ир. *bos*, др.-сѣв. *kussa* (корова и т. д. *Stokes. 178*). Никакого *ghasṛati* въ ведійскомъ или классическомъ санскритѣ нѣтъ: очевидно, что *Леонтовичъ* неправильно понялъ вед. *jāsṛati* (*Herr der Familie, Hausvater. Grassman. Wört. 486*), о которомъ у насъ уже была рѣчь выше.

Къ сожалѣнію, *И. Н. Смирновъ* (loc. cit. 110, прим. 2), повидимому, съ полной вѣрой цитируетъ приведенныя заблужденія *Леонтовича*.

въ этомъ случаѣ гр. Βος надо возстановить не въ формѣ *g^uцос, но въ видѣ *g^uо·s, такъ какъ слав. праязыкъ сохранялъ начальное сочетание gv- (gvizdati- чеш. hvízdati, *gvězda- чеш. hvězda). Возводитъ слав. *gos къ *gods-, на которое какъ будто указываетъ литов. діалект. gatspadà (Turkschat. 105) = пол. gospodar, невозможно по двумъ причинамъ: во первыхъ, сочетание gōds- привело бы въ образованію формы gōs-, откуда на слав. почвѣ было бы гас-, а, во вторыхъ, вставка *t* передъ *s* въ данномъ литовскомъ словѣ такъ же не имѣетъ этимологическаго значенія, какъ и въ діал. šikšnótsragnis (летучая мышь) вмѣсто šikšnósrapnis¹⁾. Основа *gō-, уцѣлѣвшая въ лат. gala, съ окончаніемъ -s Gen. Sing. (своего рода параллельная форма къ др.-инд. gōs *gau-s) дала форму *gos (быкъ, вообще скота), такъ что господъ приобрѣло значеніе хозяина стада, господина²⁾.

Основа *gou-, которую мы находимъ въ безчисленномъ множествѣ др.-инд. сложныхъ словъ, естественныхъ въ быту скотоводческаго населенія, лежитъ и въ одномъ чрезвычайно интересномъ для насъ словѣ: др.-инд. gōpa—(быкъ), gōpā—(изв. трава), gōpī (корова, мѣшокъ; рваное платье); отсюда gōpikā—(родъ шерстяного плаща) (Sanskrit-Wört. II. 179). На славянской почвѣ это образованіе превратится въ гуна, гунья, гуня. Всѣ эти слова, дѣйствительно, и существу-

¹⁾ *A. Bezzenger. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882, стр. 182.*

²⁾ Позволю себѣ высказать догадку о происхожденіи слова по-гостъ. Какъ извѣстно, др.-инд. gōsthā *gausthā имѣетъ значеніе не только стойла для коровъ и скотнаго двора (такъ въ Ригъ-Ведѣ. Grassman. 414), но и сборнаго пункта вообще (Sanskrit-Wörterb. II. 184). Предполагая, что въ слав. здѣсь основа не *gou-, но *go-, получаемъ *gosthā- или слав. (по-) гостъ. Что касается послѣдняго -стъ, то эту же часть мы находимъ въ слав. простъ, лит. atstūz (отдаленный), гр. δόστος *δωσ-στος и др. См. I. Schmidt. Bildung. 346. Osthoff. Parerga. 196.

ють здѣсь, какъ названіи извѣстнаго рода одежды, состоявшей первоначально, вѣроятно, изъ коровьей шкуры; по мнѣнію Уленбека (Etym. Wört. 82), др.-инд. *gōpi* (мѣшокъ) должно было означать въ сущности только коровью шкуру. Какъ и слѣдуетъ ожидать, гуна въ различныхъ славянскихъ языкахъ имѣетъ значеніе именно самой грубой одежды, покрывала: такъ, въ бѣлорус. гуна и гунька—чапакъ; въ в.-рус. гуна или гуня имѣетъ много значеній, указывающихъ по большей части на старое плохое платье; въ твр. прм. гуна, гуня—ветхій полушубокъ или армякъ, крытый простымъ холстомъ, удержалось, кажется, основное употребленіе слова *gōpnā въ смыслѣ теплой накидки, а представленіе, которое соединилось съ вытертой коровьей шкурой, отразилось въ словахъ гунавый, гунявый (лысый, плѣшивый, облѣзлый и т. д.); наконецъ, соотвѣтствіе др.-инд. *gōpā* (извѣстная трава) мы находимъ въ рус. гуньба, названіи нѣсколькихъ дикихъ растений (Даль. I. 419), которое извѣстно и въ м.-рус. нарѣчій (серб. *gunīva* сомнительнаго происхожденія: ср. Akad. Rječnik. III. 501) Въ серб. русскому гуня соотвѣтствуетъ *gūñ* (въ ст.-серб. памятникахъ гунь) въ значеніи козуха, крестьянской одежды; болг. гуна (плащъ. Дюв. 432; козухъ, шуба. Геровъ. I. 260), словн. *gūnj* или *gūnja* (покрывало, толстое одѣяло и т. п.); ст.-чеш. *hūně*, н.-чеш. *houně* (*tkanina kosmatá*, Kotze = словн. *gūnja*), словацк. *huňa* (Kotze, Kotzenkleid); пол. *gunia* (плащъ изъ грубой домашней матеріи и др. Karłowicz. Sł. II. 146—147). Какъ видимъ, первоначальное значеніе слова гуна (коровья шкура) перешло по легку установившимъ семасіологическимъ отношеніямъ въ плащъ и покрывало, потомъ въ козухъ. Хотя Миклошичъ (Et. Wört. 81), а за нимъ и другіе (Дювернуа, Плетершникъ) признали слав. слово заимствованіемъ изъ ср.-латин. *gunna*, ср.-греч. *γούνα*, однако для такого предположенія слишкомъ мало оснований: напротивъ, скорѣе средневѣковое латинское слово *gunna* (Pelz, als Gewand. Georges. 7 изд. стр. 2761), для котораго, равно какъ и для возникшихъ изъ него романскихъ словъ, не указано, кажется,

удовлетворительной этимологии (Körting. 375), можетъ быть заимствованіемъ изъ славянскихъ языковъ, сдѣланнымъ еще въ ту пору, когда основное значеніе слова гуна не было забыто, а находилось въ употребленіи. Про греч. γούνα нечего и говорить: оно безъ труда можетъ быть признано за славянское заимствование ¹⁾).

¹⁾ Въ виду значенія этого вопроса приведу примѣры. *Forcinnelli Totius Latinitatis Lexicon* t. III. p. 247 замѣчаетъ, что слово *g u n a* (*g u n a*) *vox prolapsae Latinitatis, itemque Graecitatis; seu potius vulgi propria, qua significatur vestis quaedam pellicea; unde Italicum g o n n a. Auct. Epigr. in Anthol. Lat. n. 1132 Meyer. Regius est Absar servus... pulicis ex corio te g u n n a profusa.* Судя по многочисленнымъ примѣрамъ, приведеннымъ Дю-Кавжемъ въ *Glossarium mediae et infimae Latinitatis* (III 595—596), у средневѣковыхъ писателей, хронистовъ и дѣятелей церкви, слово *g u n n a* довольно обычно для означенія мѣховой одежды: въ письмахъ епископа Майнцакаго, Бонифація (8 в.) *g u n n a m b r e v e m n o s t r o m o r e c o n s u t a m* или *g u n n a m d e p e l l i b u s l u t r a g u m f a c t a m* и др. Въ греческомъ яз. γούνα встрѣчается нерѣдко въ средніе вѣка: у Цецеса *σιώρα, τὸ ἐκ δέρματος ἑντρίχον, ἔπερ καὶ γούναυ χαλοῦσι*; въ глоссахъ къ Аристофановымъ Облакамъ: *διφθέραν—γούναυ* и мн. др. Рядомъ съ этимъ и γούναρις (выдѣлыватель или продавецъ гунъ; ср. словн. *g u n j á r*—*der Kotzenverfertiger*) уже въ 7 в. въ *Chronicon Alexandrinum ἡλθον αὐτοί... εἰς μέσον τῆς βασιλικῆς τῆς γούναριῶν* и др. Du Cange. *Glossarium ad scriptores Mediae et Infimae Graecitatis*. I (1588). 264. Такимъ образомъ, слово *г у н а* появляется у средневѣковыхъ писателей уже послѣ расселенія славянъ по Европѣ и употребляется въ томъ смыслѣ одежды изъ шкуръ, который восходитъ къ слав. этимологическому значенію разсматриваемаго слова. Изъ послѣдняго легко вывести какъ бѣлорус. *гуня* (ч е п р а к ъ), такъ и другія славянскія формы, но, предположивъ, что слав. *гуна*, *гуня* заимствование изъ лат. или греч. *г u n a*, трудно понять, какъ значеніе одежды перешло въ значеніе накидки, покрывала и т. п. Семасіологическія основанія, какъ и позднее появленіе слова въ Западной и Южной Европѣ, заставляютъ думать объ его славянскомъ происхожденіи. Но, если бы даже слово *г u n a* появилось и ранѣе распространенія славянъ въ Германіи и на Балканскомъ полуостровѣ, это все-таки не говорило бы противъ его славянства, потому что славянскіе мѣха, шкуры и т. п. могли проникнуть на Западъ и Югъ путемъ торговымъ сравнительно рано. Да и славяне, слу-

Въ м.-рус. нарѣчїи слово гуня употребляется еще въ значенїи тетеревиного выводка, а выраженїе гунев лїтати переводится въ словарѣ Желеховскаго черезъ *schaugenweise*. Этимологически это слово связывается съ лит. *gaujā* (стая: напр. у Доналейтиса IV, 72 *vilkaif gaujoms susibūgo* — волки сбѣжались стаями), которое Leskien (*Ablaut*. 35) соединяетъ, хотя и нерѣшительно, въ одну группу съ лит. *gūiti* (*nachjagen*), лат. *gūt* (*haschen, fangen*), лит. *argaulė* (*Betrug*), и *gaulis* (*Beute*) и др. Въ какомъ бы отношенїи эта группа словъ не стояла къ основѣ *gou (корова), м.-рус. гу-ня(стая) и лит. *gaujā* несомнѣнно родственны; соединенїе ихъ съ глаголами, означающими погоню, преслѣдованїе, охоту, не вызывается никакой необходимостью.

Растенїе *Antirrhinum*, которое у сербовъ называется *teleća glava, teleć nos*, а у поляковъ *ścieśca główka*, носитъ въ болгарскомъ языкѣ названїе *гўра*, которому правильно соотвѣтствуетъ др.-инд. *gōla-* (инд.-евр. **gouga-*), имѣющее весьма много значенїй, въ томъ числѣ означающее и нѣкоторыя растенїя. Лит. *gaūgas* (обычно *gaugaĩ* — короткіе волосы на кожѣ, отчего эта послѣдняя становится шершавой; ср. *gaugutinė. Iuškev. 1382, gaugūtas* — шершавый) также можетъ восходить къ основѣ **gou-go-*.

Первобытный способъ молотьбы при помощи скота, который гоняютъ по разостланному хлѣбу, отразился въ словѣ *гумьно*, которое едва-ли не надо разложить на *гу-мьно*, въ первой части котораго скрывается основа *gou, находящаяся въ такомъ множествѣ древне-индїйскихъ сложныхъ словъ; вторую часть этого образованїя составляетъ, по моему мнѣнїю, *мьно* *mīnas, существительное отъ *мьн-ж*(мять) = *mīnū*.

жившіе въ войскахъ Имперїи уже въ 1—2 в. по Р. Х. (ср. мою замѣтку „Эпиграфическіе слѣды славянства“ въ Сборникѣ статей), могли бы занести это слово въ Римъ, гдѣ оно впервые, кажется, и попадаетъ. Торговля же велась едва-ли не черезъ евреевъ, жившихъ въ черноморскихъ городахъ уже въ 5—4 в. до Р. Х. Ср. мою замѣтку „Евреи въ Босфорскомъ царствѣ по греческимъ надписямъ“ (Восходъ. 1902. № 8).

Что это сущ. *mīna, — действительно, могло жить въ языкѣ общеславянскаго періода, подтверждается латыш. -mīna (въ ратmīna или ратmīnis, подножка въ экипажѣ, воловоротъ въ веретенѣ, педаль въ музыкальномъ инструментѣ; ādmīnis — кожемяка; ср. также лат. mīne или mīnis, мѣсто, гдѣ разминають глину); такимъ образомъ, безъ всякаго нарушенія фонетическихъ законовъ можно допустить, что славяне назвали гумномъ то мѣсто, гдѣ коровы мали (хлѣбъ). Въ толкованіи Mater Verborum ст.-чешскаго humno (area dicitur, proprie locus vacuus, ubi tritulantur annonae) находимъ важное указаніе на то, что гумно должно было первоначально находиться подъ открытымъ небомъ, быть по-просту пустыремъ, по которому гоняли въ разныхъ направленіяхъ коровъ. Отсюда словин. gúna *gumna (ср. gúno или gúmpno) „свободное мѣсто въ деревнѣ, гдѣ скрещиваются два пути“. Какъ показываетъ луж. hupa (при hupo изъ humpno) „садикъ за службами“, можно думать, что въ праслав. рядомъ съ формой гумно жила форма гумна; значеніе же перваго, какъ свободнаго, открытаго мѣста около дворовыхъ службъ, сохранилось почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ рядомъ съ новымъ болѣе специальнымъ значеніемъ опредѣленнаго зданія, гдѣ происходитъ молотба. Польское gumno (przestrzeń między zabudowaniami gospodarskimi, podwórze gospodarskie; budowla do składania i młócenia zboża), луж. hupo (свободное мѣсто на дворѣ; гумно) и др. подтверждаютъ вышесказанное.

Таковы всѣ славянскія образования, которыя я могу связать съ основами *gō, *gō, *gou и *gov (гов-адо¹), гдѣ суф. адо напоминаетъ гр. αδο-ς въ гр. βόλιδος дикій

¹) Относятся-ли болг. гáвeдiнa (звѣрь. Сборн. за нар. умотв. V. 220), гавeдъ (гадина. Дюв. 334), пол. областное gáwiednik (bydło), gawiedź (wszelki drobiazg w domu a więc dzieci, kury, kurczęta и др.) къ той же основѣ, но въ формѣ *gōv-, при чемъ тогда значеніе этого слова было бы „мелкій скотъ“, или же они принадлежать къ совсѣмъ другой семьѣ словъ, — этотъ вопросъ при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній, кажется, не разрѣшимъ.

быкъ, у Аристотеля: см. выше). Но рядомъ съ ними нельзя отдѣлить отъ основы *gou двухъ словъ, въ которыхъ эта основа приняла форму *gəu (ср. авест. gəuš, гдѣ əu изъ əu. Brugmann. Grundriss. P. 194). Какъ показалъ Бернекеръ на большомъ числѣ примѣровъ (IF. X. 145—167), инд.-евр. əu на славянской почвѣ даетъ одинъ звукъ ю, происходящій изъ *jau (ср. др.-инд. jōṣṭag- при греч. γευστήριον). Передъ этой группой звуковъ g подвергается смягченію и переходитъ въ ж, такъ что основа gəu получаетъ на славянской почвѣ форму жю-(жу-), которую можно найти въ трехъ словахъ: жукъ, жуна и жуна. Остановимся сначала на первомъ, которое распределено въ слав. языкахъ такъ: рус. жукъ, м.-рус. жуе и джук (какъ джарити : жарити, джерелó : жерелó, джѡвна : жѡвна и др.), болг. жукъ(жукъ), полаб. zeuk (Schleicher. 352), т. е. жюкъ; чеш. žukati (жужжать); пол. żuk; отношеніе его къ основѣ *gəu можетъ быть двоякаго рода: 1) жукъ могъ быть названъ бычкомъ въ такомъ же шутовомъ тонѣ, въ какомъ его называютъ, напр., въ Моравіи koza, jeleň, rohal, roháč, vůl (Barth. I. 322) или въ Болгаріи—рогче (Дюв. 636) или въ русской загадкѣ: черный воронъ съ рогомъ, а не быкъ; по-бычьи мычить, по-медвѣжьи рычить; и у жука рогъ, да пѣтушьяго бодня не стоять и т. под.; 2) жукъ (ср. общеслав. goupoval или goupival, напр. ст.-чеш. hownuwal atalabus. Mistkäfer. Gebauer. Sl. 479, серб. gòpnovâlј) могъ получить свое названіе отъ образа жизни нѣкоторыхъ видовъ этого рода, пользующихся навозомъ для сохраненія своихъ личекъ въ сдѣланныхъ изъ него шарикахъ: отсюда русскія поговорки о жука, гласящія: только жукъ, въ навозѣ живучи, да чисто обихаживается; подлѣ пчелки въ медокъ, а подлѣ жука—въ навозъ; зарылся, какъ жукъ въ навозѣ и др. Въ обоихъ случаяхъ мы можемъ понять отношеніе слова жукъ *gəukov къ основѣ *gəu (корова, биекъ, скоть)¹⁾.

¹⁾ Ср. др.-инд. gōralakā — пастухъ, gōralakā — 1) жена пастуха, 2) видъ навозныхъ жуковъ.

Болг. жю́ка или жю́па (губа, уста), не смотря на однокое положеніе этого слова въ славянскихъ языкахъ, нельзя, по моему мнѣнію, отдѣлять отъ основы *gēu, развитой суффиксами -kā и -pā въ значеніи толстой коровьей губы (потомъ губы вообще).

Наконецъ, очень старое сложеніе представляетъ собою общеслав. жу́па, которое означаетъ какъ мелкій округъ, такъ и опредѣленныя мѣстности. Въ виду важности этого слова, какъ для лингвистической палеонтологіи славянъ, такъ и для славянскаго языковѣднія необходимо возстановить первоначальное значеніе его, тѣмъ болѣе, что въ недавнее время была сдѣлана неудачная на мой взглядъ попытка произвести слав. жу́па отъ корня *gup — (скрывать), попытка, совершенно упустившая изъ виду связь словъ жу́па и жу́панъ. Между тѣмъ юридическое значеніе этихъ терминовъ въ настоящее время уже настолько выяснилось, что именно въ этомъ случаѣ лингвистика и исторія могутъ дѣйствовать соединенными силами ¹⁾.

Начнемъ съ Польши ²⁾. Еще въ 14 в. въ Мишнѣ суще-

¹⁾ Какъ въ жу́па, жу́панъ, такъ и въ простомъ панъ лежитъ основа корень pā, отъ которой образованы и лат. pāter и родственныя ему слова въ другихъ языкахъ. По замѣчанію проф. Бодуэна-де-Куртена (Лингвистическія замѣтки и афоризмы. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903. № 5, отд. 2, стр. 21), „къ подобному же существительному, отъ того же корня, восходятъ деноминативные глаголы пол. patrzęć, чеш. patřiti и т. п.“. Если бы это было справедливо (возбуждаетъ сомнѣніе количество гласнаго въ слав. patr, которое должно восходить къ pātr, тогда какъ инд.-евр. группа словъ заключаетъ въ себѣ очень краткій гласный ə), то съ этимъ можно было бы сопоставить и слав. мотрѣти (серб. mōtriti, словн. mōtriti, рус. обл. мотрѣть) изъ māt-er. Другими словами, слѣдуетъ предположить pāter, māt-er, какъ разъ обратное тому, что даютъ другіе инд.-евр. языки. Съ глагольными образованиями *патр-ити, *мотрѣти или *мотр-ити ср. болг. пāстръ (сохраняю, берегу. Дюв. 1603) отъ *paster (ср. пол. pasterz).

²⁾ Ср. А. Szelągowski. Chłopi dziedzice we wsiach na prawie polskiem do końca XIII wieku. Lwów. 1899 (Studia nad historią prawa

ствоваѣли *seniores villagum, quos lingua sua supranos vocant*, но въ самой Польшѣ 12—13 в. нѣтъ уже и рѣчи о высшемъ классѣ деревенскаго населенія, носящемъ названіе жупановъ (*Szel.* 18), хотя терминъ *supran*, *supragii*, *supragii* или *zurragii* встрѣчается довольно часто (*Balzer.* 27—28) въ примѣненіи къ княжескому чиновнику, за вѣдующему той или иной отрасли народнаго хозяйства и управленія. Жупанъ по исконному употребленію этого слова стоитъ надъ жупой, а такъ какъ первый можетъ имѣть въ зависимости отъ княжеской воли разныя фукціи, то и слово жупа пріобрѣтаетъ рядъ новыхъ значеній: оно получаетъ даже самое общее значеніе служебной обязанности вообще (*supras seu officia*), далѣе — и въ разъясненіи этого заключается большая заслуга Бальцера передъ лингвистикой, не умѣвшей понять связи жупы, какъ селенія, съ пол. *żura solna* — значеніе рудниковъ (*salis supram sive officium*)¹⁾ и т. д. Среди значеній жупы въ средневѣковой Польшѣ особенно интересны два: какъ ст.-рус. погостъ имѣло значеніе административнаго центра округа и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣста остановки князя во время его разѣздовъ по странѣ, такъ и пол. *żura* употреблялось въ послѣднемъ смыслѣ, который позволяетъ предполагать, что она имѣла и первое значеніе, т. е. характеръ административнаго пункта: въ документѣ 1238 г. говорится (*Balzer.* 28) „*utrum Prandochin zuram, que stap vulgo dicitur, in annona solvere deberet (an argento)*“. Другое

---

polskiego, tom I, zeszyt 2). *O. Balzer.* O zadrudzie słowiańskiej. Uwagi i polemika (отд. отт. изъ Кwartalnika Historycznego XIII. 1899). Здѣсь разборъ статьи Нейскера о жупѣ (*Zur Socialgeschichte Böhmens. II. Die altslavische žura.* Weimar. 1897).

¹⁾ Ср. *Balzer* 28: „*pierwotnie żura solna* значыла tedy urząd (władzę) zarządzającego kopalniami, w dalszem zaś następstwie same kopalnie, jako przedmiot tej władzy, otrzymały nazwę żury, podobnie, jak południowo-słowiańska rodzina (ród), jako przedmiot władzy swego naczelnika nazwaną została żurą“. Последнее врядъ ли справедливо: не жупа отъ жупана, а наоборотъ.

употребленіе слова *župa* указываетъ также на ея первоначальное территориальное значеніе: *župa* — подать (*beneficium*): „*wiadomo zaś, iż daniny bardzo często biorą swe nazwy od terytorijum, tak například opole, przesieka*“ (Szelaḡowski. 18).

Въ Чехіи 13—14 в. *župa* употребляется въ значеніи *officium*, какъ это происходило въ ту же пору и въ Польшѣ; сходство должно объясняться, вѣроятно, не только культурными воздѣйствіями, но и одинаковымъ развитіемъ понятія. Такъ, въ 1323 г. король Янъ пишетъ: *promittimus nulli alienigenae aliquam munitionem regalem vel castrum aliquod supre nomine committere aut purgravium facere* ¹⁾, въ 1311 году онъ говоритъ объ *officium suprae*, а *župa*, какъ княжескій городъ, упоминается въ грамотѣ 1146 года: *villam meam, Ssupram nomine, juxta Rokezan, episcopo tradidi*. Согласно съ польскимъ правомъ, чешское стало употреблять слово *жупанъ* въ широкомъ значеніи княжескаго чиновника: это—*comes civitatis, praefectus provinciae, castellanus, suprapus*, творящій судъ и расправу надъ княжескими подданными въ своемъ городѣ на т. наз. жупныхъ судахъ ²⁾, хотя уже въ 12 в. этотъ терминъ употребляется для означенія всевозможныхъ придворныхъ чиновъ и административныхъ лицъ: *каммергера, трухзесса, мундшенка, маршала и бургграфа* ³⁾. Отсюда становится весьма вѣроятнымъ, что нѣкогда и чешскій народъ зналъ *жупу* въ смыслѣ мелкой территориальной единицы, и, мнѣ кажется, не имѣется основанія думать, что этимъ именемъ назывался только племенной городъ, по которому

---

¹⁾ Эта и другія цитаты изъ чешскихъ памятниковъ въ статьѣ Н. Jireček'a: „*Ještě slovo o výrazech župa a župan*“ (*Časopis Musea Král. Českého*. 1878, стр. 321—329), написанной въ опроверженіе взгляда Шемберы, по которому слово *župa* никогда не употреблялось въ Чехіи для означенія земельного района.

²⁾ О нихъ ср. Н. Jireček. *O soudech župních neboli cudách* (*Časopis Mus. Kr. Česk.* 1856, кн. 4, стр. 79—111).

³⁾ *J. Lippert. Socialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit I*, 1896, стр. 246.

„uzemí kmenem osazené a pomocí jeho hradu ovládané“ называлось жупоу, vlastí, zemí ¹⁾. Напротивъ, именно известная территория называлась сначала жупой и лишь съ развитіемъ общественныхъ отношеній это названіе было перенесено на центръ жупы, городъ или селенье. Это доказывается какъ старосербскимъ правомъ, такъ и сравнительной этнографіей.

Какъ известно, границы, въ которыхъ племя имѣетъ право охотиться, бывають опредѣлены съ большой точностью, и хотя междуплеменные отношенія могутъ поддерживаться весьма бойко и среди „низшихъ охотниковъ“ ²⁾ (по терминологіи Гроссе), однако переходъ на чужую территорию рассматривается, какъ проявленіе непріязненныхъ отношеній. Еще большаго развитія достигаетъ это международное право у племенъ скотоводческихъ, живущихъ по большей части родовымъ бытомъ и уже въ силу этого обособленныхъ другъ отъ друга ³⁾. При этомъ естественно, что каждая изъ родовыхъ группъ имѣетъ собственное мѣсто погребенія: такъ, въ перуанскомъ царствѣ Инковъ, гдѣ территоріальныя единицы возникали путемъ заселенія земель родовыми группами, аулла, каждая изъ этихъ послѣднихъ обладала собственнымъ кладбищемъ ⁴⁾. Славянское право представляетъ весьма сходное явленіе; прк.-слав. жоупиште могила (Мивлошичь. Lexicon 202), которое, казалось, не имѣетъ никакой связи со словомъ жуца(край), легко объясняется, какъ родовое кладбище, и рус. погостъ представляетъ аналогію этому явленію. А экономическія отношенія среди жупы характеризуются проф. И. Н. Смирновымъ въ слѣдующихъ словахъ (Очеркъ II.

¹⁾ J. Čelakovský. Čechy. 480 (изъ Ottáv naučný slovník).

²⁾ Ср. живое описаніе Штейнена: „Unter den Völkern Central-Brasiliens“ 110: „Im Auetodorf herrschte reger Fremdenverkehr. Wir trafen dort... Vertreter fast aller Hauptstämme“ и т. д.

³⁾ Ср. А. Погодинъ. Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. 1902, стр. 38.

⁴⁾ А. Post. Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz. 1894. I. 328—329.

221—224): „(они) напоминають отношенія внутри современныхъ племенъ: у жупъ были общія пастбища, которыми, какъ пастбищами племени, пользовались всѣ села, находившіяся на ея территоріи; были, какъ теперь, и забраны (забели, ливады). Какъ теперь одно племя не можетъ пользоваться пастбищами другого, такъ въ 14 в. жупа пастбищами и угодыми другой жупы” (въ Законникѣ Душана: жоупа жоупѣ да не попаса добиткомъ ништа). Жупа, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Сербіи, получила значеніе центра, гдѣ останавливался князь: трудно иначе понять слова Стефанова Законника: „дара вьсаки да прати, вуде камо поиде: градъ вьсаки до жоупе, и жоупа до жоупе, и наки жоупа до града“ (ср. также Зак. § 37, 41). Но рядомъ съ этимъ жупа сохраняла во всей своей неприкосновенности значеніе земельной территоріи: „жоупа, що есть прѣдѣль того града“, „село оу оноизи жоупѣ“, „ако боуде брьдо поусто между жоупами“ и др. выраженія того же рода (ср. Даничић. Рјечник из вьнижевних старина српских I. 344—346) подтверждаютъ это значеніе. Хорватское право заявляетъ, что *put občeni veliki krog žurima biti širok jednu rozgu* (St. Poljicki. § 201. Ср. Jireček. Časop. mus. 1878, стр. 327). Въ томъ же территориальномъ значеніи слово жупа употребляется и въ другихъ славянскихъ землях¹⁾: словацк. *жупа*(приходъ), луж. *жупа*(община), черн. *жупа*(округъ, на границѣ Черногоріи жупа Никшицкая или жупа Грачаница) и др. Ср. греч. *ῥα*, *ῥα* изъ *ῥα *Fzē* (Schafweide) „*κώμη, φυλή*“ Danielsson I. F. XIV. 384. Meister. KZ. 36. 458.

Съ другой стороны существуютъ весьма вѣсвія доказательства въ пользу того, что понятіе жупа обнимало первоначально и родъ: въ Далмаціи *жупа* означаетъ *домаћа челјад* (напр. тај човјек има много жупе у кући. Караджић. 161), въ словинскомъ яз. этимъ словомъ называется собраніе прихожанъ, міръ; обращеніе Статута Полицкаго: „*prisvitla*

¹⁾ Ср. Н. Jireček. *Slovanské právo v Cechách a na Moravě*. 1863. I. 69—70.

gosпода i poštena župa Poljička“ указываетъ опять таки на юридическое значеніе слова жупа, какъ собранія гражданъ извѣстной мѣстности¹⁾. Сограждане эти первоначально сородичи. Такимъ образомъ, выражаясь словами Рачега²⁾, „жуца означаетъ племя и родъ, затѣмъ страну, которую занимаетъ племя въ землѣ, наконецъ общину племени и рода въ этой странѣ. Первое значеніе жупы генетическое, второе географическое, третье юридическое. Чѣмъ глубже уходишь въ даль вѣковъ, тѣмъ яснѣе раскрываются въ словѣ жупа эти три значенія; дѣло въ томъ, что славяне въ первое время заселяли землю по племенамъ, при чемъ одно племя жило въ однихъ установленныхъ границахъ, другое въ другихъ и всякое пользовалось своими вождями изъ своего рода... Распредѣленіе жупъ по племенамъ подтверждается и ихъ малымъ иногда протяженіемъ“. Уже при Константинѣ Багрянородномъ вся Сербія раздѣлялась на жупаніи, во главѣ которыхъ стояли вожди; по словамъ этого писателя „князей эти народы не имѣютъ, кромѣ старцевъ, называемыхъ жупанами“, и Липпертъ (ibid. 120—121) справедливо замѣчаетъ, что несомнѣнно подъ этими старцами подразумѣваются родовыя старшины (die Gentilvorstände), при чемъ необходимо допустить, что тогда племена (Gentes) жили еще родовыми общинами, потому что иначе значеніе домачиновъ не выступало бы такъ сильно, что чужестранецъ вообще могъ сравнить ихъ въ какомъ-либо отношеніи съ князьями другихъ народовъ.

---

¹⁾ Ср. въ Душановомъ хрисовулѣ „людиє жоупьсци“, какъ совокупность свободныхъ крестьянъ въ жупѣ въ отличіе отъ церковныхъ. См. *Т. Флоринскаго* Памятники законодательной дѣятельности Душана. Кіевъ. 1888, стр. 149 (здѣсь находимъ указаніе всѣхъ мѣстъ въ законодательствѣ Душана, гдѣ идетъ рѣчь о жупѣ).

²⁾ „Župa i grad“. Rad. 99. 104—128. Хорватской жупѣ посвящены, кромѣ того, нѣсколько страницъ въ изслѣдованіи того же ученаго „Hrvatska prije XII vieka“ (Rad. 57. 130—134) и статья *Браничи* „Župe u hrvatskoj državi za narodne dinastije“ (Rad. 25. 31—52), гдѣ разсматривается внутреннее устройство жупы въ ея отличіи отъ града.

Выяснивъ, что жупа предполагаетъ родовой бытъ славянъ, который въ настоящее время вообще, насколько мнѣ извѣстно, приписывается нашимъ предкамъ, и зная, что родовой бытъ особенно поддерживается скотоводческимъ образомъ жизни народа, мы должны, кажется, придать важное значеніе вышеприведенному запрещенію Законника Стефана Душана, имѣвшее въ виду точное разграниченіе пастбищъ двухъ сосѣднихъ жупъ: въ этомъ запрещеніи отразились исконныя воззрѣнія скотоводческаго племени, которыя и были вновь подтверждены закономъ, какъ особо важныя и близкія народному духу юридическія отношенія. Естественно думать, что и самое слово жупа можетъ означать землю, занятую родомъ скотоводческаго племени, другими словами, предѣлы, въ которыхъ онъ имѣетъ право пасти свои стада. Этимологія этого слова, разлагающая его на жу- и па (въ смыслѣ коровье пастбище), удовлетворительно объясняетъ его значеніе и въ звуковомъ отношеніи удовлетворяетъ требованіямъ филологіи, потому что, какъ мы видѣли на примѣрѣ словъ жуеъ и жупа, рядомъ съ основой *gōu можно предположить для праславянской эпохи основу *gěu. Др.-инд. gōra- (Nom. Sing. gōras), означающее пастуха и стража вообще, имѣетъ, кромѣ того, значеніе „надзирателя надъ нѣсколькими деревнями, начальника округа“ и наконецъ „князя, царя“ (Sanskrit-Wört. II. 181). Развитіе значенія, стало быть, здѣсь совершенно тоже, что и въ слав. жупанъ, рядомъ съ которымъ для означенія его жены существовало слово *жупани, которое мы находимъ въ словин. župnja (Valjavec. Rad. 42. 24). Эта форма словъ *žūrānas, *žūrānē въ сравненіи съ н.-перс. gōbān *gōurānas(пастухъ) или афг. γōba (Kuhhirte. Geiger. 10) представляется вполне правильно развитымъ сложнымъ словомъ, во второй части котораго лежитъ слово панъ. Др.-инд. rāna — (стражъ, защитникъ), употребившееся какъ самостоятельно, такъ и въ сложеніяхъ съ tanū (тѣло, личность), откуда tanūrāna- или tanīrā- (защитникъ, хранитель тѣла и жизни), и vāta — (вѣтеръ, воздухъ), откуда vātarāna — (wohl ein best. Theil des Gewan-

des,—собственно хранитель отъ вѣтра), встрѣчается, какъ послѣдняя часть сложенія въ ав. gānarāna — (набедренникъ), Nom. Pl. shōithrō-rānō (правители страны, сатрапы), Nom. Du. reshū-rāna (стражи моста), въ арм. — rap (раштрап заимствование изъ др.-перс. рагштірāпа? Hübschman. Arm. 221), въ пехл. — rap и въ новоперс. — bān или —wān въ сложныхъ словахъ (pāsban, šuturwān и др. Horn. 41), а также въ афг.—bā (pl. bāna) въ сложеніяхъ γōbā, pl. γōbāna- (Kuhhirte), ūšhā (Kamelhüter), mālybā (a collector of salt. Geiger. 7), въ белудж. širānk (пастухъ = ср.-перс. šarān, н.-перс. šabān - чабанъ. Geiger. Arphg. 36) и др. На основаніи всего этого матеріала индоиранское rāna в значеніи хранителя, пастыря, пастуха можетъ быть установлено съ большою достовѣрностью, а что касается его происхожденія, то производство I. Шмидта (Kritik der Sonantentheorie 106, съ чѣмъ соглашается и Hübschman. Arm. 513) rān- изъ *rāvн, *rāuн- только потому, что рядомъ съ ав. shōithrō-rānō извѣстна др.-перс. форма khshathgarāvā (сатрапъ), представляется весьма мало убѣдительнымъ. Во всякомъ случаѣ, при такомъ взглядѣ на происхожденіе *суффикса* -rān (др.-инд. rāna-, какъ самостоятельное слово, I. Шмидтъ не принимаетъ въ расчетъ) странно сопоставлять его со слав. панъ, такъ какъ rāuн- (не rāvн-) дастъ на славянской почвѣ -пун-ъ. Однако взглядъ названнаго ученаго обоснованъ такъ слабо, что, по моему мнѣнію, нѣтъ рѣшительно никакого основанія отдѣлять какъ rāna-, такъ и rati- отъ корня rā (сторожить, хранить), и Остгофъ (Et. Parerga 225—227) съ полнымъ правомъ возстановляетъ для инд.-евр. эпохи параллельныя формы *r̄k̄u-rāno- (др.-перс. *fšurāna, сохранившееся въ н.-перс. šubān) и *r̄k̄u-ratis (не r̄k̄u-potis? Вѣроятно, здѣсь простая описка) въ арм. špet (*др.-перс. fšuratis). Въ связь съ корневой основой рā ставить индоиранское rāna- Бартоломэ¹⁾, а Уленбекъ (Etym.

¹⁾ Нельзя только согласиться съ нимъ, что авест. shōithrānō, reshūrāna и др. предполагаютъ Nom. Sing. на -rā (*rān). К. З.

Wört. 163) на рядѣ примѣровъ показываетъ тѣсную связь др.-инд. *rāna-* (*rānam-* защита, *rānās* защитникъ) съ другими образованиями отъ корня *rā* (*rātā-* хранитель, *rāuūṣ-* стражъ, *rāti-* онъ хранить, стережетъ). Поэтому какъ др.-инд. *gōrā-*, такъ и слав. *жупанъ*, въ которомъ несомнѣнно заключается то же слово *-панъ*, которое такъ широко распространено въ арийской семьѣ языковъ, нельзя отдѣлять отъ основы *gōu, *gēu. Изъ того, что рядомъ съ этой основой инд.-евр. языкъ знаетъ корень *gu, отъ котораго образованы ав. *gufrō* (скрытый, глубокий), гр. *γύπη* (пещера), др.-сѣв. *kofe* (хижина) и т. д., еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы др.-инд. *gōrās* было также произведено отъ этого корня, и чтобы къ нему же восходило слав. *жупа*. Бругманъ, высказавшій этотъ взглядъ (*Indog. Forsch.* XI. 111—112), долженъ былъ признать основнымъ значеніемъ слова *жупа*—охрана (*die Hut; dann das, was in Hut und Pflege genommen ist*), при чемъ *жупа* сольная, *жупиште*, образования поздняго происхожденія, служили для него исходнымъ пунктомъ. Слав. *жупа* значила первоначально „пастба скота, пастбище, пастухи“, *жупанъ* — „владѣлецъ пастбищъ, хранитель скота, пастухъ, панъ надъ пастухами“; пастбища, принадлежа всему* роду, находились въ управленіи старшаго въ родѣ, *жупана*. Таковы выводы, въ которыхъ приводитъ изученіе какъ юридическаго быта, такъ и языка славянъ.

Надо отмѣтить, что русскій языкъ, повидимому, не знаетъ теперь и вообще уже не знаетъ въ историческія времена слова *жупа*: приводимое Далемъ *жуна* въ значеніи селенія возбуждаетъ большое сомнѣніе, а мрус. *жупа* (соляныя копи) представляется заимствованіемъ изъ польскаго языка ¹⁾. Причина исчезновенія этого общеславянскаго слова въ русскомъ

29. 496. Др.-инд. формы, равно какъ и слав. *панъ* показываютъ, что здѣсь надо исходить изъ *Nom. Sing. -rāna*. Ср. I. Schmidt. *Kritik der Sonantentheorie.* 122. прим. 1.

¹⁾ *Leskien.* Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. II. (1893) 16.

языкъ заключалась, повидимому, въ томъ, что на мѣсто этого термина вторгся новый, погость, который принялъ на себя всѣ функціи старой жупы. Сходство доходитъ до таковой степени, что, какъ въ польскомъ *żura* получила значеніе опредѣленной дани, такъ и въ русскихъ юридическихъ памятникахъ найдено выраженіе: „погоста имъ не платити“¹⁾. Какъ жупный центръ противопоставляется въ законникѣ Душана граду, такъ и въ Церковномъ Уставѣ св. Владиміра погость противопоставляется городу и слободѣ (по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по свободамъ), и наконецъ, какъ жупа приобрѣла въ результатъ развитія этого термина значеніе церковнаго прихода (съ кладбищемъ, *жупищемъ*, если послѣднее не отражаетъ болѣе древнихъ отношеній родового быта), такъ и погость-приходъ составлялъ въ административномъ управленіи Московской Руси наименьшую территориальную единицу.

Прежде чѣмъ разстаться съ вопросомъ о слав. жупѣ, остановлюсь на соответствующихъ словахъ въ балтійскихъ языкахъ. Д-ръ Бассановичъ написалъ цѣлое изслѣдованіе изъ древнѣйшей исторіи Литвы подъ названіемъ „*Žiuronas ir žiuronė*“ (жупанъ и жупанья), но откуда онъ взялъ эти слова, я рѣшительно недоумѣваю, такъ какъ ни въ одномъ изъ старолитовскихъ текстовъ или современныхъ говоровъ я не встрѣчалъ перваго изъ этихъ словъ; одежда *жупанъ* (пол. *żupan*) изъ *jiurra-, дѣйствительно, заимствована литовцами подъ именемъ *žiuronas* (уже въ словарѣ Ширвида, такъ же у Юшкевича въ пѣсняхъ: напр. № 1061.3 *Kad tu buvaj žiuron ūtas, rejke žiuret pažibūta*), но званіе того же имени въ литовскомъ языкѣ, повидимому, совершенно неизвѣстно. Fem. *žiurõnė* однако приводится Куршшатоу (eine Herrin, eine vornehme Dame), и если въ данномъ случаѣ на него можно положиться, то передъ нами, конечно, очень старое

---

¹⁾ Эта и другія цитаты о погостѣ извлекаю изъ статьи А. Панюкова „Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ Сѣверной Россіи“. (Рус. Вѣстн. 1898, ноябрь, стр. 55—85).

займствованіе: съ мягкостью *ž* (жюпа) и со старымъ *ě*, откуда въ слав. произошло *и* (мати-мотѣ, пани-ронѣ, суф. -ѣни въ рабыни и т. п. и лит. -пнѣ въ *pataikúnė*-праздная, *ašagúnė*-Thränenkrüglein и др.)¹⁾; но все же, разумѣется, это займствованіе, такъ какъ въ лит. славянскому *ž* *урапѣ* должно было бы соответствовать *gia *уронѣ*. Тоже можно сказать о др.-прусс. *surūpi* или *surapa* (хозяйка), гдѣ *ū* послѣ губного согласнаго не имѣетъ особаго значенія (ср. *Berneker*. 150).

Этими образованіями, какъ я полагаю, ограничиваются славяно-литовскія формы, произведенныя отъ основъ *gōu*, *gōv*, *gō*, *gěu*. Если сюда присоединить *жаворонокъ* *gē-vognp (*gē:gěu = gō:gōu*), то мы получимъ еще одинъ видъ этой основы.

9. Инд.-евр. *sū*, *suu*—свинья. Др.-инд. *sūs* (*erzeuger*, f. *gabāgerin*), *sūkagās* (свинья, боровъ), ав. *hū-* (боровъ); н.-перс. *xūk* (свинья), гр. *σῦς* и *ὄς*, лат. *sūs*, кимвр. *hwēh* корн. *hoch*, др.-сѣв. *sýr*, англ.-с. *sū*, др.-в.-нѣм. *su*; основа *sū*, *sv-* передъ гласнымъ *i* въ лат. *suinus*, гот. *swein*, др.-сѣв. *svín*, агс. *swín*, др.-в.-нѣм. *swín* (свинья), слав. свинъ и свинья (*Uhlenbeck*. 339—340). Отношеніе гр. и лат. *sū* къ *sū* см. у *Острофа Morphol. Untersuchungen*. IV. 219—220.

Литов. языкъ, повидимому, совершенно утратилъ названіе свиньи отъ этой основы, замѣнивъ его словомъ *paĩšas*, но въ латышскомъ языкѣ мы находимъ два соответствующія названія. Здѣсь поросенокъ называется *šivenis*, поросая свинья *šivenise* (у *Ульмана* только такъ); въ говорахъ извѣстна однако болѣе древняя форма этого слова: такъ, L. 2886 *dod*, *māmin'a šuven'am*, L. 1572: *lai gul*, *lai rukst*, *kā šuvenin'is*. Какъ показываютъ многіе примѣры, *i* и *u* въ латышскихъ корняхъ нерѣдко замѣняютъ другъ друга (о какомъ-нибудь чередованіи тутъ, конечно, не можетъ быть и

¹⁾ *Leskien*. *Bildung*. 395—396 безъ достаточнаго, по моему мнѣнію, основанія признаетъ суф. *ū* и *as* займствованіемъ изъ слав. языка.

рѣчи): L. 2384 pa slidenu ezarin'u. L. 2385 pasludenu ezarin'u (основа slid- гладкій, лит. slidùs); dibens (глубокій, лит. dubùs, основа dub-) и dubens; druva (нива, изъ витебскаго говора. L. 3356.3 driva, L. 4507 var. drivin'am, осн. -druv-); L. 1825.2. krista mâte, 1825.3 krūsta mâte (осн. krist- изъ слав. кръст-); L. 3426 timsâ (въ темнотѣ, var. tumsâ naktī, осн. tims-); L. 2426 kan'urejas (при L. 2521.2. kan'ip', основную форму опредѣлить не берусь); лат. zivs (рыба при лит. žuvis, осн. ziv-) и др. ¹⁾. Ср. лит. sudoklys (= sidoklys оселожь), sudabræs (= sidabræs. Явнись. Поневѣж. гов. II. 29). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ латышскомъ языкѣ какъ новое *i* можетъ замѣнять старое *u*, такъ и обратно: на примѣрахъ driv-*druv-, *ziv-*ziv-, *dib-*dub-, можно убѣдиться, что и изъ двухъ формъ sivenis, zivenis послѣдняя, единственно подтверждаемая этимологiей, должна быть основной. Она произведена съ суф. уменьшительнымъ -en (откуда слав. -а въ тела и др.) ²⁾ отъ основы ziv-, къ которой восходитъ и лат. suum (Gen. Pl.) *suц-om (Stolz. 166). Къ суцō восходитъ и агс. sugu, нов.-шв. sugga (свинья Noreen. 153, 162) ³⁾. Уже инд.-евр. эпохѣ принадлежитъ образование sūka-(свинья), которую мы находимъ въ н.-перс. xūk, афг. xūg, бел. hīk, оссет. хuī или хu (Horn. 113), въ ир. socc-sail и др. (Stokes 305 возводитъ ихъ въ основѣ sukku-). Отъ этой основы произведено съ тѣмъ же уменьшительнымъ суффиксомъ названiе поросенка suik'ens (L. 2887.1. Suik'ens teva

¹⁾ Латыш. bīka (большой баранъ) сопоставляется М. Нидерманномъ въ Berlin. Philolog. Wochenschr. 1903. № 41, стр. 1305 съ лит. b u k é(овца), арм. b u c(ягненокъ), ав. b ū z a, др.-в.-нѣм. b o c, ир. b o c c. Ав. b u z a съ *g* сюда едва-ли относится непосредственно.

²⁾ Ср. латыш. L. 2283 ezēnīnī(еженка), L. 2938.1. tele n s(теленокъ) и др. Ср. *Bielenstein*. Lett. Sprache 281—282 (уже онъ производитъ s i v e n s отъ корня s u).

³⁾ Иначе Schrader. Reallex. 745, который соединяетъ ихъ, видимо, съ осн. *s u k-.

gal'u deva) или suik'is. Ульманъ приводитъ и основную форму этого слова suk'is (или suik'is- ein Halbschwein; однако ait-u-suik'is- ein halberwachsenes Schaf) ¹⁾. Такимъ образомъ, въ латыш. языкѣ названія поросенка произведены отъ основъ suv- и suk-, которыя, вѣроятно, обѣ восходятъ къ индоевропейскому времени.

Но есть въ латыш. языкѣ еще одно очень загадочное названіе свиньи: сѣка. Хотя, какъ мы знаемъ, есть случаи, гдѣ въ латыш. с стоитъ вмѣсто z или обратно (напр. sēgmaukšī или sēgmauksis, черемуха; sēsēn или sēsēn — рядомъ, при), такъ что и здѣсь можно было бы предполагать, что сѣка развилось при благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ *sēka: напр., сначала въ уменьш. сѣсип'ш, сѣсип'а, сѣсепс, потомъ отсюда и въ сѣка; однако противъ этого говоритъ какъ сохраненіе z въ zivens, suk'is, вслѣдствіе чего эти слова и сѣка чувствуются совершенно различными по происхожденію, такъ и распространеніе сходнаго слова въ другихъ языкахъ Европы. Еще въ 1828 г. I. L. Parrot въ сочиненіи „Versuch einer Entwicklung der Sprache, Abstammung, Geschichte, Mythologie und bürgerlichen Verhältnisse der Liwen, Lätten, Eesten et cet.“ указывалъ на связь эст. sigga (свинья) съ кавказскими названіями этого животнаго. „Авторъ, широко образованный, но необыкновенно слабый въ смыслѣ метода и критическаго сужденія“, замѣчаетъ Мункачи ²⁾: „последовательно перебираетъ, преслѣдуя свою тенденцію, матеріалъ, представляемый (арійской и кавказской) языковыми семьями, и съ поразительной легкостью отерываетъ въ послѣднихъ всевозможные, главнымъ образомъ кельтскіе и эстонскіе элементы. Естественно, что между множествомъ совершенно ненаучныхъ сопоставленій, попадаютъ тамъ и самыя допустимыя, болѣе или менѣе

---

¹⁾ *Suk'is* (ein mittelgrosses Schwein) у него же — результатъ какихъ-нибудь позднѣйшихъ процессовъ.

²⁾ *Muncácsi Bernat. 'Arja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben.* Budapest. 1901, стр. 18.

выдерживающія критику замѣчанія, особенно въ тѣхъ табличкахъ, гдѣ онъ сопоставляетъ сходныя слова въ финноугорскихъ, кавказскихъ и арійскихъ языкахъ“. Среди примѣровъ этой группы, приводимыхъ Муньачи изъ названнаго сочиненія Парро, фигурируетъ и эст. *sigga* (ф. *sika* — свинья), которая сопоставляется съ лезг. *dshaka*, *dshaga* (свинья). Къ той же группѣ относятся и другія кавказскія названія свиньи: *kubacsi džika*, *kaitach džaka*, *varkun. žaka*, *avar cuka* (Munkácsi. 18).

Хотя въ настоящее время признается, что фин. *sika* въ звуковомъ отношеніи совпадаетъ съ морд. *tuvo* (свинья)¹⁾, такъ что для финно-мордовскаго надо предположить, вѣроятно, форму *tuγa, однако и эта послѣдняя можетъ стоять въ какомъ-нибудь отношеніи заимствованія къ кавказскимъ и иранскимъ словамъ. Во всякомъ случаѣ авар. *цукъа* поразительно сходно съ латыш. *sūka*²⁾, и не только съ нимъ, но и съ словин. *sūka* (ime *svinjī*. Valjavec Rad. 42. 13, у Плетершника нѣтъ). Возможно, что сюда относится и рус. обл. *чѹшка*, *чуха* (свинья), если это слово не произведено отъ *чухъ* (при *чу-яти*) „рыло, носъ, свиное хрювало“. Словин. и латыш. *sūka*, какъ и авар. *cuká*, могутъ восходить къ одному оригиналу, который пока намъ неизвѣстенъ. Аналогичное явленіе находимъ въ названіи собаки: лат. *kup'a* (сука) вмѣсто ожидаемаго *sup'a* (лит. *šū*, *suñs*) извѣстно такъ же въ формѣ *kusa* или *kuse* (L. 2292. 3. *Lapsa*, *kuse*, *brīnejās*), а такъ же въ уменьшительныхъ *kusens* и *kusenin's* (L. 2283 *augš kup'ai kuseniņi*); лат. *kusa* нельзя отдѣлять отъ серб.

¹⁾ *H. Paasonen*. Kielellisiä lisiä Suomalaisten sivistyshistoriaan. 1896, стр. 31 (Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1897. № 6. Отд. 2, стр. 425). *E. N. Setälä*. I. N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinnen. 1900, стр. 13.

²⁾ На что я указывалъ и въ замѣткѣ: „Къ вопросу о вліяніи индо-европейскихъ языковъ на кавказскіе“, помѣщенной въ 31 выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“.

кўчка(сука), но еще ближе къ латыш. к у с а серб. к ў д а (Вук² 318: не лаје к у д а села ради, него себе ради), которому въ болг. соотвѣтствуетъ к ў ч я (собака вообще) и к ў ч к а(сука), словн. к ѿ щ е к(собака) и др. Какъ показываетъ Мункачи (loc. cit. 430—433) это слово весьма широко распространено не только въ кавказскихъ (авар. k h u ѿ а, лак. k h u ѿ ѿ а, осет. k h u ѿ и мн. др.), но и въ различныхъ финскихъ языкахъ (зыр. k i ѿ i, перм. k i ѿ к а, морд. k i ѿ к а и мн. др.), такъ что иностранное происхождение латыш. к у с е, к у с а не можетъ подлежать сомнѣнью. Что касается к у п 'а, то это контаминація изъ s u n 'а, существованіе котораго слѣдуетъ предположить (см. ниже), и к у с а, давшая въ результатъ указанную форму.

Вотъ почему я считаю наиболее соотвѣтствующимъ научной истинѣ признать латыш. названіе свиньи с ѿ к а заимствованіе изъ какого-то восточнаго оригинала, даваго и въ слов. яз. слово с ѿ к а и въ фин.-морд. * t u ѿ а (или что, по моему мнѣнью, болѣе вѣроятно самостоятельно въ фин. s i k a, въ морд. t u ѿ а)¹).

¹) Такимъ же заимствованіемъ является латыш. k ѿ j а (cunpus), словн. к ў с а (die Weibliche Scham, при к ў j а—сука, съ которымъ ср. чеш. k u j o n k a, k u j o n s t v o, k u j o n y) и т. под. Ср. осет. k h u i, k h u j (песнь. Hübschman. Et. Oss. 127, у него и литература). Съ латыш. к у с е, лит. k u ѿ y s (die Weibliche Scham) ср. многочисленныя названія собаки отъ той же основы съ - ѿ (мадьяр. k u s а, вогул. k u ѿ а, кавказ. k h i ѿ, морд. k i ѿ к а и др.). Вѣроятно, отъ латыш. заимствованнаго k ѿ j а нельзя отдѣлять и извѣстное русское названіе реніс.

Какъ показываетъ W. Meyer (Etym. Alb. 218—229), названіе собаки к у с е, к у ѿ широко распространено и въ языкахъ Западной Европы: сюда относятся ит. c u c c i o, фрц. g o u s s o, баск.-цыг. k o t s h o a, фриул. c i z z e (алб. k u t ѿ) и др. Юсти признаетъ за словомъ кавказское происхождение, что, во всякомъ случаѣ, вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе самого Мейера, „что оно несомнѣнно междометнаго происхожденія“. Почему это междометіе и только оно получило такое распространеніе, Мейеръ не объясняетъ. Эстон. k u ѿ, к у ѿ а и др. Миккола (Berg. 133) склоненъ объяснять заимствованіемъ изъ латыш. к у с а, но противъ этого можно замѣтить, что 1) формы k u t ' s i k, k u t ' s i k a s заключаютъ въ себѣ элементы суффиксовъ, которыхъ нѣтъ въ латыш-

Что касается славянских языковъ, то я не могу указать ни одного слова, которое восходило бы къ основѣ сѣ- въ значеніи свиньи. Эта основа дала бы на слав. почвѣ сѣ-, сѣили хѣ-, хи- *хы-, но ничего подходящаго къ этому я не нахожу въ славянскихъ словаряхъ (ср. впрочемъ *shebzd*). Развѣ только названіе птицы сычъ (в.-рус. сычъ, м.-рус. си ч, пол. *wuszek*, чеш. *sýc*, *sýček*), если оно восходитъ къ *sū-kis, а не *sūtjos (*Miklos. Et. Wört. 336*), можетъ по какимъ-нибудь ассоціаціямъ представленій происходить отъ слова поросенокъ *sūk-is (латыш. *sūkis*), да м.-рус. непонятное бранное слово сицюга, если оно развилось изъ сицуга, имѣетъ отношеніе къ слову *sūka (свинья). Но, конечно, подтвердить это предположеніе какими-нибудь вѣскими данными нѣтъ никакой возможности, потому что, во всякомъ случаѣ, этимологическое значеніе этихъ словъ давнымъ давно забыто.

10. Инд.-евр. *перот*—племянникъ, внукъ. Уже на почвѣ инд.-евр. праязыка рядомъ съ формой корневой основы *perōt (др.-инд. *párat*, ав. *parā*, лат. *perōs*, др.-сѣв. *pefe* и др. *Uhlenbeck. 142*) существовала форма основы, развитая суффиксомъ *ijo*, откуда *pertijos (какъ и въ первой основѣ *ō* выпадаетъ или *еще* отсутствуетъ въ такихъ падежахъ, какъ др.-инд. *nádbhyas*, ав. *nafshū*. Ср. I. Schmidt. *Kritik. 60*). Эта форма *pertijos, изъ которой образовалось гр. *ἀνεψιός* (*Geschwistersohn*, **s₀pertijō-*), извѣстна и въ славянскихъ языкахъ въ видѣ нетій (племянникъ, цре.-слав. др.-рус.) изъ **ne(p)tijos*. Ср. болг. собственное *имя* муж. Нето (Геровъ. III. 267).

Рядомъ съ этой формой *pertijos, давшей нѣкоторыя славянскія, въ эпоху славяно-литовскаго языка, кажется, нужно предположить сохраненіе еще корневой основы *per-*, уживавшееся съ переходомъ ея въ систему склоненія основъ на *i*. Отсюда уже слав.-лит. *pertis, сохранившееся въ ст-

---

скомъ оригиналѣ, 2) установить пути и источникъ распространенія данной группы словъ пока совершенно невозможно.

лит. *neptis* (Bezenberger. Beitr. 304), ст.-пол. *nieć*¹⁾, тогда какъ старое *nept-* удержалось въ сложеніи со словомъ *dsega* (пол.). Изъ праслав. *nept + *dъktera* должно образоваться уже на праслав. почвѣ *nestera, которое мы находимъ въ др.-серб. *нестера* (сестрична *нестера* глаголеть се. Миклошичь. Lex. 442), въ ст.-пол. *nesczoga* (*neptis*, *filia sorogis* въ рукописи начала 15 в. Malinowski. Pr. Fil. I. 496. 511), *nyesczoga* (*neptis*. Nehring. Altpol. Spr. 33) = *nieśóga*. Чешскій языкъ едва-ли знаетъ когда-либо слова *neptis и *nestera: въ Пресбургскомъ словарѣ, гдѣ глава 36 посвящена подробному перечисленію именъ родни, находимъ для *neptis-wnuka*, *filiaster-sinovesz*, а *vnuculus-vgesz*.

Миклошичь (Et. Wört. 214) объясняетъ др.-серб. *нестера* (польскаго слова онъ не приводитъ, хотя оно могло бы быть ему извѣстно) такъ: *nestera ist wahrscheinlich nep(s)terga: vergl. nsl. ter(s)ti, p. grześć, nsl. greb(sti)*. Но, сравнивая величины совершенно неизмѣримыя, Миклошичь не объясняетъ, почему удѣляло хотя бы словн. *tersti*, *grebsti* (и церк.-слав. *гребсти*. Wondrack. 124), а въ *nepstera* (съ весьма странной вставкой *s*) *p* выпало. Думаю, что иного объясненія, кромѣ предложеннаго мною, въ данномъ случаѣ нельзя дать, и что по значенію *nestera* (дочь племянника-родственника, внучатная племянница, вообще племянница, родственница, какъ гот. *nithjis* и др. герм.) вполне удовлетворяетъ моему толкованію происхожденія этого слова изъ *nept-dъktera.

Латинскому *nept-* соответствуютъ ст.-лит. *nepotis* и *neputis* (Bezenberger. Beitr. 304), а основа *nept-jo, можетъ быть уже въ индо-европ. эпоху давшая **netjo-*²⁾, откуда

---

¹⁾ *Nyecz* — *перов* въ латин.-пол. словарь 1437 г. *Nehring*. Altpolnische Sprachdenkmäler. 1887, стр. 33.

²⁾ *I. Schmidt*. Kritik. 60. *V. Michels*. Indog. Forsch. XIV. 225. Иначе *Grienberger*. 167, который на основаніи англ.-сакс. *nidhdhas*

гот. *nithjis* (Verwandter, Vetter), др.-сѣв. *nidhr* (pl. *nidhjar* Abkömmling), англ.-сакс. *nidhdhas* (люди), известна и въ славянскихъ языкахъ, гдѣ она дала серб. *нѣћаѣ* (ex *sorore nepos*), словн. *неѣ́ак* (племянникъ), *неѣ́акѣнѣа* (племянница) **неѣ́акѣни*. Эти формы восходятъ къ *net-j-akъ.

Таковы славянскія формы, которыя указываютъ, что въ праслав. языкѣ еще находилась въ употребленіи корневая основа *per̄t* (или *net*), и что рядомъ съ ней употреблялись унаслѣдованныя отъ старыхъ временъ формы этой основы, развитыя суффиксами: *netijos* (откуда *нетий*) и *netjos* (откуда съ новымъ суффиксомъ *нѣћаѣк*); литов.-слав. новообразованиемъ надо признать перенесеніе этой корневой основы въ разрядъ склоненія на *i-* (лит. *per̄tis*, пол. *nieć*), но это новообразование не сразу вытѣснило старину, т. е. архаизмъ *per̄t* и *per̄ōt* (лит. *per̄ūt-is*).

Кромѣ приведенныхъ довольно понятныхъ формъ, серб. языкъ представляетъ и кое-что оригинальное, не поддающееся объясненію изъ основъ *per̄t* и тому подобныхъ. Уже Миклошичъ указываетъ на серб. *перуѣа*, *перуѣа* (племянница) (*fremd sind—*), я прибавлю къ этому чачав. *первѣд* (*nepos ex sorore, e fratre*), *первѣда* (*fratris vel sororis filia. Nemanic. I. 41. II. 40*). Не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, что это заимствованія изъ романскихъ языковъ: такъ, серб. *перуѣа* соответствуетъ венец. *pervoda*, серб. *перуѣа*—рум. *пероатѣ*, наконецъ чачав. формы могли быть заимствованы изъ ломбардскаго діалекта италіян. языка, гдѣ лат. *p* между гласными переходить въ *v* (*riva *rīra, rever *rīper, scovera *scovera* и др.)¹⁾. Романское *o* во множествѣ серб-

---

заключаетъ, что ассимиляція *pt* произошла уже на германской почвѣ; но примѣръ др.-инд. *pad-* показываетъ, что гот. *nithjis* и др. могутъ восходить къ основѣ **net-*, гдѣ ассимиляція уже завершилась.

¹⁾ *W. Meyer Lübke. Grammatik der romanischen Sprache. 1890. I. 358. G. Körting. Lateinisch-romanisches Wörterbuch. 1891, стр. 516 (лат. перѣтѣ).*

скихъ заимствованныхъ словъ переходить въ *и*¹⁾: *gardun* *cardone, *kukumar* *cosomero (*lubenica*. Kurelac), *ku-lar* *collare, *kumin* *comino, *murina* *morena, *puč* *prozzo (*studentac*), *skapulati* *scapolare (*učuvati*, *ohraniti*, *spasti*) и мн. др. Такимъ образомъ *и* въ перуца и др. понятно; остается неяснымъ только *č*, но оно можетъ быть приспособленіемъ къ слав. суффиксамъ съ *-č* или передавать какой-нибудь романскій звукъ (ср. выше *puč*).

11. Инд.-евр. *dru*—дерево. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „*Etymologische Parerga*“ (I. Teil. Leipzig. 1901) Н. Osthoff подвергъ весьма обстоятельному изслѣдованію индоевропейскія слова, произведенныя отъ различныхъ формъ основы *dru*(дерево). Въ виду этого я не стану разсматривать относящіяся сюда слова слав.-литов. семьи языковъ, а остановлюсь лишь на одномъ весьма любопытномъ образованіи, имъ не указанномъ, но проливающимъ яркій свѣтъ на славянскія формы рѣчи, и еще на нѣсколькихъ словахъ.

Др.-инд. *su-drú-s* (*starker Holz, tüchtiger Balken*. Osthoff. 153) состоитъ изъ двухъ частей: *su*(хорошій) и *dru*—(дерево); отъ послѣдняго происходятъ слова со значеніемъ крѣпкій, здоровый: лит. *drútas* (*fest, stark*), др.-инд. *dhruv-á-s* (*fest, feststehend, beständig, dauernd, bleibend, bestimmt, sicher, gewiss*), гр. *δρῶν ἰσχυρόν* *Hesych.* (Osthoff. 117. 119. 121. 129. 138) и наконецъ слав. *здравъ* изъ **sūdogv-*²⁾ (съ этимъ словомъ сравниваетъ др.-инд. *ní-dhruviṣ* и Meillet. *Mém.* IX. 51). Однако, ставя слав. *здравъ* въ связь съ инд.-евр. образованіями отъ основы *dru-* въ значеніи крѣпкій, могучій, ни Остгофъ, ни Мелье не остановились на томъ, что же собственно значить первая часть этого сложенія, и не обратили вниманія на лит. *sudrus* (пышный,

¹⁾ Очень большой матеріалъ въ статьѣ Курельца. *Rad.* XX. 93—137, также въ Грамматикѣ Маретича.

²⁾ Форма основы *dogv-* одинъ изъ видовъ основы **degec-* (*hartholz, eiche*). Osthoff 117. 121. *Hirt Ablaut.* 150—151. Ср. съ *dogv-* *degv* въ *дерево* гр. *δῆρον, δῆρατος* (изъ **dogv-*).

роскошный — о ростѣ и цвѣтѣ растеній Geitler. Lit. Stud. 112. Межинисъ 231). Это слово нельзя отдѣлять съ одной стороны отъ др.-инд. *śudgus*, съ которымъ оно совпадаетъ по формѣ и, вѣроятно, совпадало по значенію, а съ другой отъ слав. *сѣдравъ*, въ значеніи котораго много общаго съ лит. *śudgus* (нѣтъ уже только спеціальнаго оттѣнка послѣдняго, примѣненія къ силѣ цвѣта). Однако до сихъ поръ слово здоровый имѣеть значеніе плотный, дюжій, крѣпкій (болг. *здравъ* мѣжь, *здравъ* камыѣъ, *здравъ* шарь — крѣпкая краска; рус. *здоровъ* дубъ, т. е. великъ, толстъ, да дуплястъ; серб. *здравъ* — лонац, чаша и т. д.).

Сопоставляя др.-инд. *śudgus* съ лит. *śudgus* и слав. *сѣдорвѣ и зная, что др.-инд. слово распадается на двѣ части: *śu* (ав. *h₂u*) добрый, хорошій ¹⁾ и *ḍgu-s* (дерево), мы получаемъ и для слав.-лит. эпохи слово *śu* въ томъ же значеніи. Образованіе, вѣроятно, получено отъ индоевропейскаго времени уже готовымъ и это сложеніе не послужило, насколько извѣстно, къ дальнѣйшимъ аналогичнымъ образованіямъ въ славянскихъ или балтійскихъ языкахъ. Причиной этого явленія было какъ отсутствіе самостоятельнаго употребленія слова *śu* (хорошій), такъ и развитіе предлога *śu* (съ), рядомъ съ которымъ это сложеніе не могло нормально развиваться и жить.

Болг. *дрѣгъ* (палка, шесть. Дюв. 577). пол. *drag* (*pręt długi i gruby. Sł. I. 553*), чеш. *drauh, drúh* (дубина, шесть; *stojí jak drauh* — стоитъ, какъ пень. Jungmann. I. 469), словин. *drôg* (шесть. Pleterš. 176), серб. *дрѹга* (Вук² 141: *дрво, као велико вретено, што жене вонде препредају на њега и плетиво преду*) восходятъ къ праслав. *ḍrungos. Нельзя отдѣлять отсюда рус. *друеъ*, гдѣ исходное *ḍ* сдѣлалось глухимъ, при чемъ отсутствіе этимологической связи съ другими словами утвердило это слово въ русскомъ словарѣ именно въ такой формѣ, и отъ него образовались уменьшительныя и т. под.

¹⁾ Др.-инд. сложенія съ *śu*- перечислены, между прочимъ, Реутеромъ К.З. 31. 222.

существительныя. Между тѣмъ по значенію рус. друкъ, дручокъ ¹⁾ и т. д. (жердь, рычагъ, слега, гнеть, притугъ. Даль. I. 511) совпадаетъ съ приведенной группой словъ, въ которой надо отнести и друзгъ(моск.) *dron g-gos (какъ kk даютъ ск: полоскать при пол. p^lókać, верещать—лит. veĩkti ²⁾).

Всѣ эти слова едва-ли можно отдѣлять отъ основы dru-(дерево), которая развита суффиксомъ -ng- (ср. пол. pstrąg, чеш. pstruh, рус. пестругъ), или отъ основы dr- (ср. греч. τὰ δρία, δρίος Meringer. 23), развитой суффиксомъ -ong. Тогда съ другимъ видомъ суффикса -eng въ слав. могла образоваться форма *dr-eng-a, откуда рус. *драга. Сюда я отношу смол. драгва, бѣлорус. дрегва́ изъ *драгва́ (трясина въ болотѣ) ³⁾, а также не совсѣмъ ясныя по своему образованію ст.-рус. дрязга, дрязда, дрязна(лѣсъ); болг. дряздакъ (лѣсъ. Геровъ I. 376), ст.-чеш. dříezha (Span, Splitter. Gebauer. Hist. 335), пол. drzézga, drzyzga, drzazga (mały kawałek drzewa. Karłow. Sł. 381), изъ которыхъ первыя два слова могутъ восходить въ drenzga, а послѣднее представляетъ заимствованіе изъ языка, гдѣ я изъ *en (рус. дрязга, дрязгъ), хотя въ мрус. этого слова нѣтъ, и польскій языкъ передалъ бы мрус. z черезъ h. Происхожденіе пол. drzazga, которое издатели большого польскаго словаря производятъ изъ drzezga, для меня такимъ образомъ неясно.

Врус. дромъ (лѣсная трущоба, ломъ, чаща съ валежникомъ и буреломомъ; сушь, хворость), которое народно-этимологическимъ путемъ было превращено въ дремъ (дремучій

¹⁾ Ср. пол. drażek=kij, drażek (Karłowicz. Sł. gw. I. 368).

²⁾ G+g даютъ zg: *дрозги, откуда дрожжи, др.-сѣв. dregg, прус. dragios; брѣзгъ *brēg-gъ, ср. лит. brėkšta *brēg-šta и др.

³⁾ Обл. драгва дрегва (студень. Даль. I. 569 и Доп. 1858 г., стр. 43) нельзя производить отъ корня дрог-(дрожать), а вѣроятнѣе всего слѣдуетъ сопоставить съ приведеннымъ выше словомъ; эволюція значенія такова: драгва, болото въ лѣсу; трясина; то, что трясется, студень.

лѣсъ), едва-ли не восходить къ дрѣмъ = гр. *ρῆγρ* (дрѣмъ), др.-инд. *dṛiṣas* (дерево), какъ на это указываетъ и словн. *dīma* (срѣзанные вѣтви на кормъ возамъ и др.), болг. *дрѣма* (вѣсть). Курс. *друмъ* (= *дромъ*) неясно: какъ у относится здѣсь къ *о*?

Можно думать, что такія образованія, какъ съдравъ, дрѣмъ, восходятъ въ слав. яз. къ готовымъ индоевропейскимъ формамъ, но дрѣ въ дрѣколіе или одрѣ (болг. *одъръ* досчатый полъ, лавка, кровать. Дюв. 1468) предполагаютъ, что въ праславянскомъ языкѣ еще была въ употребленіи старая корневая основа *dri (въ Nom. Sing. можетъ быть *driſ), и отъ нея уже на славянской почвѣ возникли образованія въ родѣ *дрѣгъ* (шесть, деревцо).

12. Инд.-евр. *ghu* — рыба. Для обозначенія рыбы индоевр. языкъ, какъ утверждаютъ до сихъ поръ (напр. Schrader. *Reallex.* 243), хотя въ новѣйшее время поднимаются справедливыя сомнѣнія относительно этого (напр. M. Niedermann *loc. cit.*), не зналъ общаго слова; однако въ армянскомъ, греческомъ, германскихъ и литовскихъ языкахъ такой общій терминъ для означенія рыбы существуетъ и восходить къ основѣ *ghu*, отъ которой произведено гр. *ἰχθύς* (при *ἰχθύδιον* рыбка и *ἰχθύ* въ сложныхъ словахъ: *ἰχθύβόλος*, *ἰχθύρῆδον* и др. *Osthoff Morphol. Unters.* IV. 211)¹⁾, гдѣ *χθ* можетъ быть такого же происхожденія, какъ въ *χθών*, *χθές*, и соотвѣтствовать др.-инд. *kṣ*, лит. *ž*²⁾, а *i* такой же приставной звукъ, какъ въ *ἰκτίνος*, *ἰκτίς* рядомъ съ *κτίς* (хорекъ)³⁾ и др.; какъ *χθών* = др.-инд. *kṣām*, такъ греч. *χθύ- вполне правильно можетъ соотвѣтствовать др.-инд. *kṣú* (ница). Если эта этимологія Уленбева (*Et. Wört.* 71) правильна, то древность общаго названія рыбы восходить къ индоевропейской эпохѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, та же основа (можетъ быть, только съ другимъ началомъ) лежитъ въ литов. *žuvis* (рыба), латыш.

¹⁾ Brugmann *Gr. Gram.* 49 приводитъ *ἰχθύδιον* изъ *ἰχθύδῖον.

²⁾ G. Meyer. *Gr. Gram.* 344—345. Brugmann. *Grundriss.* I.² 794.

³⁾ G. Meyer. *Gr. Gram.* 176. Brugmann. *Grundriss.* I.² 825.

zivs(id.) и лит. žvūnė (рыбья чешуя), žvēti или žvejūti (ловить рыбу), латыш. zviņi или zviņas (рыбья чешуя), zveijōt (ловить рыбу), zveija (рыбная ловля), а также въ др.-швед. gyus, пово-шв. gös (известная порода рыбы)¹⁾. Основа, распространенная (суффиксомъ?) k, встрѣчается въ лит. žukmistras (Fischmeister), прус. suckis (рыба), арм. јukn (n.-Stamm). Такимъ образомъ въ балтійской группѣ языковъ находимъ слѣдующія формы этой основы: žū- (въ žu-gertas eine Fischerstange, žuklỹs—рыбакъ, žuk-mistras, латыш. zušauklis—eine Aalhautschnur), žū- (žústu—ловлю рыбу, латыш. zūss при zivs или zivs), žuv- (лит. žuvėdra, Fischfresserin, см. Juškev. 219.6, žuvis, лат. zivs), žv- (въ лат. žvūnė, лат. zviņi—чешуя). Принадлежность этой основы къ числу старыхъ корневыхъ доказывается какъ соотвѣтствующими формами родственныхъ языковъ и сложениемъ žu-gertas, такъ и Gen. Pl. z'pwu у Ширвида (40. 24. 151. 13: žuwa wimas dušiu kaip žuwu kokiū)²⁾, при Gen. Sing. žuvēs (у Довконта Bud. Senowes 28 žówījs).

Странно было бы, если бы, при такомъ распространеніи разсматриваемой основы въ балтійскихъ языкахъ, она совершенно и безслѣдно вымерла въ славянскихъ, гдѣ, вообще говоря, ее замѣнили образованія отъ основы рыб- (рыба *gūba, нѣм. Aalraupe). Поэтому я считаю методически правильнымъ обратиться къ такимъ словамъ, въ которыхъ можетъ находиться основа зв (=лит. žv- и žuv-), зы (=лит. žū). Въ польскомъ языкѣ одинъ изъ видовъ фасоли (Dolichos) носить названіе, которое, какъ можно предположить съ большою вѣроятностью, сложнаго происхожденія. Это слово zwiłura

¹⁾ Prellwitz (Et. Wört. 132—133) предполагаетъ для этихъ словъ праформу gjus, а для индоевроп. эпохи γhjús. Ср. Uhlenbeck. 71 и Hübschmann. Arm. 471.

²⁾ Но, по словамъ Universitas Linguarum. 10. žuwis склоняется, какъ ausis (Gen. Pl. ausiū); тамъ же указано, что dantis (зубъ) склоняется, какъ ležuwis (Gen. Pl. ležuwiu), а между тѣмъ Куршаты въ своей грамматикѣ (стр. 193) замѣчаютъ, что dantis имѣетъ въ Gen. Pl. исключительно несмягченное u: dantiū.

(Majewski II. 287. I. 514. Rostafiński 253), которое я хотѣлъ бы разложить на двѣ части: *z wi* (Gen. Sing. *zъ vi = лит. *žuvė̃s*) и *lura* (съ послѣднимъ ср. *lurka* — *drobna wysypka na głowie, wuzut*; шелуха, кора на головѣ, ст.-чеш. *lurina-squama*. Менѣик. 14), такъ что все сращеніе могло бы значить первоначально рыба шелуха, чешуя, названіе, которое метафорическимъ путемъ не трудно было перенести на растеніе съ шелухой, какая бываетъ у бобовыхъ. Среди нѣсколькихъ названій ящерицы одно *zwinka* (Majewski II. 418. I. 514) едва ли не уменьшительное отъ основы **zvin-* (ср. *svin-ka* при *suu, *sv), восходящее въ концѣ концовъ къ корневой основѣ *zv или **zuu-*. Если мы вспомнимъ, какъ часто въ названіяхъ растеній встрѣчаются производныя отъ основы *ryb-* (напр., въ пол. *rybnik*—*diospygos*, *rybitrutka*, *rybołowka*, *rybotruj* Rostaf. 760, въ серб. *ribica*, *ribica mala*, *ribica široka*, *riboslip* и др. Šulek. 332), то мы не удивимся, что и старое названіе рыбы могло оставить слѣды своего существованія въ названіяхъ растенія. Такъ, думаю, нельзя отдѣлять отъ основы *zv-* чеш. *zva* (названіе растенія *Teucrium Chamaerithys*. Jungmann. V. 796), въ которомъ я вижу вообще сохраненіе слова **zъ v-*(рыба). Рядомъ съ формой *zъ vь, Gen. *zъ vī (въ пол. *zwiłura*) могла развиться уже на праславянской почвѣ форма *zъ v-ā, отъуда чеш. *zva* (рыба—растеніе *Schlagkraut*). Изъ другихъ словъ, которыя можно связать съ разсматриваемой основой, назову словн. *zvinjak* или *zvinjenik* (названіе растенія *lythrum salicaria*), ст.-чеш. *zvina* (*bibio*. Менѣик 22 : *de nominibus vermium*). Въ прочихъ славянскихъ языкахъ я не нахожу ничего, что можно было бы съ извѣстной долей достовѣрности признать за производныя отъ основы *zv или **zuu-*. Интересно, что какъ въ балтійскихъ языкахъ основа *žū-* встрѣчается лишь въ образованіяхъ сомнительнаго происхожденія (древняя ли долгота въ *žūstu*, въ *žūss* при *žūvs?*), такъ и въ славянскихъ я не могу найти ни одного слова, которое могъ бы смѣло произвести отъ основы *zū*(рыба). Названіе одной изъ породъ *Aquila*—*zuz* или *zys* (Majewski I.

515) для меня совершенно неясно, и хотя въ польскомъ же языкѣ другой видъ этого рода называется *Rybołów* (какъ и рядъ другихъ птицъ), однако этимологическое происхождение приведенныхъ словъ и ихъ отношеніе другъ къ другу (*z ū-z-is?) представляются мнѣ совершенно неразрѣшимой пока загадкой ¹⁾).

На основаніи вышеизложеннаго можно, кажется, сдѣлать выводъ, что въ праславянскую эпоху корневая основа *zu* еще жила въ языкѣ, при чемъ рядомъ съ ней уже на славянолитовской почвѣ развилась форма, вошедшая въ разрядъ основъ на *i*-, лит.-латыш. *žuv-i-s*, слав. *zъv-ъ-s*. Она уцѣлѣла въ Gen. Sing. *zъv-i въ томъ языкѣ, который больше, чѣмъ другіе, сохранилъ положеніе Gen. передъ дополняемымъ словомъ и тѣмъ самымъ способствовалъ развитію сращеній, именно въ польскомъ языкѣ, гдѣ изъ сращенія словъ *zъvi* и *łura*(чешуя) образовалось сложное слово *zwilura*. Основа *zu* въ этомъ видѣ не могла однако удержаться въ славянскомъ языкѣ и перешла въ разрядъ основъ на *ā*-: *zuv-ā, откуда *zъva, чеш. *zva*. И наконецъ форма **žuvīno-*, **žvīno-* (уже на славяно-литовской почвѣ ²⁾) дала слав. *zvīna*, *zvīn-jak* и др.

13. Инд.-евр. *beḡ*—мелкій рогатый скотъ. Цсл. баранъ и боранъ (Miklos. Lex. 12), др.-рус. баранъ и боранъ Срезневскій. Мат. I. 41. 151), н.-рус. только баранъ (Даль. I. 47), но, по заключенію проф. Соболевскаго (Лекціи². 84), „слово баранъ имѣеть древнее *a*, точно также, какъ боранъ (очень часто въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ разнаго времени) имѣеть древнее *o*“. Далѣе, находимъ это слово въ мрусс. баран, въ серб. баган (только у Рельковича Rječnik I. 182) и, вѣроятно, въ собственномъ имени Ваган (ibid. и Даничић Рјечникъ I. 27); словн. баган указано Миклошичемъ (Et. Wört. 7); ст.-чеш. beḡan(обычно)

¹⁾ Также не понятно пол. *z y d ż a n* (St. Wileń. 1260), названіе известной породы рыбы — *Amphacantus*. Разлагается-ли это слово на *z y-d z'a n* *z ū-d ъ g-ē n-ъ?

²⁾ Leskien. Bildung. 411. о словѣ *žvūnas*.

и *baġan* (диал. *Gebauer. Slovn. 40*), н.-чеш. *beran*, морав. и словацк. *baġan Gebauer. Hist. Mluvn. I. 122*), пол. *baġan*, н.-луж. *baġan (Zwahr. 6)*, в.-луж. *boġan (Pfuhl. 40)*. Уменьшит. отъ этого слова, кромѣ обычныхъ образованій съ суф. -ьчикъ и т. п., слѣд.: пол. *baġaś, baġasiek (Karłowicz. Sł. gw. I. 48)* и рус. барашекъ. Обѣ эти формы восходятъ къ *baġ-aš-ek-ъ* и представляютъ образование отъ основы *baġ-*, къ которой восходить и серб.-болг. баракъ въ значеніи животного съ длинной шерстью, какъ у овцы: отсюда болг. баракъ (нѣчто косматое; собака съ длинной шерстью Геровъ I. 25 пудель Дюв. 57), серб. б̄арак (*canis pili longi Караджичъ². 15*). Ту же основу, но съ гласнымъ другого ряда чередованія б̄аг-(боранъ), видимъ въ латыш. *baġeniņ (барашекъ. Ульманъ 26)* и греч. βάρηχοι ἄρνες, βάρηον πρὸ βρατου у Гезихія (*Schrader. Reallex. 707*). Наконецъ основа *ber* (чеш. *beran*) лежитъ въ алб. *ber*(овца) и, по мнѣнію Г. Мейера (*Etym. Alb. 33*), въ итал. *bergo, berg* и др. (баранъ). Уже эти отношенія основъ заставляютъ предполагать, что передъ нами въ данномъ случаѣ старая корневая основа, и это предположеніе подтверждается тѣмъ, что развитая суффиксомъ -во-, она встрѣчается еще въ цѣломъ рядѣ словъ какъ славянскихъ, такъ и германскихъ. Первоначальное значеніе слова боровъ *boġv не заключаетъ въ себѣ спеціального указанія на свинью. Въ церк.-слав. оно означать мелкій домашній скоть вообще: идѣте въ стадо и поимѣте три брави, настоухъ ищеть остатка брѣва (*Lex. Pal. 41—42*), заколи бравы (= отъ скота), смѣртію говядомъ и бравомъ (*boves aut oves. Срезневскій. I. 152. 163*). То же значеніе это слово имѣетъ въ чеш. ст.-чеш. *brav—dobytek, zvláště dobytek menší, někdy stado dobytka. Gebauer. 98*), серб. *brâv* (1 баранъ, козель—*ovċji i kozji brav. 2* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холощенный боровъ. *Rječnik I. 610—611*), словн. *brâv* (1. *das Schafvieh. 2. das Schwein*), болг. б̄рава (штука, голова рогатаго скота), рус. (боровчакъ, сиб.-вят. годовалый теленокъ; боровъ-холощенный вепрь). Это сходство значенія между словами баранъ и

боровъ ставить вѣ всякаго сомнѣнія ихъ этимологическую связь; переходъ значенія, который долженъ былъ совершиться въ праславянскую эпоху, какъ показываютъ словн. brāu, серб brāu, рус. боровъ, былъ основанъ на слѣдующемъ: при обычаѣ кастрировать домашнихъ животныхъ, слово bogъ могло получить значеніе какъ холощеннаго борова, такъ и холощеннаго барана и другого рогатаго скота (ср. рус. боровчакъ, еще молодой бычокъ). Съ суффиксомъ герм. *h*, -u- или *γ* (-ка?) образованы др.-исл. *borggr*, др.-в.-нѣм. *barah*, *barug*, *barg*, агл.-сакс. *bearg* (боровъ), а съ суф. *s*- шв. *bär-se*, *bar-re* (баранъ), др.-исл. *brusi* (козелъ) ¹⁾.

На основаніи вѣкоторыхъ случаевъ мы знаемъ, что рядомъ съ группой -er-, -el- (чередующейся съ -or-, -ol-) развивалось въ условіяхъ, врядъ-ли теперь еще опредѣлимыхъ, сочетаніе *ьr*, *ьl*: такъ, напр., пол.-обл. *riárgi* (*usypiska kamieni w górach. Dembowski. Spraw. Kom. Jez. V. 391*) восходитъ къ *ьrg-*, а къ *ьreg-* цсл. прѣгыни, ст.-пол. *Pręgina*, *Przegуна*, *Przegупуа* и др. (*Hanusz. Spraw. Kom. Jez. IV. 166. 218. А. Погодинъ. Р. Ф. В. 32. 123*); наконецъ, основа *ьrog-* въ цсл. прагъ, рус. порогъ и др. Рядомъ съ основой *delb-to* (серб. *dlijeto* и др.), *dolb-to* (рус. долото) находимъ основу *ьlb-* (цсл. дльбж, мрус. делбем. *Miklos. Et. Wört. 40*). Уже самое оченьъ обычное чередованіе группъ -ьr-, -ьl- съ -or-, -ol- (серб. *svrbjeti-svraб* или словн. *srāb. Valjaves. Rad. 45. 42*; мерзнуть-морозъ и мн. др.) показываетъ, что *ь* въ данномъ случаѣ возникло изъ *e*. Такимъ же образомъ праслав. *ьrg-logъ мы можемъ, какъ я полагаю, возвести къ *ьer-log-ъ (хлѣвъ), съ чѣмъ хорошо согласуются значенія этого слова въ славянскихъ языкахъ. Я думаю, что *ьrg-logъ слово сложное, а не состоитъ изъ основы *ьrl-* и суффикса -огъ или даже основы *ьг-* и суффикса -логъ ²⁾. Именно, значеніе серб. *brlog*

¹⁾ *Per Person. 164. Noreen. 87. 131. Klinge. 29.*

²⁾ Даничиѣ. Основе. 366. въ словахъ *вртлог* (водоворотъ) и *брлог* находить суф. -логъ (изъ *логъ*) *Ср. Broz-Iveko vić. Rječnik.*

(свиной хлѣвъ) заставляеть не отдѣлять этого слова отъ разсмотрѣнной сейчасъ основы. Праслав. *bъg-logъ* значило логовище не только дикаго звѣря, но и домашняго скота, птицы; наконецъ уже на праславянской почвѣ оно приобрѣло значеніе вообще сора и всякой нечистоты хлѣва. Посмотримъ ближе на значенія этого слова (краткое перечисленіе ихъ у Милошича *Et. Wört.* 10 и Будиловича II. 98).

Akad. Rječnik I. 661—662 перечисляеть рядъ значеній серб. *brlog*: 1) мѣсто, гдѣ валяются свиньи, чаще всего лужа; 2) мѣсто, гдѣ лежатъ звѣри и рыбы; 3) нечистое мѣсто вообще или въ аду, или нравственная грязь, оскверненное ложе и т. п.; 4) грязь, грязный поступокъ и т. д. въ этическомъ смыслѣ. У Неманича (I. 35—36) *brlòg* (такъ и у старыхъ дубровницкихъ писателей, по мнѣнію Маретича. *Rad.* 70. 108) значить *leporis, gallinae ova parientis etc. cubile*. Болг. *брьлòкъ* (ср. общеслав. држѣъ при држгъ) имѣеть значеніе только сора, грязи (Геровъ I. 78: нечисто нѣчто вато сметъ, мжтж водж отъ омыто, помыж и пр. Дюв. 159: соръ), словн. *brlòg* спеціализировалось на значеніи логовища звѣря, а отсюда развилось новое значеніе этого слова *пещера* и наконецъ *плохое жилое помѣщеніе* (*Valjavec. Rad.* 46. 42: *brlòg iustrum ferae*); пол. *barłog* въ литературномъ языкѣ издревле обозначаетъ логовище дикаго звѣря: напр., въ Псалт. Флор. 103. 23 (*sczenyòta albo dzyeczy lwow*) *w barłodzycch swogych se skladò*; въ *Kaz. Gniezn.*: *szukagòcz ony gnaszda szobe a sverzòtha barłoga*. Но рядомъ съ этимъ языкъ сохранилъ и старое значеніе слова: подстилка для скота (*podestac krowom barłogu*); старая, грязная солома; всякая нечистота, бѣдность, грязная жизнь (*Sl. I.* 99). Отсюда и глаголъ *barłòżyc* (= словн.

104 находятъ здѣсь суф. -og. Сходныя сербскія слова *břljûg* (лужа, въ которой валяются свиньи), *břljag* (лужа) врядъ ли имѣють что общаго съ *brlog*: въ первомъ изъ нихъ можно видѣть сложеніе *br* (*bãga* — болото) + *ljug* (ср. *kaljuga*), во второмъ сложный суффиксъ *ljag*.

brlŏžiti- жить въ берлогѣ): 1) wyścielać barlogiem, robić podściółkę; 2) śmiecić; 3) przen. rub. b a j a ć, pleść и т. под. Въ говорахъ barlog означаетъ не только солому грязную и негодную болѣе къ употребленію, но даже навозъ; въ этомъ послѣднемъ значеніи слова barlog едва-ли не кроется слѣдъ его первоначальнаго значенія. Ст.-чеш. brloh (Miluje Hospodin brány Sion nade všě brlohy Jakubovy—хижины Іаковли), brlŏžek (tugurium) передаетъ уже болѣе общее значеніе этого слова: жилище (не только звѣря, но и человека), но у Юнгмана указаны еще слѣд. значенія: 1) логовище звѣря, 2) нищенская будка, 3) каждая бѣдная хижина, 4) ложе, 5) нравственная нечистота, лѣнность и 6) бѣдность (то есть, въ сущности, тѣ же значенія, что въ серб. и польск., указаніе на глубокую древность эволюціи значеній этого слова). Словацк. brloh значить, кромѣ того, еще за ко у л о в ѣ; нравственнаго характера значеній это слово здѣсь не имѣеть. Въ лужиц. сохранилось чрезвычайно интересное названіе растенія swinjase borlo, указывающее на то, что и здѣсь слово borlo (нынѣ Bucht, Streu, elendes Lager; der untere durchbrochene Theil der Flachsbreche)¹⁾, нѣкогда имѣло значеніе подстилки для свиней, ихъ хлѣва. Это подтверждается и мрус. (заимствованнымъ) барлѣг (Lager von Wirrstroh, schlechtes Unterlager) и барлŏжити ся (sich lagern-von Schweinen); то же значеніе имѣеть и оригинальное мрус. слово берлŏга, которое въ великорус. значить только—медвѣжья берлога.

Однако, если бы таково было первоначальное значеніе этого слова, было бы совершенно непонятно, почему оно получило смыслъ подстилки для скота, старой соломы, навоза, нечистоты въ конкретномъ и абстрактномъ употребленіи этого понятія. Медвѣжья берлога не настолько близкій и знакомый всѣмъ предметъ (даже въ ту пору, когда человекъ живетъ

¹⁾ Вѣроятно, эта часть льна шла на подстилку скоту, какъ и солома; отсюда такое странное соединеніе этихъ двухъ значеній въ одномъ словѣ.

еще въ дремучихъ лѣсахъ, избылующихъ звѣрами), чтобы изъ этого значенія могли развиваться всѣ приведенныя послѣдующія, до лужи, въ которой валяются свиньи. Исходнымъ пунктомъ для этого развитія слова могло быть только значеніе логовища домашнихъ животныхъ, той подстилки изъ соломы, на которой лежатъ свиньи, стоятъ коровы, и которая затѣмъ въ видѣ навоза идетъ на удобреніе полей. Логовище домашнихъ животныхъ—таково первое значеніе слова берлога, изъ котораго весьма просто развивается значеніе: логовище дикаго звѣря, прежде всего медвѣдя (и зайца), который устраиваетъ на зиму мягкое ложе изъ хвороста и т. п. На основаніи этого я считаю совершенно ненаучнымъ отдѣлять *bъrlogъ отъ *ber (овца, мелкія домашнія животныя). Это сложное слово образовано безъ соединительнаго гласнаго потому, что въ первой его части лежитъ корневая основа ¹⁾, которая развита (при различныхъ видахъ чередованія гласнаго) съ помощью суффиксовъ -апъ, -акъ, аѣкъ, -въ.

14. Бузина. При сравненіи названій бузины въ различныхъ славянскихъ языкахъ мы находимъ очень интересныя явленія: повидимому, въ формѣ бъz-, bouz-, перешедшей въ разрядъ основъ на -o, но еще прежде развитой суффиксами -gъ, -dъ, мы имѣемъ дѣло со старой корневой основой. Матеріалъ сопоставленъ Шулекомъ (Rad. 39. 15) и вкратцѣ Миклошичемъ (Et. W. 26).

Его можно распредѣлить по слѣдующимъ группамъ.

А) бъz- въ обл. рус. бозъ(бузина), бознякъ, бóзовая роща (Даль I. 109), серб. baz (Šulek. Rječn. 11),

---

¹⁾ Крушевскій, разсматривая весьма странную этимологию Остгоса (бръ, что въ бровь; берлога—пещера съ берегами, похожими на брови), высказываетъ такое предположеніе: przypuszczam, że bgrlogъ jest w związku z bга-въ „dziki zwierz“ i znaczy legowisko zwierza. Prace Fil. I. 97. Но бга-въ ни въ одномъ изъ славянскихъ языковъ не означаетъ дикаго звѣря, а восходитъ по формѣ къ бог-въ. По Крушевскому, бgr краткая форма, а бга—полная, тогда какъ факты заставляютъ исходить изъ *ber : *bog-.

словн. b^èz (Valjaves. Rad. 45. 80), чеш. bez, пол. bez, луж. boz. Ранѣе, чѣмъ эта основа перешла въ разрядъ сложенія основъ на *o*-, она по закону Sandhi измѣнялась въ извѣстныхъ случаяхъ въ *bъs*, откуда кашуб. bes (при bez Berka. 362), пол. област. bez, besu, па besie, besowe и др. (Karłowicz. I. 67).

B) bъz-ā въ серб. baza.

C) bъz- въ пол. bziák (Karłowicz. 67), рус. бзні́ка (Solanum nigrum, дерево со сладкими ягодами), мрус. бзні́на (бузина), бзюк или бжур (Sambucus edulus), бозинá (=бзинá), бозні́е (кусты бузины), бѣлорус. бзовы́й(цвѣтъ), бзѡвнйкѣ (бузинный кустарникѣ), серб. bzóva, zóva (далѣе zovina, zobovina, ovzovina, abzov и др.), bazovina, bazika; чеш. bzina, bzoví или bezoví (кусты бузины), bzový или bezový (бузинный).

D) bouz- въ серб. buzika, рус. бузина.

E) bъz-g-ъ въ серб. bazg, bazgovina, словн. b^èzg (или съ развитіемъ новаго *z*: bъzъg въ серб. bazag, словн. bez^èg).

F) bъz-d-ъ въ серб. bazdov, bazdovina, словн. bezdjina, пол. *bez d, откуда лит. bezdas, пол. обл. bestek. Въ соединеніи съ непонятной частицей *he* или *ha* образуются формы *he-bъzdъ*, *ha-bъzdъ*, которыя, подвергаясь всевозможнымъ искаженіямъ, даютъ самыя разнообразныя формы: м.-рус. хабзина, чеш. chebd, морав. chebz и chbez, словацк. chabzda, пол. chebzina, серб. hebet или habat и мн. др. (Majewski. II. 686—687. Karłowicz. Słownik wyrazów 208—209 безъ объясненія этихъ странныхъ формъ).

G) bāz-ъ въ луж. baz, мрус. базні́к (кусты бузины).

H) bǎz-ъ въ серб. boza, bozovina.

Въ какомъ отношеніи одна къ другой находятся перечисленныя формы, сказать весьма трудно: особенно неясно отношеніе формъ съ *ǎ* въ основѣ къ формамъ съ *ǔ*, *o* и. Что касается отношенія *bъz g къ *bъz d, то аналогичное

явленіе представляет серб. *d r o z d* при *d r o z a k*, црѣ.-слав. *дрозгъ*, которыя восходятъ однако въ *дроздъ* (*t u r d u s*).

Несомнѣнно, что передъ нами очень старое и сложное явленіе, въ разъясненіи котораго едва-ли возможно придти къ вполне положительнымъ результатамъ. Я полагаю однако, что въ данномъ случаѣ произошло сліяніе значеній двухъ первоначально совершенно различныхъ словъ: *b ā z ъ* и *b ū z-*, *b o u z-* (старой корневой основы). Первая соотвѣтствуетъ гр. *φ η γ ὄ ζ*, лат. *f ā g u s*, др.-в.-нѣм. *b u o h h a* (ср. *Silva b a s e n i s*), которые означаютъ дубъ или каштанъ, но восходятъ къ формѣ **b h ā ġ o s*, произведенный отъ корня *b h a ġ* (питать *Prellwitz*. 342 ср. *Uhlenbeck* 198). Какъ дерево, дающее съѣдобныя ягоды, бузина могла получить название, которое раньше носило какое-то другое дерево со съѣдобными плодами (можетъ быть, дубъ). Другое слово *б ъ з ъ* можетъ восходить къ корню **b h u ġ*—(гнутья, быть гибкимъ), отъ котораго образованы др.-инд. *b h u j a*—(рука, хоботъ, вѣтвь, длина тѣни), *b h u j ā* (извивъ, сгибъ, рука), *b h u j a g a*—(змѣя, собств. ходящій извивами. *Uhlenbeck*. 262), *b h u j a g ā* (змѣя; извѣстный кустарникъ) = *b h u j a ġ a*. То же значеніе какого-то растенія *b h u j a g a*—имѣеть во многихъ сложныхъ ботаническихъ названіяхъ: *b h u j a ġ a k h ā t i n i*, *b h u j a ġ a d a m a n i*, *b h u j a ġ a r a r ġ i n i* и др., что позволяетъ думать, что и простое *b h u j a*—въ смыслѣ вѣтка, изгибъ вѣтви, гибкое деревцо могло сохраниться въ слав. *б ъ з ъ*. А что это была первоначально корневая основа, доказывается также др.-инд. *b h u j* въ *t r i b h u j* (*dreifältig, dreifach*) при *t r i b h u j a* (*dreiar mig, drei-seitig*). Это *b h u j*(изгибъ) соотвѣтствуетъ слав. *б ъ з*, отъ котораго образована форма *б ъ з г*-; происхожденіе этой послѣдней можетъ восходить къ инд.-евр. времени, когда корневныя основы получали нерѣдко дальнѣйшее развитіе съ помощью суффикса или корневаго опредѣлителя *-g*: ср. др.-инд. *s u a r g ā*(небо), *ś ū r g a* при лат. *s o r n u*, *ā s ū r g* при лат. *a s ū i r*(кровь), др.-сѣв. *a s k r* при лат. *o r n u s*(*osinus*) и др.

(Meringer. 6—8. I. Schmidt. Bildung 174. 176 и др.). Какъ инд.-евр. *o s-g o-* (въ *a s k-r*) встрѣчается рядомъ съ *o s-d o-* (гр. *ὄζος*—вѣтвь) и *o s-* (лат. *o r n u s*), такъ и отъ основы *b u z* уже на инд.-евр. почвѣ могли образоваться *b u z o* (др. *b h u j a*), *b u z g o*, *b u z d o* (можетъ быть, лишь одна изъ этихъ двухъ формъ, ср. выше *д р о з г ъ*—*д р о з д ъ*). Что касается формы **h a-b ъ z d ъ* (словац. *s h a b z d a*), то она можетъ лишь въ томъ случаѣ правильно (т. е. не въ заимствованномъ и при томъ искаженномъ словѣ) соответствовать формамъ съ *h e* въ первой части, если эти послѣднія восходятъ къ *h ъ- b ъ z ъ* или *h ъ b ъ z d ъ* (пол. *s h e b z i n a*). Связать эти части: *h a* и *h ъ* возможно лишь при предположеніи, что обѣ онѣ восходятъ къ *s a m-* (откуда *s a-*). Напомню, что этимологически неясное лат. *s a m b ū c u s* (бузина) имѣетъ другую форму *s a-b ū c u s* (Stolz. 523). Было бы весьма соблазнительно сопоставить эти формы со славянскими, что, мнѣ кажется, и возможно, но для этого именно слѣдуетъ допустить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ корневой основой (ср. др.-инд. *t r i b h u j*). Инд.-евр. *b h ū ġ* перешло въ извѣстныхъ случаяхъ въ *b h ū k*, откуда лат. *-b ū c u s*, лит. *b u k a s* (*Sambucus nigra*), въ другихъ оно сохранилось въ своей старой формѣ; такимъ образомъ, лат. *s a m b ū c u s* соответствуетъ праслав. **h ъ b ъ z ъ*, а *s a b ū c u s* праслав. **h o b ъ z ъ*, откуда съ чередованіемъ первой и второй частей сложенія пол. *s h a b u z* и др. (важно, что это слово имѣетъ, кромѣ своего спеціальнаго значенія *б у з и н ы*, еще болѣе общее *к у с т а р н и к а*, *х в о р о с т а*. Ср. у Карловича *Sl. wyrazów* 208—209 и др.-инд. *b h u j*). Какъ всѣ подобныя слав. формы могутъ восходить къ лат. *a p t a*, *a v-t a* (Miklosich. Et. Wört. 3), я совершенно не понимаю. Матценуэръ въ *List. fil. VII. 217* сравниваетъ чеш. *s h e b d í* и др. со ср.-в.-нѣм. *s e b e d e*, котораго однако я не нахожу ни у Лексера, ни у Шаде, да и само по себѣ это сравненіе невозможно, ибо изъ праслав. *h e-* уже въ общеслав. должно было образоваться *š e-*. Мы, всего вѣроятнѣе, должны исходить изъ формъ *s a m-b u ġ* и *s a-b u ġ*, которыя уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ подверглись различнымъ искаженіямъ и

скрещеніямъ, какъ многія слова, не имѣющія этимологическихъ связей въ словарѣ.

15. Инд.-евр. *Elp* — олень и другія корневья основы. Названіе о л е н я въ инд.-евр. языкѣ принадлежало также въ числу корневыхъ основъ; слѣды этого происхожденія основы замѣтны въ славянскихъ языкахъ какъ въ склоненіи ея, такъ и въ видахъ чередованія суффикса. Рядомъ съ *elp*, которое уже на славяно-литовской почвѣ перешло въ разрядъ основъ на *i* (*elpis*, отсюда *alpīs* — слав. л а н ь), здѣсь жили формы *elen* и *elēp*. Отъ первой образовались какъ об.-слав. *jelepъ* и рус. о л е н ь, такъ и цсл. формы склоненія Gen. Sing. *jeleue* и Nom. Pl. *jeleue*¹⁾, восходящія къ Nom. Sing. **elē*; вторая сохранилась въ серб. **jelēp*, отсюда въ сербскихъ говорахъ формы *jelin* и *jeljen*²⁾. Въ общеславянскомъ языкѣ основа **elp* (арм. *gaġn*, гр. *ἐλλός* и др. Pedersen. K. Z. 38. 217) должна была гласить **elē* (ѳ л а). Какъ при рус. корень находимъ ц.-сл. к о р а, и какъ рядомъ съ **elen* (рус. олень) жила форма основы **elēp* (серб. *jeljen*), такъ и при **kogen* — (корень) возникла основа **kogēp*, отсюда серб. *kōrijen* (Даничиѣ. Основе. 146) и уже ст.-серб. *korŭnъ* (Сав. 4) и *корин* (Н. Рань. 14), Gen. Sing. *корене* (М. 71. 121) и *корѣне* (М. 72. 317; также *корѣна*, *корина*, *коријена*), Loc. Sing. *корѣни* (Стеф. 12. Дом. 25) и *коринъ* (Пос. 20) и т. д. (Даничиѣ. Историја 11. 55 и др.)³⁾. Слабый

¹⁾ См. статью Лескина *Spuren der stammabstufenden Declination im Slavischen und Litauischen*. Arch. f. Slav. Phil. III. 108—111. То же и въ ст. чеш. *jelenе* (Gen. Sing.), *jeleni* (Dat. Sing.). Gebauer. Hist. Mluvn. III. 1. 408.

²⁾ *Maretić*. Gram. § 104 (для него это фактъ необъяснимый). *Даничиѣ*. Основе 146, прим. 3: „по западномъ говору *jelin* у Микалѣ, у Делабеле и у Стулиѣа“. *Даничиѣ*. Историја облика. 66 *jelin* и (Стар. Писци I. 13), 128 *jelin* и (Банд. 215). *Maretić* (Rad. 71. 68) *jeljen* у старыхъ далматинскихъ поэтовъ.

³⁾ Здѣсь произошло, конечно, выравниеніе основъ, которыя сна-

видъ основы *k o r ŋ сохранился и въ серб. уменьшительномъ корéчак(к о р а ч ѣ к ѣ) и въ рус. коряга, а другіе слѣды склоненія этихъ носовыхъ основъ съ чередованіемъ гласнаго можно видѣть въ различныхъ формахъ Nom. Sing.: какъ лит. рѣш ū: гр. ποτρύη восходятъ къ *r o i m ō n : r o i - m ē n, такъ при в о р а находимъ ст.-чеш. k o g i (*к о р ы), при *к а м а (въ серб. к а м é ч а к. Дан. Осн. 280) к а м ы — ст.-серб. k a m í (Star. Pisci V. 35. Maretić. Rad. 71. 69), при *к р е м а — *к р е м ы (серб. к р е м é ч а к : к р е м í ч а к) и др. Какъ видимъ, склоненіе слова j è л е н вполне входитъ въ систему склоненія носовыхъ основъ, что позволяетъ съ полной достовѣрностью возстановить праформу e l n, которая и представляетъ корневую основу, болѣе древній видъ этого слова, чѣмъ уже слав.-лит. e l n - i s.

Разсмотримъ въ связи съ этимъ другія корневья основы съ согласнымъ исходомъ въ слав.-литовскихъ языкахъ, которые, вообще говоря, сохранили лишь слабые слѣды ихъ. Какъ уже было указано проф. Брандтомъ ¹⁾, слово н о с ѣ должно было принадлежать къ числу корневыхъ основъ, но съ предположенной имъ парадигмой праславянскаго склоненія этого слова я согласиться не могу. Приравнивъ склоненіе его къ инд.-евр. склоненію, получаемъ для слав.-лит. періода слѣд.: Nom. Sing. н а́ s (не *н о изъ н а́ s, какъ возстановляетъ Брандтъ), Acc. S. н а́ s - o m (откуда слав. *н а в ѣ), Gen. S. н а́ s - é s (откуда слав. *н о ш е, по мнѣнію Брандта, или вѣрнѣе н о с é), Dat. S. н а́ s - o í (= *н о ш и у Брандта или, какъ я полагаю, *н о с í), Inst. S. н а́ s - m í (= н о с м ѣ у Брандта), Loc. н а s - í (? н о ш ѣ у Брандта); Nom. Pl. н а́ s - e s (= н а́ с е, не н о ш е, какъ у Брандта), Acc. Pl. н а́ s њ s (н о с л = н о ш л, у Брандта), Gen. Pl. н а́ s - ó m (= носъ), Dat. Pl. н а́ s - m ū s (= н о с м ѣ, какъ у Брандта), Instr. Pl. н а́ s - m í s (= н о с м и, какъ у Бранд-

чала распредѣлялись по надежамъ, какъ въ языкахъ др.-индійскомъ и др.-иранскихъ.

¹⁾ Грамматическія замѣтки. Варшава. 1882—1884, стр. 64—65.

та), Лос. Pl. п̄ а̄ с-с̄ ѣ́ (=носъ, какъ у Брандта). Переходъ *s* въ *h* и смягченіе послѣдняго передъ *e* и *i* явленія общеславянскія, но хронологическія отношенія ихъ къ другимъ явленіямъ общеславянской фонетики еще совершенно неясны: поэтому, я считаю наиболее удобнымъ говорить лишь о томъ, что въ слав.-литовскій періодъ языкъ зналъ двѣ формы основы разсматриваемаго слова: п̄ а̄ с въ однихъ надежахъ и п̄ ѣ с въ другихъ; но языкамъ распредѣленіе ихъ произошло такъ, что основа п̄ а̄ с утвердилась въ прус., литов. и латышскомъ: прус. п о з у(носъ), лит. п ó s i s — носъ (съ переходомъ въ разрядъ основъ на *-i*, обычное явленіе въ корневыхъ основахъ), латыш. п ā s i s (ноздри, носъ), ё п ā š i (сопли; насморекъ. Bezzenberger. Lett. Dial.-Stud. 77, прим. 1); тогда какъ въ славянскихъ языкахъ получила общее распространеніе слабая основа п̄ а̄ с = носъ. Другими словами, литов. языкъ присоединилъ окончаніе *-is* къ старому Nom. Sing. безъ окончанія п̄ а̄ с (откуда п ó s i s, а не п о s i s), въ славянскомъ же изъ п̄ а̄ с должно было образоваться н а, которое совершенно не согласовалось съ другими падежами, гдѣ находилась слабая основа носъ, преобладавшая въ склоненіи, а потому проведенная впоследствіи черезъ всю парадигму. Она же вошла и въ слово носдри, въ которомъ однако видѣтъ сложеніе изъ нос- и дрь (отъ глагола дь р а т и. Брандтъ 65) нельзя, потому что это слово вполне соотвѣтствуетъ лит. п а с г а i (пасть, у духовныхъ писателей 16—17 в. ротъ, уста: п а с г а с у Даушки Вольтеръ 91, у Ширвида 25 п а с г о с е — въ устахъ), т. е. здѣсь съ суф. -го отъ основы п̄ а̄ с образуется имя сущ. п а с г а s¹⁾ (чаще Pl. п а с г а i, морда животнаго у Межиниса). Со вставкой *t* между *s* и *r* находимъ это слово ужъ въ старину: п а s t r a i (ротъ. Bezzenberger. Beiträge 302) и въ современныхъ говорахъ: п а s t r a i (около Ковна Geitler. Lit. Stud. 97). Вѣроятно, контаминаціей стараго Dualis *п̄ а̄ с t r i (ноздри) съ Pl. п а s t r a i (отъ основы на *-o*) объясняется диалект.

¹⁾ Откуда глаголь п а s r i ó t i (кричать) Bezzenberger. Lit. Forsch. 145.

nastriai въ мѣстномъ названіи *vilkanastrei*¹⁾). Эта послѣдняя форма показываетъ, что слав. ноздри имѣетъ почти полное соотвѣтствіе въ лит. *nastr-j-ai = *nastrėi*, и различіе этихъ формъ заключается лишь въ томъ, что вмѣсто ожидаемаго *t* между *s* и *r* мы находимъ здѣсь *ð* или, можетъ быть, въ томъ, что *z* здѣсь замѣняетъ лит. *s*, единственно объясняемое этимологически. Но 1) нельзя забывать, что и въ другихъ случаяхъ мы находимъ *z* вмѣсто ожидаемаго *s*: напр. жи-знь при пѣ-снь, ба-снь, а 2) *z* въ словѣ ноз можетъ объясняться тѣмъ, что и эта форма, созданная законами Sandhi, существовала въ языкѣ²⁾).

Въ качествѣ вывода изъ вышеизложенныхъ соображеній о судьбѣ слова носъ можно сказать, что въ слав.-лит. эпоху оно еще употреблялось, какъ корневая основа безъ окончанія въ Nom. Sing.: этимъ объясняются различный видъ основного гласнаго въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ ($\bar{a} : a$) и тотъ фактъ, что эта основа перешла въ первой группѣ языковъ въ разрядъ основъ на *-i*, а во второй попала въ число основъ на *o*- (латыш. *nāsis*, слав. *nās-o*). Если бы уже въ слав.-лит. время основа *nās* потеряла свое древнее употребленіе безъ окончанія въ Nom. Sing. и съ чередованіемъ основного гласнаго въ склоненіи, то она уже тогда бы перешла въ склоненіе на *i*-, какъ это случилось съ цѣлымъ рядомъ другихъ словъ: лит. *žuvis*, слав. *zuv-is (въ пол. Gen.

¹⁾ Дер. Сувалкской губ. См. превосходное изданіе Э. А. Вольтера. Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губ. 1901, стр. 80.

²⁾ Ср. слѣд. аналогичныя явленія: въ чешско-моравскомъ говорѣ въ рѣчи одного лица *smе* и *zme* (*tam smе*, но *chodili zme*; *byli zme tři*, то *zme přišli* Hošek. 33. 84. 139. Ср. также Bartoš. I. 91 и Loriš. 16). Ср. у Loriš. 89: *za šezd rokuv*; въ галицкомъ говорѣ: *ро цоб'есе Gawin. Mat. i prас. I. 46* (вм. *obiad* возникло *obiat*). Въ каждомъ описаніи говоровъ можно найти множество соотвѣтствующихъ примѣровъ; обширный польскій матеріалъ изъ литературной рѣчи въ статьѣ *Benni Z dziedziny akomodacyi międzywygazowej* (Mat. i prас. Kom. Ięz. I. 275—284). Ср. общеслав. др ж гъ при др ж къ и лат. *sambucus*, лит. *búkas* при слав. *buġ, а также *bes* при *bez*.

Sing. *zvi-) при сохраненіи и стараго zuv или zu (чеш. zva); лит. elnis, слав. ѱлень (при сохраненіи и стараго *eln въ *ѱла-ѱлене); слав. мышь *mūs-is; слав. двѣрь, лит. duris; слав. ношь, лит. naktis; слав. срьдь(це), лит. širdis (при Gen. Pl. širdū въ ст.-лит. Bezenb. Beitr. 143—144); слав. звѣрь, лит. žvėris (при Gen. Pl. žvegu Ширвидъ 39, 13. 48. 32. Барановскій Anŭkszczi szilėlys. vers. 11 : kuř žwėgi ōlos); слав. гжсь, лит. žansis (при Gen. Pl. žansū въ Шавел. уѣздѣ) и нѣк. др. Иначе, какъ съ переходомъ въ разрядъ тѣхъ или другихъ основъ на гласный звукъ, старыя корневыя основы не могли сохраниться въ славянскихъ языкахъ, тогда какъ балтійскіе языки допускаютъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе свободы. Такъ, инд.-евр. *kuōn, *kun-ев сохранилось въ лит. šū, šiūs, а въ латышскомъ оно перешло въ основы на i : suns(собака), sunitis (Demin.). Ничего подобнаго въ славянскомъ языкѣ нѣтъ: слова песь, сука (врядъ-ли изъ псука или пьсука, какъ предлагаетъ Острогъ Etym. Pargga; скорѣе ужъ отъ основы соц, соотвѣтствующей лит. šuva), собака вытѣснили старое *sūn-ь. Даже въ названіяхъ растений, которыя, какъ извѣстно, очень часто создаются съ присоединеніемъ прилаг. собачій, песій и т. д. къ имени существительному для означенія негодности, ядовитости, зловонія и т. д. растенія (такихъ названій чрезвычайно много: см. у Маевского I. 341—343 и др.), даже здѣсь развѣ въ двухъ случаяхъ можно искать основу sūn-. Это и вполнѣ естественно, потому что указанная основа должна была въ этимологически неясныхъ образованіяхъ смѣшиваться съ однозвучной основой sūn-(сонъ), а въ началѣ сложеній съ предлогомъ сж, такъ какъ и sūn должно было превратиться на общеславянской почвѣ въ сь или сж. Такъ, мы имѣемъ названіе растенія сонъ или сонъ-трава (Atropa belladonna), которое иначе называется песьими вишнями (Даль. IV. 276). Послѣднее названіе показываетъ, что и въ первомъ имени растенія можетъ лежать не слово сонъ (=somnis), но сонъ(песій). Однако это, во всякомъ случаѣ, не чувствуется, и указанное растеніе носитъ еще наиме-

нованія: сонная трава, сонная одурь, дурманъ, зѣлье. Однако, судя по аналогіи славянскихъ названій растеній съ песій, собачій въ первой части и такихъ литовскихъ, какъ *šungukas*, *šunės rugštyne*, *šunės petrošpas*, *šunlaiškei*¹⁾, *šungrybiai* и др., или латышскихъ *sun'upėtersilije*, *sun'usėnes*, *sun'ukumele*, *sun'uburkšis*, *suniši* (*Bidens*), *sun'umēle* и др.²⁾—можно думать, что и въ славянскихъ ботаническихъ именахъ найдутся соотвѣтствія балтійскимъ названіямъ собаки. Сюда я отношу рус. суніка(земляника) или сунца (Анненковъ № 609) и серб. *sunice* (земляника; малина. *Šulek*. 381), которыя восходятъ къ *сж-нива,-ница. Пол. *saćkwiel* (*Vateria*) не разлагается ли на *sać* и *kwiel*, которые находится въ близкомъ родствѣ съ глаг. *kwilić*(жалобить): тогда эта форма въ праслав. приняла-бы видъ *sun-kvьль (собачьи слезы, ср. растенія серб. *pasja smrt*, пол. *psibluj* и др., а также многочисленныя названія: слезы—кукушкины, возулины и т. д.). Далѣе, пол. *saćza* (*Cookia*) можетъ восходить къ *sun-kjā и значить собака, собачка, какъ называются, напр., многія русскія растенія (Анненковъ, 232 стр.). Основа *sun* передъ гласнымъ должна принять форму *сън-*, и если бы удалось выяснить отношеніе формъ *снять*, *снѣтъ*, *снѣть*, пол. *śnieć*, *śnitka*, *snitka*, серб. *sniet*, *snit*, чеш. *snět*, луж. *śnieć* и др. другъ къ другу, то и въ ихъ основѣ можно было бы исвать корня *сън=sun*. Вѣроятно, первоначальной формой всѣхъ приведенныхъ словъ надо признать *снѣтъ* *съп-ētis.

Латышскій языкъ сохранилъ одну изъ древнѣйшихъ корней основъ индоевропейскихъ языковъ, названіе крови *asins*, которому въ говорахъ соотвѣтствуетъ еще болѣе древняя форма *ašni* (*Rig. Rak. Kr. II. 54*) изъ *asni*. Др.-инд. *ásr-k* (*Gen. Sing. asn-ás*), гр. ἄσρ *esark, лат.

1) *Jacoby*. Litauische Pflanzennamen. Mitt. IX. 133—143.

2) *Latvēšu botaniski nosaukumi, krati un sastāditi no I. Ilstera*. *Rig. Rak. Kr. II. 63—81. III. 68—73.*

asser *asserg, assir (J. Schmidt. Bildung. 173) восходятъ къ инд.-евр. *asr-g (по Мерингеру 6: Nom. S. *ésr* или *esrg*, Gen. S. *asnes). Съ проведеніемъ *n* черезъ всю систему склоненія слова (ср. предполагаемое Грасманомъ 153 на основаніи Inst. S. *asna*, Gen. Abl. *asnás*—Nom. Sing. *asán*) возникаетъ новый Nom. Sing. *asni* (латыш. *ašni*), которое однако стоитъ слишкомъ одиноко въ языкѣ и приспособляется къ обычнымъ формамъ на *-ins* или на *-nis*, отсюда *asins*, *asnis*. Но рядомъ съ основой *asn*—мы нигдѣ не находимъ *āsn*- и не можемъ предполагать ее, потому что въ склоненіи основъ съ чередованіемъ гласнаго мы получили бы форму *asān*, но не *āsn*. Уже поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ I. Карловича, что въ непонятномъ *asun* народной пѣсни: „Ciece ś niego (Jezusa) *asun* drogi, Ciece ś niego ślicná zdraja“ можетъ скрываться слав. соотвѣтствіе приведенной инд.-евр. группѣ словъ, не говоря уже объ окончаніи *un* ¹⁾, которое не соотвѣтствуетъ латышскому *-in*.

Разсмотрю въ заключеніе еще одну основу, которая какъ я полагаю, должна быть также причислена къ числу корневыхъ основъ, но съ гласнымъ исходомъ. Именно, сравнивая между собою слова слѣдующей группы: церь.-сл. *жила*(vena), *жица*(тетива), серб. *žila*, *žisa*(нить); словн. *žisa* (der Draht), *žila*(vena), *žima* (конскій волосъ. Valjavec. Rad. 42. 12), *žinja* (= *žima* ibd. 42. 56); болг. *жіла*(vena), *жіца*(нитва); пол. *żyła*(vena); чеш. *žila*(vena), *žipě* (конскій волосъ); луж. *žila*(vena); рус. *жіла*, *жіца*(пряжа),—мы видимъ здѣсь рядъ образованій отъ корня *жі* съ суффиксами *-la*, *ma*, *ca*, *nja*. Въ то время, какъ отъ глагольнаго корня *жи*(жить) образованы существительныя *жирь* (общесл.—пища, потомъ пища для свиней и жолуди въ серб. и болгар.), *жи-знь* и др., отъ именной основы *жи*- образованы вышеперечислен-

---

¹⁾ Ср. Grase Fil. I. 131—133. Не отказывается Карловичъ отъ своего взгляда (понять его иначе, кажется, невозможно, какъ ни осторожно выражается авторъ) и въ Sl. wuzaz. 19. Sl. gw. I. 22.

ныя имена. Эта основа должна восходить къ праслав. *gī, и ближайшимъ образомъ ей соотвѣтствуютъ латыш. dzīja(нить) или dzi въ сложеніи dzīragi (жица, цвѣтная шерстяная пряжа), тогда какъ лит. gijà(нитка), лат. dzija восходятъ къ краткому виду той же основы gī. Въ другихъ инд.-евр. языкахъ это слово также распространено: сюда относятся др.-инд. jūā или jīuā (тетива лука), ав. jūa, гр. βίος(лука), кимвр. gī(струна), которыя отчасти представляютъ переходъ корневой основы gī въ разрядъ основъ на -ā. Въ лит. gūsla(жила), слав. жи-ла, -ма, -ня и др., латыш. dzīja находимъ основу gī, въ сложномъ латышскомъ dzīragi ту же основу, а въ лит. gija, латыш. dzija ея краткую форму gī. По какому-то сема-зиологическому побужденію эта основа употребляется и въ названіяхъ растений: жилки-ли на листьяхъ, нити въ стеблѣ или другія причины сыграли здѣсь свою роль, сказать трудно, но только и самое слово жица, жима и др. и сложенія съ основой gī не представляются рѣдкостью среди названій растеній. Я отнесъ бы въ этой группѣ явленій слѣдующее: пол. żysica (Lolium), мрус. жѣмок (Malaxis monophyllos), рус. жилочница (Byssus) и др., лит. gyslapis *gysl-lapis (ranunculus, пол. żylienes), рус. жи б з н ѣ к а (тамб. = б з н и к а. Даль. I. 87), жимолость (происхождение этого слова неясно: искать-ли здѣсь жи или жимо, ср. пол. zumalza и zumalza, żumulka, чеш. zimoléz), ожипалка (= ожипалка = палка, палочникъ — typha latifolia. Анненковъ 1490); пол. żychwota¹⁾ (Strumpfia, ср. chwat. Majewski. I. 523. 40).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Разсмотрѣвъ довольно значительное число корневыхъ основъ, которыя были извѣстны въ инд.-евр. праязыкѣ, и кото-

¹⁾ Иного происхожденія и значенія лит. gūpages = лат. dzivnags (чувствительное, живое мясо въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаютъ расти ногти или копыта) Bezzenberger. Lit. Forsch. 113.

рыя такъ или иначе должны были отразиться и въ славянскихъ языкахъ, я хочу сдѣлать нѣсколько выводовъ изъ вышеизложеннаго.

1. Можно думать, что въ славяно-литовскую эпоху и даже въ праславянскій періодъ корневья основы находились въ употребленіи въ живомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, въ Nom. Sing. Здѣсь онѣ обладали всѣми тѣми особенностями, которыя характеризуютъ ихъ въ праязыкѣ: именно, чередованіемъ гласнаго въ падежныхъ формахъ и въ словообразованіи, архаистическими окончаніями (Gen. Sing. -s) и т. д. Ср. склоненіе слова *nās, rod, gō.

2. Подобно другимъ индо-европейскимъ языкамъ, и славяно-литовскіе приурочивали склоненіе этихъ основъ въ флексіи различныхъ основъ на гласный, по преимуществу же основъ на *i*. При этомъ однако, какъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, рядомъ съ Nom. Sing. новаго типа во многихъ, хотя не во всѣхъ случаяхъ, жилъ и старыи Nom. Sing. безъ окончанія.

3. Изъ того, что инд.-евр. gīg (др.-инд. gīg—хвала) перешло въ литовскомъ языкѣ въ форму gūgā, а въ славянскихъ въ *gīgo—(жургъ въ собственныхъ именахъ); что лит. pōsis соотвѣтствуетъ слав. *pōs-os(носъ), лит. žemė—слав. зем-ја и др., можно заключить, что славяно-литовскій праязыкъ еще не выработалъ перехода данныхъ корневыхъ основъ nās, zem(žem), gīg въ систему основъ на гласный.

4. Балтійскіе языки, такъ же какъ славянскіе, не сохранили корневыхъ основъ въ томъ видѣ, какъ древне-индійскій и древне-иранскіе, но они удержали ихъ первоначальную форму въ сложныхъ словахъ, первая часть которыхъ, старая корневая основа, сохраняетъ этимологическую связь съ той же основой въ склоненіи: такъ, напр., рядомъ съ žemė встрѣчается въ сложенияхъ žem(-patis, beris, -lindis, -skirė и др.), и это послѣднее чувствуется этимологически тождественнымъ первому, такъ что и въ сложения уже въ старолитовскомъ языкѣ проникаетъ слово žeme (откуда žeme-patis въ Вольфенбюттельской постиллѣ).

5. Въ славянскихъ языкахъ этого не могло быть: между корневой основой въ сложеніяхъ и словообразованіи и той же основой въ склоненіи была утеряна всякая этимологическая связь, такъ какъ, по законамъ славянскихъ языковъ, нагроможденіе согласныхъ внутри слова приводило къ значительнымъ измѣненіямъ внутри группы согласныхъ: и такъ *zem превратилось въ сложеніяхъ въ *ze, *rod въ рос-, ро-, *net въ нес и т. д., вслѣдствіе чего связь ихъ основъ со словами земля, подъ, нетъ была утрачена. Это привело къ тому, что указанныя выше сложенія сдѣлались этимологически непонятными, и только съ помощью сравнительнаго языковедія можно иногда съ извѣстной долей достовѣрности выяснитъ ихъ происхождение. Но старыи типъ склоненія корневыхъ основъ съ переходомъ ударенія съ основы на окончаніе въ извѣстныхъ падежахъ оставилъ свои слѣды, по остроумному наблюденію Маретича (Slavenski nominalni akcenat. Rad. 102. 44—45), въ склоненіи основъ на -ъ и ѝ¹⁾.

---

¹⁾ „U padežima se slaže ruski jezik s grčkim i staro-indijskim, ali se ne slaže u deklinacijama, jer navedeno skakaње akcenta u ova dva jezika biva samo pri konsonantskijem osnovama, a nikako pri osnovama na i i na ū, kako je u slavenskom. Valja nam dakle reći: dok je praslavenski jezik imao jednosložnijeh konsonantskijeh osnova (kakve su grčke θηρ, νοητ, staroind. vāc, pa d), akcentovano je njihove padeže onako, kako biva u grčkom i u st.-ind. jeziku; to je mijеnaње praslavenskomu jeziku tako bilo omiljelo, da ga je prenio u i i u deklinaciju, koje su imale već prije toga posve sročne oblike, a valjada i akcentuaciju. Svi su slavenski jezici već odavna izgubili deklinaciju jednosložnijeh konsonantskijeh osnova, tako da joj nema traga ni u staroslav. jeziku (ѣго не со-вѣѣмъ справедливо: напомяу ѡлене), ali akcentuacija te deklinacije bivši prenesena na u i na i- osnove sačuvana je do danas“.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ стр. 144. Въ моравскихъ говорахъ (Bartoš. I. 88) встрѣчается и форма *skos* вмѣсто *kos*, которая лежитъ въ основаніи сложнаго слова *sko-vognъ и соотвѣтствуетъ латышскому *skōsa* (*skos- : skōs*).

Къ стр. 184. Ст.-пол. мѣолог. *Dziesilela*, которое, по мнѣнію А. Брюкнера (*Literatura religijna w Polsce średnio-wiecznej*. I. 44), жило, дѣйствительно, въ устахъ народа, разлагается на *Gen. Plur. dzieci* и *Nom. Sing. lela* и представляетъ одно изъ ст.-пол. сращеній.

Къ стр. 194. Точно соотвѣтствовало бы въ литов. языкѣ слав. *зѣдъбрь не *žemberis*, но *žembiris*; повидимому, эту форму можно предположить на основаніи лит. глагола *byru, birti*(сыпать) рядомъ съ *berti*.

Къ стр. 217. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ объ оссетинскомъ языкѣ проф. В. Миллеръ (*Die Sprache der Osseten. Grundriss der iranischen Philologie. Anhang zum ersten Band. Strassburg. 1903. 41*) признаетъ, повидимому, оссет. *postā, p vosta*(невѣстеа) словомъ заимствованнымъ, но откуда совершенно заимствованіе, онъ не указываетъ.

Къ стр. 231. Въ Праг. Fil. III. 111 проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ предлагаетъ слѣд. этимологію пол. *gospada*: „*wyraz gościniec od gośc* (por. łac. *hostis obok hospes*) *oznacza drogę, którą przybywali goście, t. j. ludzie obcy, poza-zagrodowi; a wyraz gos-poda (Herberge) miejsce i pomieszkanie, przeznaczone dla gości*“. Однако этимологически раздѣлять слова *господь* и *господа*, мнѣ кажется, невозможно (повидимому, такъ же думаетъ теперь и авторъ приведенной этимологіи; см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903. № 5. Отд. 2, стр. 21), а между тѣмъ въ словѣ *господь* трудно видѣть какое-нибудь отношеніе къ гостю.

Къ стр. 247. Прус. *surūni* восходитъ къ пол. *žura-ni, какъ справедливо указываетъ проф. Миккола. *Baltisches und slavisches*. 14.

СПИСОКЪ ГЛАВНЫХЪ СЛОВАРНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

А) Балтійскіе языки.

- C. Szyrwid.* Dictionarium trium linguarum. 5 изд. Vilnae. 1713.
Fr. Kurschat. Littauisch-Deutsches Wörterbuch. Halle. 1883.
М. Межиницъ Литовско - латышско - польско - русскій словарь. Тильзитъ. 1894.
А. Юшкевичъ. Литовскій словарь. С.-Петербургъ. 1897. Выпускъ I (A-Džiūti).
L. Geitler. Litauische studien. Prag. 1875.
L. Geitler. Beiträge zur litauischen Dialektologie. Wien. 1885.
А. Bezzenberger. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache. Göttingen. 1877.
А. Bezzenberger. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882.
А. Leskien. Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen. Leipzig. 1884.
А. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig. 1891.
Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft. Heidelberg. 1—26 вып.
- C. Ulmann.* Lettischer Wörterbuch. Riga. 1872.
А. Bezzenberger. Lettische Dialekt-Studien. Göttingen. 1885.
Rakstu krājums izdots no Rīgas Latviešu Beedribas Zinību Komisijas. 1—13 вып.
- E. Berneker.* Die preussische Sprache. Strassburg. 1896.

В) Славянскіе языки.

F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien. 1886.

A. Будиловичъ. Первобытныя славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Ч. I. 2 вып., ч. II. вып. I. Киевъ. 1882.

E. Majewski. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich. I. Słownik polsko-łaciński. Warszawa. 1889. II. Słownik łacińsko-polski. Warszawa. 1898.

J. Rostafiński. Słownik polskich imion rodzajów, oraz wyższych skupień roślin. Kraków. 1900.

B. Šulek. Jugoslavenski imenik bilja. U Zagrebu. 1879.

И. Анненковъ. Ботаническій словарь или собраніе названій какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ растений. Москва. 1859.

Słownik języka polskiego, ułożony pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskiego i Wł. Niedźwiedzkiego. Tom I—II (A—Mżytek). Warszawa. 1900.

Słownik języka polskiego, wydany staraniem i kosztem M. Orgelbranda. Wilno. 1861.

J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, ułożył J. Karłowicz. I—II. (A—Kyś). Kraków. 1901.

J. Karłowicz. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia, używanych w języku polskim, I-II. (A—Kyrpce). Kraków. 1897.

R. Lubicz. Przyczynki do nowego słownika języka polskiego. (Prace Filologiczne. IV. 173—279).

H. Łopaciński. Przyczynki do nowego słownika języka polskiego. (Prace Filologiczne. V. 681—976).

St. Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków. 1893.

G. Pobłocki. Słownik kaszubski. Chełmno. 1888.

A. Berka. Słownik kaszubski porównawczy. (Prace Filolog. III. 357—442. 585—690).

J. Jungmann. Słownik česko-německý. I—V. W Praze. 1839.

Jan Gebauer. Słownik staročeský. Sešit I—VIII. (A — jězdec). V Praze. 1902.

F. Menčík. Práepurský slovník. Vocabularium latino - bohemicum Posoniense. V Praze. 1892.

Archiv pro lexikografii a dialektologii. Číslo I. Příspěvky k česko-německému slovníku zvláště grammaticko-fraseologickému. 1896—1897. Číslo III. Druhý příspěvek... V Praze. 1901.

J. Zoriš. Rozbor podřečí Horoostravského ve Slezsku. V Praze. 1899.

J. Hošek. Nářečí českomoravské. I. Podřečí polenské. V Praze. 1900.

V. Dušek. Hláskosloví nářečí jihočeských. I. Consonantismus. II. Vocalismus. V Praze. 1894—1898.

Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, I—II. V Brně. 1886—1895.

Loos. Slovník slowenskej, madjarskej a nemeckej řeči. Pest. 1871.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslavenka Akademija znanosti i umjetnosti. I—III. (A—Isprekrájati). U Zagrebu. 1880—1891.

Dj. Daničić. Рјечник из вѣѣживних старина српских. I—III. У Биограду. 1863—1864.

Vyk Karadžiћ. Српски Рјечник. У Бечу. 1852.

F. Iveković i Iv. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. I—II. U Zagrebu. 1901.

Dj. Daničić. Основе српскога или хрватскога језика. У Биограду. 1876.

Netanić. Čakavisch-Kroatische Studien. I—III. Wien. 1883—1885.

Dj. Daničić. Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. У Биограду. 1874.

A. Дювернуа. Словарь болгарскаго языка. I—II. Москва. 1889.

H. Геровъ. Рѣчникъ на българскій языкъ. I—IV. (A—Пять). Пловдивъ. 1895—1901.

M. Pleteršnik. Slovensko - nemški slovar. I—II. V Ljubljani. 1894—1895.

Валмьєца собранія въ различныхъ томахъ Rada Jugoslav. Akademje.

Pfuhl. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budissin. 1866.

J. Zwahr. Niederlausitz - wendisch - deutsches Handwörterbuch. Spremberg. 1847.

K. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache. Leipzig. 1891.

A. Schleicher. Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache. S.-Petersburg. 1871.

В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. I—IV. С.-Петербург. 1880—1882.

Дополнение къ опыту областного великорусского словаря. С.-Петербургъ. 1858.

И. Срезневскій. Матеріалы для словаря древнерусского языка. С.-Петербург. 1890—1902. (А П.)

Г. Куликовскій. Словарь областного Олонецкаго нарѣчія. С.-Петербургъ. 1898.

А. Подвысоцкій. Словарь областного Архангельскаго нарѣчія. С.-Петербург. 1885.

И. Носовичъ. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія. С.-Петербург. 1870.

Е. Желеховскій. Малоруско-німецькій словарь. Львів. I—II. 1886.

М. Уманецъ і А. Спілка. Словарь російсько - український. I. (А.-К.). Львів. 1893.

Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graecolatinum. Vindobonae. 1862—1865.

С) Другіе индоевропейскіе языки.

O. Böhtlingk. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. I—VII. S.-Petersb. 1879.

H. Grassmann. Wörterbuch zum Rig - Veda. I—VI. Leipzig. 1873—1875.

G. Uhlenbeck. Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899.

P. Horn. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg. 1893.

H. Hübschmann. Persische Studien. Strassburg. 1895.

H. Hübschmann. Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache. Strassburg. 1887.

W. Geiger. Etymologie und Lautlehre des Afghänischen. München. 1893.

W. Geiger. Lautlehre des Balūči. München. 1893.

H. Hübschmann. Armenische Grammatik. I. Armenische Etymologie. Leipzig. 1895—1897.

W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen. 1892.

O. Schade. Altd deutsches Wörterbuch. Halle. 1872—1882.

F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 5 изд. Strassburg. 1894.

S. Feist. Grundriss der gotischen Etymologie. Strassburg. 1888.

A. Noreen. Abriss der urgermanischen Lautlehre. Strassburg. 1895.

v. Grienberger. Untersuchungen zur gotischen Wortkunde (Sitzungsber. d. Kais. Ak. Wien. 142 томъ).

M. Lexer. Mittelhochdeutsches Taschen Wörterbuch. 4 Auflage. Leipzig. 1891.

Wh. Stokes und A. Bezzenberger. Wortschatz der Keltischen Spracheinheit. Göttingen. 1894.

G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg. 1791.

A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4 изд. Göttingen. 1891.

C. Uhlenbeck. Die lexicalische Urverwandtschaft des Baltoslavischen und germanischen. Leiden Leipzig. 1890.

O. Schrader. Reallexicon der indogermanischen Alterthumskunde. Strassburg. 1901.

K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprache. I. Einleitung und Lautlehre. Strassburg. 1897.

Указатель авторовъ.

(Цифра при фамилии указывает на страницу, гдѣ сочиненіе названо полностью; поэтому при одной фамилии можетъ быть нѣсколько одинаковыхъ цифръ).

- Барановскій 136.
Бодуэнъ де Куртене
227. 280
Будиловичъ 225.
Буслаевъ 129.
Брандтъ 148. 160. 188.
193. 195. 203. 204.
217.
Бюхеръ 224.
Вольтеръ 135. 273.
Вольфенбуоттельская
постилла 163
Гинкенъ 188.
Даничић 183. 270.
Даукша 125.
Ильинскій 218.
Крушевскій 34.
Кузнецовъ 127.
Леонтовичъ 230.
Лось 117.
Мариновъ 224.
Огневъ 31.
Папковъ 246.
Перволюбовъ 223.
Погодинъ 234. 234.
240. 263.
Потебня 122. 201. 216.
Роговъ 80.
Соболевскій 119. 159.
213. 220. 261.
Соколовъ 126
Смирновъ 224.
Ульяновъ 197.
Фаминцынъ 27.
Шахматовъ 160. 182.
Шлейхеръ 34
Штёррингъ 124.
Юшкевичъ 135.
Явнисъ 137
Ягичъ 132.
Эндзелинъ 161.
Ahlquist 43. 87.
Alexandrow 137.
Appendini 204.
Andouin 107.
Aufrecht 122.
Balzer 238.
Bang 76.
Baranowski 136, 137.
Baron 143.
Bartholomae 114.
Basanaviozius 123. 141
246.
Bechtel 113.
Benni 273.
Berlić 203.
Berneker 144. 145. 147.
179. 219.
Bethge 115.
Bezzenberger 47. 47.
142. 231.
Bielenstein 248.
Boller 75. 95.
Brašnić 242.
Bréal 46.
Brugmann 36. 67. 106.
114. 120. 160. 181.
208. 245.
Brückner 136. 280.
Budenz 79. 90. 108. 108.
Bugge 204.
Byrne 36.
Bystroń 180.
Čelakovský 240.
Danielsson 241.
Daukantas 139.

- Delbrück** 35. 35. 65.
171. 172. 172.
Dembowski 167.
Donner 74. 103.
Du-Cange 233. 233.
Eliot 75.
Endzelin 175.
Fechner 27.
Forcinelli 233.
Gabelentz 44.
Gawin 273.
Gebauer 121. 185.
Geiger 220.
Geitler 139. 139.
Geldner 43.
Georges 232.
Gloger 188.
Görg 125.
Grasserie 169.
Grienberger 152.
Grimm 159.
Grunzel 76.
Grzegorzewicz 129.
Haeckel 31.
Hanusz 47. 150. 170.
Helten 213.
Hermann 95.
Hirt 101. 102. 114.
Hoffmann 222.
Hoić 224.
Hovelacque 34.
Hube 123. 223.
Humboldt 1. 7.
Hanfaly 80.
Huxley 31.
Fay 108.
Foy 193.
Fick 81.
Ilešić 208.
Ilster 227. 275.
Jacobi 131. 131. 175.
Jagić 121.
Janczy 187.
Jespersen 43.
Jireček 239. 239. 241.
Johansson 111. 179.
Jurkschat 179.
Kalina 81. 123.
Karjalainen 42.
Karłowicz 276.
Kellgren 75.
Körting 46.
Koncewicz 174.
Kopacz 132.
Kosiński 212.
Kotyška 128.
Kretschmer 66. 114.
Kriztjanowicz 218.
Kruszewski 266.
Kryński 183.
Kurelac 212.
Kurschat 133.
Lenz 58—59.
Leo 173.
Leskien 185. 206. 245.
270.
Lindsay 115.
Lippert 239.
Łopaciński 138.
Lorentz 197.
Lubicz 181. 187.
Majewski 216.
Maclejowski 123.
Mallat 224.
Malinowski 123. 138.
156.
Marciński 136.
Maretić 47. 188. 210.
264. 270. 279.
Matlakowski 129.
Matzenauer 158. 158.
198. 269.
Matyas 154.
Mauthner 70.
Maillet 130. 146. 155.
168. 212.
Meister 241.
Meringer 113.
Meyer L. 113.
Meyer G. 114.
Meyer-Lübke 29.
Mikkola 161. 206. 228.
Miklosich 47. 188.
Miller W. 280.
Mistelli 61.
Möhl 113.
Mucke 207.
Müller M. 34.
Müller G. 108.
Müller Fr. 51.
Müllenbach 126. 142.
174. 175.
Nadmorski 151.
Nehring 170. 183.
Nemanić 144.
Niedermann 248.
Nodilo 121.
Osthoff 111. 127. 163.
Paasonen 105.
Paul 34. 123.
Pedersen 270.
Peisker 238.
Per Persson 102.
Pintar 209.
Plavin's 175.
Pogodin 209.
Post 240.
Potebnja 216.
Pott 11.
Prusik 205. 218.
Rački 242. 242.
Reichelt 126. 127.
Reinke 31.
O. Richter 172.
Riedl 75.
Rozwadowski 181.

- Rzeszowski 212.
Setälä 46. 73. 75. 85.
92. 105.
Schaffarik 211.
Schleicher 22. 136.
Schmidt 56. 132. 185.
214.
Schulenburg 41.
Simonyi 72. 73. 99.
Skutsch 132.
Smyth 106.
Soerensen 180.
Solmsen 204.
Sommer 124.
Sounenberg 132.
Steinen 240.
Steuer 106.
Stokes 210.
Stolz 46.
Stowasser 132.
Streitberg 115.
Sweet 46.
Szelaowski 237.
Szinyei 76. 84.
Szyrwid 134.
Thomsen 75.
Torbjönsson 160.
Uhlenbeck 108.
Ulanowska 143.
Ulanowski 123.
Universitas linguarum
136.
Šulek 266.
Wackernagel 192.
Wadstein 225.
Wallace 30.
Weber 137.
Weil 170.
Werchratskij 165. 229.
Weske 75. 106.
Whitney 107.
Wichmann 73. 98.
Wiedemann, F. 80. 80.
90.
Wiedemann 188. 219.
Winkler 76. 76. 76.
Wissendorf 143.
Witek 181.
Wliskoeki 138.
Wołoczewski (=Po-
langos Juze) 185.
Wondrak 129. 160.
Wundt 62. 65.
W. P. 93.
Zima 126.
Zubatý 149. 195. 196.
218. 227.
Zupitza 112. 228.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ.

---

1. Литовский языкъ.

- Akibrukšta 138.
Akigývas 137.
akývaizdas 219, 138.
akiveizda 138.
akyskaúdis 138.
akėmirksnis 138.
akėsbaltim's 175.
akiū lėlė 175.
akmirkis 138.
akmōj 193.
alkas 153.
alksnis 153.
alkunė 153.
alnis 270.
alpti 153.
alūdaris 138.
angà 174.
anksti 214.
apganlė 234.
apidome 206.
appidemes 206.
arklogydis 138.
atstūs 231.
auksakasis 162.
áukskasis 118, 162.
aukskalys 118.
aukštielasis 58.
avikáilis 137.
aš 153.
ašarunė 247.
ašerys 152.
ašietras 152.
ašmenios 153.
aštraregis 138.
ašvà 153.
ažaras 153.
ažeras 152.
ažys 152.
Balà 194.
baltažundis 136.
bezdas 267.
byru 280.
brėkšta 257.
būlus 228.
bukas 269, 273.
bukė 248.
būtas 174.
būtsangė 174.
Da- 208, 209.
dabuti 208.
dalgiakotis 136.
danču 198.
dantagėla 141.
dantėlis 200.
dantis 198, 259.
dantkalis 141, 198.
dantū 141, 198, 259.
darbýmetis 134, 138.
dasigadan 209.
dasikałbu 209.
dasilejdziau 209.
dastoti 208.
did- 135.
didž- 135.
didžiaturis 134.
didžturę 135.
dimstis 206.
dingti 206.
dėmedis 139.
dėnādarbys 136.
dėvmėilums 135.
drebėti 206.
drútas 255.

- duris 274.
 dvārvēte 141.
Ekmua 153.
 eldze 153.
 elksnis 153.
 elnis 153, 270, 274.
 erškētis 152.
 erškētras 152.
 ežzilas 229.
 ešeršs 152.
 eszis 153.
 eszmenis 153.
 ežeras 152, 153.
 ežys 152.
Galvaryštis 47.
 ganadarimu 134.
 gandarīti 134.
 gatpadā 231.
 gaujā 234.
 gaūras 234.
 ganrutlīnē 234.
 gaurūtās 234.
 geradējis 116.
 geradeistis 134.
 gerūkštēs 143.
 gijā 277.
 gynages 277.
 gynagis 139, 140, 277.
 gyrā 278.
 gyrpelnys 140.
 gýsla 199, 277.
 gyslapis 277.
 glūсна 199.
 gūiti 234.
 gūitenēs 228.
Ilgaluki 134.
 ilgalkieimo 135.
 ilgalkēimas 135.
 jaukuras 139.
 jerubē 155.
 juosta dungaus 175.
 Kadā, kadā 196.
 kāulas 139.
 kažiņ 123.
 kiāuše 139.
 kētasprundis 136.
 kogalvē 139.
 kósas 144.
 kovas 147.
 kraugeris 139.
 kušys 251.
Ļakštingala 146.
 ļaukaktis 139.
 ļanmesjuasta 175.
 ļaumēs jūsta 175.
 ļaumēs galva 175.
 leleakēs 175.
 lēpsnā 199.
Mayszadaris 135.
 mayszasiuwis 135.
 makaulē 139.
 makaušē 139.
 manēs 212.
 maņēs 212.
 maraņģis 174.
 māžas 112.
 mažatikiey 135.
 medwinia 46.
 meškerykotis 138.
 mielaširdistes 135.
 Миндовгъ 127.
 minē minis 235.
 minū 234.
 móksla 199.
 motē 247.
 móteržolēs 140.
 musē 140.
 musómiris 138, 140.
 mūsmirē 137, 140.
Nāgas 185.
 naktigonē 137.
 naktis 214, 274.
 naktšs šašolētās 175.
 naktū 214.
 namai 206.
 nāmas 207.
 nasrai 272.
 nasrióti 272.
 nastrai 272.
 naujavedis 219.
 nepotis, nepūtis 253, 254.
 neptis 253, 254.
 nosis 278, 272.
 novyti 222.
 nusivaizdūtī 219.
Orārykštē 143.
Pamirodik 28.
 pānagēs 186.
 papiēdis 201.
 paššas 247.
 pataikūnē 247.
 parašti 219.
 pečangē 174.
 pēdā, pēdas 201.
 piktadeiu 134.
 pīktažolē 136.
 piļwapenius 134.
 pirm- 135.
 pirmagulšs 136.
 pēmōj 193.
 pēmū 271.
 plūņksna 199.
 ponē 247.
 posnāgas 185, 186, 200.
Raības 155.
 Rimgāila 127.
 ryšgalvis 47.
 rytolitus 138.
 rudōj 193.
Sai 29.
 saldýmetis 138.
 saulēkailis 138.
 saulēleidis 138.
 saulētakis 138.
 sauszakiemis 139.

- sēkti 157.
 sidabras 205, 206, 248.
 sidoklys 248.
 sēla 135.
 sēlawartas 134, 135,
 136.
 smāgenēs 139.
 stimpū 197.
 sudābras 206, 248.
 sudoklys 248.
 sudrus 140, 255, 256.
 svetima- 134, 135.
 svetim- 135.
 tavēs, tavēs 212.
 tikslas 199.
 týrlankius 122.
 tēsadariey 134.
 tēsastatis 134.
 túlas 111.
 turgāvētē 138.
 Ugniāvētē 181.
 ugnāvētē 138, 181.
 ūmēdē 137.
 ūms 137.
 upēmalis 138.
 upētakis 138.
 užgaulis 234.
 Šeīmedis, šeīvmedis
 139.
 šikšnā 135.
 šikšniosparniey 135.
 šikšnósparnis 135, 231.
 šikšnótsparnis 231.
 širdis 274.
 šēnas 208.
 šungaļvis 140, 174.
 šungrybjai 137.
 šunlaiškei 275.
 šunponis 174.
 šunpurnis 174.
 šunrykas 275.
 šuntakis 174.
 šúnžolē 140.
 šunsūdega 174.
 šunsūdēgius 174.
 šunsūdegūtī 174.
 šunsnukis 174.
 šuva 274.
 šū 250, 274.
 Vaikas 163.
 vaisā 219.
 vaisingas 219.
 vaizdas 219.
 vaizdaī 219.
 vaizdus 219.
 vakaras 150.
 vankrikātis 140.
 vardas 153.
 vardomineimas 135.
 vārna 144.
 vařnas 144.
 vasarā 153.
 vasarýmetis 138.
 veikingas 163.
 veikus 163.
 vējputis 139.
 veřkti 257.
 vesti 217.
 vidūdēnis 138.
 vikrūs 163.
 vilkanastrei 273.
 vynmedis 46.
 viršūgalvis 138.
 visagalibē 134.
 visažinus 134.
 vēkā 163.
 vēna- 136.
 vēnagļmi 134.
 vēngimēš, vēngimis
 135.
 vēnkójis 135.
 vēnmētis 135.
 vēnovaldis 134.
 vēputē 139.
 vēputinas 139.
 vēškelis 140.
 vēšpats 140.
 vorotinklas 134.
 žansis 274.
 žašlas 199.
 žemberýs 194, 280.
 žembēti 197.
 žembluse 140.
 žēmē 192, 278.
 žemepatis 194, 278.
 žemgulýs 194, 278.
 žemlindis 194, 195, 278.
 žempati 194.
 žemrēšutis 140, 194.
 žemskirē 194, 278.
 žēmūge 194.
 žiuponas 246.
 žiuponē 246.
 žiuponģtas 246.
 žēmā 196.
 žēmģtūlis 141.
 žēmkintis 141.
 žēmmitýs 141.
 žēmóspirgis 141.
 žmogūs 193.
 žmū 193.
 žugertas 259.
 žuklýs 259.
 žukmistras 259.
 žūstu 259, 260.
 žuvēdra 259.
 žuvis 258, 259, 273.
 žuvēš 259, 260.
 žvejūtī 258.
 žvērīs 274.
 žvēti 258.
 žvýné 258, 259.
 2. Латвиский язык.
 Ādminis 235.
 aitu-suik'is 249.
 alnis 153.

- apsa 151.
 asars, asers 152.
 asins 276.
 asnis 275.
 astes zvaigzne 175.
 ašni 275, 276.
 Baronin' 262.
 bika 248.
 birkavs 161.
 Cecen 249.
 cēnigteva 122.
 cērmaukšis 249.
 ciltsbrāli 175.
 cilvēks, cilvāks и др.
     160—163.
 cinksla 199.
 cūcens 249.
 cūcin'a 249.
 cūcin's 249.
 cūka 249—251.
 Dabūt 208.
 dibens 248.
 drebāt 206.
 driva 248.
 druva 248.
 dubens 248.
 dūre 187.
 duse 188.
 dzere-ukšēn'zūbe 143.
 dzija 277.
 dzija 277.
 dzīpari 277.
 dzīvņags 277.
 Elkons 153.
 elkšnis 153.
 elks 153.
 elpēt 153.
 es 153.
 ezars, ezarītis 153.
 ezenini 248.
 ezerā 153.
 ēnāši 272.
 ērbe 155.
 ēsamandomajās 38.
 Gajlabikšis 143.
 gajlajuizis 143.
 gala 227, 230.
 gojes, gojus 227.
 golin'a 227, 228.
 gomel'a 227.
 gosnin'a 227.
 goten'a 227.
 gotenas 227.
 gotin'a 227.
 govmeles 227.
 govtin'a 227.
 grūtdarija 143.
 grūtdēna 143.
 grūtrēdzejse 143.
 grūtsirdiba 143.
 gūs 227.
 gūt 234.
 gūten'a 227.
 guvs 227.
 Irbe 155.
 Jaunmāsin'as 122.
 K'ilvekelis 161.
 k'ilvis 162.
 Kačapādi 143.
 kājandama 143.
 kājas auts 175.
 kājauta 175.
 kalēt 146.
 kan'ipe, kan'upe 248.
 kap'skalni 175.
 kauss 139.
 kāvārnis 147.
 kōsa 144.
 kōsalani 144.
 kōsvārnis 146.
 kōsvārnīši 144.
 krimslas 199.
 krista, krusta 248.
 kuca, kuce 250, 251.
 kucens 250.
 kūja 251.
 kumela-pādi 142.
 kun'a 250, 251.
 kūše 251.
 Labredzēt 143.
 lakstigala 146.
 launadarēitoji 142.
 l'aundaris 118.
 l'aundariju 143.
 l'aundariņaji 142.
 louksputn' 175.
 Māzputnītis 122.
 mesls 199.
 mūsmēre 140.
 mušmire 140.
 Nāsis 272, 273.
 nāvcirksne 222.
 nāve 222.
 nāvēt 222.
 nāvīgs 222.
 nazis 161.
 nevēsta 218.
 Paduse 187.
 pamina, pamiņis 235.
 pastala 201.
 pēda 201.
 pēdejs 201.
 pēdīgs 201.
 pēpežs 201.
 Rubenis 155.
 Secen 249.
 sērmaukši 249.
 sidobre 206.
 sil'skalne 175.
 sirdēsti 174.
 sidsapziņ'a 174.
 sirdsdibēns 174.
 sirdsēsti 174, 175.
 sivenice 247.
 sivens, sivenis 247,
     248.

skōsa 144, 280.
 slidens 248.
 sludens 248.
 straujupites 122.
 sudabris 206.
 sudobris 206.
 sudrebin's 205.
 suik'ens 248.
 suik'is 249.
 sukis 249.
 sumpurnis 174.
 sunitis 274.
 suniši 275.
 sunk'is 249.
 suns 274.
 sunu 275.
 suven'is, suvens 247,
 249.
 suvenin'is 247.
 Telens 248.
 timnice 161.
 timsâ 248.
 tirupes 122.
 tuce 161.
 tumsâ 248.
 Vads 222.
 varaviksne 143.
 vārna 144.
 vēdars, vēders 153.
 veikls 163.
 vejputnis 139.
 vuicitēs 161.
 Zam 203.
 zem 192, 203.
 zemdegas 194.
 zeme 192.
 zemlūze 203.
 zems 203.
 zemturis 194.
 zemu 192, 203.
 zemzars 203.

zizlis 161.
 zivs 248, 258, 259.
 zēma 196.
 zōbs 199.
 zūss 259, 260.
 zušauklis 259.
 zivs 248, 259.
 zveija 259.
 zveijot 258.
 zvinas 258.
 zvīni 258, 259.

3. Прусский языкъ.

Abskande 154.
 aclocordo 144.
 alskande 144.
 assanis 152.
 Bucawarne 144.
 Dagagaydis 144.
 dantimax 144.
 dantis 198.
 dragios 257.
 Esketres 152.
 Kerberse 144.
 kolwarnis 144, 145.
 kose 144.
 Ladis 153.
 likuts 112.
 Nagutis 185.
 nowis 222.
 nozy 272.
 Peadey 201.
 Roabau 155.
 Same 153, 192.
 semme 192.
 semo 196.
 sirablan 205.
 smoy 193.
 suckis 259.
 supana 247.
 supūni 247, 280.

Talus 202.
 Wobse 146.

4. Вел.-русский языкъ.

Баларужина 194.
 барань 261.
 барашекъ 261.
 бэника 267.
 богъ 81.
 бознякъ 266.
 ббзовая роща 266.
 бозъ 266.
 борань 261.
 борноволокъ 165.
 боровъ 262, 263.
 боровчакъ 262.
 бороновать 165.
 бороноволокъ 165.
 бороноплясъ 165.
 бузина 267.
 бѣлсвѣтныи 121.
 быкъ 228.
 Верещать 257.
 водовозъ 124.
 вѣво 220.
 Гава 147.
 гайворонъ 145, 147.
 галка 146.
 гарлѹпа 165.
 гати 229.
 гача, гачи 229.
 гачень 229.
 гаяти 147.
 голдоба 165.
 горянка 165.
 горностай 165.
 господа 230.
 господь 168, 280.
 грайворонъ 147.
 гуна 232.
 гунавый 232.
 гуна 232.

- гунявый 232.
 гўньба 232.
 Дерево 255.
 добыть 208.
 долото 263.
 дома 207.
 Домажиръ 141.
 Домагость 190.
 домови 207.
 домой 207.
 достать 208.
 дрегва 257.
 дрожжи 257.
 дромъ 257.
 друзгъ 257.
 друкъ 256, 257.
 друмъ 258.
 дручокъ 257.
 дрѣгва 257.
 дрѣзга 257.
 дрязда 257.
 дрязна 257.
 дятельникъ 200.
 дьгна 198.
 Иворонокъ 145, 147,
 148, 247.
 же 213.
 жибзника 140.
 живъ 81.
 жила 276.
 жилочница 277.
 жимолость 140, 274.
 жица 276.
 жукъ 236.
 Збыгъвъ 129.
 земець 194.
 земля 192.
 земь 195.
 змы 195.
 знобить 197.
 золуста 220.
 зяберъ 194.
 зябнуть 197.
 зябра, зябрей, зябра
 194.
 Ихвїй 107.
 Молченогїй 128.
 корень 270.
 коряга 271.
 край 211.
 курохватъ, куроцапъ
 157.
 Лань 153, 270.
 ласточка 156.
 лахонъ 158.
 лежебокъ 128.
 лоскутъ 157, 159.
 лохматый 158.
 лохмотье 158.
 лохмоу́хїй 158.
 лохмы 158, 159.
 лохове́сь 158.
 лохонье 158.
 лохоу́хїй 158.
 Медвѣдь 133.
 мерзнуть 263.
 Молибожичъ 128, 129.
 морозъ 263.
 мотаться 217.
 мотрѣть 237.
 мотыль 217.
 мотья 159.
 мышь 140.
 Навъ 221.
 невеигласи 130.
 невенный 219, 221,
 222.
 неводъ 223, 224.
 невѣголось 129.
 невѣронтень 130.
 невѣнка 221.
 неимовѣрень 130.
 нѣклянь 215.
 неталá 215.
 нетїй 252, 254.
 нетопыръ 216.
 нечуївътеръ 130.
 Новгорода 167.
 ноздри 272.
 ночникъ 216.
 ночница 216.
 ночнянка 216.
 ночьлегъ 133.
 ныть 221.
 Огнепалимый 181.
 одръ 258.
 ожипалка 277.
 олень 270.
 онавиться 221.
 осколокъ 152.
 оскоруша 152.
 осокорь 150.
 Падать 201.
 пазанка 186.
 пазданки 187.
 паздерá 166.
 паздеръ 166.
 пазногть 185.
 пазуръ 187.
 пазъ 188.
 палка 277.
 палочникъ 277.
 пасленъ 166.
 пасмо 166.
 пахва 188.
 перекатиполе 129.
 пельсона 166.
 пестругъ 257.
 песья вишни 274.
 песь 254.
 пигалица, пигалка
 146, 167.
 пиголка 146, 167.
 повсюдный 107.
 погость 231, 240, 246.
 подошва 202.

подлый 203.
 по́логъ 202, 203.
 полоскаты 257.
 порогъ 263.
 постоль 201.
 почва 202.
 прозябать 197,
 пучеглазый 128.
 Растеніеводство 133.
 Ратмиръ 133.
 рубаха 225.
 рубище 225.
 рябина 148.
 рябо́къ 148.
 рябой 148.
 рябчикъ 148.
 рябь 148.
 Самый 210.
 свиной, свинья 247.
 свѣтицвѣтъ 129.
 серебро 205.
 скорлупа 160.
 скоролупка 164.
 skutня, skutникъ 158.
 скѣты 158.
 свить 275.
 снить, снить 275.
 собака 274.
 соко́ль 146.
 сонь 274.
 сонь-трава 274.
 сорокопѣдъ 157.
 сосна 199.
 спатеньки 58, 107.
 староста 218.
 сука 274.
 суника 275.
 суница 275.
 сычь 252.
 сѣнокось 128.
 Трясогузка 128.
 Убогъ 130.

увѣчный 130.
 уродъ 130.
 Чаю 111.
 человекъ 160.
 челядь 159.
 челякъ 162.
 чуха 250.
 чухъ 250.
 чушка 250.
 Щеворонокъ 145.
 Яволодъ 130.
 ясень 154.
 яска, ясочка 156.
 ясный 154.
 ястребъ 148, 156.
 Юдоль 130.

5. Мал.-русскій языкъ.

Базник 267.
 баран 261.
 барлѣг 265.
 барлѣжитися 265.
 берлѣга 265.
 бзина 267.
 бзюк 267.
 бжур 267.
 бозина 267.
 бозникъ 267.
 Вѣрѣб 149.
 ворбѣка 149.
 Гава 147.
 гаворон 148.
 гайворон 148.
 гача 229.
 гачур 229.
 голѣпа 165.
 горобѣна 149.
 грайворон 145.
 гувѣба 232.
 гуня 234.
 Делбем 263.
 джарити 236.

джерелѣ 236.
 джѣнва 236.
 джук 236.
 Ежевика 151.
 ежина 151.
 Жаворонок 145.
 жайворонек 145.
 жайвѣр 187.
 жарити 236.
 жерелѣ 236.
 жѣмок 277.
 жовна 236.
 жук 236.
 жѣпа 245.
 Зябрѣй 194.
 Їль 151.
 Їз 151.
 Наворон 145, 147.
 Латка 159.
 лах 158.
 лахи 158.
 лахманъ 158.
 лаховий 158.
 лахолата, лахолатка
 158, 159.
 лобоз 229.
 лобур 229.
 лох 158.
 лохмате 158.
 лохматний 158.
 лохѣна 158.
 Мазепа 165.
 метелик 217.
 мотильок 217.
 Нав 223.
 навк 221.
 навський 221.
 нетля 216.
 нетоя 215.
 Ожина 151.
 оробина 148.
 орябина 148.

осетр 151.
осика 150.
осокор 150.
Пагніздъ 185.
пагність 185.
пазнігть 185.
пазор 187.
постіл 201.
Рябий 148.
рябець 148.
рябина 148.
рябка 148.
Сицьога 252.
сич 252.
скаралуца 165.
сковоронок 146.
Хабзина 267.
Чабан 244.
чоловік 162.
Шкаворонок 145.
шкаралуца 165.
Щеворонокъ 146.
Яз 151.
яль 151.
яребина 148.
ясень 154.
ясетр 151, 153.
ясла 199.
ясна 199.
ясокір 150.
ястер 187.
ястріб 148.
яструб 148.

6. *Бѣл.-русскій языкъ.*

Бзѡвникъ 267.
бзовый 267.
Вѡжикъ 151.
Гуня, гунька 232.
Дрегва 257.
Лохмѣнина 158.
лохмотъ 158.

Малюпятка 165.
Пазвѡкѡць 185.
Ясокоръ 150.

7. *Польскій языкъ.*

Asyn 276.
Baran 262.
baraś 262.
barłog 264, 265.
barłozyc 264.
bes 267.
bestek 267.
bez 267.
bziak 267.
brzuchо 183.
Człowiek 160.
czołen, czołno 183.
Dłubiząb 127.
Domamir 190.
drażczek 257.
drag 256.
drzazga 257.
drzézga 257.
drzyzga 257.
drżynik 194.
dziaśła 199, 220.
dziaśna 199.
dziawraga 167.
dziećcelina 200.
dziecileła 280.
dziegła 198.
dzieгна 198.
dzieгwa 198.
dziekczynny 169.
dzier 166.
dzior 166.
Gaciak 229.
gacek 266, 230.
gacie 229.
gocopierz 216.
gajno 230.
gardło 212.
gárdziel 212.
gasopierz 216.
gatka 227.
gatki 229.
gaty 229.
gáwiednik 235.
gawiedz 235.
gawron 145, 147, 230.
gnilec 198.
gospoda 231, 280.
gościniec 280.
Gościsław 231.
grześć 253.
gumno 235.
gunia 232.
Chorowiek 163.
chabuz 269.
chebzina 267, 269.
chwат 277.
Irzmo 151.
Jaden 151.
jadlina 151.
jary 151.
jarzęбина 148.
jarząb 148.
jarzmo 151.
jasiеń 151.
jasiokor 150.
jaskoła 146, 151, 156.
jaskółka 156.
Jaskółwo 156.
jaskuła 166.
jassothr 150.
jastkoła 156.
jastrząb 148, 155, 156.
Jazorow 150, 151.
jażyna 151.
jeden 151.
jedlina 151.
jerzenie 151.
jerzmo 151.
jesion 151.

- jesiora 152.
Jezioro 150, 151.
jeżyna 151.
Kacopierz 216.
kadłub 166.
kawa 147.
kawikos 147.
Colodzey 180.
krajworonka 147.
krasotwarz 182.
krwieplwanie 183.
krwiepłynienie 183.
krwinabieg 183.
krwioplucie 183.
krwiściąg 183.
kwilić 275.
łach 158.
łachman 158.
łachmyta 158, 159.
latopierz 216.
loch 159.
łupka 263.
łyłyk 216.
łysowron 145, 146.
Meczwet 216.
mentopierz 216.
mętopierz 216.
moczassiló 123.
Mścigniew 190.
Mścisław 189.
Nawa 223.
newoth 223.
nieczujwiecier 130.
nieć 253, 254.
Niedamir 129.
niedopierz 216.
nieścóra 253.
nietopierz 216.
nietota 215.
nietupa 215.
nimam 123.
nimogę 123.
nocek 216.
Obiat 273.
oczwijsztnije 138.
oczywisty 138.
oczýwiszczý 138.
ogniopiór 181.
ogniożyw 182.
ognioplón 182.
ogniślepek 182.
ognismętek 182.
ognizierka 182.
okamgnienie 180.
Okryjbieda 129.
orzębina 148.
orzzech ziemny 194.
osa 150.
oskoła 151.
osokor 150.
ożyna 151.
Pahnozł 185.
pani 247.
pasterz 237.
patrzyć 237.
paz 188.
pazdór 187.
pazdur 187, 200.
pazor 187.
pazur 187.
paździerz 166.
paździor 166.
paznogieć 185.
paznokieć 185.
piargi 263.
pięknolica 182.
Pietrumila 190.
plamotka 182.
płokać 257.
podłoga 202.
podły 203.
Pregina 263.
psibłuj 275.
psinki 166.
pstrąg 257.
Przegyna 263.
Przegyną 263.
Racibor 190.
remię 208.
rybitrutka 260.
rybniuk 260.
rybołów 261.
rybołówka 260.
rybotrój 260.
rył 212.
rząb 148.
Sącza 275.
sąkwiel 275.
siekwiat 128, 148, 157.
siemak 128, 148.
siemakowce 128.
siemakowo 128.
Sieruty 128.
silomócz 123.
silanmocz 123.
siemakówka 128.
siomaki 128.
siomki 128.
skarłupa 164.
skarucha 154.
skorupina 165.
skowronek 144.
śnieć 275.
śnitka, snitka 275.
Sobiesław 190.
sokoł 156.
srebro 205.
srybło 205.
srzedział 129, 157.
srzeżoga 157.
ssiekwiat 157.
stryjo 183.
syczek 252.
symalza 277.
szętoperz 216.
szczerzupyna 165.

sztukamięsa 175.
W jasionki 151.
 w ocemgnienu 181.
 wpecymieńu 181.
 w okumgnjenija 181.
 wiarogodny 169.
 wiarygodny 169.
 wieciorek 216.
 wigłos 129.
 wszechmogący 136.
 wszemogący 136.
 wujo 183.
Zakonanoszcza 170.
Zbyroż 129.
 zmartwychwstanie 169.
 smarthvykrzesil 170.
 smarthfystal 170.
 zebrzyca 194.
 zędrzyn 194.
 zembrzyca 194.
Ziemirad 189.
Ziemisława 189.
 złoczyn 121.
Znamirowice 128.
 zwiłupa 183. 259. 261.
 zwinka 260.
 zydżan 261.
 zymalza 277.
 zys 260.
 zyz 260.
Żgło 223.
 żuk 236.
 żupa 239.
 żupa solna 238.
 żupan 246.
 żymulka 227.
 życica 277.
 żychwota 277.
 żyła 276.
 żyliencec 277.

8. *Рашиубскій языкъ.*

Beś 267.
 Doch 210.
 donsla 199.
 Jařebina 148.
 jasioter 151.
 jasoter 150. 151.
 jastřib 148.
 jesoter 150. 151.
 ěbjěc словицъ. 197.
 ěxa, 158.
 paznokc 185.
 pazur, pazura 187.
 skœvrònk 144.
 wœska 150.

9. *Чешскій языкъ.*

Baran 262.
 beran 261.
 bez 267.
 bezoví 268.
 bezový 267.
 Bohudar 187.
 Bořihnev 189.
 Bohumest 189.
 Bohuvlast 189.
 Bohuvole 189.
 bleskometec 169.
 bleskestřelec 169.
 bleskotvůrce 169.
 bleskurychle 169.
 Bořislav 189.
 brav 262.
 brloh 265.
 brložek 265.
 bzina 267.
 bzový 267.
 Člověk 160.
 Dásn 199.

ďasně 199.
 dásno 199.
 dehen 198.
 Dědumil 190.
 dem 207,
 demů 207. 208. 219.
 dětel 200.
 dětelina 200.
 domu 207.
 domů 207. 219.
 druch, drůh 256.
 dřiezha 257.
 ěac 228.
 ěacě, ěacě 228.
 ěací 228.
 ěacník 230.
 havran 145. 230.
 hespoda 208.
 Hostirad 190.
 Hostmil 133.
 hownywal 236.
 hřichoplod 169.
 hřichosňatel 169.
 hřichuplný 169.
 hryzoslov 128.
 humno 235,
 houně, húně 232.
 hvězda 231.
 hvízdati 231.
Cheb 267.
 chebdí 269.
 chebdz 252.
 chramostejl 165.
 Jelene, jeleni 270.
 jeřábek 148.
 jeřáb 148.
 jeřábí 148.
 jestřáb 148.
 jetelina 200.
 Kadlub 166.
 kněžmostu 167.
 kori 271.

krém 208.
 Kremeriž 208.
 křivan 145.
 křivánek 145.
 krveprolití 183.
 krvesmilný 183.
 krvetok 183.
 krvežíznivý 183.
 krvotok 183.
 kujonka 251.
 kujonstvo 251.
 kujony 251.
 Lach 158.
 lachmana 158.
 Lstimir 190,
 lupina 260.
 Mstidruh 190.
 Návi 222.
 náva, náve 223.
 naviti se 222.
 netata 215.
 neznaboh 128.
 Neznabohy 128
 Nevosad 219.
 Nevosedly 219.
 Oheňpar 181.
 oheňpara 181.
 ohněstroj 181.
 ohněvod 181.
 ohničara 182.
 ohnisko 182.
 ohnipal 182.
 ohnipara 181. 182.
 ohnival 182.
 ohnižil 182.
 ohniživ 182.
 ohňozemec 181.
 okamnutí 180.
 okamhoužení 180.
 okamih 180.
 okamihnutí 180.
 okamžení 180.

okamžiční 180.
 okamžik 180.
 okamžilý 180.
 okamžitý 180.
 Patřiti 237.
 pazdnehty 185.
 pazneht 185.
 paznohet 185.
 paznoht 185.
 pazur 187.
 pazdero 166.
 páže 188.
 Petrumila 190.
 podlaha 202.
 podlý 203.
 počev, počva 202.
 psi vino 166.
 pslnky 166.
 pstruh 257.
 Setva 208.
 skraloup 164.
 skrzywanec 145.
 skřivan 145.
 sme 273.
 snět 275.
 sotva 208.
 spánebohem 122.
 strakopud 157.
 sýc 252.
 sýček 252.
 Telko, tolko 208.
 Unuvácia 222.
 Škobrunek 145.
 škrobánek 145.
 štríblo 205.
 Věhlas 129.
 vlast 169.
 vlastibranec 169.
 vlastimilovnosť 169.
 vlastimilství 169.
 vlastizrada 169.
 vlastivrah 169.

volkrin 191.
 Volpasy 191.
 Zákondárný 169.
 zákonodárný 169.
 Zemižizn 190.
 zemorzech 194.
 zimoléz 274.
 zločin 121.
 zme 273.
 zva 260. 261. 274.
 zvina 267.
 žukati 236.
 žila 276.
 žině 276.

10. *Моравский язык.*

Baran 262.
 Dom 207.
 dýmě 207. 208.
 jahřabina 148. 155.
 jařabý 148.
 jak se patří 47.
 jestřab 148.
 letopěř 216.
 łoubek 166.
 nadujhuba 129.
 navit se 221.
 netáta 215.
 neznahaňba 128.
 pahnozt 185.
 paznoht 185.
 rozdahuba 129.
 skos 280.
 unovat 221. 222.
 škavražný 166.
 škára 165.
 škobránek 149.
 škobruněk 149.
 škorváněk 149.
 škovránek 149.
 škobránek 149.

zloceř 121.
złosyn 121.

11. *Словацкій языкъ.*

Baran 262.
Dásno 199.
huňa 232.
jas 156.
jasno 199.
jastriti 187.
kremä 208.
naviř 221.
netata 215.
okamih 180.
okamihnutie 180.
okamženie 180.
okamžik 180.
ohnisko 182.
ohnipara 182.
ohnižil 182.
ohňostroj 181.
ohňovod 181.
oskoruch 154.
paznecht 185.
pazur 187.
podlaha 202.
skrupina 164.
unovat' 221.
župa 241.

12. *Лужицкіе языки.*

Baran 262.
baz 267.
boran 262.
borlo 265.
bor 267.
dom 207.
džećel 200.
hérébina 148. 149.
huna 235.

huno 235.
jatrob' 148.
jerébaty 148.
jérébina 148.
lěpic 217.
lěpik 217.
nawod 223.
njeznarowy 128.
panoht 185. 186.
pahnocht 185.
parnoht 185. 186.
parnokś 185.
smjertnička 221.
sneć 275.
schkobrenk 145.
schkobronk 145.
schkogrenk 145.
škowrjenčk 145.
škowrončk 145.
schkoworenk 145.
wosa 150.
žila 276.
župa 241.

13. *Полабскій языкъ.*

clávak 160.
nyewede 223.
niwade 223.
váknu 160.
vál 160.
vásk 160.
zeuk 236.

14. *Сербскій языкъ.*

Abzov 267.
ala 210.
Bära 264.
bàrak 262.
baran 261.
baz 266.

baza 267.
bazag 267.
bazdov 267.
bazdovina 267.
bazg 267.
bazgovina 267.
bazika 267.
bazovina 267.
bezobrazluk 209.
blâgdân 120. 167.
blâgdâni 120.
blagdâniti 120.
blâgdânôst 120.
blâgdânovati 120.
blâgdânskî 120.
blâgdânstvo 120.
Boguživ 189. 190.
bôljest 220.
Borislav 189.
Borivoj 189.
boza 267.
bozovina 267.
Branimir 189.
Branislav 189.
Branivoj 189.
brâv 262. 263.
brljaga 264.
br'log 264.
brlôg 263.
buzika 267.
bzôva 267.
eiganluk 209.
erljenguza 120.
ermpurast 120.
ervempêrka 120.
ervênbrk 120.
Čëgović 58.
ćelo 203. 211.
ćine 203.
ćislo 199.
ćistikuća 47.
ćuhakuć 128.

- čuvadur 128.
 čuvàkuća 128.
 čùvâr 128.
 čuváriti 128.
 čuvárkuća 128.
 čuvati 128.
 Dari 213.
 dar 210.
 debèlguza 120.
 debeloguza 120.
 deri 213.
 dêsna 199.
 dèšli 199.
 djetelina 200.
 dlijeto 263.
 dòma 206.
 Domagoj 190.
 Domaslav 190.
 dori 210. 213.
 drozak 268.
 drozd 263.
 drùga 256.
 Em 210.
 Frmentún 164.
 Gáća 229.
 gácân 229.
 gáće 228.
 gáćeša 229.
 gal 146.
 galòvran 144. 146.
 gävrân 144. 147. 230.
 gardun 255.
 gaziblato 47.
 gluho 183.
 Gologrka 164.
 golòvran 144. 146.
 Gostimir 190.
 gòvnovâlĵ 236.
 gûn 232.
 guniva 232.
 gusli 199.
 Habat 267.
 hebet 267.
 hrbutina 164.
 hrišćanluk 209.
 Igrûn 209.
 im 210.
 ivan-cvijet 120.
 Jàreb 148.
 jarèbica 148.
 jarebina 148.
 jasika 190.
 jasli 199.
 jastrebast 148.
 jâstrijeb 148.
 jastribast 148.
 jelenrog 120.
 jeljen 270.
 jelin 270.
 jerèbica 148.
 jezer 212.
 jêž 151.
 jugo 212.
 Kaljuga 264.
 kaméćak 271.
 kamí 271.
 kàmivao 122.
 korèćak 271.
 корѣнь 270.
 korin 270.
 korijen 270.
 kàvran 144.
 kreméćak 271.
 kremičak 271.
 kril 212.
 krvoprolíće 183.
 kúca 251.
 kùćka 251.
 kukumar 255.
 kular 255.
 kumin 255.
 Lèpír 216.
 ljèpisimo 210.
 Maslo 199.
 mlàdlèto 167.
 molibog 128.
 Momir 129.
 mòtriti 237.
 murina 255.
 Načerad 129.
 Načevoj 129.
 náknada 209.
 náknaditi 209.
 náksjutra, náksutra
 209.
 nakòjegja 185.
 nášljední 199.
 Нечуигласъ 130.
 neruća 254.
 nesemo 212.
 нестера 253.
 nèćak 254.
 nèven 221.
 nevòd 254.
 nevòda 254.
 neznàbožac 47. 128.
 njihòv 107.
 Očivesto 218.
 odpamtivieka 175.
 ognjica 183.
 ognjičar 183.
 oliš 204.
 óšlji 199.
 ovzovina 267.
 oženka 151.
 ožig 157.
 Pàdalíšte 201.
 pàdina 201.
 palež 157.
 pasjáluk 209.
 pasjica 166.
 pàun-pero 120.
 pazder 166.
 pogànluk 209.
 posebár 107.
 pòstò 201.

pošlje 199.
 puč 255.
 pût 204, 211.
 prav 212.
 Pribidrug 129.
 Ribica 260.
 riboslip 260.
 run 212.
 ruh 212.
 Sebedrag 190.
 sebetjeh 190.
 skapulati 255.
 skût 158.
 snit 275.
 snijet 275.
 Sobemisla 190.
 stârmâli 121.
 sunice 275.
 svilêngaća 120.
 svrab 263.
 svrbjeti 263.
 Tálog 202.
 Tetumil 190.
 tîzîh, tîzijem, tîzîma
 29.
 tîrpeza 164.
 trzjak 164.
 tukoluk 128.
 Uzrok 209.
 šetândo 210.
 Veslo 199.
 Vlastimir 190.
 vògj 183.
 vògjo 183.
 vrtlog 263.
 Vùčitfn 121.
 vùčitfnskî 121.
 Zbisal'ie 129.
 zebra, zebrica 194.
 Zemidrag 190.
 zločinstvo 121.
 zmaj 195.

zobovina 267.
 zóva 267.
 zovina 267.
 Žara 223.
 žica 276.
 žila 276.
 žir 276.
 žubervoda 120.
 župa 241.
 župan 243, 245.
 жоуцьцин 242.

15. *Словинскій язикъ.*

Baran 261.
 bēz 267.
 bezdjina 267.
 bezēg 267.
 bēzg 267.
 blūze 208.
 brāv 262, 263.
 brlòg 264.
 brlòžiti 265.
 Cúka 250.
 Dam 207.
 dam nak 209.
 dlásna 199.
 dlésna 199.
 denok 210.
 desne 199.
 dételja 200.
 drma 258.
 dròg 256.
 Gáća 228.
 glih 210.
 gorjúp 165.
 grebsti 253.
 grzica 164.
 gúmno 235.
 gúna 235.
 gúno 235.
 gúnj, gúnja 232.
 gunjár 233.
 Indi 210.
 Janka 150.
 jarēb 148.
 jarebica 148.
 jasa 150.
 jaesen 150.
 jasika 150.
 jástran 187.
 jástreb 148.
 jástrob 148.
 jenka 150.
 jerēb 148.
 jerebica 148.
 jerebika 148.
 jesa 150.
 jesen 150.
 jesika 150.
 Krvolitje 183.
 krvoprelitje 183.
 kúca 251.
 kúček 251.
 kúja 251.
 Lepir 216, 217.
 luska 165.
 Mótriti 237.
 Nakdat 209.
 necój 214, 219.
 nečák 254.
 nečákinja 254.
 nejevólja 130.
 nejevoljec 130.
 netēčje 215.
 netēk 215.
 nocoj 219.
 Ognjegâsec 181.
 okomlg 180.
 okomfgljaj 180.
 Pâzdiha 188.
 pâzduha 188.
 pâznohet 185.
 pâzuha 188.
 póstol 202.

Rebika 148.
Skrlup 164.
sráb 263.
Terpati 253.
trpentínka 164.
Ud, ũd 212.
Škrjanec 145.
Zeba 194.
zěber 194.
zvínjak 260, 261.
zvínjenik 260.
žica 276.
žila 276.
žima 276.
žinja 276.
župánja 243.

16. Болгарскій языкъ.

Ала 210.
Баракъ 262.
брава 262.
брьлѡкъ 264.
Варокамнiе 122.
варъ 122.
Великденски 120.
входустiе 122.
Гаведина 235.
гаведъ 235.
гавранъ 145, 230.
гарванъ 145.
гащи 228.
гласоподавамъ 143.
гуна 232.
гѹра 234.
Дльбж 263.
добрвечеръ 120.
дряздѡкъ 257.
дрьмка 258.
држгъ 256.
Жила 276.
жиръ 276.
жица 276.

жукъ 236.
жюка 237.
жюна 237.
Зьми 195.
зьмя 195.
зжмчѹрж 195.
Катаднѣвенъ 209.
кѹчка 251.
кѹчя 251.
Лепиръ 216.
липиръ 216.
Нави 221.
навикъ 221.
нахъ 209.
невѣнъ 221.
незнабѡженъ 128.
Одъръ 258.
окомѣгване 180.
Пѡдало 201.
паднж 201.
паздѣръ 166.
пазнъ 185, 186.
пазнѡхти 185.
пазнѣхти 185.
пѡстрж 237.
пѡлагъ 202.
пѡлогъ 202.
пѡлугъ 202.
постѡлъ 202.
Рѣбумъ 148.
роблѹкъ 209.
Сиромашлѣкъ 209.
сколоврѡнецъ 144.
сколовранъ 146.
скѹта 158.
скуть 158.
срѣбро 205.
старѣсватъ 120.
старосвѡтъ 120.
Хлевѹсть 220.
Челякъ 162.
черѹпка 165.

чилигъ 162.
чурушка 165.
Яребица 148.
ястребъ 148.

17. Церк.-слав. языкъ.

Баранъ 261.
баснь 273.
басъ 186.
болѣсть 220.
баранъ 261.
бравъ 262.
бучати 228.
Влькъ 211, 212.
вѣгласъ 129.
вѣгодый 130.
вѣсъ 186.
вж 208.
въ 208.
Галица 146.
галка 146.
глаголъ 146.
говьно 226.
говдо 226.
господъ 230.
грамти 147.
гумьно 234.
-гъда, гъды 196.
гжсь 274.
Двьрь 274.
десна 199.
добродѣй 116.
домъ 206.
дрозгъ 268.
дрѣколие 258.
дѣво 213.
дѣбъ 204.
дѣбръ 204.
Жизнь 276, 273.
жила 276.
жица 276.
жоуца 245.

жоупиште 240, 245.
Звѣрь 274.
 здравъ 255.
 землянь 193.
 зима 195.
 зми 195.
 жбъ 199.
Жлаколь 146.
 коловратъ 180.
 корь 270.
Мати 277.
 мене 212.
 мысль 199, 220.
 мышъ 274.
 мянж 234.
Навь 222.
 невѣста 217, 218, 219,
 220.
 невѣсть 218.
 несеть 211.
 нетій 252, 254.
 немвѣрь 130.
 немсыть 130.
 немговѣрьнь 130.
 нога 185.
 ногъть 185.
 носъ 271.
 ношть 214, 274.
Паздуха 187.
 пазногъть 185, 200.
 пазнокъть 185.
 пазуха 187, 188.
 подьѣга 230.
 подь 200, 203.
 пра 208.
 прягъ 263.
 про 204, 208.
 простъ 231.
 прѣгъви 263.
 пѣсьнь 273.
 пѣшь 201.
Рабе 213.

рабыни 247.
 рубъ 225.
 рыба 259.
Сила 135.
 сковраныць 144.
 скралупа 164.
 скралупшта 165.
 скоуть 158.
 слово 208.
 сокъ 157.
 срьдьце 274.
 сѣно 208, 212.
 съ 208, 274.
 сьребро 205.
 сж 208, 274.
Тебе 212.
 тела 248.
 то 208, 212.
 тѣмъ 29.
 тѣти 111.
Чись 186.
 чюяти 250.
Мрабъ 155, 156.
Ю 212.
 юлень 153, 274.
 юлеве 270, 274.
Ж 208.
 жзъкъ 174.

18. *Др.-индійскій яз.*

ahas 174.
 ajás 81.
 ajāmi 81.
 agnāyī 106.
 aktá 214.
 avēdja 218.
 asrg 268, 275.
 asnás 275.
 aṣvaṣūj 116.
 asáu 29.
 āmād 137.
 āmuṣyāyaṇá 172.

prabdás 201.
 uṣakalas 145.
 ṛṣya 111.
 enas 153.
 karīñjālas 157.
 kapotás 157.
 kara 113.
 kalāvikas 145.
 kula 159.
 kṣām 192, 258.
 gavayás 226.
 gavalas 226.
 gavīñī 226.
 gavyas 226.
 gavyūtis 226.
 gām 226.
 gīr 278.
 gūtha 226.
 gō-ajana 225.
 gōna 231.
 gōnā 231.
 gōnikā 231.
 gōñī 226, 231, 232.
 gōṇō ср.-инд. 226.
 gōra 243.
 gōrā 226, 245.
 gōla 234.
 gōṣṭha 206, 231.
 gōṣṭpada 230.
 gāuṣ 225.
 gnāspāti 168.
 cirajivaka 163.
 jambālas 194.
 jambhas 199.
 jā 168.
 jāspāti 168, 230.
 jiyā 277.
 jivā 81.
 jīvati 81.
 jōṣtar 236.
 jyā 277.
 jmán 193.

jmáya 193.
 jmás 192.
 jmá 192.
 tanū 243.
 tanūpā 243.
 tanūpāna — 243.
 talam 202.
 tūrās 111.
 tūlam 111.
 tribhuj 268, 269.
 tribhujā 268.
 datās 198.
 dan 114, 198, 204.
 dāntam 198.
 damas 206.
 dé вед. 204.
 dōš 187.
 drumas 257.
 dhruvās 255.
 naktām 214.
 naktā 113.
 nákti- 214.
 nakhās 185.
 nádbhyas 252.
 nápat 252.
 nácyati 222.
 nāvam 223.
 nāū- 223.
 nídhruvi 255.
 pacatitarām 107.
 pati 244.
 pátirdán 204.
 pattī- 200.
 padā 230.
 padatalē 201.
 padám 200.
 padās 200.
 padyate 200.
 padātas 200.
 pāt 201.
 pātā 245.
 pāti 245.

pādām 201.
 pādáyati 201.
 pāna 243, 244, 245.
 pāyú- 245.
 bukkāra 228.
 br̥haspāti 173.
 bhága 81.
 bhájati 81.
 bhīru 205.
 bhujā 268.
 bhujan̄ga 268.
 bhujam̄gakhātini 268.
 bhujam̄gapamanī 268.
 bhujam̄gapar̄ṇini 268.
 bhujaga 268.
 bhujagā 268.
 bhujā 268.
 mahādhanám 119.
 mahāvīrās 119.
 m̄dhas 181.
 yad 212.
 ráthaspāti 172.
 rāyāskāma 172.
 rūpjam 205.
 lābas 155.
 vānaspāti 172.
 vasnā 220.
 vāta 243.
 vātapāna 243.
 vēttar 218.
 vēdanam 218.
 çakuna 157.
 çatagu 226.
 çirçā 111.
 çunaskar̄ṇa 174.
 çūnahçēpa 174.
 çr̄ṅga 268.
 çēpa 174.
 çvātrā 160.
 çvētā 205.
 šubhrām 205.
 sātpati 173.

sādaspāti 173.
 siras 205.
 su — 256.
 suargā 268.
 sudrūs 255.
 sūkarā — 247.
 sūs 247.
 himā 196.
 hīmā 196.
 hēman 196.
 19. *Иранские языки* ¹⁾.
 āzah ав. 174.
 ørøzi ав. 229.
 uvārazmiya др. - перс.
 193.
 uvārazmiš др. - перс.
 193.
 ūšbā аог. 244.
 uzmayāpatiȳ др. - перс.
 193.
 kar̄ṇjar бел. 157.
 kebk н.-перс. 157.
 qēog ав. 114.
 qūg оссет. таг. 226.
 khui, khuj оссет. 251.
 khuy оссет. 251.
 khshathrapāvā др.-
 перс. 244.
 gavāz ав. 225.
 Gaubruva др.-перс.
 226.
 gāuš ав. 225.
 gēuš ав. 236.
 gōk бел. 225.
 γog оссет. диг. 226.

¹⁾ ав. — авеста, др.-перс. — древне-персидский, пехл. — пехлевийский, н.-перс. — новоперсидский, афг. — афганский, бел. — белуджистанский, курд. — курдский, оссет. — оссетинский.

gōg н.-перс. 226.
 ġoba аог. 243.
 ġōbā аог. 244.
 gōbān н.-перс. 243.
 gufrō ав. 246.
 gūtha ав. 226.
 ġvā аог. 225.
 ġva ав. 277.
 dantan ав. 198.
 dēng ав. 114.
 dēng patōiṣ ав. 204.
 doš н.-перс. 188.
 daenāvazah ав. 135.
 daōša ав. 188.
 demānem ав. 207.
 patipadam др.-перс.
 200.
 pād бел. 200.
 pādα ав. 201.
 padam ав. 200.
 parštīpāna др.-перс.
 244.
 pal аог. 200.
 pā н.-перс. 201.
 pāi н.-перс., курд. 201.
 pāi пехл. 201.
 pāyak пехл. 201.
 pāsban н.-перс. 244.
 pēshu-rāna ав. 244.
 pād бел. 201.
 būza ав. 248.
 fad оссет. 200.
 frabda ав. 201.
 napā ав. 252.
 nafshū ав. 252.
 nasuṣ ав. 222.
 nāiri ав. 106.
 nāve аог. 220.
 nāhun н.-перс. 185.
 nau сѣв.-бел. 220.
 nipadiy ав. 200.
 nostā оссет. 217, 280.

nmanem ав. 207.
 nvostā оссет. 217, 280.
 mālybā аог. 244.
 vaēsmōnda ав. 208, 213
 rānapāna ав. 244.
 šarān ср.-перс. 244.
 šabān н.-перс. 244.
 shoithrō-rānō ав. 244.
 šīpānk бел. 244.
 šuturwān н.-перс. 244.
 šubān н.-перс. 244.
 zaḥxa оссет. 192.
 zaḡm ав. 192.
 zamik пехл. 192.
 zemī, zemīn н.-перс.
 192.
 zemō ав. 192.
 zimō ав. 196.
 zimai ав. 196.
 zmāka аог. 193.
 zyaō ав. 196.
 hamāpitar др.-перс.
 116.
 hauv др.-перс. 29.
 hāu ав. 29.
 hik бел. 248.
 xu, xui оссет. 248.
 hū ав. 247.
 xūk н.-перс. 247, 248.
 xūg аог. 248.

20. *Армянскій языкъ.*

atamn 198.
 buc 248.
 gavazan 225.
 garn 270.
 eln 153.
 eutn 222.
 kogi 226.
 koy 226.
 kov 226.

hav 222.
 het 201.
 jukn 259.
 miorji 229.
 nauṭi 222.
 špet 244.
 paštīpan 244.
 sag 157.
 tun 204.
 otu 200.

21. *Греческій языкъ.*

ἀγοραῖος 106.
 ἀγριέλατος 119.
 ἀγρόνδε 208.
 ἀγρός 118.
 ἄγω 81.
 ἀερίουκος 118.
 ἀκτίς 214.
 ἀνεψίος 252.
 ἀρείφατος 118.
 αἶτη 29.
 βάριον 262.
 βάριχοι 262.
 βίωμαи 81.
 βίος 277.
 βλάσφημος 181.
 βόλινθος 227.
 βεός 226.
 Βόσπιорος 226.
 βουκόλος 226.
 βουληφόρος 135.
 βοῦς 225.
 βουκάνη 228.
 βόκτης 228.
 βῶν 226.
 γευστήριον 236.
 γλαυκῶς 46.
 γόμφος 199.
 γοῦνα 232, 233.
 γουνάρις 233.

γύπη 245.
 Γωβρόας 226.
 δάπεδον 169. 204. 206.
 δέ 213.
 δεσπότης 114. 168. 204.
 διήσοτος 173.
 δίφρος 205.
 δόμος 206.
 δομή 206.
 δύρου 255.
 δριά 257.
 δρίας 257.
 δροόν 255.
 δρυμά 257.
 δύστος 231.
 δύσχιμος 196.
 δῶ 204. 214.
 δῶμ 214.
 δῶρον 197.
 Φικατίπεδος 201.
 ἔαρ 275.
 ἔδνα 220.
 ἔδνα 220.
 ἑκατόμβη 226.
 ἔλαφος 111. 153.
 ἔλλός 153. 270.
 ἔνδον 208.
 ἐπίβδαι 201.
 ἥμισος 106.
 θυράνδε 213.
 θύρδα 210.
 ἰκτίνος 258.
 ἰκτίς 258.
 ἰχθυόβλος 258.
 ἰχθυόδιον 258.
 ἰχθυομέδων 258.
 ἰχθύς 258.
 καλέω 146.
 κατὰ 209 (κάθε)
 κέρας 111.
 κολοίς 145.
 κόψιχος 144.

κτίς 258.
 κύκνος 157.
 λέβινθος 228.
 λόβιον 228.
 λοχαγος 81.
 μεσοδμη 207.
 μεσόμνη 207.
 μήσομαι 112.
 μήν 113.
 μῦθος 199.
 ναῦς 223.
 νέκος 222.
 νενευκέναι 219. 222.
 νεός 219.
 νεῦς 223.
 νῆα 223.
 ὄα 241.
 ὀδοῦς, ὀδών 198.
 ὄζος 269.
 οἶα 241.
 οἰκονδε 208.
 ὀλίγος 112.
 ὀρφνος 155.
 ὄρχις 229.
 ὀσφραίνομαι 181.
 οὔτος 29.
 πάλλαξ 160.
 πᾶμα 160.
 πεδὰ 201.
 πέδον 81. 201. 203.
 πεζός 201.
 ποδός 200.
 ποιμήν 271.
 πόλυβος 226.
 πούς 201.
 πώς 201.
 σέλας 205.
 σέλμα 205.
 σκοῖπος 174.
 στραταγός 81.
 σῶς 205. 247.
 τηλία 202.

τηρέω 111.
 τοῖσδεσσι 28.
 τύλος 111.
 τῶνδεων 28.
 ὕς 205. 247.
 φαγεῖν 81.
 φερέοικος 131. 168.
 φηγός 268.
 χαμαί 192.
 χεῖμα 196.
 χεῖρ 113.
 χθαμαλός 192.
 χθές 258.
 χθών 192. 258.
 χιών 195. 196.
 χώρας 168.
 ὤμηστῆς 137.
 ὠνος 220.

22. *Италийские и романские языки* ¹⁾.

Abat-jour φρ. 46.
 accipiter 157.
 agō 81.
 ad 210.
 apta 269.
 āreo 152.
 assir 276.
 assir 268. 276.
 atrōx 46.
 avis 222.
 avta 269.
 avus 222.
 bero, berr ит. 262.
 bimus 196.
 boit-tout φр. 46.
 bōs 225.
 cardone ит. 255.

¹⁾ φр. — французскій, ит. — итальянскій, латинскій — не означається, умбр. — умбрійскій.

chien-loup фр. 45.
 cizze ит. фриул. 251.
 cippus 174.
 cocomego ит. 255.
 collare ит. 255.
 comino ит. 255.
 cornu 268.
 crēber 205.
 crēdo 114.
 succio ит. 251.
 dentis 198.
 desso ит. 29.
 domus 206.
 dōnec 210.
 dupursus умбр. 201.
 endo 210.
 equa 153.
 fāgus 268.
 familias 168.
 ferōx 46.
 gousso фр. 251.
 gunna 232. 233.
 hemo (homo) 192.
 hiems 195. 196.
 humilis 192.
 humus 192.
 ipse (hic-, is-) 29.
 iste ille 29.
 lavābrum 205.
 macer 112.
 mallavium 114.
 mensi 113.
 metior 112.
 morena ит. 255.
 naufragus 223.
 navis 224.
 nāvem 223.
 neboda венец. ит. 254.
 neroatā рум. 254.
 nerōs 252.
 nex 222.
 noctis 214.

nox 113.
 odor 181.
 oppidum 201.
 ornus 268. 269.
 peda 201.
 pedes 201.
 pedester 201.
 pedis 201.
 perum умбр. 81.
 pēs 201.
 pever ит. ломбард. 254.
 pierre-ponce 45.
 pīcus 167.
 plēbējus 166.
 pozzo 255.
 pullus 199.
 quando 213.
 riva ит. ломб. 254.
 robe фр. 225.
 rōbur 155.
 rompt-pierre фр. 46.
 sabūcus 269.
 sambucus 269. 273.
 sappus 199.
 scāla 199.
 scapolare ит. 255.
 scova ит. ломб. 254.
 septem 222.
 simplex 115.
 suinus 247.
 sūs 247.
 suum 248.
 teint-vin 46.
 venum 220.
 verbum 153.
 viro 81.
 vivus 81.

23. Кальтские язгы¹⁾.
 Bó ир. 225.
 boss ир. 248.
 bōs ир. 226.
 both др.-ир. 174.
 bou ир. 225.
 boutig др.-брет. 226.
 buachail ир. 226.
 buch др.-ким. 226.
 damliacc ир. 206.
 dant ким. 198.
 Dēvognāta гал. 116.
 det ир. 198.
 do ир. 208.
 doe ир. 188.
 due ир. 204.
 durno кельт. 187.
 eddwyd ким. 201.
 elain ким. 153.
 elit др.-ир. 111, 153.
 gaem др.-ким. 196.
 gem ир. 196.
 gi ким. 277.
 Giamillus гал. 196.
 giamo кельт. 195.
 grau-berla ир. 147.
 hoch корн. 247.
 hweh ким. 247.
 innocht др.-ир. 214.
 naffin ср.-брет. 222.
 naon ср.-брет. 222.
 nau др.-ир. 223.
 newyn ким. 222.
 poine ир. 222.
 puna ир. 222.
 socc-sail ир. 248.
 tal корн.-ким. 202.

¹⁾ *Дил.* — галльский, *ир.* — ирландский, *брет.* — бретонский, *корн.* — корнваллийский, *ким.* — кимврийский, *др.* — древне, *ср.* — среднее.

24. *Германскіе языки*¹⁾

Aalraupe 259.
 aggvus гот. 174.
 æt англ.-сакс. 210.
 apan др.-в.-н. 152.
 askr др.-сѣв. 268, 269.
 at др.-исл. 210.
 awistr гот. 206.
 az др.-в.-н. 210.
 Bacenis (silva) герм. 268.
 barah др.-в.-н. 263.
 barg др.-в.-н. 263.
 barre шв. 263.
 bärse шв. 263.
 barug др.-в.-н. 263.
 bearg англ.-сакс. 263.
 boc др.-в.-н. 248.
 borgr др.-исл. 263.
 brusi др.-исл. 263.
 buohna др.-в.-н. 268.
 dregg др.-сѣв. 257.
 dūmo др.-в.-н. 111.
 ēlch др.-в.-н. 111.
 eorп англ.-сакс. 155.
 fasa др.-в.-н. 166.
 tata др.-исл. 200.
 fazwesca др.-в.-н. 200.
 feta др.-сѣв. 81.
 fet др.-исл. 201.
 fēt др.-англ. 115.
 fat др.-исл. 201.
 fōt др.-англ. 201.
 fōtr др.-сѣв. 115, 201.
 fōtom др.-исл. 201.

¹⁾ *Гот.* — готскій, *др.-в.-нѣм.* — древне-верхне-нѣмецкій, *др.-исл.* — древне-исландскій, *др.* — сѣверный, *англо-саксонскій*, *древне-саксонскій*. Новое-нѣмецкій не означается.

fōt др.-сакс. 201.
 fotus гот. 201.
 fuoz др.-в.-н. 201.
 gardavaldans гот. 116.
 galan др.-в.-н. 146.
 gyus др.-швед. 259.
 gomo др.-в.-н. 192.
 gös н.-швед. 259.
 gumā гот. 192, 195,
 gumā др.-англ. 192.
 gume др.-исл. 192.
 gumo др.-сакс. 192.
 habuh др.-в.-н. 157.
 halōn др.-в.-н. 146.
 hœle англ.-сакс. 160.
 helid др.-в.-н. 160.
 helith др.-сакс. 160.
 Hundsfott 174.
 iarpe др.-исл. 155.
 iarpr др.-исл. 155.
 kambr др.-сѣв. 199.
 kofe др.-сѣв. 245.
 kō др.-сакс. 115.
 krāwa др.-в.-н. 147.
 crāwe англ.-сакс. 147.
 cu др.-англ. 115.
 cū др.-англ. 226.
 cū англ.-сакс. 225.
 kú др.-исл. 226.
 kuo др.-в.-н. 115, 225.
 chuo др.-в.-н. 226.
 kūt др.-сѣв. 115.
 lahan др.-в.-н. 159.
 lachen ср.-в.-н. 159.
 Lacken 159.
 las, lase дат. 158.
 lask швед. 158.
 Nach 209.
 nahtam гот. 215.
 nahtigala др.-в.-н. 146
 nahts гот. 214.
 nār др.-сѣв. 222.

naus гот. 222.
 naust др.-сѣв. 115,
 223.
 nauths гот. 222.
 nefe др.-сѣв. 252.
 nidhdhæs англ.-сакс.
 253, 244.
 nidhr др.-сѣв. 254.
 nithjis гот. 253, 254.
 nō, nōt др.-исл. 223,
 224.
 nō н.-швед. 223.
 onn др.-сѣв. 152.
 pful др.-в.-н. 194.
 Postdampfersubven-
 tionsvorlage 47.
 Präsidentschaftswahl-
 kampf 46.
 Raub 225.
 rebahuon др.-в.-н. 155.
 reaf. англ.-сакс. 225.
 reyfi исп. 225.
 sái гот. 29.
 sebede срвн. 269.
 selmo др.-сакс. 205.
 seolfog англ.-сакс. 205.
 seolubr англ.-сакс. 205.
 silbar дрвн. 205.
 silubar др.-сакс. 205.
 silubr гот. 205.
 skauts гот. 158.
 spēh дрвн. 167.
 sū англ.-с. дрвн. 247.
 sugga н.-шв. 248.
 sugu англ.-сакс. 248.
 svein гот. 247.
 svín др.-сѣв. 247.
 swin англ.-сакс. 247.
 swin дрвн. 247.
 sūt др.-сѣв. 247.
 tand др.-сакс. 198.
 timbar др.-сакс. 204.

timber англ.-сакс. 204.
timbr др.-исл. 204.
tindr др.-исл. 198.
to др.-сакс. 210.
tomt др.-исл. 204.
topt др.-исл. 204, 206.
toth англ.-сакс. 198.
tunthus гот. 198.
than др.-сакс. 213.
thana гот. 213.
dhóm др.-англ. 29.
theim др.-сѣв. 29.

dhon англ.-сакс. 213.
ūhtwo гот. 214.
unte гот. 213.
Vierwaldstätterseesch-
raubendampfschiffge-
sellschaft 46.
wate срвн. 222.
veig др.-сѣв. 163.
za дрвн. 210.
zand дрвн. 198.
ze срвнѣм. 213.
zi срвн. 213.

zint срвн. 198.
zu 208.
zuo дрвн. 210.

25. *Албанскій языкъ.*

bof 263.
dimen 196.
de 192.
gal'e 146.
herde 229.
kutš 251.
nate 214.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>стр.:</i>	<i>строка:</i>	<i>вмѣсто:</i>	<i>нужно:</i>	
2	13	снизу	языкамъ	языкамъ
15	2	сверху	дѣятельность". Иное...	дѣятельность. "Иное...
15	6	"	безформеино	безформенно
20	4 и 5	снизу	агглюцинація	агглютинація
23	19	"	сношеніе	отношеніе
29	4	"	латинскихъ и христіа- скихъ	латинскихъ христіан- скихъ
35	17	сверху	аналогія	аналогіи
46	21	"	boit-tout	boit-tout
49	13	снизу	amaḡi	amaḡi
54	7	сверху	язъ	изъ
61	17	"	Есперсеномъ	Есперсень
63	2	снизу	amaḡi	amaḡi
85	2	сверху	g + e + j + l	g + e + j + l
85	15	"	суффиксы	суффикса
116	6	"	aḡva	aḡva
120	12	"	камендалски	камендолски
121	18	"	воучинга	воучинга
124	17	"	возовозъ	водовозъ
128	11	"	незнабожацъ	незнабожац
129	20	"	глаголяной	глагольной
136	22	"	dēnādaržys, pirmagalys	dēnādarbys, pirmagulys
144	3	"	dagagayidis	dagagaydis
144	5	"	alkskanke	abkskanke
147	23	"	kāvārnis	kāvārnis
148	15	"	éla	éba
152	8	"	ašictras	ašietras

<i>стр.:</i>	<i>строна:</i>	<i>вжъсто:</i>	<i>нужно:</i>
153	28	др.-пр.	др.-пр.
159	13	лохмоника	лохмонина
160	5	снѣзу	člověkъ
161	2	свѣрху	слѣдующимъ
169	7	снѣзу	wstanje
173	5	свѣрху	sádaspáti
179	примѣчаніе сильно искажено опечатками. Слѣдуетъ читать: „Litauische Märchen und Erzählungen. Aus dem Volke gesammelt und in verschiedenen Dialekten, besonders in der Galbraster Mун- dart mitgeteilt von C. Jurkschat, Pf. Heidelberg. 1898.		
180	8	снѣзу	fpleteršnik
181	3	свѣрху	vдесумѣну
197	1	снѣзу	wurzelergw.
206	13	здѣсь	сюда
208	11	свѣрху	детъ
257	4	снѣзу	д р о г-

3 2044 024 216 459

